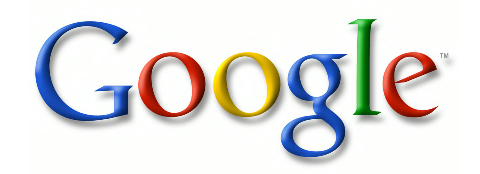

Баронъ А. Э. НОЛЬДЕ
Приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ КОДИФИКАЦІИ МѢСТНЫХЪ ГРАЖДАНСКИХЪ ЗАКОНОВЪ ПРИ ГРАФѢ СПЕРАНСКОМЪ.

ВЫПУСКЪ I.

Попытка кодификаціи литовско-польскаго права.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1906.

Баронъ А. Э. НОЛЬДЕ
Приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета.

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРІИ КОДИФИКАЦІИ
МѢСТНЫХЪ ГРАЖДАНСКИХЪ ЗАКОНОВЪ
при
ГРАФѢ СПЕРАНСКОМЪ.

ВЫПУСКЪ I.

Попытка кодификаціи литовско-польскаго права.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1906.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія,
за 1906 и 1907 гг.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Сокращеніе „А. Г. С.". означаетъ „Архивъ Государственнаго Совѣта"; въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ болѣе подробныхъ указаній, а приведенъ только номеръ дѣла, имѣется въ виду дѣло бывшаго II Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, дѣла котораго хранятся теперь въ Архивѣ Государственнаго Совѣта.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Для исторіи русскаго гражданскаго права кодификація мѣстныхъ законовъ при Сперанскомъ представляетъ не только чисто спеціальный интересъ. Всѣ своды Сперанскаго составлены, какъ извѣстно, по одному и тому же плану и по тѣмъ же самымъ правиламъ, а насколько удачны и цѣлесообразны были эти правила,—это можно прослѣдить именно на работахъ по кодификаціи мѣстныхъ правъ. Здѣсь кодификаторамъ пришлось встрѣтиться съ развитыми системами права (напр. остзейское), основанными на разнообразныхъ источникахъ, а методы обработки имъ были предписаны такіе же, какъ и для общеимперскаго. Далѣе, изученіе мѣстной кодификаціи даетъ возможность сопоставить работу Сперанскаго съ иностранными кодификаціями, гдѣ переработкѣ подлежалъ однородный матеріалъ, но задача была выполнена совершенно иначе. Съ этой точки зрѣнія особенно поучительно составленіе свода остзейскаго права.

Но прежде чѣмъ обращаться къ результату, необходимо изучить самую работу — только тогда будетъ возможно сравненіе съ чужеземными памятниками и полная оцѣнка трудовъ Сперанскаго.

Въ ученой литературѣ извѣстно только немногое о дѣйствительно затраченныхъ усиліяхъ и для изученія ихъ, надо обратиться къ архивнымъ даннымъ. Въ настоящемъ изслѣдованіи описана исторія кодификаціи всего мѣстнаго права Западныхъ губерній, во всемъ его объемѣ, такъ какъ при выдѣленіи одного гражданскаго нельзя было бы дать полнаго представленія о ходѣ работъ II Отдѣленія. Изложеніе кодификаціи мѣстнаго права слѣдовало начать съ этой ея отрасли, такъ какъ о ней въ литературѣ нѣтъ рѣшительно ничего.

Трудъ автора, которому пришлось имѣть дѣло съ разнообразнымъ и неизслѣдованнымъ еще матеріаломъ, былъ значительно облегченъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію многихъ лицъ, обширныя и разносторонняя познанія которыхъ служили ему постоянной опорой въ его изысканіяхъ. Благодаря указаніямъ Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Бычкова, С. Л. Пташицкаго и Н. Д. Чечулина, автору удалось остановиться на нѣкоторыхъ вопросахъ, которые иначе могли бы ускользнуть отъ его вниманія, и удалось избѣжать многихъ опрометчивыхъ сужденій. Со стороны г. Государственнаго Секретаря, барона Икскуль-фонъ-Гильденбандта, всѣхъ чиновъ Архива Государственнаго Совѣта, Статсъ Секретаря Отдѣленія Свода Законовъ, С. Ф. Расселли и экспедитора этого Отдѣленія А. И. Попова и его помощника, А. В. Гордова, авторъ встрѣтилъ самое радушное отношеніе и самую любезную помощь.

Авторъ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ принести глубокую благодарность всѣмъ этимъ лицамъ, участіе которыхъ было такъ драгоцѣнно для его работы.

По мысли Сперанскаго, наряду съ громаднымъ Сводомъ Законовъ, вмѣщающимъ въ себѣ все объективное право Россійской имперіи, должны были быть изготовлены два особенныхъ свода, одинъ для губерній Западныхъ, другой для Остзейскихъ [1]), и въ нихъ должны были быть помѣщены мѣстные законы, дѣйствующіе только въ этихъ областяхъ. Этому замыслу Сперанскаго не суждено было осуществиться въ полномъ объемѣ. Сводъ Остзейскихъ Законовъ, правда, былъ изготовленъ и распубликованъ, хотя уже много лѣтъ послѣ смерти великаго кодификатора, а Сводъ для Западныхъ губерній, который долженъ былъ быть законченъ, по словамъ Сперанскаго, въ теченіе 1833 года и въ томъ же году „поступить на ревизію" [2]), никогда не получилъ силы закона. И если пытливый читатель „Обозрѣнія историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ" поинтересуется получить болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой работѣ, то въ литературѣ онъ не найдетъ почти никакихъ данныхъ. Даже больше того: невольно у него возникнетъ нѣкоторое недовѣріе къ тѣмъ словамъ „Обозрѣнія", гдѣ говорится объ успѣшности работъ по этому кодексу, если онъ посмотритъ во второе изданіе (1837 г.) этого предисловія къ Своду Законовъ: онъ можетъ прочесть въ немъ буквально то же самое, что и въ первомъ, именно что Западный Сводъ „будетъ оконченъ въ настоящемъ (слѣдовательно, 1837 г.) и поступитъ на ревизію" [3]). Иначе говоря, можетъ остаться впечатлѣніе, что за четыре года это дѣло, „находящееся въ полномъ движеніи", не сдвинулось съ мѣста.

---

[1]) См. Обозрѣніе историч. свѣдѣній о Сводѣ Законовъ, изд. 1833 г., стр. 112.
[2]) Тамъ же, стр. 185.
[3]) Обозрѣніе, изд. 1837 г., стр. 185.

Въ литературѣ и распубликованныхъ матеріалахъ встрѣчаются указанія на то, что въ работахъ по кодификаціи литовско-польскаго права принималъ видное участіе профессоръ Харьковскаго университета Даниловичъ, и въ біографіяхъ этого ученаго можно найти отрывочныя свѣдѣнія о ходѣ работъ по Западному Своду. Можно, далѣе, по другимъ матеріаламъ установить, что сводъ былъ въ самомъ дѣлѣ оконченъ, но „обнародованіе его не осуществилось за начавшимися тогда же соображеніями о распространеніи на возвращенныя отъ Польши губерніи общихъ русскихъ законовъ, что, какъ извѣстно, и послѣдовало въ 1840 г.“ [1]).

Въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей“ [2]) опубликована записка неизвѣстнаго автора, представленная императору Николаю I и содержащая критику Западнаго Свода. Но даже если собрать всѣ данныя, разбросанныя въ біографіяхъ Даниловича, изслѣдованіяхъ по исторіи западнаго края и другихъ сочиненіяхъ, данныя,—слѣдуетъ отмѣтить здѣсь же—далеко не всегда точныя, то все же не только не получится никакой общей картины, но даже и никакого представленія о ходѣ работъ, произведенныхъ во II Отдѣленіи, подъ руководствомъ Сперанскаго.

Это отсутствіе свѣдѣній о Западномъ Сводѣ не удивительно. Проектъ свода не получилъ силы закона, а потому и самъ проектъ и всѣ прочіе труды составителей свода остались „при дѣлахъ“, какъ чисто теоретическіе матеріалы. Проектъ „Свода мѣстныхъ законовъ Западныхъ губерній“, отпечатанный въ 1837 году, былъ изготовленъ всего въ количествѣ 50 экземпляровъ [3]); въ такомъ же количествѣ было издано и „Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о составленіи Свода мѣстныхъ законовъ Западныхъ губерній“, вышедшее въ 1837 г., и теперь эти изданія представляютъ великую библіографическую рѣдкость.

Мнѣ извѣстенъ только одинъ экземпляръ свода, принадлежащій библіотекѣ С.-Петербургскаго университета, а печатнаго экземпляра „Обозрѣнія“ я не могъ найти ни въ одной библіотекѣ [4]). По счастью,

---

[1]) Краткій очеркъ дѣятельности II Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи за 50 лѣтъ, Спб., 1876 г., стр. 31.

[2]) За 1866 г., кн. 1, смѣсь, стр. 102 и слѣд.

[3]) См. отчетъ Государственной типографіи въ дѣлѣ II Отд. С. Е. И. В. К. № 50 1839 г. (1396) (хранится въ архивѣ Государственнаго Совѣта).

[4]) Это „Обозрѣніе“ также имѣлось одно время въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета (см. каталогъ русскихъ книгъ, т. I, 1897 г., стр. 560), но теперь его

въ архивѣ Государственнаго Совѣта сохранился рукописный оригиналъ [1]) этого цѣннаго труда кодификаторовъ, которымъ я и могъ воспользоваться для моей работы.

Вслѣдствіе такой рѣдкости изданій, касающихся работъ по кодификаціи литовско-польскаго права, вполнѣ понятно, что на эту работу такъ мало обращено вниманія въ наукѣ. Объ этомъ можно только пожалѣть. Составленію параграфовъ проекта предшествовала долгая, упорная и трудная работа по уясненію права, дѣйствовавшаго въ началѣ XIX столѣтія на западной окраинѣ, и по разработкѣ исторіи его. Печально, что результаты этихъ усилій пропали совершенно безъ пользы для послѣдующихъ изслѣдователей, печально, что пришлось снова добывать то, что однажды уже было завоевано. Теперь, при современномъ состояніи изученія западной старины и, въ частности, литовско-польскаго права, за послѣднее время сдѣлавшаго такіе огромные успѣхи, работы кодификаторовъ уже не даютъ ничего новаго. Благодаря дружнымъ усиліямъ мѣстныхъ историковъ и юристовъ, съ такимъ достойнымъ уваженія патріотизмомъ и рвеніемъ принявшихся за изученіе архивныхъ и другихъ матеріаловъ, приложившихъ къ разработкѣ родной старины всѣ методы современной критики, теперь, когда матеріалъ для сравнительнаго изслѣдованія стариннаго права возрастаетъ съ неимовѣрной быстротой, теперь результаты кодификаціонныхъ работъ, сдѣланныхъ въ тридцатыхъ годахъ, представляются блѣдными и мало обоснованными. Но въ свое время они составляли значительный шагъ впередъ и могли съ полнымъ основаніемъ претендовать на очень видное мѣсто, даже на первое мѣсто въ ряду тогдашнихъ ученыхъ работъ. Но если онѣ утратили непосредственное значеніе, то во всякомъ случаѣ и въ на-

---

тамъ болѣе нѣтъ. Проекта и Обозрѣнія не оказалось ни въ одной петербургской библіотекѣ (кромѣ, какъ указано, библіотеки университета); нѣтъ этихъ изданій и въ провинціальныхъ книгохранилищахъ. Въ біографіи Даниловича, помѣщенной въ Tygodnik Illustrowany, 1871 года, авторъ жизнеописанія, *Маврикій Круковичъ*, говоря о рѣдкости „Проекта", упоминаетъ, что видѣлъ одинъ экземпляръ у Малиновскаго, доставшійся ему отъ Кукевича (одного изъ участниковъ составленія свода), см. стр. 286.

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, дѣла б. II Отдѣленія, № 587. Въ дальнѣйшемъ изложеніи ссылка прямо на архивъ Государственнаго Совѣта, въ которой указанъ только номеръ дѣла, означаетъ ссылку на дѣло бывшаго II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, архивъ котораго хранится теперь при архивѣ Государственнаго Совѣта. Цифра, помѣщенная въ скобкахъ, указываетъ валовой номеръ по описи.

стоящее время онѣ заслуживаютъ почетное мѣсто въ исторіи литературы литовско-польскаго права.

Поэтому, встрѣтившись съ архивнымъ матеріаломъ, прямо относящимся къ исторіи составленія Свода Западныхъ законовъ, я счелъ себя обязаннымъ собрать воедино всѣ добытыя мною данныя и сопоставить этотъ сырой архивный матеріалъ съ другими свѣдѣніями, которыя уже извѣстны въ литературѣ.

Исторія усилій по приведенію въ порядокъ права, дѣйствовавшаго на западной окраинѣ, какъ мнѣ кажется, заслуживаетъ вниманія по различнымъ причинамъ.

Для историка литовскаго права кодификація при Сперанскомъ можетъ представлять интересъ съ двухъ точекъ зрѣнія. Во первыхъ, онъ будетъ искать въ ней итогъ внутренняго развитія литовско-польскаго права къ тридцатымъ годамъ XIX вѣка, описаніе внутренняго строенія институтовъ, изъ которыхъ оно слагалось, — въ томъ видѣ, въ какомъ они представлялись свѣдущимъ людямъ этого времени. И далѣе, во-вторыхъ, эта кодификація можетъ интересовать его, какъ послѣдній эпизодъ самостоятельной жизни этой правовой системы. Всѣ дѣйствующіе остатки древнихъ источниковъ были собраны въ одинъ кодексъ, который долженъ былъ дать имъ крѣпкое обоснованіе, обезпечить за ними внѣшній авторитетъ и, въ связи съ этимъ, придать имъ новую силу. Но этотъ послѣдній расцвѣтъ оказался гибельнымъ; собраніе мѣстнаго права въ единомъ кодексѣ, законченное немного лѣтъ послѣ бурнаго 1830 года, привлекло недоброжелательное вниманіе и мѣстныхъ властей и центральнаго правительства. Попытка упорядочить и закрѣпить на будущія времена мѣстные законы только споспѣшествовала окончательной отмѣнѣ всѣхъ мѣстныхъ юридическихъ особенностей, выразившейся въ указѣ 25-го іюня 1840 г.

Однако не вся работа кодификаторовъ погибла окончательно; нѣкоторые остатки Западнаго Свода живы и понынѣ въ правѣ малороссійскихъ губерній. Только въ связи съ исторіей Западнаго Свода можно объяснить появленіе во II изданіи Свода Законовъ тѣхъ остатковъ литовскаго права, которые сохранили силу въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской. Въ этомъ смыслѣ историческія изысканія могутъ оказаться полезными для изученія дѣйствующаго гражданскаго права.

Но не эта точка зрѣнія, не изученіе Западнаго Свода, какъ памятника *литовскаго* права, руководила мною въ настоящей моей ра-

ботѣ. Составленіе свода для Западныхъ губерній заинтересовало меня какъ одна изъ частныхъ кодификаціонныхъ работъ, предпринятыхъ Сперанскимъ, какъ одна изъ его попытокъ упорядочить дѣйствующее право. На ней слѣдуетъ остановиться уже потому, что исторія всѣхъ его кодификаціонныхъ работъ, въ общемъ очень почтенныхъ по количеству затраченныхъ усилій и даже по качеству добытыхъ результатовъ, въ сущности еще не написана. Кодификаціонная дѣятельность Сперанскаго и его сотрудниковъ по II Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи съ того момента, какъ было окончательно рѣшено составить „сводъ", а не уложеніе, была заключена въ такія рамки, что ее слѣдуетъ разсматривать какъ кабинетную и, по существу своему, обширную коллективную *ученую* работу. Имъ была поставлена опредѣленная задача: изложить въ полной точности дѣйствующее право, т. е., была указана та же самая цѣль, которую ставитъ себѣ всякій юристъ, намѣревающійся догматически изучить положительную правовую систему и собирающій необходимый для научной обработки матеріалъ. Въ этомъ отношеніи, какъ кодификаторъ, такъ и ученый должны прежде всего стремиться къ тому, чтобы добиться *объективной истины*, и въ этомъ ихъ главнѣйшее сходство.

Но только одна *цѣль* была предписана Сперанскому; самая же *организація* работы, необходимой для ея достиженія, была предоставлена всецѣло его усмотрѣнію. Вотъ для характеристики избраннаго имъ метода и вообще всей дѣятельности его въ этомъ направленіи, особенно поучительны работы по составленію мѣстныхъ сводовъ. Въ этой области поневолѣ пришлось Сперанскому проявить самостоятельное творчество, такъ какъ всѣ прежнія попытки, ему хорошо извѣстныя, убѣждали въ непригодности обыкновенныхъ канцелярскихъ пріемовъ. Отъ предшественниковъ не осталось никакого матеріала, который можно было бы обратить въ дѣло. Приходилось организовать все заново. То, что Сперанскій придумалъ и выполнилъ, въ общемъ — если разумѣется разсматривать его дѣятельность въ исторической перспективѣ, — оказалось цѣлесообразнымъ; работа была доведена до конца и результатъ ея былъ такого качества, какого по тѣмъ временамъ можно было требовать. Этимъ, конечно, вовсе не сказано, что результатъ кодификаціонныхъ работъ былъ объективно превосходный; другая оцѣнка можетъ получиться, если предъявить къ нему современныя требованія и въ особенности, если подвергнуть критикѣ основныя идеи кодификаціи 30-хъ годовъ.

Исторія составленія Свода для Западныхъ губерній можетъ поэтому служить удачной иллюстраціей работъ II Отдѣленія по кодификаціи мѣстныхъ правъ, такъ какъ этотъ сводъ былъ оконченъ при жизни Сперанскаго и работа прошла гладко.

Но помимо всѣхъ этихъ соображеній, изученіе усилій, предпринятыхъ для приведенія въ извѣстность литовскаго права, необходимо просто во имя исторической справедливости. Въ этихъ трудахъ главнымъ дѣятелемъ былъ профессоръ Игнатій Николаевичъ Даниловичъ, одинъ изъ немногихъ замѣчательныхъ историковъ права начала минувшаго вѣка, ученый, который сдѣлалъ очень много и не сдѣлалъ еще большаго только потому, что несчастливо сложились обстоятельства его личной жизни. Многимъ обязана ему наука литовскаго права, въ частности — исторія источниковъ этой правовой системы, а между тѣмъ о напряженныхъ трудахъ его по кодификаціи, поглотившихъ такъ много его времени и стоившихъ ему огромныхъ усилій, никому ничего не извѣстно. Напомнить объ нихъ, хотя бы вкратцѣ указать на ихъ значеніе, показать, что этотъ ученый былъ все время на высотѣ задачи, зналъ многое, что умерло съ нимъ и впослѣдствіи должно было быть снова открыто — все это священная обязанность всякаго юриста, интересующагося исторіей науки права въ Россіи. При такой постановкѣ темы моей работы вопросы древнѣйшей исторіи литовскаго и польскаго права отходятъ на задній планъ. Историческіе экскурсы по частнымъ вопросамъ являются необходимыми только настолько, насколько они уясняютъ и освѣщаютъ ходъ работъ по извлеченію мѣстныхъ законовъ изъ ихъ темноты и неизвѣстности, или даютъ матеріалъ для оцѣнки трудовъ составителей свода съ ихъ внутренней стороны, матеріалъ для сравненія того, что было извѣстно уже тогда и что раскрыто теперь. Для этихъ цѣлей достаточно иногда краткаго указанія на результаты, добытые современной наукой, или просто ссылки на новѣйшія изслѣдованія. И я считаю мою задачу достигнутой, если мнѣ удастся составить общее представленіе о той обстановкѣ, въ которой приходилось работать Даниловичу и его сотрудникамъ, и освободить ихъ ученые труды отъ архивной пыли, которая такъ густо закрываетъ ихъ.

I.

Работы по составленію Западнаго Свода прошли слѣдующія стадіи. Первоначальный проектъ былъ составленъ профессоромъ Харьковскаго университета Игнатіемъ Николаевичемъ Даниловичемъ, вызваннымъ

для этой цѣли въ Петербургъ въ 1830 году. Проектъ былъ оконченъ и переведенъ на русскій языкъ (съ польскаго) въ 1834 году, и въ 1835 году поступилъ на разсмотрѣніе особаго ревизіоннаго комитета, состоящаго изъ четырехъ мѣстныхъ юристовъ, для этой цѣли спеціально приглашенныхъ изъ губерній сѣверо и юго-западнаго края. Работы комитета окончились въ 1837 г., вслѣдъ за этимъ былъ напечатанъ проектъ и были внесены въ Государственный Совѣтъ записки по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ, которые II Отдѣленіе не брало на себя разрѣшить въ кодификаціонномъ порядкѣ. Въ срединѣ 1838 года эти представленія были заслушаны Государственнымъ Совѣтомъ и утверждены Государемъ, и сводъ признавался окончательно готовымъ, но къ этому времени уже вполнѣ обозначилась тенденція отмѣнить совершенно „мѣстныя изъятія" для западнаго края, и необходимость покончить съ вопросомъ, что дѣлать съ новымъ сводомъ, только ускорила это рѣшеніе. Въ концѣ 1839 и началѣ 1840 г. вопросъ объ отмѣнѣ дѣйствія Литовскаго Статута и польскихъ законовъ постоянно привлекалъ вниманіе правительства и дебатировался въ „особомъ комитетѣ для разсмотрѣнія разныхъ предположеній по губерніямъ, отъ Польши присоединеннымъ", въ такъ называемомъ „Западномъ комитетѣ"; въ началѣ 1840 г. восторжествовало это мнѣніе, и 25-го іюня 1840 г. былъ изданъ соотвѣтствующій указъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ описанію отдѣльныхъ стадій трудовъ по приведенію въ порядокъ законовъ западной окраины, необходимо остановиться на описаніи той задачи, которая предстояла составителямъ свода, и въ частности — Даниловичу, на долю котораго выпала первая и самая трудная часть работы. Для этого надо напомнить нѣкоторыя общеизвѣстныя событія изъ исторіи западной Россіи.

Расширеніе границъ Россіи за счетъ сосѣдней Польши происходило постепенно. Первымъ по времени было пріобрѣтеніе лѣвобережной Малороссіи и Кіева, въ силу Андрусовскаго перемирія, 13-го января 1667 г. Это временное соглашеніе между московскимъ и польскимъ государствами оказалось, однако, „вѣчнымъ", и полученныя тогда Москвой области остались окончательно за Россіей [1]). Затѣмъ, послѣ долгаго перерыва въ 1772 году Имперія пріобрѣла новую область — Бѣлоруссію. Изъ новоприсоединенныхъ мѣстностей и изъ части пограничныхъ великороссійскихъ губерній были образованы двѣ

[1]) См. *Соловьевъ*, Исторія Россіи (изданіе Обществ. Пользы), книга III, стр. 178 и 188.

губерніи — Псковская, съ главнымъ городомъ Опочкой, къ которой присоединены были провинціи Двинская, Полоцкая и Витебская, и Могилевская (центръ — Могилевъ), которая была раздѣлена на 3 провинціи — Могилевскую, Оршанскую и Рогачевскую [1]). Далѣе, по второму раздѣлу Польши, въ 1793 г., пріобрѣтено Россіей громадное пространство, на картѣ опредѣляемое почти прямой линіей отъ Двинска [2]) (Динабурга) на югъ до Каменца, отграниченное съ юга Днѣстромъ. Эта территорія была раздѣлена на три губерніи — Минскую, Изяславскую и Брацлавскую, причемъ одновременно съ новымъ административнымъ дѣленіемъ нѣкоторыя пограничныя мѣстности были присоединены къ русскимъ губерніямъ: 1) къ Полоцкой (остатокъ воеводства Полоцкаго, не отошедшій къ Россіи по первому раздѣлу), 2) къ Могилевской (отъ Полоцкой губ. до рѣки Березины), 3) къ Черниговской (Мозырскій округъ), 4) къ Кіевской (часть Кіевскаго воеводства) и 5) къ Екатеринославской (часть Кіевскаго и Брацлавскаго воеводствъ).

Наконецъ, по третьему раздѣлу, 1795 г., границы Имперіи были отодвинуты еще дальше на западъ. Отъ Полангена до Нѣмана пограничная черта проходила по тѣмъ же мѣстностямъ какъ и современная, отъ Ковно она опускалась на югъ по теченію Нѣмана приблизительно до Гродно, далѣе, почти по прямой линіи она достигала рѣки (западнаго) Буга, пересѣкая его между линіей Сѣдлецъ — Брестъ-Литовскъ, и, опускаясь еще южнѣе, сворачивала затѣмъ на востокъ, гдѣ снова встрѣчаясь съ Бугомъ, слѣдовала его теченію. Дальнѣйшее направленіе границы 1795 г. (съ Австріей) почти совпадало съ прежней границей 1793 г. [3]).

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи (указан. выше изданіе), книга VI, стр. 1004.

[2]) Точное перечисленіе пунктовъ, черезъ которые проходила граница, приведено въ манифестѣ 27-го марта 1793 года, Полн. Собр. Зак. № 17, 108 (т. 23, стр. 410); новое административное дѣленіе установлено указомъ, даннымъ Сенату 23-го апрѣля 1793 г., П. С. З. № 17, 112 (т. 23, стр. 417). Но современная раздѣлу русская офиціальная карта представляетъ великую библіографическую рѣдкость, см. объ этомъ *С. Рункевичъ*, Исторія Минской Архіепископіи, 1893 г. стр. 155, прим. 901.

[3]) См. объ этомъ манифестъ 14-го дек. 1795 года, П. С. З. т. 27, стр. 697. Современныя раздѣлу карты — „Чертежъ новопріобрѣтенныхъ въ Россійской Имперіи земель въ 1793 и 1795 годахъ. Сочинилъ *Вильбрехтъ*, вырѣзалъ *Ушаковъ*". Съ этой картой почти вполнѣ идентична нѣмецкая „Karte von Polen, nach dem Petersburger Theilungsvertrag und dem russischen Kaiserlichen Manifeste von 25 December 1795, herausgegeben von Franz Iohann *von Reilly*" (въ Вѣнѣ). Нѣмецкая карта иллюминована. Имѣются обѣ карты въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

При всякомъ присоединеніи новыхъ областей, съ русской стороны торжественно подтверждались за новыми подданными ихъ прежнія права, причемъ имѣлось въ виду не только сохраненіе за ними всѣхъ уже пріобрѣтенныхъ каждымъ въ отдѣльности субъективныхъ гражданскихъ правъ, но и оставленіе въ силѣ дѣйствовавшихъ въ моментъ присоединенія нормъ объективнаго права, за исключеніемъ несовмѣстимыхъ съ происшедшею политическою перемѣной.

Особенно тщательно заботились о такомъ подтвержденіи жители Малороссіи, старательно устранявшіе вмѣшательство какихъ-либо московскихъ должностныхъ лицъ въ отправленіе правосудія. Это оговорено было уже въ 1659 г. (окт. 17, П. С. З., № 262, т. I, стр. 493) въ актѣ избранія въ запорожскіе гетманы Юрія Хмельницкаго, гдѣ въ первомъ же пунктѣ выговорено: „чтобы Царское Величество пожаловалъ изволилъ подтвердить права и вольности войсковыя, какъ издавна бывало въ войскѣ Запорожскомъ; чтобы своими правами судились и вольности свои имѣли въ добрахъ и въ судахъ, чтобъ въ тѣ ихъ суда войсковые ни Бояринъ, ни Воевода или Стольникъ не вступался, но отъ старшихъ своихъ чтобы товарищества сужены были: гдѣ три человѣка казаковъ, тогда два третьяго должны судить“. Этотъ пунктъ условій присоединенія войска Запорожскаго былъ подтвержденъ снова въ грамотѣ малороссійскимъ старшинамъ (ноябрь 1663 г., П. С. З., № 330, т. I, стр. 575). Повторено соотвѣтствующее постановленіе и въ статьяхъ (Московскихъ) 1665 года (П. С. З., 1665 г. 22-го октября, № 376, т. I, стр. 617), далѣе, въ такъ называемыхъ Глуховскихъ статьяхъ при избраніи гетмана Даміана Многогрѣшнаго (П. С. З., 6 марта 1669 г., № 447, т. I, стр. 808), въ статьяхъ Конотопскихъ, при избраніи Ивана Самойловича (П. С. З., 17 іюня 1672 г., № 519, т. I, стр. 893). Не лишилась Малороссія этого первоначально выговореннаго ею положенія и послѣ временнаго упраздненія гетманскаго управленія. Прежнее юридическое положеніе, въ смыслѣ сохраненія самостоятельнаго права, такое, какое существовало при Хмельницкомъ, подтверждено и въ рѣшеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта на прошеніе гетмана Апостола (П. С. З., 22 августа 1728 г., № 5324, т. 8, стр. 75). Съ этихъ же поръ начинаются заботы центральнаго правительства о приведеніи въ извѣстность тѣхъ „правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ“.

Когда состоялось присоединеніе Бѣлоруссіи, за жителями были также сохранены ихъ прежнія права. Къ именному указу, данному генералъ-маіорамъ Каховскому и Кречетникову, былъ приложенъ на-

казъ, „по коему они должны поступать при исправленіи должности губернаторовъ въ присоединяемыхъ отъ Польши губерніяхъ“ (П. С. З. 22-го мая 1772 г., № 13808, т. 19, стр. 508), и въ немъ выражено (§ 12): „Судъ и расправа внутреннія тѣхъ провинцій въ личныхъ дѣлахъ имѣютъ производиться по ихъ законамъ и обыкновеніямъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, кои не дотрогиваются до власти нашей“. Для мѣстностей, присоединенныхъ по второму раздѣлу, такое же положеніе было обезпечено манифестомъ 27-го марта 1793 г. (П. С. З., № 17108, т. 23, стр. 410): „Судъ и расправа“, говорилось въ немъ, „да будутъ продолжаемы въ настоящихъ ихъ мѣстахъ именемъ и властію Ея Императорскаго Величества съ наблюденіемъ строжайшаго порядка и правосудія“ [1]).

Наконецъ, именнымъ указомъ генералъ-поручику Тутолмину, правящему должность генералъ-губернатора Минскаго, Изяславскаго и Брацлавскаго, отъ 1-го мая 1795 г. (П. С. З., № 17320, т. 23, стр. 691) при присоединеніи новыхъ мѣстностей было поручено объявить, что за жителями сохранены будутъ права, и что они „сопричитаются ко всѣмъ тѣмъ выгодамъ и преимуществамъ, кои изданнымъ по волѣ Нашей въ 1793 г. въ день 27-го марта отъ графа Кречетникова манифестомъ новоприсоединеннымъ тогда областямъ отъ Насъ пожалованы были“ [2]).

---

[1]) Нельзя не отмѣтить, что въ актахъ 1793 г. подтвержденіе прежнихъ правъ выражено глухо. Такъ, въ цитированной выдержкѣ манифеста о сохраненіи *права,* въ сущности, ничего не сказано; говорится о сохраненіи судебныхъ учрежденій, но не о законахъ, которыми они имѣютъ руководствоваться. И въ именномъ указѣ Сенату 23 апрѣля 1793 г. (П. С. З., № 17112, т. 23, стр. 417) дѣйствіе прежнихъ законовъ представляется временнымъ состояніемъ. Въ немъ говорится объ устройствѣ трехъ губерній (Минской, Изяславской и Брацлавской), объ образованіи ихъ по правиламъ общаго учрежденія о губерніяхъ, объ устройствѣ въ нихъ присутственныхъ мѣстъ и о торжественномъ открытіи ихъ. „*До того же времени*“, сказано въ указѣ, „и *до надлежащаго по всѣмъ частямъ распоряженія* судъ и расправу въ тѣхъ земляхъ оставить на правахъ Польскихъ, отправляя оныя именемъ и властію Нашей“. Впрочемъ, неясность этихъ актовъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснять только неточностью торжественной ихъ редакціи; на серьезное намѣреніе отмѣнить прежнее объективное право нѣтъ другихъ опредѣленныхъ указаній. Къ тому же, въ позднѣйшихъ, но очень близкихъ по времени актахъ, сохраненіе польскихъ законовъ выражено вполнѣ опредѣлительно. См., напримѣръ, указъ 30-го октября 1794 г., № 17264 (т. 23, стр. 575), п. VI. „Даруя всѣмъ обитателямъ Литовскимъ полную свободу производить судъ и расправу свою именемъ и властію Нашею на древнихъ ихъ правахъ и судьями, изъ ихъ же собраній избранными“...

[2]) Въ текстѣ манифеста, объявленнаго Тутолминымъ, „коимъ приводятся къ

Такимъ образомъ, во всей западной окраинѣ Россіи были оставлены въ дѣйствіи прежніе законы. Центральное правительство не отступало отъ своего обѣщанія, и во всѣхъ случаяхъ, когда возникали соотвѣтствующіе вопросы, считалось съ мѣстнымъ правомъ. Такъ, чтобы не утомлять приведеніемъ детальныхъ примѣровъ—можно указать хотя бы на „положеніе объ управленіи Бѣлостокской области" (П. С. З., 18-го іюля 1808 г., № 23166). Бѣлостокская область была образована изъ частей Подляхіи и изъ части Литовскаго княжества, изъ которыхъ первая управлялась во время существованія Польши законами польскими, а другая—узаконеніями литовскими (§ 18), и согласно съ этимъ все положеніе объ управленіи области проникнуто стараніемъ сохранить это состояніе (см., напримѣръ, § 47, § 76 и др.). Никакихъ попытокъ ограничить дѣйствіе прежнихъ источниковъ права ни при Екатеринѣ, ни при ея преемникахъ не было. Законодательная власть часто имѣла случай касаться различныхъ областей права западныхъ окраинъ и измѣняла его, но все это были реформы права, измѣненія его такія же, какія производились и въ общемъ правѣ имперіи, именно—*реформы*, а не замѣна партикулярнаго права общимъ.

Административное дѣленіе этой окраины, введенное при присоединеніи этихъ мѣстностей, впослѣдствіи было неоднократно измѣняемо. Громадныя пространства, входящія въ составъ первоначальныхъ губерній, были постепенно раздѣляемы на большее количество губерній; такъ, напримѣръ, изъ бѣлорусскихъ областей, причисленныхъ сперва къ Псковской губерніи, была образована Полоцкая губернія; губерніи Изяславская и Брацлавская подѣлены на Волынскую, Подольскую и Кіевскую, и т. д. Къ началу двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія всѣ области, отошедшія къ Россіи при Екатеринѣ II, были раздѣлены уже на 8 [1]) губерній, а именно на губерніи Виленскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую, Витебскую, Подольскую, Волынскую и Кіев-

---

присягѣ жители этихъ губерній", о „правахъ" мало сказано (см. П. С. З., № 17332, т. 23, стр. 697). Столь же мало говорится о нихъ и въ указѣ Сенату, и манифестѣ 14-го декабря 1795 г. (П. С. З., № 17418, т. 23, стр. 845). Оставленіе прежнихъ „правъ" въ силѣ представлялось истиной очевидной, о которой излишне было повторять при каждомъ случаѣ. Если у Екатерины II и была мысль уничтожить мѣстныя юридическія особенности (см. секретнѣйшее наставленіе князю Вяземскому, напечатанное въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи за 1858 г., книга I, смѣсь, стр. 101, а тоже въ Сбор. Имп. Русскаго Истор. Общ., т. VII, стр. 348)), то это представлялось ей планомъ туманнаго будущаго, и къ осуществленію его она не приступала.

[1]) Ковенская губернія образована въ 1842 году.

скую, и на одну область—Бѣлостокскую [1]). Весь этотъ обширный край въ языкѣ законодательства и канцелярскаго дѣлопроизводства начала прошлаго вѣка получилъ названіе „Западныхъ губерній", или, точнѣе, „губерній отъ Польши присоединенныхъ" [2]). Малороссійскія губерніи, вошедшія въ составъ Имперіи уже давно, имѣвшія свою собственную историческую судьбу и въ очень многихъ отношеніяхъ отличающіяся отъ перечисленныхъ выше областей, подъ это названіе не подводились.

---

[1]) Вопросы исторической географіи и, въ частности, исторія дѣленія западной окраины на губерніи, настолько далеки отъ темы настоящаго изслѣдованія, что я счелъ себя въ правѣ ограничиться только тѣмъ, что сказано выше въ текстѣ. Исторію границъ отдѣльныхъ губерній можно легко прослѣдить по (первому) полному собранію законовъ; въ алфавитномъ указателѣ подъ словомъ „губернія" (часть I, стр. 564 и слѣд.) приведены всѣ относящіеся къ этому законодательные акты.— Этотъ вопросъ о распредѣленіи различныхъ мѣстностей по губерніямъ, и губерній по генералъ-губернаторствамъ, впрочемъ, не лишенъ интереса и для историка литовскаго права, потому что такое распредѣленіе подчасъ являлось источникомъ различныхъ юридическихъ недоразумѣній. Именно, на основаніи манифестовъ за всѣми мѣстностями, принадлежавшими къ Польшѣ, сохранялось прежнее право; слѣдовательно, всякая мѣстность, лежавшая до 1772, 1793 и 1795 г.г. за границей Имперіи, могла претендовать на признаніе за ней прежняго юридическаго status. Но, какъ выше уже замѣчено, нѣкоторыя пространства, относительно, по сравненію со всей присоединяемой площадью, не очень большія, но безотносительно—громадныя, были причислены къ губерніямъ великорусскимъ (Псковской, Екатеринославской и др.), т. е. вошли въ составъ административныхъ единицъ, на бóльшей части территоріи которыхъ дѣйствовали общіе законы. При такомъ положеніи несомнѣнно бывали постоянно случаи, когда власти примѣняли безъ всякаго посторонняго умысла, просто по привычкѣ, общіе законы Имперіи къ такимъ отношеніямъ, которыя въ сущности подлежали бы дѣйствію законовъ мѣстныхъ. Это было неизбѣжно при томъ хаотическомъ состояніи источниковъ мѣстнаго права, которое существовало въ концѣ XVIII вѣка и позже. Далѣе, даже цѣлыя губерніи, входя въ составъ генералъ-губернаторствъ, составленныхъ изъ мѣстностей на „различныхъ правахъ состоящихъ", по этимъ же причинамъ подпадали подъ дѣйствіе не подлежащихъ законовъ; примѣръ этого встрѣтится въ дальнѣйшемъ изложеніи. Иначе и быть не могло—мало извѣстное, не собранное въ законченномъ кодексѣ литовско-польское право представляло слишкомъ незначительную силу сопротивленія и не могло бороться съ новыми нормами, за которыя высказывался авторитетъ мѣстной власти, авторитетъ чисто внѣшній, но весьма реальный.

[2]) Лучшее доказательство этому—терминологія Западнаго Свода. Но это названіе встрѣчалось и раньше; см., напримѣръ, „Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи", выпускъ II, стр. 371: „Всеподданнѣйшій рапортъ сенатора тайнаго совѣтника Алексѣева отъ 24-го января 1808 г. по предмету благоустройства *губерній присоединенныхъ отъ Польши*".

Но эти мѣстности, объединенныя однимъ названіемъ, на самомъ дѣлѣ представлялись далеко не единымъ и однороднымъ цѣлымъ, какъ по своему историческому прошлому, такъ и по тѣмъ правовымъ нормамъ, которыя имѣли силу на различныхъ территоріяхъ. Сѣверныя губерніи (Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская и часть области Бѣлостокской) представляли собой прежнее Великое Княжество Литовское, въ его древнихъ и постоянныхъ границахъ. Напротивъ, южныя губерніи — Подольская, Волынская и Кіевская—были образованы изъ территоріи, въ древности постоянно переходившей отъ Литвы къ Польшѣ, и обратно. Да и судьба Литовскаго княжества мѣнялась въ исторіи. Непрерывныя столкновенія съ Польшей вызывали необходимость установить компромиссъ, избавляющій отъ попытокъ кроваваго разрѣшенія ихъ. Бракъ Ядвиги и Ягелло (1386 г.) и обусловленный этимъ союзъ обоихъ государствъ не внесъ окончательнаго мира въ распри Польши и Литвы; напротивъ, онъ послужилъ только основаніемъ новыхъ [1]). Не внесли полнаго успокоенія въ междуусобицы и различные трактаты, заключавшіеся въ разное время между этими государствами и имѣвшіе цѣлью создать между ними прочную и постоянную связь [2]). Только Люблинская унія 1569 г. установила до нѣкоторой степени опредѣленный политическій modus vivendi. Но на сеймѣ 1569 года, кромѣ акта Уніи, было принято еще очень важное рѣшеніе. На немъ было постановлено, что южныя Литовскія области—Волынь, Подлясье, Кіевъ—передавались въ неограниченное владѣніе Польши, но за ними было сохранено ихъ прежнее право, т. е. дѣйствовавшій въ нихъ Литовскій Статутъ, редакціи 1566 года. Эти мѣстности были включены въ составъ „коронныхъ провинцій“ польскихъ, т. е., юридически онѣ были поставлены въ тѣ же условія, въ какихъ находились всѣ коронныя области Польши. Помимо другихъ послѣдствій, присоединеніе этихъ областей къ „Коронѣ“ выражалось прежде всего въ томъ, что на нихъ распространялось — съ 1569 года — дѣйствіе всѣхъ об-

---

[1]) См. *Соловьевъ*, Исторія Россіи (изд. „Обществ. Пользы“), книга I, стр. 998.

[2]) Краткій и въ общемъ поверхностный обзоръ событій Литовской исторіи (до Люблинской уніи) даетъ книга *Lelevel*, Histoire de la Lithuanie, которая теперь очень устарѣла. Полную картину исторіи Литвы отъ начала XIV вѣка и до конца XVI, т. е. за самое интересное для историка права время, даютъ капитальные и очень обстоятельные труды *М. К. Любавскаго*, Литовско-русскій сеймъ. 1901 г. и *И. И. Лаппо*, Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія, 1901.

щихъ актовъ, исходящихъ отъ польской законодательной власти. Сеймовыя конституціи имѣли въ нихъ неограниченное дѣйствіе, если въ нихъ не было спеціальнаго ограниченія. Территорія, распредѣленная при русскомъ владычествѣ на губерніи Подольскую, Волынскую, Кіевскую и входящая отчасти въ область Бѣлостокскую, является, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени территоріей *польскаго* пра̀ва.

Остальная же часть Литвы по отношенію къ Польшѣ послѣ Уніи 1569 г. оказалась въ иномъ положеніи, чѣмъ перечисленныя выше южныя области; она являлась государствомъ, федеративно соединеннымъ съ Польшей, но не поглощеннымъ ею. Однако, юридическое значеніе этого акта, столь важнаго въ исторіи обоихъ государствъ, до сихъ поръ еще спорно въ наукѣ. Одни изслѣдователи склонны видѣть въ немъ актъ полной и реальной уніи [1]), сліяніе двухъ политическихъ единицъ въ одну; единство это, по ихъ мнѣнію, сказывалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что общимъ законодательнымъ учрежденіемъ для обѣихъ половинъ Рѣчи Посполитой являлся вальный Сеймъ, издававшій постановленія, обязательныя для всей территоріи Рѣчи Посполитой, и что обѣ онѣ находились подъ властью одного короля. Напротивъ, другіе ученые приходятъ къ выводу прямо противоположному. Изъ дѣйствій Люблинскаго сейма и акта Уніи они выводятъ „отдѣльность Княжества отъ Короны"; Литва и Польша оставались отдѣльными единицами, съ особыми территоріями и особыми правами и послѣ Уніи 1569 г., хотя у нихъ были и общій сеймъ и общій глава верховной власти [2]).

Это послѣднее мнѣніе можно считать преобладающимъ въ русской литературѣ, и въ пользу его говорятъ дѣйствительно вѣскія соображенія. Сепаратистическія тенденціи литовцевъ оставались не только внутренними настроеніями, ни въ чемъ не выражавшимися, напротивъ, организація отдѣльныхъ отраслей управленія свидѣтельствуетъ о томъ, что Великое Княжество, какъ таковое, обладало самостоятельными учрежденіями, совершенно обособленными отъ польскихъ. Въ федеративномъ государствѣ объединялись, при господствующемъ, правда, вліяніи Польши, тѣ стороны государственнаго строя, един-

---

[1]) См. напр. *Ольшамовскій*, Обязательность для В. К. Литовскаго конституцій вальныхъ Сеймовъ, 1897, стр. 7 и слѣд.

[2]) *И. И. Лаппо*, Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія, стр. 79, 85, см. также стр. 224. Г. *Любавскій* (Литовско-русскій сеймъ, стр. 9) характеризуетъ соединеніе Литвы и Польши какъ „парламентарную унію".

ство которыхъ необходимо для образованія одного *политическаго* цѣлаго, одной „державы"; внутреннія же отношенія Литвы были въ гораздо болѣе независимомъ положеніи [1]).

Если поставить общій вопросъ—были ли на Литвѣ обязательны всѣ постановленія общихъ сеймовъ Рѣчи Посполитой, только потому что это были акты, исходящіе отъ общаго законодательнаго учрежденія федераціи, то, какъ кажется, на него можетъ быть данъ только отрицательный отвѣтъ [2]). Въ текстѣ отдѣльныхъ сеймовыхъ конституцій иногда не указано пространство дѣйствія ихъ, но это отсутствіе указаній, какъ справедливо говоритъ проф. Леонтовичъ, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что такой законъ не имѣлъ силы на территоріи автономной области [3]). Принципъ признанія за всѣми актами сеймовъ такого общаго значенія былъ древности чуждъ.

Таково общее рѣшеніе вопроса, къ которому приходитъ въ настоящее время большинство изслѣдователей. Но въ этой связи слѣдуетъ обратить вниманіе на одинъ пунктъ, который, какъ мнѣ кажется, оставленъ безъ надлежащаго вниманія въ спорѣ объ обязательности сеймовыхъ постановленій. Въ самомъ дѣлѣ, если за ними и нельзя признать вообще силы закона въ Литвѣ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы *нѣкоторыя* нормы, первоначально разсчитанныя на Польшу, не получили признанія въ Литвѣ путемъ *рецепціи* ихъ судебной практикой. Обязательная сила ихъ основывалась въ этомъ случаѣ не на утвержденіи сеймомъ, а на обычаѣ, который проникъ въ практику сперва per abusum, но впослѣдствіи получилъ примѣненіе постоянное.

Такое положеніе ничего невозможнаго не представляетъ, вся рецепція римскаго права въ Западной Европѣ произошла именно такъ. Въ Германіи Дигесты и Кодексъ Юстиніана примѣнялись въ теченіе тысячи лѣтъ съ такой точностью, съ какой они на родинѣ никогда не примѣнялись, но дѣйствовали они тамъ не какъ законъ, изданный римскимъ императоромъ, а какъ обычное право.

То же самое можно сказать и про польскіе законы въ Литвѣ. Въ

---

[1]) Кромѣ *И. И. Лаппо*, также и проф. *Леонтовичъ*, Спорные вопросы по исторіи русско-литовскаго права, стр. 25.

[2]) Литература по этому вопросу приведена у проф. *Леонтовича*, Къ вопросу о выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву, *Журн. Мин. Юст.* 1897 г., № 6. См. также, съ другой стороны, *Ольшамовскій*, Обязательность для Великаго Княжества Литовскаго конституцій Вальныхъ Сеймовъ, стр. 6.

[3]) Проф. *Леонтовичъ*, Спорные вопросы, стр. 30.

судахъ, даже самыхъ высокихъ, мало стѣснялись „въ разборѣ и примѣненіи къ дѣламъ законодательнаго матеріала,.. пуская въ ходъ первую подходящую конституцію, попавшую подъ руку, безъ разбора, будетъ ли то законъ литовскій или коронный“ [1]). Въ сомнительныхъ случаяхъ, исчерпавъ всѣ средства юридическаго толкованія, литовскій судья могъ даже по прямому разрѣшенію закона обращаться и къ другимъ „правамъ христіанскимъ“ (Статутъ 1588 г., разд. IV, арт. 54), и если такое заимствованіе одной и той же чужой нормы происходило часто и постоянно, то и opinio necessitatis не оставляла себя ожидать. Въ изслѣдованіи г. Пташицкаго [2]) приведено довольно много данныхъ изъ древней практики литовскихъ судовъ, доказывающихъ, что суды примѣняли къ литовскимъ дѣламъ „общую“, не спеціальную литовскую конституцію, и эти данныя позволяютъ думать, что во многихъ областяхъ права дѣло обстояло такъ же.

Такой польскій законъ, примѣненіе котораго въ первое время было новшествомъ, но встрѣчающійся часто въ практикѣ, могъ постепенно сдѣлаться „звычаемъ стародавнымъ“ и обязательной нормой. Для отдаленныхъ эпохъ, когда писанное право только начинаетъ складываться въ твердыя формы, нельзя утверждать какъ общее правило, что „законъ не можетъ быть отмѣненъ обычаемъ“, а въ Литвѣ, въ частности, какъ выше уже указано, за обычаемъ долгое время сохранялось значеніе субсидіарнаго права. А „записаннымъ“ текстомъ обычая являлась общая конституція; „поруха“ стараго закона являлась реально дѣйствующей нормой и могла претендовать на обязательную силу. Разумѣется, только изученіе архивовъ можетъ дать безспорный отвѣтъ о развитіи такого обычнаго права, объ объемѣ рецепціи польскихъ законовъ и о переработкѣ ихъ въ литовской практикѣ.

Тѣ данныя, которыя приведены въ работахъ С. Л. Пташицкаго, даютъ *возможность* и, какъ кажется, безспорную, утверждать, что *вообще* такая рецепція была. А если это такъ, то польскіе законы косвенно являлись источникомъ литовскаго права и оказывали вліяніе на литовское праворазвитіе. Въ указанной выше ученой контроверзѣ этому пункту удѣлено мало вниманія [3]).

---

[1]) Проф. *Леонтовичъ*, Спорные вопросы, стр. 58.

[2]) *С. Л. Пташицкій*, Къ исторіи Литовскаго права послѣ третьяго Статута, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1893, № 10, см. особенно стр. 498.

[3]) Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что въ центрѣ спора стоялъ вопросъ именно о пространствѣ дѣйствія сеймовыхъ конституцій, *какъ таковыхъ*.

Но какъ бы то ни было, общія сеймовыя конституціи, какъ таковыя, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ не имѣли того юридическаго значенія, какъ въ провинціяхъ коронныхъ, и слѣдовательно, съ 1569 г. въ Волыни и прочихъ, отошедшихъ отъ Литвы областяхъ.

Такимъ образомъ, все пространство „присоединенныхъ отъ Польши губерній" распадалось на *двѣ* различныя территоріи, въ которыхъ дѣйствовали различные источники права—польскіе и литовскіе.

Но и кромѣ того: польскія области присоединены были къ Россіи не сразу; между первымъ и вторымъ раздѣлами прошло двадцать лѣтъ. На бѣлорусскія мѣстности сила актовъ русской законодательной власти была распространена въ 1772 году и въ этомъ же году прекратилось тамъ значеніе власти польской; для прочихъ же мѣстностей такое положеніе возникло только въ 1793 и 1795 годахъ. Хотя, конечно, за 20 лѣтъ и не могли произойти очень крупныя измѣненія, но для нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ это различіе во времени присоединенія все-таки сказалось. Такъ, напр., указъ 1785 года (25-го декабря), которымъ опредѣлено, что возрастъ совершеннолѣтія наступаетъ съ окончаніемъ 21 года и въ которомъ установлено дѣленіе на періоды малолѣтства и несовершеннолѣтія — этотъ указъ по распубликованіи получилъ силу и въ Бѣлорусскомъ краѣ, присоединенномъ въ 1772 г., но, разумѣется, не касался прочихъ западныхъ губерній, въ то время Россіи еще не принадлежавшихъ [1]). Въ этихъ послѣднихъ областяхъ осталось въ силѣ прежнее положеніе.

Обратный примѣръ: по конституціи 1776 г., специально Литовской, было отмѣнено Магдебургское право во всѣхъ городахъ [2]), кромѣ спеціально изъятыхъ. Эта конституція, очевидно, не могла ни въ чемъ измѣнить положенія бѣлорусскихъ городовъ, въ то время уже принадлежавшихъ Россіи. Послѣ 1793 г., когда вся территорія Литвы оказалась подъ русскимъ владычествомъ, это различіе юридическаго положенія городовъ сказалось съ полной очевидностью.

Для нѣкоторыхъ пунктовъ этотъ двадцатилѣтній періодъ, такимъ образомъ, оказался не безъ вліянія.

Подтверждая присоединеннымъ областямъ ихъ прежнія права, Екатерина II не останавливалась на ближайшемъ разсмотрѣніи содержанія этихъ правъ. Да на вопросъ—какіе законы дѣйствовали въ этихъ

---

[1]) См. Мн. Гос. Сов. 30-го окт. 1834 г. (П. С. З., № 7509).

[2]) Объ этомъ эпизодѣ изъ исторіи магдебургскаго права см. экскурсъ въ примѣч. къ § 106 проекта свода западныхъ законовъ и подробнѣе Архивъ Государ. Совѣта дѣло II отдѣленія, 1834 г. № 24 (№ 1152).

краяхъ, въ тѣ времена мало кто могъ бы дать обстоятельный отвѣтъ, и, вѣроятно, вообще никто изъ юристовъ, и практиковъ и теоретиковъ, не могъ бы дать на него вполнѣ точнаго и исчерпывающаго отвѣта, ибо исторія источниковъ права находилась въ такомъ же хаотическомъ состояніи, какъ и сами источники. Этотъ предметъ былъ впервые приведенъ въ ясность при составленіи Свода мѣстныхъ законовъ Западныхъ губерній и, главнымъ образомъ, благодаря трудамъ и познаніямъ Даниловича.

Къ концу XVIII вѣка уже миновала для Литвы эпоха преимущественнаго господства обычнаго права, которому принадлежала преобладающая роль въ древности [1]). Обычаи и отдѣльныя грамоты, издаваемыя въ прежнія времена по отдѣльнымъ случаямъ, были уже въ значительной степени кодифицированы въ сборники, и первое—по значенію—мѣсто среди памятниковъ писаннаго права принадлежитъ *Литовскому Статуту*.

По старинному обычаю, со времени Витовта, великіе князья Литовскіе при вступленіи на престолъ подтверждали права населенія и привилегіи отдѣльныхъ земель [2]). Но въ началѣ XVII вѣка появляется все болѣе и болѣе настойчивое желаніе, какъ со стороны князей, такъ и со стороны населенія—собрать въ одинъ общій кодексъ литовскіе законы. Къ составленію такого свода было приступлено въ 1522 г. при Сигизмундѣ I, однако работы кончились только въ 1529 г., и этотъ первый, такъ называемый „старый" статутъ вступилъ въ дѣйствіе съ 1 января 1530 г. [3]). Недостатки этого памятника, противорѣчія отдѣльныхъ статей его и, главное, полное отсутствіе судопроизводственныхъ правилъ побудили заняться исправленіемъ его. Проектъ исправленной редакціи былъ разсмотрѣнъ на сеймахъ въ Бѣльскѣ 1564 г. и въ Вильнѣ—1566 г. и утвержденъ въ этомъ году. Этотъ второй Статутъ, обыкновенно называемый „Волынскимъ", потому что онъ сохранилъ силу въ воеводствѣ Волынскомъ, Кіевскомъ и Брацлавскомъ, отошедшихъ къ Польшѣ въ 1569 году, такъ же какъ

---

[1]) Проф. *Леонтовичъ*, Источники Литовско-русскаго права. Варш. Унив. Извѣстія 1894 г., № 1.

[2]) Объясняется появленіе этихъ отдѣльныхъ грамотъ тѣмъ, что отдѣльныя области, изъ которыхъ слагалась Литва, представляли собой, каждая сама по себѣ, нѣкоторое самостоятельное цѣлое. Объ этомъ см. *Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 26 и слѣд.

[3]) Напечатанъ въ 1854 г. въ Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, кн. XIX, стр. 1—382, и въ изданіи „Zbior praw litewskich". 1841 г.

и „старый“ Статутъ не былъ напечатанъ при обнародованіи [1]). Но и это второе изданіе Статута не удовлетворило литовцевъ. Уже на городенскомъ сеймѣ 1568 года раздавались просьбы назначить комиссіи для „поправы“ Статута, и вскорѣ, въ 1569 году, новая редакція сдѣлалась необходимой еще и по другой причинѣ. Недружелюбное отношеніе литовцевъ къ полякамъ вполнѣ ясно выразилось и въ Статутѣ 1566 года, въ которомъ встрѣчаются статьи даже прямо обидныя для поляковъ; послѣдніе, напр., не имѣли права получать имѣнія въ Литвѣ и занимать тамъ должностей. Естественно, что когда возникъ вопросъ о болѣе полномъ объединеніи обоихъ государствъ на люблинскомъ сеймѣ 1569 г., приведшемъ къ заключеніи Уніи, то представители Польши были возмущены этими статьями литовскаго законодательства и требовали ихъ измѣненія [2]). Для этихъ „поправъ“, согласно новому политическому устройству, а также и запросамъ жизни, была выбрана особая комиссія, которая работала надъ ними долгое время. Исправленіе Статута 1566 г. привлекло вниманіе всѣхъ сеймовъ, собиравшихся послѣ Люблинскаго. Въ 1584 году онъ былъ представленъ на обсужденіе общаго сейма въ Варшавѣ, но имъ дѣло не было рѣшено окончательно и только въ 1588 г., 28-го января, проектъ былъ утвержденъ королемъ Сигизмундомъ [3]) и вскорѣ послѣ этого напечатанъ на русскомъ языкѣ, а въ 1614 г.—на польскомъ.

Вскорѣ послѣ изданія третьяго Статута, въ 1589 году снова возникъ, уже съ литовской стороны, вопросъ о дальнѣйшемъ его испра-

---

[1]) Напечатанъ въ „Временникѣ“ Москов. Общества Исторіи, за 1855 г., книга XXIII, стр. 1– 242.—Исторія составленія первыхъ статутовъ описана у *Даниловича*, Historischer Blick auf das Litthauische Statut (Dorpater Jahrbücher, 1834 г.), и подробнѣе въ русскомъ переводѣ этого изслѣдованія въ Юридич. Запискахъ Рѣдкина 1841, т. I, стр. 1 и слѣд. См. также проф. *Бершадскій*, О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву, стр. 1 и слѣд.

[2]) Исторія составленія III Статута (1588 г.) очень подробно и обстоятельно разработана въ приведенномъ выше капитальномъ трудѣ *И. И. Лаппо*, Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія. См. особенно стр. 194 и слѣд. Это изслѣдованіе даетъ полную картину всѣхъ политическихъ отношеній между Литвой и Польшей, за это столь важное въ ихъ исторіи время.

[3]) Въ исторіи окончательнаго утвержденія Статута 1588 г. еще много спорнаго. Такъ, существуетъ контроверза о томъ, какой текстъ памятника признавать офиціальнымъ, только русскій (какъ говоритъ *проф. Бершадскій*, Литовскій Статутъ и польскія конституціи, и другіе изслѣдователи), или оба—русскій и польскій (какъ утверждаетъ *Пташицкій*, Къ вопросу объ изданіяхъ Л. С.). Неясно, почему Статутъ утвержденъ только королемъ и др.

вленіи. Была назначена комиссія, но ничего не сдѣлала. Литовскій сеймикъ въ Вильнѣ (1594 г.) опять заговорилъ объ этомъ, но дѣло не двигалось. Въ 1633 г. сеймъ энергично требовалъ исправленія, но комиссія, назначенная для этого дѣла, не успѣла его выполнить къ 1647 г. Тогда рѣшено было перепечатать старый (польскій) текстъ, что и было исполнено въ 1648 г. Въ этомъ изданіи подъ статьями Статута подведены обязательныя для Литвы постановленія сеймовъ; ихъ собралъ Піотровичъ, а работу его провѣрила особая комиссія, назначенная сеймомъ. Такое дополненіе Статута не удовлетворяло литовцевъ, и пожеланія новой кодификаціи не прекращались, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ инструкціи, данныя въ различныхъ воеводствахъ депутатамъ, отправляющимся на сеймъ (брестскій наказъ 1670 г., виленскій 1735 г., стародубскій 1752 г., гродненскій 1765 г.) [1]. Наконецъ, въ 1776 г. состоялось прямое постановленіе сейма, въ силу котораго бывшему канцлеру Замойскому поручалось составить общее для всего государства собраніе законовъ. Замойскій это порученіе выполнилъ въ 1780 г., но его проектъ, составленный въ духѣ равенства сословій, проникнутый либеральными тенденціями въ области крестьянскихъ отношеній, былъ отвергнутъ на сеймѣ съ негодованіемъ. Было даже запрещено когда либо впредь вносить этотъ проектъ снова на обсужденіе.

Такимъ образомъ, всѣ попытки кореннаго пересмотра Статута во время существованія Рѣчи Посполитой кончились ничѣмъ; измѣнялись только отдѣльныя его постановленія, „накладывались на него заплаты“ [2]). Статутъ перепечатывался въ первоначальномъ его видѣ, и такъ какъ польскій языкъ постепенно получилъ преобладаніе, то перепечатывался польскій текстъ. Такія изданія появились въ 1614, 1619, 1648, 1694, 1744, 1786 г.г. [3]), въ примѣчаніяхъ къ отдѣль-

---

[1]) Объ этихъ попыткахъ новой кодификаціи см. *С. Л. Пташицкій*, Литовское право послѣ третьяго Статута въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1893, № 10, стр. 490 и слѣд. Въ „Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о составленіи Свода мѣстныхъ законовъ Западныхъ губерній“, въ приложеніи Б перечислено 5 комиссій, имѣвшихъ цѣлью пересмотръ Статута, именно комиссіи 1609, 1611, 1633, 1635, 1754 гг.

[2]) Слова Льва Сапѣги, см. *С. Л. Пташицкій*, указ. соч. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1893, № 10, стр. 493.

[3]) См. объ этомъ *Пташицкій*, Къ вопросу объ изданіяхъ, стр. 1, и нѣкоторыя дополненія, которыя дѣлаетъ проф. *Леонтовичъ*, Спорные вопросы, стр. 21.—Самое неудовлетворительное изданіе—1786 г., ибо въ каждомъ послѣдующемъ повторялись опечатки и ошибки предыдущихъ и, кромѣ того, добавлялись еще новыя; это отмѣтилъ уже *Даниловичъ*, Historischer Blick etc.

нымъ артикуламъ приводились позднѣйшія сеймовыя постановленія. Статутъ 1588 г. въ польскомъ переводѣ былъ главнѣйшимъ источникомъ права на практикѣ.

Вторую категорію источниковъ права представляютъ памятники польскаго праворазвитія, т. е. акты польской законодательной власти и кодификаціи польскихъ обычаевъ.

Древнѣйшимъ изъ такихъ сборниковъ является такъ называемый Вислицкій статутъ 1374 г., объемлющій почти всѣ области права; послѣ него появились статуты Вартскіе, Владислава Ягеллы (1423), Піотрковскіе и Корчинскіе, при Казимирѣ IV (1447 и 1465 г.г.), Нешавскіе и Опокскіе (1454 г.), дополненные при Іоаннѣ Альбертѣ (1496 г.); статуты Сигизмунда (1507—1543) [1]. Въ этихъ сборникахъ соединялись нормы права общаго и мѣстнаго отдѣльныхъ областей.

Текущая законодательная дѣятельность выражалась въ такъ называемыхъ „сеймовыхъ конституціяхъ", ибо уже съ конца XV вѣка сеймы пріобрѣли право участія въ изданіи законовъ. Каждый сеймъ издавалъ рядъ отдѣльныхъ постановленій, которыя безъ всякой системы собирались въ одинъ сводъ подъ заглавіемъ „конституціи такого-то сейма" и утверждались королемъ [2]. Постепенно накопилось огромное количество такихъ сеймовыхъ постановленій; въ „Обозрѣніи" приводится цифра 140; получилось громадное количество статей, совершенно разрозненныхъ и не приведенныхъ въ систему. Поэтому и въ Польшѣ неоднократно возникали попытки кодифицировать дѣйствующіе законы, собравъ ихъ въ одинъ сводъ. Уже въ 1506 г. былъ изготовленъ такой кодексъ по порученію короля Александра и Радомскаго сейма коронным канцлеромъ, Яномъ Ласскимъ. Этотъ статутъ удостоился утвержденія короля и былъ распубликованъ какъ офи-

---

[1]) Краткая исторія источниковъ польскаго права приведена въ „Обозрѣніи истор. свѣд."—Значительно полнѣе она разработана въ сочиненіи *Burzynsky*, Prawo polskie prywatne, т. I, 1867, стр. 20 и слѣд. Древнѣйшіе памятники напечатаны у *Bandtkie*, Ius polonicum 1831, которому слѣдуетъ „Обозрѣніе"; впослѣдствіи появилось изданіе *A. Z. Helcel*, Starodawne Prawa Polskiego Pomniki etc. На русскомъ языкѣ имѣются обзоры источниковъ польскаго права, напр. у *Заборовскаго*, Гражданское право Царства Польскаго, 1847, стр. 19 и слѣд., и очень кратко—у *Спасовича*, Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву 1857. На основаніи этихъ сочиненій и скомпилировано изложеніе у *Пахмана*, Исторія кодификаціи, т. I, стр. 186 и слѣд. Для краткаго обзора гораздо полезнѣе, чѣмъ изложеніе Пахмана, экскурсы у *Hüppe*, Verfassung der Republik Polen, *passim*.

[2]) *Пташицкій*, Литовское право послѣ третьяго Статута, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1893, № 10, стр. 495.

ціальное собраніе [1]). Но главное оживленіе законодательной дѣятельности сеймовъ наступило уже позже, а въ связи съ этимъ участились и комиссіи для приведенія въ порядокъ этого обширнаго матеріала.

Въ 1589 году была образована комиссія изъ 10 членовъ, которая проработала 6 лѣтъ, но не пошла дальше подготовительныхъ работъ. Потомъ былъ созванъ „conventus generalis justitiae ad reformanda jura", въ который было опредѣлено 6 членовъ по назначенію короля и по одному депутату отъ воеводства; затѣмъ, въ 1632 г. комиссія изъ 6 членовъ составила „Statuta et consuetudines regni Poloniae, Sigismundi I Regis universorumque Ordinum jussu collecta", но этотъ сводъ не былъ утвержденъ въ законодательномъ порядкѣ. Однако, всѣ эти начинанія не приводили къ цѣли. Не ослабли кодификаціонныя работы и впослѣдствіи. Въ приложеніи „А" къ „Обозрѣнію истор. свѣдѣній" помѣщенъ краткій очеркъ мѣръ, принятыхъ къ упорядоченію дѣйствовавшаго права. Комиссій, созванныхъ для этой цѣли, насчитано тамъ 10, именно: комиссіи 1534, 1562, 1587, 1589, 1632, 1726, 1764, 1768, 1776 и 1791 г.г. Не смотря на то, что въ трудахъ ихъ принимали участіе наиболѣе выдающіеся знатоки права (напр. Гербуртъ, Щербичъ и др.), изъ этихъ попытокъ ничего не вышло. Приходилось практикѣ довольствоваться частными работами, сборниками права, которые издавались отдѣльными лицами. Эти, далеко не совершенныя собранія, являясь первыми опытами научной обработки права, были единственными трудами, облегчавшими доступъ къ первоисточникамъ, и въ этомъ смыслѣ замѣняли ихъ. Такіе сборники—„Обозрѣніе" различаетъ систематическіе, алфавитные и хронологическіе,—были составлены Гербуртомъ (1563 г.), Сарницкимъ (1594 г.), Щербичемъ (1604 г.), Завадскимъ (1614 г.) и др. Гербуртъ составилъ свой сборникъ, убѣдившись, что комиссія 1563 г., членомъ которой онъ состоялъ, никогда своихъ трудовъ не окончитъ; его сборникъ, расположенный по алфавиту, пользовался въ судахъ авторитетомъ и былъ очень распространенъ. Щербичъ, а также Сарницкій и Завадскій составили систематическіе своды. Но наибольшій успѣхъ выпалъ на долю собраній хронологическихъ, въ которыхъ перепечатаны просто тексты законовъ. Эту работу предпринялъ Піотровскій (1637 г.), но самое

---

[1]) *Burzynsky*, указ. соч., стр. 31. *Пташицкій*, Къ вопросу объ изданіяхъ, стр. 7. Обязательное значеніе статута Ласскаго какъ источника права отрицается проф. *Бершадскимъ*; въ томъ же смыслѣ высказывается и *Тарановскій*, Обзоръ источниковъ магдебургскаго права, стр. 22, въ виду того, что этотъ сводъ не удостоился сеймоваго утвержденія.

солидное изданіе было изготовлено орденомъ (Варшавскихъ) Піаритовъ; они повели дѣло энергично и въ теченіе 50 лѣтъ, съ 1732 по 1782 г., выпустили въ свѣтъ 8 томовъ собранія актовъ польскаго законодательства, отъ древнѣйшихъ временъ по 1780 г. Это собраніе, извѣстное подъ названіемъ „Volumina legum“ [1]), получило наибольшее распространеніе и даже значеніе официальнаго сборника.

Наряду съ этими законодательными актами признавалось нѣкоторое значеніе обязательныхъ нормъ за рѣшеніями Непремѣннаго Совѣта, Rezolucyje Rady Nieustającei, которыя были собраны и напечатаны дважды, въ 1780—1784 г. (двухтомное изданіе) и въ 1785—1788 г. (трехтомное). Хотя это учрежденіе и не обладало законодательными функціями, а только, по словамъ „Обозрѣнія“, разрабатывало проекты и разрѣшало недоумѣнія практики, его резолюціи имѣли авторитетное значеніе [2]). Эти резолюціи впослѣдствіи признавались до нѣкоторой степени обязательными нормами и русскими высшими судебными установленіями; „на нихъ“, какъ сказано въ отчетѣ о трудахъ II Отдѣленія съ 15 января 1830 по 1 января 1831 г. [3]), „Правительствующій Сенатъ иногда основываетъ свои приговоры“.

Выше перечислены общіе источники права, нормы польскаго происхожденія, дѣйствовавшія на всемъ пространствѣ королевства. Но кромѣ нихъ существовали еще особые мѣстные законы, имѣвшіе значеніе только въ отдѣльныхъ областяхъ, иногда впрочемъ получавшіе болѣе широкое примѣненіе. Къ этой категоріи слѣдуетъ отнести: 1) такъ называемыя „Мазовецкія изъятія“, Excepta ducatus Masoviae, сборникъ 1576 г., содержащій особыя права земли мазовецкой. Этотъ сборникъ имѣлъ косвенно нѣкоторое значеніе и въ другихъ областяхъ. 2) Такъ называемую „Прусскую корректуру“, Ius terrestre nobilitatis Prussiae correctum. Въ западной Пруссіи, послѣ Торнскаго договора (съ Тевтонскимъ орденомъ) 1466 г. отошедшей къ Польшѣ (воеводства Хелминское, Мальборское, Поморское и княжество Варминское), дѣйствовало право Хелминское (кульмское). Однако, прусская шляхта настояла на томъ, чтобы общее для всѣхъ хелминское право было пересмотрѣно, желая при этомъ случаѣ добиться расширенія своихъ сословныхъ правъ, подобно польской шляхтѣ. Согласно этому желанію прусскаго дворянства, была учреждена комиссія для составленія свода,

---

[1]) *Burzynsky,* Prawo Polskie, стр. 33.

[2]) О резолюціяхъ Непремѣннаго Совѣта, см. *Burzynsky* указ. соч. стр. 40 и слѣд.

[3]) Изъ бумагъ сенатора Г. К. Рѣпинскаго, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

и по изготовленіи онъ былъ утвержденъ на сеймѣ 1598 года. Такъ какъ въ этотъ кодексъ вошло много чисто польскихъ нормъ, то къ нему обращались и за предѣлами Пруссіи, такъ что этотъ мѣстный законъ получилъ до нѣкоторой степени общее значеніе. На этой корректурѣ впослѣдствіи и „Правительствующій Сенатъ основывалъ свои рѣшенія“ [1].

Таковы главнѣйшіе источники польскаго права; они дѣйствовали въ мѣстностяхъ, принадлежавшихъ къ „Коронѣ“, слѣдовательно, законодательные акты этой категоріи, изданные послѣ 1569 года, безусловно имѣли силу въ губерніяхъ Волынской, Подольской, Кіевской и части области Бѣлостокской, а косвенно получили туда доступъ и акты предшествующихъ эпохъ. О дѣйствіи ихъ въ чисто литовскихъ областяхъ уже сказано выше.

Третью категорію источниковъ, притомъ источниковъ, имѣвшихъ силу на всемъ пространствѣ присоединенныхъ отъ Польши губерній, являются городскія права нѣмецкаго происхожденія — право магдебургское [2]. Это „нѣмецкое“ право („jus theutonicum“) впервые было собрано въ Саксонскомъ Зерцалѣ саксонскимъ шеффеномъ Эйке фонъ Репговъ въ XII столѣтіи. Первоначально Зерцало содержало только земское право, но впослѣдствіи оно было дополнено неизвѣстнымъ авторомъ, присоединившимъ къ земскому праву собраніе нормъ права городского, Sächsisches Weichbildrecht. Эти сборники получили громадное распространеніе въ городахъ Германіи, а оттуда перешли въ сосѣднія страны. Переходу въ Польшу способствовали и внѣшнія причины — близкое сосѣдство и частыя сношенія, и внутреннія — занесеніе его колонистами. Изъ Польши, гдѣ оно особенно распространилось при Казимірѣ Великомъ, оно проникло и дальше на востокъ, въ области Литовскія. Уже въ 1387 году оно было пожаловано городу Вильно, а потомъ получили его и другіе [3]. Заимствовано было преимущественно магдебургское право; кромѣ магдебургскихъ сборниковъ получило нѣкоторое распространеніе, но сравни-

[1]) См. приведенный выше отчетъ о трудахъ II Отдѣленія.

[2]) О внѣшней исторіи магдебургскаго права на западѣ Россіи имѣется теперь солидная работа *Ѳ. В. Тарановскаго*, „Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи“. Варшава, 1897. Въ этомъ изслѣдованіи собрана также и вся литература вопроса. Для исторіи внутренняго развитія магдебургскаго права сохраняетъ и понынѣ все свое значеніе трудъ *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*, Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, 1868 г.

[3]) Перечень нѣкоторыхъ городовъ, которымъ было пожаловано магдебургское право, и хронологическія данныя имѣются у *Тарановскаго*, Обзоръ, стр. 18.

тельно небольшое, такъ называемое хелмское или хелминское право, представлявшее только разновидность магдебургскаго. Оно называлось такъ по имени города Хелмно, или, по нѣмецки, Кульмъ. Первоначально жаловалось городамъ просто „магдебургское право“, какъ какая-то объективно извѣстная система права, и свѣдѣнія о ней почерпались изъ преданій и обычаевъ. Письменные сборники появляются значительно позже; есть указанія, что въ XIV вѣкѣ при Казимірѣ Великомъ были утверждены какія-то собранія; въ статутѣ Ласскаго (1506 г.) помѣщены тексты Ландрехта и Вейхбильда, затѣмъ появляется руководство Iohannes Cervi Tucholiensis подъ названіемъ Farrago actionum civilium juris Magdeburgensis, etc. въ 1531 году (впослѣдствіи оно неоднократно переиздавалось). Главный памятникъ магдебургскаго права появился въ Польшѣ въ 1535 году, въ видѣ изданія латинскаго перевода нѣмецкихъ сборниковъ, составленнаго Николаемъ Яскеромъ. Въ этомъ трудѣ собрано: Juris provincialis quod speculum Saxonum vulgo nuncupatur libri tres, Juris municipalis Maideburgensis liber vulgo Weichbild nuncupatus и Promptuarium juris Provincialis, quod speculum Saxonum vocatur. Первыя два произведенія представляли собой переводъ текста Саксонскаго Зерцала, а послѣднее— указатель содержанія первыхъ двухъ. Эта книга впослѣдствіи была переиздаваема. Благодаря Яскеру сдѣлался доступнымъ текстъ магдебургскихъ законовъ, и это вызвало оживленіе литературы. Появились сочиненія Кирштейна Церазина [1]), Гроицкаго, который написалъ много работъ по магдебургскому праву [2]), и Щербича.

---

[1]) *Тарановскій*, Обзоръ, стр. 27, указываетъ, что время появленія перваго изданія сочиненія *Kirsteyn Cerasinus*, Enchiridion aliquot locorum communium Juris Maideburgensis etc. въ точности не установлено и что можно утверждать, что оно появилось послѣ 1535 г. и до 1567 г. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ имѣются изданія 1556, 1557, 1586, 1607 и 1611 гг. Enchiridion'а, какъ самостоятельной книги. На заглавныхъ листахъ первыхъ двухъ указано, что они вышли „Cracoviae apud Viduam Hieron. Schar.“, на изданіи 1586 г. издатель обозначенъ нѣсколько иначе: „Apud Viduam Stanislai Scharfenbergii“. Первыя два изданія *совершенно* тожественны, отличаются они *только* годомъ, и повидимому къ цифрѣ года MDLVI просто приставлена еще одна палочка (MDLVII). Въ изданіи 1586 г. только заглавный листъ другой, шрифтъ, пагинація и все остальное совершенно совпадаютъ съ предъидущими. *Даниловичъ* указываетъ слѣдующія изданія Enchiridion'а: 1556, 1576, 1586, 1607, 1611, 1619, 1629 и 1630 (см. Ар. Г. С. дѣло № 24, 1834 г. (1152)). Изданіе 1556 и 1557 гг. указаны и у *Estreicher'a* Bibliogr. (книги отъ 1455—1799 гг., т. 8, стр. 43 и 44). Слѣдуетъ думать, что изданіе 1556 г. было первымъ.

[2]) Послѣднее изслѣдованіе о трудахъ Гроицкаго, *Alexander Kraushar*, Pierwsza Książka prawnicza Polska z wieku XVI, Wars. 1905, ничего новаго не даетъ.

Хелминское право было переведено съ латинскаго на польскій языкъ Кушевичемъ. Эти сочиненія, особенно книги Гроицкаго и Щербича, и являлись письменными сборниками магдебургскаго права; несмотря на то, что они были произведеніями частныхъ лицъ, во всѣхъ судахъ и другихъ учрежденіяхъ за ними признавался непререкаемый авторитетъ. Параллельно съ этими сборниками дѣйствовало и развивалось мѣстное обычное право, восполнявшее и исправлявшее чужеземное право [1]).

Пространство дѣйствія магдебургскаго права было весьма обширно; нѣмецкое право примѣнялось почти во всѣхъ городахъ Польши и Литвы, и дѣйствію его подпадало большое количество разнообразныхъ отношеній. Городъ, которому было пожаловано магдебургское право, являлся самоуправляющейся единицей, независимой отъ суда старостъ, воеводъ и каштеляновъ, автономно издающей постановленія; далѣе, частно-правовыя отношенія жителей его обсуждались по особымъ законамъ, и эта часть была въ сборникахъ разработана подробно. Наконецъ, нѣмецкое право устанавливало спеціальный порядокъ судопроизводства [2]). Однимъ словомъ, въ польскихъ городахъ, особенно тѣхъ мѣстностей, которыя впослѣдствіи отошли къ Россіи, дѣйствовала единообразная, въ общемъ [3]), система городского права, регулирующая какъ самое городское устройство, такъ и отношенія постоянныхъ жителей города между собой. Въ 1776 году сеймовымъ постановленіемъ дѣйствіе магдебургскаго права почти во всѣхъ литовскихъ городахъ было отмѣнено; оно было сохранено только за городами Вильно, Лида, Троки, Ковно, Новгородокъ, Волковыскъ, Пинскъ, Минскъ, Мозырь, Брестъ-Литовскій и Гродно (всего 11) [4]). Но такая отмѣна, по скольку вообще сеймовыя постановленія исполнялись въ самомъ дѣлѣ, могла касаться только публично-правовыхъ отношеній, городского устройства и прочихъ отношеній города, какъ автономной

---

[1]) См. *Тарановскій*, Обзоръ, стр. 20, стр. 33.

[2]) *Тарановскій*, Обзоръ, стр. 56, гдѣ приведенъ разборъ отдѣльныхъ сочиненій Гроицкаго и Щербича.

[3]) Это ограниченіе слѣдуетъ внести, такъ какъ частности организаціи городского управленія опредѣлялись обыкновенно не магдебургскими нормами, а спеціальными привилегіями, жалуемыми королемъ. Устройство г. Кракова должно было служить образцомъ, но отклоненія встрѣчались постоянно. Эта мысль проводится *Даниловичемъ* въ его запискѣ по поводу магдебургскаго права. Ар. Г. С. № 24, 1834 г. (№ 1152).

[4]) См. объ этомъ въ запискѣ *Даниловича*, Ар. Г. С. дѣло № 24, 1834 года (1152) и „Обозрѣніе историч. свѣдѣній“.

единицы. Нормы же частно-правовыя не могли быть отмѣнены окончательно однимъ почеркомъ пера; магдебургское право дѣйствовало много лѣтъ и вошло въ обычай, а на мѣсто отмѣняемой системы не ставилась другая, законченная и строго опредѣленная въ себѣ.

Далѣе, конституція 1776 года не имѣла силы въ малороссійскихъ мѣстностяхъ, принадлежавшихъ тогда Россіи, а слѣдовательно, не могла ограничивать магдебургскаго права, дѣйствовавшаго въ малороссійскихъ городахъ [1]). И наконецъ, конституція 1776 года, какъ спеціально литовская, не имѣла силы въ коронныхъ провинціяхъ, слѣдовательно, не касалась городовъ, лежащихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, изъ которыхъ впослѣдствіи были образованы губерніи Волынская, Подольская, Кіевская и часть области Бѣлостокской.

Наряду съ этими тремя группами источниковъ права, которыя можно назвать *общими*, въ виду того, что онѣ охватывали разнообразныя и разнородныя отношенія, имѣли силу и нѣкоторые *спеціальные* источники, касающіеся частныхъ областей права. Такъ, напримѣръ, для вексельныхъ отношеній было принято на сеймѣ 1775 года, какъ дѣйствующій законъ, сочиненіе *Гейнекція*, Elementa juris cambialis, и это вексельное право дѣйствовало въ присоединенныхъ губерніяхъ до изданія общаго вексельнаго устава 1832 года.

Для массы католическаго населенія имѣло, далѣе, существенное значеніе дѣйствіе каноническаго права, которымъ руководствовалось римско-католическое духовенство по вопросамъ брачнаго права [2]). Духовенству принадлежала юрисдикція по этимъ дѣламъ, и естественно, что оно ссылалось на corpus juris canonici и постановленія соборовъ—тридентскаго, въ частности.

Такое нагроможденіе разнородныхъ источниковъ и связанную съ этимъ неопредѣленность объективнаго права пришлось, въ различной, конечно, мѣрѣ, пережить всѣмъ западно-европейскимъ государствамъ въ эпоху, предшествующую крупнымъ кодификаціямъ. Но тамъ невыгодныя стороны этого состоянія значительно смягчались благодаря научной разработкѣ права. Съ первоисточниками и ихъ взаимнымъ соотношеніемъ приходилось вѣдаться ученымъ юристамъ, а для жизни учебныя и научныя изслѣдованія указывали весь необходимый для примѣненія права багажъ. Благодаря этому, и весь правопорядокъ

[1]) По этому вопросу см. цитированную записку *Даниловича* въ дѣлѣ № 1152 (Ар. Г. С.).

[2]) Объ этомъ см. *Burzynsky*, Pravo Polskie, стр. 290, 291 и 360; также и въ „Обозрѣніи историч. свѣдѣній“.

въ цѣломъ, и отдѣльныя его области могли быть охвачены сравнительно легко всякимъ заинтересованнымъ лицомъ, обладающимъ хотя бы среднимъ юридическимъ образованіемъ. Къ тому же, специальныя школы поставляли достаточное количество свѣдущихъ юристовъ. Но если обратить взоры на литовскій край, то картина получается совершенно другая. Образованныхъ юристовъ было очень мало; юридическихъ школъ почти вовсе не было, поэтому нельзя было предъявлять никакихъ требованій къ научному цензу судейскаго персонала. Какъ будетъ показано ниже, даже отъ адвокатовъ не требовалось окончанія курса юридическихъ наукъ. Не было и достаточной юридической литературы, а особенный недостатокъ чувствовался въ такихъ сочиненіяхъ, которыя обнимали бы обширныя области дѣйствующаго права. Въ концѣ XVIII-го вѣка, напримѣръ, единственнымъ распространеннымъ учебникомъ гражданскаго права было сочиненіе *Островскаго* „Prawo civilne Narodu Polskiego", 1784, произведеніе очень слабое, но за неимѣніемъ другого поневолѣ обращались къ нему.

Яснаго представленія о ходѣ исторіи литовскаго права не было въ эту эпоху ни у кого; исторія изученія Литовскаго Статута, съ которой придется встрѣтиться ниже, является убѣдительнымъ доказательствомъ этого. Старопечатные, подчасъ очень рѣдкіе и дорого стоющіе, фоліанты хранились въ библіотекахъ, невѣдомые никому, кромѣ любителей и немногихъ знатоковъ; да и трудно было разыскать ихъ. А когда ко всему прочему присоединилось еще и русское законодательство, также не приведенное въ порядокъ и научно не разработанное [1]), тогда хаосъ достигъ высшаго развитія.

II.

Такимъ образомъ, уже на долю русской власти выпало привести въ порядокъ мѣстное право. Задача эта затруднялась, помимо всего прочаго, еще и тѣмъ, что и законодательство Имперіи находилось въ очень запутанномъ состояніи. Кодификаціонныя попытки до-Екатерининской эпохи не привели ни къ какому результату, а въ моментъ перваго раздѣла Польши, въ 1772 году, уже выяснилось, что и законодательная комиссія 1767 года не въ состояніи что-либо сдѣлать.

---

[1]) О плачевномъ состояніи юридическаго образованія и въ Россіи въ XVIII вѣкѣ см. капитальный трудъ *А. С. Лаппо-Данилевскаго* „Собраніе и Сводъ законовъ" и т. д. *Журн. Мин. Народ. Просв.* 1897, I, стр. 1—54.

Но тѣмъ не менѣе, генералъ-губернаторъ вновь присоединенныхъ губерній, Чернышевъ, вскорѣ послѣ вступленія въ должность, 16-го января 1773 года представилъ Государынѣ докладъ, въ которомъ просилъ, отъ своего имени, предоставленія бѣлорусскимъ областямъ права выбрать депутатовъ въ комиссію [1]). Повидимому, это разрѣшеніе было дано и депутаты явились въ комиссію [2]), но вскорѣ комиссія была закрыта, такъ что имъ не пришлось ничего сдѣлать. По закрытіи комиссіи, въ царствованіе Екатерины II вопросъ о составленіи общаго уложенія или свода всѣхъ законовъ уже больше не поднимался; послѣдній остатокъ комиссіи, канцелярія, составлявшая сводъ дѣйствовавшихъ правилъ по внутреннему управленію Имперіи, продолжала въ тиши свою кропотливую работу, но мѣстныхъ законовъ, повидимому, не касалась.

Не много вниманія удѣлило имъ и слѣдующее по времени учрежденіе, призванное водворить порядокъ въ законодательствѣ, „комиссія для составленія законовъ", образованная при Сенатѣ въ 1796 году (указъ 16-го декабря, П. С. З., № 17652). Въ этомъ указѣ дѣятельности комиссіи поставлены довольно таки неопредѣленныя границы: въ видахъ сокращенія канцелярскаго порядка и для отдѣленія „чистыхъ" законовъ отъ неясныхъ, предписывалось собрать ихъ въ три книги, уголовную, гражданскую и казенныхъ дѣлъ, „показавъ въ оныхъ прямую черту закона, на которой судья утвердительно основываться долженъ". Комиссія [3]) эта существовала долго, 8 лѣтъ, но дѣятельность ея была далеко не плодотворна. Генералъ-прокуроры, смѣнявшіеся въ это время, были достаточно заняты и помимо нея, такъ что не могли удѣлять ей особеннаго вниманія; сенаторы, которымъ было поручено это дѣло, также занимались имъ неохотно, и не проявляли никакой иниціативы. Тоскливое впечатлѣніе оставляютъ „журналы" этой комиссіи и „журналы общихъ съѣздовъ гг. сенато-

---

[1]) Этотъ докладъ напечатанъ въ П. С. З., № 13938.

[2]) Такъ сказано въ „Обозрѣніи историч. свѣдѣній", безъ дальнѣйшихъ указаній. Однако, мнѣ не удалось найти въ архивѣ ни фамилій депутатовъ, присланныхъ изъ Бѣлоруссіи, ни вообще какихъ либо слѣдовъ ихъ пребыванія въ комиссіи (наказовъ и т. п.). Въ спискѣ депутатовъ, напечатанномъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1861 г., № 12 (статья *Лонгинова*), они также не упоминаются.

[3]) Болѣе подробное изложеніе внѣшней исторіи этой комиссіи см. въ изслѣдованіи *П. М. Майкова*, Комиссіи составленія законовъ при Императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I, *Журн. Мин. Юстиціи* 1905, сентябрь, стр. 263 (и дальше, въ ноябрьской и декабрьской книгахъ).

ровъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора" [1]) (эти съѣзды должны были разсматривать проекты передъ обсужденіемъ ихъ въ общемъ собраніи Сената, указъ 31-го мая 1794). Очевидно, что приставленныя къ дѣлу лица совершенно не знали, какъ его сдѣлать, и вся энергія ихъ, какая была, уходила на нагроможденіе матеріаловъ; сочинялись книги и главы, но не было яснаго представленія о томъ, какъ довести работу до конца и какимъ требованіямъ она должна удовлетворять.

Все дѣло въ сущности велъ одинъ только чиновникъ изъ сенатской канцеляріи, состоящій при комиссіи, Ананьевскій. Онъ составилъ планы начертанія книгъ законовъ, онъ же старался и наблюдать за выполненіемъ ихъ, а высшіе руководители только утверждали его предположенія. Къ апрѣлю 1799 г. имъ былъ изготовленъ планъ книги законовъ гражданскихъ, въ которомъ онъ помянулъ и мѣстные законы. Книгу эту онъ полагалъ раздѣлить на 2 части: въ первую входило право общее, во вторую особенное „относительно лицъ, вещей и обязательствъ государственныхъ жителей въ губерніяхъ и мѣстахъ, единственно по великороссійскимъ законамъ и обрядамъ управляемыхъ. О законахъ и обрядахъ, о личныхъ и общественныхъ правахъ и преимуществахъ жителей въ присоединенныхъ къ Россійской Имперіи губерніяхъ и нѣкоторыхъ городахъ обитающихъ — составить особую книгу по различному тѣхъ жителей, яко разныхъ между собою, состоянію" [2]). Этотъ планъ былъ одобренъ и его начали приводить въ исполненіе; была составлена часть законовъ о судопроизводствѣ, тринадцать главъ законовъ уголовныхъ и девять — вотчинныхъ; до мѣстныхъ законовъ, однако, не дошли.

Но нельзя сказать, чтобы комиссія совершенно игнорировала ихъ.

---

[1]) Эти документы хранятся въ А. Г. С., дѣла ком. сост. законовъ, связка 229 и 230. Особенно безсодержательны журналы комиссіи. Они оставляютъ очень безотрадное представленіе о дѣятельности ея; если судить по нимъ, то вся дѣятельность комиссіи состояла исключительно въ рѣшеніи дѣлъ чисто хозяйственныхъ, регистраціи присылаемыхъ изъ Сената указовъ и дѣлъ по отобранію знаковъ депутатовъ комиссіи 1767 г. у наслѣдниковъ и родственниковъ умершихъ депутатовъ. Этой перепискѣ отведено наибольшее мѣсто. Изъ этихъ матеріаловъ можно извлечь свѣдѣнія только о чисто внѣшнихъ событіяхъ изъ жизни комиссіи, о перемѣнахъ въ личномъ составѣ, пріобрѣтеніи вещей и т. п., а другихъ матеріаловъ комиссія почти совсѣмъ не оставила.

[2]) См. журналъ засѣданія 12-го марта 1799 г. (связка дѣлъ № 229). Планъ Ананьевскаго напечатанъ въ приведенномъ выше изслѣдованіи *П. М. Майкова*, *Журн. Мин. Юстиціи*, 1905, стр. 267.

Она прежде всего сдѣлала попытку собрать ихъ и установить ихъ содержаніе.

Уже 13-го іюля 1797 года были доставлены въ комиссію 15 книгъ польскихъ законовъ, присланныя бѣлорусскимъ вице-губернаторомъ Захаровымъ [1]), но такъ какъ законы эти были написаны на польскомъ языкѣ, то возникла необходимость перевести ихъ. Однако, найти подходящихъ переводчиковъ оказалось не легко, свѣдущихъ лицъ въ комиссіи не было, и поэтому рѣшено было искать ихъ, обратившись къ мѣстнымъ властямъ и къ Академіи Наукъ (19-го августа). Но литовскій генералъ-губернаторъ, князь Репнинъ, сообщилъ, что онъ никого рекомендовать не можетъ, такъ какъ самъ при образованіи присутственныхъ мѣстъ ввѣреннаго ему края долженъ былъ выписывать изъ Бѣлоруссіи знающихъ языки чиновниковъ (11-го ноября). Вскорѣ послѣ этого явился первый кандидатъ, присланный генералъ-прокуроромъ, городовой секретарь Козеллъ. Но комиссія совершенно основательно установила, что мало одного умѣнья переводить, а необходимо еще умѣть разбирать, что̀ надо переводить; познаніями въ области мѣстныхъ законовъ Козеллъ не обладалъ. Кромѣ того и его умѣнье переводить оказалось сомнительнымъ; его проэкзаменовали изъ латинскаго языка, предложивъ перевести мѣсто изъ Тацита, и на этомъ экзаменѣ онъ провалился.

Только въ началѣ 1798 года удалось найти настоящаго переводчика, отставного капитана Добржанскаго, служившаго въ почтамтѣ; затѣмъ въ это званіе былъ опредѣленъ также и Броховичъ, служившій въ различныхъ учрежденіяхъ на мѣстахъ, а потомъ нашлись еще— Іосифъ Корниловичъ и Иванъ Карпиловичъ, оба знакомые по прежней службѣ съ мѣстными законами [2]). Всѣ эти чиновники добросовѣстно потрудились надъ переводомъ польскихъ книгъ и плодомъ ихъ дѣятельности является: 1) переводъ первыхъ трехъ раздѣловъ Литовскаго Статута, сдѣланный съ польскаго изданія 1786 года Корниловичемъ въ 1798 году [3]) и 2) переводъ нѣсколькихъ литовскихъ конституцій,

---

[1]) См. журналы за 1797 г. (А. Г. С., связка 229).

[2]) Кромѣ этихъ лицъ упоминается еще и нѣкто Смильгевичъ. (Журналъ комиссіи 1-го февраля 1804 г.).

[3]) Хранится въ А. Г. С., дѣла комиссіи составленія законовъ, № 740. На заглавномъ листѣ невѣрно показано, что это „полный" переводъ Литовскаго статута; въ рукописи 576 стр.; этотъ переводъ упоминается въ статьѣ *проф. А. Х. Гольмстена*, „Три вопроса изъ литовскаго гражд. права". Журн. С.-Пб. Юридическаго общества 1896 г., февраль, стр. 38.

а именно, постановленій сеймовъ 1635, 1726, 1764, 1776 годовъ. Кромѣ того сохранились еще и тетрадки, въ которыхъ переведены выдержки изъ другихъ конституцій, — напримѣръ, изъ конституціи 1788 года „актъ союза генеральной конфедераціи нынѣшняго сейма", далѣе, переведены нѣкоторыя правила относительно межеванія, 1791 года, также и польскія постановленія о судопроизводствѣ (между прочимъ переводъ съ реестровъ судовъ и трибуналовъ) [1]). Фамиліи переводчиковъ обозначены не на всѣхъ рукописяхъ, но, повидимому, это работа Броховича и Добржанскаго. Если бы эти работы велись энергичнѣе, то съ теченіемъ времени комиссія могла бы составить довольно полный сводъ различныхъ источниковъ польскаго права и получила бы прочный фундаментъ для своей дальнѣйшей дѣятельности; но дѣло до конца не было доведено.

О томъ, что комиссія, въ общемъ, трезво смотрѣла на дѣло и старалась собрать возможно обширный положительный матеріалъ, свидѣтельствуютъ и нѣкоторыя другія ея работы. Въ 1801 году былъ предпринятъ переводъ прусскихъ законовъ, изданныхъ въ 1791 году для новыхъ провинцій. Пруссіи, пріобрѣвшей обширныя польскія области, пришлось встрѣтиться съ тѣмъ же безпорядочнымъ состояніемъ унаслѣдованнаго отъ Польши законодательства, какъ и Россіи, и иностранный образецъ могъ въ самомъ дѣлѣ дать комиссіи нѣкоторыя полезныя указанія. Долгое время искали повсюду текстъ этихъ законовъ и нашли его только въ частной библіотекѣ оберъ-прокурора Аверина. Взялся переводить ихъ нѣкій переводчикъ Поручкинъ за 8 рублей за листъ, кончилъ работу скоро, черезъ мѣсяцъ, но сдѣлалъ ее очень плохо. Возникалъ въ комиссіи даже вопросъ — слѣдуетъ ли ему платить за этотъ трудъ, но потомъ рѣшили, что слѣдуетъ, такъ какъ объ этомъ съ нимъ былъ заключенъ договоръ [2]). О томъ, пришлось ли комиссіи воспользоваться этими матеріалами, свѣдѣній архивъ не даетъ, и можно думать, что нѣтъ.

---

[1]) А. Г. С., дѣла комиссіи составленія законовъ, № 418, 419 (326). Въ этихъ связкахъ имѣются также и нѣкоторые польскіе оригиналы, которыхъ не успѣли перевести.

[2]) См. журналы комиссіи за 1801 г., 2-го сентября и 2-го октября, также и за 1802 г., 5-го февраля.—Въ А. Г. С., въ дѣлахъ комиссіи состав. законовъ, имѣется рукопись подъ заглавіемъ „Экстракты изъ статута великаго литовскаго княженія и бѣлорусскихъ законовъ", содержащая выписки изъ мѣстныхъ законовъ (№ 228), но трудно ее хронологически пріурочить къ опредѣленному моменту. Повидимому, она относится къ эпохѣ, предшествующей комиссіи 1804 года.

Если, какъ только что разобрано, комиссія иногда и имѣла правильныя мысли, то все же дѣло кодификаціи и общаго и мѣстнаго права она не подвинула ни на шагъ впередъ. Да и трудно было сдѣлать что-нибудь; въ послѣднее время ея существованія, уже въ царствованіе Александра I, постоянно мѣнялось высшее начальство ея (Беклешовъ, графъ Завадовскій, Державинъ, кн. Лопухинъ) [1]); мѣнялись и тѣ инструкціи, которыя она получала отъ Государя. При такомъ положеніи дѣла нельзя было продолжать послѣдовательно никакой работы. Журналы комиссіи за это время теряютъ уже абсолютно всякое содержаніе; на каждой страницѣ, если она не совсѣмъ пустая, фигурируетъ все одна и та же стереотипная фраза (впрочемъ не рѣдкая и въ журналахъ за предъидущіе года), что такого-то числа „въ присутствіе комиссіи прибыли статскій совѣтникъ Прянишниковъ, коллежскій совѣтникъ Ильинскій по полуночи въ 9 часу, упражнялись въ исправленіи порученнаго имъ отъ комиссіи дѣла и вышли въ часъ пополудни". Такъ упражнялись они еще и 2-го марта 1804 года, но это упражненіе было уже послѣднимъ; 28-го февраля былъ утвержденъ новый штатъ комиссіи, на совершенно новыхъ началахъ, комиссія въ прежнемъ составѣ перестала существовать, и всѣ ея работы были преданы забвенію.

Здѣсь не мѣсто разсматривать во всемъ объемѣ исторію „комиссіи для составленія законовъ" 1804 года, которая уже съ давнихъ поръ привлекаетъ вниманіе историковъ. Въ этомъ учрежденіи съ необыкновенною ясностью сказалось то фантастическое и идиллическое направленіе, которое характеризуетъ начало царствованія Александра I. На эту комиссію возлагалось много надеждъ; ей были поставлены самыя широкія и туманныя задачи, при разрѣшеніи которыхъ была бы достигнута и „общая польза", и „всеобщее счастье", и „блаженство всѣхъ".

Но, какъ и многія другія начинанія этой эпохи, и ее постигла полная неудача. Ожидаемаго результата она и не могла достигнуть, какъ вслѣдствіе невыполнимости плана, ею самою себѣ предначертаннаго, такъ и по недостаточности средствъ, которыми она располагала *на самомъ дѣлѣ*, не in abstracto, по штату.

Однако, для правильной характеристики программы дѣятельности комиссіи и ея основныхъ ошибокъ очень важно прослѣдить именно

[1]) Объ этомъ подробнѣе въ цитированномъ изслѣдованіи *П. М. Майкова, Журн. Мин. Юстиціи*, 1905, сентябрь, стр. 272 и слѣд.

работы ея, касающіяся мѣстнаго права. Здѣсь ей пришлось встрѣтиться съ очень конкретной и опредѣленной *задачей*, которую нельзя было разрѣшить посредствомъ простыхъ умствованій и списыванія иностранныхъ кодексовъ. Необходимо было освоиться и *овладѣть* очень запутаннымъ положительнымъ матеріаломъ, для чего комиссіи были предоставлены по штату рѣшительно всѣ средства. И далѣе, возникала необходимость согласовать эту частную работу съ общей, построенной на широкихъ основаніяхъ. Разсматривая тѣ дѣловыя средства, которыя комиссія признавала пригодными для достиженія этихъ результатовъ, и подведя итогъ ея работъ въ этомъ направленіи, можно получить довольно правильное представленіе, какъ вообще о значеніи ея трудовъ и матеріалъ для оцѣнки ихъ, такъ и о пустотѣ ея плана. Восторжествовали не тѣ умствованія, которыми переполнена ея программа, а сила вещей. Результатомъ обзора ея работъ по собранію мѣстнаго права остается убѣдительное сопоставленіе между этими широковѣщательными программами ея и тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ было сдѣлано [1]).

28-го февраля 1804 года Александръ I утвердилъ „докладъ министерства юстиціи о преобразованіи комиссіи законовъ“; этотъ обшир-

---

[1]) Обстоятельныя свѣдѣнія о внѣшней исторіи комиссіи 1804 г. даетъ приведенное выше сочиненіе *П. М. Майкова* „Комиссія составленія законовъ“ и пр. въ Журналѣ Мин. Юстиціи, 1905, за сентябрь (стр. 280), ноябрь и декабрь. Въ этомъ изслѣдованіи сопоставленъ обширный архивный матеріалъ, но авторъ имѣлъ въ виду преимущественно чисто внѣшнія событія изъ жизни комиссіи, преобразованія ея штатовъ, перемѣны въ личномъ составѣ и прочее. Внутренняя дѣятельность ея, критика программы ея и сравненіе ея съ дѣйствительнымъ результатомъ ея дѣятельности въ этомъ изслѣдованіи не разработаны. Вопросовъ кодификаціи мѣстныхъ правъ П. М. Майковъ касается только мимоходомъ, не останавливаясь на постепенномъ развитіи этихъ трудовъ и на той своеобразной постановкѣ, которая была придана дѣлу этому по программѣ комиссіи. Результаты дѣятельности ея по составленію общаго гражданскаго уложенія разобраны нѣсколько подробнѣе у г. *Пахмана*— Исторія кодификаціи т. I, стр. 380—472, подробнѣе въ томъ смыслѣ, что авторъ пространно разсказываетъ своими словами многія мѣста изъ распубликованныхъ „трудовъ“ комиссіи и сопоставляетъ ея проекты съ иностранными кодексами. Но эта работа грѣшитъ тѣмъ, что авторъ совершенно не воспользовался подлинными дѣлами комиссіи, а рапорты ея напечатаны не полностью, изъ нихъ выкинуты всѣ части, касающіяся не „плановъ“, а дѣйствительныхъ работъ и поэтому даютъ далеко не полное представленіе о ея „усиліяхъ“. Сочиненіе П. М. Майкова стоитъ неизмѣримо выше „Исторіи кодификаціи“ Пахмана; въ немъ впервые напечатаны нѣкоторые интересные документы и собрана вся не малая литература вопроса. Единственное достоинство книги Пахмана то, что въ ней перепечатаны, или изложены безъ всякихъ измѣненій, выдержки изъ мало распространенныхъ офиціальныхъ изданій.

ный докладъ, подписанный министромъ юстиціи Лопухинымъ и его товарищемъ Новосильцевымъ, содержалъ не только штатъ новаго учрежденія, но и общее начертаніе плана его дальнѣйшей дѣятельности. Составленъ онъ былъ, очевидно, главнымъ дѣятелемъ комиссіи, ея секретаремъ, или какъ онъ именовался по штату, „референдаріемъ" первой экспедиціи, Густавомъ Андреевичемъ Розенкампфомъ.

Въ новомъ планѣ работъ вопросъ о составленіи уложенія мѣстныхъ законовъ получилъ своеобразную постановку [1]).

Послѣ краткаго обозрѣнія безплодной дѣятельности прежнихъ комиссій, въ докладѣ указывается существо задачи новой. Ограничивать ея задачу однимъ собраніемъ уже дѣйствующихъ законовъ въ одинъ сводъ, въ одну массу, говорится тамъ, нельзя, такъ какъ такое сведеніе ихъ воедино еще не устраняетъ ихъ недостатковъ. Отсюда, казалось бы, прямой выводъ: предоставить комиссіи сочинить проекты новыхъ законовъ. Но этого, какъ говорится въ докладѣ, нельзя допустить, ибо „въ такомъ случаѣ комиссія принесла бы болѣе вреда, чѣмъ пользы Государству" (sic!) [2]).

Но на болѣе обстоятельномъ доказываніи этого утвержденія, свидѣтельствующаго о нѣкоторомъ пессимизмѣ и недовѣріи, какъ къ собственнымъ силамъ, такъ и къ силамъ комиссіи, министръ не останавливается, а указываетъ только, что и заимствованіе иностранныхъ законовъ и нежелательно и не соотвѣтствуетъ традиціямъ Имперіи.

Такимъ образомъ оказывается, что обязанность комиссіи не состоитъ ни въ сочиненіи одного „свода законовъ, ни въ введеніи въ отечество законовъ новыхъ".

Такъ что же, спрашивается, при такихъ обстоятельствахъ остается дѣлать? На это въ докладѣ данъ слѣдующій отвѣтъ: прежде всего

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ П. С. З. № 21187, а также отдѣльнымъ изданіемъ, съ переводомъ на французскій, нѣмецкій, англійскій и латинскій языки, подъ заглавіемъ „Докладъ министерства юстиціи о преобразованіи ком. сост. законовъ Высочайше утвержденный Е. И. Величествомъ и выписки изъ поднесенныхъ Е. И. В. присутствіемъ комиссіи репортовъ объ успѣхахъ трудовъ ея." Въ С.-Петербургѣ въ типографіи Шнора, 1804 г. (всего 87 стр. и 2 таблицы, въ 4-ю долю листа). Предполагалось напечатать и польскій переводъ, который былъ изготовленъ Повстанскимъ (см. журналъ входящихъ бумагъ II экспедиціи, дѣла ком. сост. закон., № 354), но повидимому это не было выполнено. Другое изданіе „Доклада"—см. указ. выше изслѣдованіе *П. М. Майкова* (*Журн. Мин. Юст.* 1905. Сентябрь, стр. 280, 283 примѣч.). Въ дальнѣйшемъ цитируется отдѣльное изданіе, въ 4-ю долю.

[2]) Стр. 16.

необходимо собрать и изложить „основанія права“, подъ которыми разумѣются „первыя простыя чистѣйшія истины, утвержденныя на здравыхъ заключеніяхъ человѣческаго разума, на долговременныхъ опытахъ и наблюденіяхъ строго изслѣдованныхъ; основанныя на существенныхъ и возможныхъ пользахъ Государства; ясныя, неоспоримыя и очевидностью вліянія своего на благо общее и частное пріобрѣтающія силу и непоколебимость“ (стр. 18). Правота ихъ будетъ залогомъ правосудія, ихъ общеполезность удостовѣритъ всякаго, что въ повиновеніи закону заключается его собственная выгода; при помощи ихъ, и только ихъ, можно охватить все многообразіе отдѣльныхъ случаевъ. Эти основныя начала законовъ комиссія разсчитывала найти въ „Наказѣ“ Екатерины и въ различныхъ законахъ, утвержденныхъ самодержавною властью Государей и освященныхъ временемъ. По установленіи этихъ общихъ основаній права, комиссія должна составить общіе государственные законы, т. е. нормы, охватывающія область отношеній гражданъ къ государству и между собой, и нормы уголовнаго права, поставивъ на первую очередь начертаніе всего судебнаго обряда (стр. 21). Эти начала надлежало изложить въ строго систематическомъ порядкѣ.

Такова первая и главная задача, поставленная комиссіи. Чѣмъ внимательнѣе къ ней присматриваться, тѣмъ болѣе туманной и неуловимой представляется она. *Не* сводъ и *не* уложеніе должно быть выработано, а собраніе „основаній“. Поэтому прежде всего возникаетъ вопросъ, что же такое эти „основанія“? Можно подумать, что они представляютъ собой содержаніе старыхъ законовъ, но обобщенное и конденсированное въ болѣе широкіе тезисы, чѣмъ тѣ казуистическія нормы, изъ которыхъ они взяты. Иными словами, можно было бы предположить, что подъ этими „основаніями“, „principia juris“, должно разумѣть то, чтó обыкновенно въ учебникахъ гражданскаго права, или другихъ юридическихъ дисциплинъ, подъ этимъ подразумѣваютъ, когда говорятъ объ аналогичномъ примѣненіи нормъ, или комплекса нормъ, т. е. тѣ менѣе конкретныя нормы, которыя лежатъ въ основѣ данныхъ положительныхъ нормъ.

Тогда путь къ раскрытію такихъ принциповъ былъ бы методъ аналогіи. Такой „принципъ“ является результатомъ анализа болѣе конкретныхъ нормъ и соотвѣтствующаго обобщенія ихъ. И въ самомъ дѣлѣ, вѣроятно, въ докладѣ имѣлось въ виду что-то въ этомъ родѣ въ тѣхъ его мѣстахъ, гдѣ говорилось объ извлеченіи „основаній“ изъ „Наказа“, дѣйствующихъ указовъ и учрежденій.

Но въ другихъ мѣстахъ доклада говорится уже другое: „основанія“ опредѣляются какъ „первыя чистѣйшія и очевидныя истины“, источникомъ которыхъ являются и заключенія человѣческаго разума и данныя опыта. Здѣсь, слѣдовательно, говорится уже не объ „имманентныхъ“ дѣйствующему праву общихъ принципахъ, а о нѣкоторыхъ постороннихъ тезисахъ, которые слѣдуетъ въ него ввести извнѣ. Такое „основаніе“ должно быть добыто уже инымъ путемъ, не посредствомъ метода аналогіи, и матеріалъ, изъ котораго онъ добывается, не исчерпывается дѣйствующимъ правомъ: въ „докладѣ“ къ такимъ матеріаламъ отнесены и данныя опыта, и наблюденія надъ реальными жизненными отношеніями, и остатки теоріи XVIII вѣка о естественныхъ правахъ, и политика права. Эти противурѣчивыя опредѣленія „основаній права“ повторяются на одной и той же страницѣ доклада, и эта неясность въ немъ не разрѣшена. Точное значеніе „основанія“ такъ и осталось тайной, которую постичь не могъ никто изъ изучавшихъ этотъ первый трудъ комиссіи, какъ въ эпоху его сочиненія, такъ и впослѣдствіи.

Отъ злополучной мысли разыскивать principia juris комиссія не отказалась, хотя на неопредѣленность этого понятія ей указывали уже современные авторитетные юристы. Именно, какъ извѣстно, комиссія, вскорѣ послѣ открытія дѣйствій, сочла необходимымъ установить особую должность „корреспондентовъ“ [1]), и въ качествѣ таковыхъ, приглашала различныхъ ученыхъ. Эти корреспонденты принялись за изученіе программы комиссіи, но тѣ изъ нихъ, которые задумывались надъ ея понятіемъ „principia juris“, не могли сообразить, въ чемъ тутъ дѣло.

Замѣчанія двухъ ученыхъ юристовъ, баварскаго профессора уголовнаго права Фейербаха и дерптскаго профессора Мютеля, прямо затрогиваютъ вопросъ о значеніи понятія „основаній“ права и стараются вложить въ „докладъ“ тотъ смыслъ, который имъ представляется единственно допустимымъ. Оба они приходятъ къ вполнѣ однороднымъ выводамъ, въ сущности,—очень отрицательнымъ. Фейербахъ прислалъ въ комиссію довольно объемистую тетрадь, содержащую разсужденіе „о формальной сторонѣ законодательства и его отношеніяхъ къ доктринѣ“ [2]). Оно все построено на той мысли, что задачи науки

---

[1]) О корреспондентахъ см. ниже. См. докладъ, стр. 81 и изслѣдованіе *П. М. Майкова* (*Журн. Мин. Юст.* 1905, ноябрь, стр. 268).

[2]) Рукопись *Фейербаха* хранится въ А. Г. С. дѣла ком. сост. зак. связка № 451,

и законодательства различны и что смѣшивать то и другое вмѣстѣ въ одномъ кодексѣ не слѣдуетъ. Поэтому не могъ онъ согласиться съ предположеніемъ комиссіи о созданіи особой части книги законовъ, вмѣщающей только „основанія“ права. Она казалась ему излишней и вредной, такъ какъ подъ такими принципами онъ подразумѣвалъ исключительно абстракціи нормъ, обобщенія ихъ, однимъ словомъ, то самое, къ чему должна стремиться доктрина права. Эта часть книги законовъ, являющаяся тоже чѣмъ-то положительнымъ, по его мнѣнію, должна относиться къ остальнымъ частямъ кодекса, какъ Институціи Юстиніана къ Пандектамъ и Кодексу, или какъ современная германская юридическая энциклопедія къ составнымъ частямъ права въ тѣсномъ смыслѣ (eigentliche Rechtstheile). Она, такимъ образомъ, должна быть „положительнымъ введеніемъ и суммарнымъ обзоромъ всего цѣлаго, отдѣльныя подраздѣленія котораго посвящены разработкѣ деталей; изученіе ихъ должно быть облегчено установленіемъ этихъ болѣе общихъ точекъ зрѣнія, собранныхъ въ элементарной части“ [1]). Но Фейербахъ предостерегаетъ отъ изданія собранія такихъ тезисовъ въ законодательномъ порядкѣ; такое внесеніе постороннихъ частей отразится на простотѣ всего внутренняго организма кодекса, отъ этого онъ сдѣлается только болѣе разнообразнымъ и сложнымъ [2]). Изъ самаго же начала разсужденія ясно видно, что Фейербахъ въ „основаніяхъ“ права не можетъ усмотрѣть ничего другого, кромѣ научныхъ обобщеній. „Gründe der Gesetzgebung“, упоминаемые въ докладѣ, онъ противупоставляетъ мотивамъ закона и другимъ общимъ тезисамъ, которые иногда помѣщаются во вступительныхъ главахъ (titres préliminaires) другихъ кодексовъ (прусскаго права и др.) И свои замѣчанія онъ заканчиваетъ пространными разсужденіями на ту тему, что доктринальнымъ обобщеніямъ не мѣсто въ кодексѣ. Если же комиссія пожелаетъ поднять уровень науки права въ Россіи, то должна избрать другіе способы; помѣщеніе же такихъ общихъ мѣстъ въ книгѣ законовъ, по его мнѣнію, только вредно. Право науки должно развиваться свободно; юриспруденцію нельзя создать законодательнымъ путемъ. Изложеніе научныхъ выводовъ въ сводѣ приведетъ только къ повтореніямъ и къ тому, что будетъ нарушена естественная связь между частями.

въ которой собрана вообще вся та переписка съ корреспондентами, которая велась не на русскомъ языкѣ. Рукопись помѣчена 23 марта 1809 г.

[1]) Стр. 12.

[2]) Стр. 53.

И другой ученый, профессоръ дерптскаго университета Мютель [1]), не могъ понять значенія „основаній" права и подобно Фейербаху пытался видѣть въ нихъ тоже логическія абстракціи дѣйствующаго права. Мютелю была поставлена задача изложить мѣстные балтійскіе законы, согласно общему плану книги законовъ, и при этой работѣ онъ встрѣтилъ непреодолимыя затрудненія. Такъ, прежде всего, онъ убѣдился, что классификація книги законовъ для этого не пригодна, потому что многія ея рубрики (напримѣръ, все государственное право) не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ правамъ; не брался онъ различить уголовное и полицейское право въ томъ видѣ, какъ ихъ различала комиссія, считалъ излишнимъ излагать въ сводѣ мѣстныхъ законовъ нормы государственнаго права. Но больше всего его смутили „Rechtsprincipien". Онъ не зналъ, что съ ними дѣлать; какъ онъ ихъ понималъ, они составляли право „доктрины", т. е. опять-таки научныя обобщенія и опредѣленія общихъ понятій.

Онъ не брался изложить „принципы" мѣстнаго права, которое является исключительно „легальнымъ правомъ"; далѣе, не зналъ, куда ихъ помѣстить, такъ какъ такіе принципы, по его мнѣнію, должны были представлять только повторенія того, что сказано въ другомъ мѣстѣ свода.

Не видя возможности извлечь Rechtsprincipien изъ мѣстнаго права, онъ сомнѣвался и въ томъ, чтобы русское право могло дать достаточный матеріалъ. И въ его представленіи „основанія" могли быть только научными предпосылками (doctrinelle Prämissen). Въ отвѣтъ на свои сомнѣнія онъ получилъ отъ Розенкампфа [2]) довольно длинное объясне-

---

[1]) Рукопись разсужденій *Мютеля* также хранится въ цитир. выше связкѣ № 451. Она озаглавлена „Extract aus dem Schreiben d. H. Professors Müthel".

Въ другой бумагѣ комиссіи (см. дѣло № 841, о ходатайствѣ проф. Тибо насчетъ жалованья) содержаніе рукописи описано такъ: „разсужденіе о затрудненіяхъ слѣдовать общему плану книги законовъ при изложеніи провинціальныхъ законовъ." Она помѣчена 1806 г.

[2]) Повидимому, отъ Розенкампфа, хотя его подписи на бумагѣ нѣтъ; въ дѣлѣ (см. указ. выше связку № 451) имѣется только черновой набросокъ и притомъ не вполнѣ оконченный. Былъ ли этотъ отвѣтъ посланъ Мютелю—я не могъ установить; однако можно считать, что да.—Слѣдуетъ думать, что оба ученые, и знаменитый криминалистъ Фейербахъ и менѣе славный Мютель, изъ вѣжливости подсказывали комиссіи то, что считали наиболѣе правильнымъ; а авторъ „доклада" самъ не имѣлъ вообще никакого опредѣленнаго представленія объ „основаніяхъ" права.—Нѣсколько позже столь же отрицательно, но рѣзче по формѣ высказался противъ „основаній" и *Куницынъ*; см. „Сынъ Отечества" за 1819 г. № 33 и 34. Онъ указываетъ и на

ніе, который въ конечномъ выводѣ объяснялъ ему его задачу,—отъ него комиссія разсчитывала получить только сводъ дѣйствующаго права. Но въ этомъ отвѣтѣ Розенкампфъ пытался дать и нѣсколько болѣе подробное объясненіе туманныхъ мѣстъ доклада. „Основанія", какъ онъ полагалъ, должны являться общими директивами для судьи; но, какъ видно изъ дальнѣйшаго, они отнюдь на совпадали съ тѣмъ, что можно назвать научными предпосылками, извлеченными изъ дѣйствующаго права. Напротивъ, „praktische Rechtsprincipien" русскаго права по мнѣнію Розенкампфа слагаются изъ 1) hypothetisches Naturrecht, 2) Philosophie des Rechts и 3) Gesetzgebungspolitik. Признаніе „основаній" права чѣмъ-то качественно отличающимся отъ закона, явствуетъ также и изъ того, что въ книгѣ законовъ имъ отводилась особая, вторая, часть, а самые законы полагалось излагать уже въ третьей и слѣдующихъ. При такомъ взглядѣ на нихъ, сущность ихъ становится совершенно неуловимой [1]), а на этомъ понятіи была построена вся программа дальнѣйшей дѣятельности комиссіи 1804 г.

Но какъ бы то ни было, комиссіи предстояло руководствоваться описанной выше программой, и соотвѣтственно ей вопросъ о собраніи мѣстныхъ правъ получилъ совершенно своеобразную постановку. Въ самомъ дѣлѣ, если разсчитывали составить кодексъ изъ всеобщихъ и очевидныхъ истинъ, обязательныхъ для всѣхъ, разсматриваемыхъ какъ бы sub specie aeternitatis, то съ ними плохо могли ужиться мѣстные законы, продукты исторіи, невѣдомой для знатоковъ этихъ раціональныхъ тезисовъ. Да въ мѣстныхъ нормахъ и нужды не усматривалось,—„основанія" должны были быть такими хорошими, что

внутреннія противорѣчія „доклада" и на безполезность такихъ „основаній" для практики. Но Куницынъ ополчился и на книгу, изданную комиссіей въ 1818 году (о ней см. слѣд. примѣчаніе), но какъ мнѣ кажется—напрасно.

[1]) Впослѣдствіи, примѣрно около 1818 г. взгляды на „основанія" права измѣнились въ комиссіи и подъ ними стали разумѣть именно обобщенія дѣйствующихъ нормъ. Въ такомъ значеніи этотъ терминъ употребляется въ „систематическомъ сводѣ существующихъ законовъ", изданномъ комиссіей, такой же смыслъ придается ему въ книгѣ, выпущенной комиссіей подъ заглавіемъ „Основанія Россійскаго права, извлеченныя изъ существующихъ законовъ Россійской Имперіи" С.-Пб. I изд. 1818 г., II изданіе 1821—1822 гг. Тутъ комиссія пошла по вѣрному пути и можно пожалѣть, что ея работа не была доведена до конца; не будучи идеальной, она была бы все же гораздо болѣе полезна и болѣе плодотворна, чѣмъ то чисто механическое собраніе законовъ, которое представляетъ собой дѣйствующій Сводъ Законовъ. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, понимать и слова *Ѳ. М. Дмитріева*, *Русск. Арх.* 1868 г. IV т. стр. 1033, о томъ, что комиссія 1804 стала на вѣрную точку зрѣнія.

наряду съ ними мѣстныя нормы представляли собой одно лишь недоразумѣніе. Разсужденія „доклада“ по этому предмету настолько характерны, что ихъ слѣдуетъ привести цѣликомъ.

„Изъ выше сказаннаго явствуетъ“, говорится въ немъ, „что начала права суть общія для Имперіи: по сему и законы, утвержденные на сихъ основаніяхъ права, должны быть общими всѣмъ частямъ оной, дабы народы всѣхъ провинцій и городовъ, образующіе массу единаго государства и подданные единаго государя, подъ благотворнымъ вліяніемъ оныхъ въ равной мѣрѣ наслаждались тою гражданскою свободою и безопасностью, которую они даютъ, хранятъ и распространяютъ. Однакожъ сіе слѣдствіе, въ существѣ своемъ столь справедливое и полезное, какъ вообще для государства, такъ и въ особенности для самихъ подданныхъ, нельзя принять за общее и никакому измѣненію неподверженное правило при составленіи законовъ для пространной Имперіи Россійской: ибо различныя степени гражданственности нѣкоторыхъ губерній и другія мѣстныя обстоятельства необходимо требуютъ, для благосостоянія ихъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исключительныхъ (изъ общаго законоположенія) или частныхъ законовъ и формъ судебныхъ. Сіе было побудительною и важнѣйшею причиною, для которой правительство предоставило нѣкоторымъ губерніямъ особые права и законы, которые впрочемъ (какъ неоднократные опыты доказываютъ и внимательное послѣдованіе оныхъ удостовѣряетъ) наполнены великими неудобствами, затрудненіями и даже несообразностями съ мѣстнымъ ихъ положеніемъ.

Таковыя уваженія непосредственнымъ образомъ открываютъ слѣдующій способъ къ составленію частныхъ законоположеній для извѣстныхъ городовъ, провинцій и губерній. Онъ состоитъ въ томъ: 1) чтобъ извлечь изъ существующихъ частныхъ законовъ начала, на которыхъ они основаны, и по изслѣдованіи и соображеніи оныхъ привести въ совершенное единообразіе съ основаніями общаго государственнаго законоположенія; 2) чтобы собрать и исчислить главнѣйшія мѣстныя обстоятельства сихъ губерній и, принявъ въ уваженіе климатъ, религію ихъ жителей, обычаи и политическія перемѣны, съ ними бывшія, найти разности, какія произошли отъ того въ законахъ и формахъ судебныхъ; также изслѣдовать, въ чемъ сіи мѣстныя обстоятельства дѣлаютъ препятствія въ единообразіи формъ и законовъ; и препятствія сіи существенныя ли и непреодолимыя, или мнимыя и удобоотвратимыя, касаются ли они правъ собственности, или же одного обряда? Слѣдствіемъ сихъ изысканій будетъ, что губерніи или

города, физическими и моральными отношеніями различные, получаютъ основанныя на общихъ началахъ права и соотвѣтственные мѣстному положенію законы; прочіе-жъ частные законы и исключенія, несообразные съ оными, и слѣдственно безполезные, сами собою отмѣнятся, а дѣйствіе общаго законоположенія распространится. Порядокъ, законъ, правосудіе, безопасность лицъ и собственности суть священныя права, разрушающія и уничтожающія всѣ исключенія, съ ними несовмѣстныя".

Мѣстнымъ законамъ отводилась шестая часть книги законовъ; къ ней же были отнесены и тѣ законы, которыхъ комиссія не рѣшалась подводить подъ „основанія",—уставъ о коммерціи, о межеваніи и др. Поэтому-то и VI часть и была озаглавлена о *частныхъ* (не *мѣстныхъ*) законахъ и обнимала вообще всѣ „отступленія" отъ общихъ.

Такимъ образомъ, значеніе и объемъ мѣстныхъ законовъ должны были быть по возможности ограничены; должны были быть сохранены лишь тѣ особенности, которыя вызываются „реальными" причинами. Отсюда вытекаетъ прямой выводъ, что для начертанія частныхъ сводовъ комиссіи слѣдовало бы изучать исторію, религію, этнографію, метереологію провинцій и, сообразно съ ними, по мѣрѣ надобности, варьировать общія начала, предполагая, конечно, что эти послѣднія ей уже извѣстны. Мѣстное же историческое право должно было отойти совершенно на заднiй планъ. Неудивительно, что знатоки мѣстнаго права не могли понять такой идеи; Мютель [1]) совершенно основательно задаетъ вопросъ, что же разумѣть подъ частными законами—опредѣляется ли это понятіе географическимъ пространствомъ ихъ дѣйствія, или же матеріально, по существу отношеній? Не могъ онъ отрѣшиться и отъ той, опять-таки совершенно правильной мысли, что кодексъ мѣстныхъ законовъ долженъ быть собраніемъ положительныхъ нормъ, сложившихся исторически, рубрики котораго не совпадаютъ съ подраздѣленіями общаго свода [2]). Исходя изъ этихъ мыслей, онъ просилъ комиссію дать ему возможность собрать архивные матеріалы и памятники дѣйствующаго права, но такая работа, очевидно, не вполнѣ отвѣчала видамъ комиссіи, хотя, какъ выше уже указано, Розенкампфъ и согласился съ предложеніями Мютеля. Та элемен-

[1]) См. А. Г. С., цитированное дѣло № 451.

[2]) „Blos ein hypothetisches historisches Ganzes kann dagegen der Kodex unserer positiven Provinzialgesetze seyn"—въ противоположность общему кодексу, который по смыслу доклада комиссіи является „thetisch" (тамъ же).

тарная мысль, что мѣстное право складывалось подъ вліяніемъ своеобразныхъ, разнородныхъ и вполнѣ реальныхъ причинъ, тѣхъ самыхъ, которыя комиссія желала принять въ соображеніе при написаніи частныхъ кодексовъ, что въ немъ жизнь уже дала многое такое, что комиссія желала раціоналистическимъ путемъ внести въ него, эта простая мысль никому въ комиссіи въ голову не приходила. Было признано необходимымъ создать какое-то своеобразное естественное право, не то историческое, не то раціональное, и отъ этого не отступали.

Неосвѣдомленность главнаго дѣятеля, Розенкампфа, приводила къ тому, что первое время раціоналистическое направленіе получило преобладаніе. Началась работа, которую по словамъ участника въ ней, чиновника комиссіи Ильинскаго, никто въ Россіи понять не могъ [1]. Дѣятельность комиссіи пошла въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны разрабатывались планы будущаго свода, съ другой—дѣлались попытки составить своды дѣйствующихъ законовъ, то, что, по терминологіи комиссіи, называлось „status quo".

По мѣрѣ развитія основныхъ мыслей доклада, въ комиссіи только возростало стремленіе объединить все законодательство и совершенно устранить мѣстныя особенности. Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала работъ, какъ видно изъ рапорта отъ 2-го іюля 1804 г. [2], присутствіе комиссіи признало, что для пользы общей необходимо „дабы образъ примѣненія законовъ для всѣхъ губерній" былъ единообразенъ. Отъ этого, по ея мнѣнію, всѣмъ будетъ лучше: правительство не будетъ затрудняться въ разбирательствѣ поступающихъ изъ губерній на рѣшеніе дѣлъ, да и тяжущимся будетъ легче вѣдаться съ одной формой судопроизводства, чѣмъ со многими. Но одно препятствіе къ этому признавала и комиссія—разнообразіе въ языкѣ. Однако, это обстоятельство ее не смущало; чтобы устранить его, она считала достаточнымъ только предписать ввести единый государственный языкъ, и все пойдетъ гладко. При оцѣнкѣ этихъ in abstracto совершенно вѣрныхъ мыслей, не слѣдуетъ забывать того, что писалъ ихъ Розенкампфъ, не говорившій по русски [3], а также и того, что комиссія не имѣла никакого представленія о судопроизводствѣ по

---

[1]) *Русскій Архивъ*, за 1879 г. книга III, стр. 423 и слѣд.

[2]) См. цитир. „Докладъ и выписки изъ рапортовъ", стр. 71.

[3]) Объ этомъ см., напр., въ запискахъ *Ильинскаго*, *Русскій Архивъ*, 1879 г., книга III, стр. 423.

мѣстнымъ законамъ,—вопросные пункты объ обрядѣ судопроизводства, предназначенные для разсылки по различнымъ губерніямъ еще только заготовлялись [1]). Общія же разсужденія этого рода въ устахъ составителей проекта *закона*, который долженъ получить обязательную силу, звучатъ неубѣдительно.

Затѣмъ, нѣкоторое время общія разсужденія о необходимости ограничить мѣстные законы отсутствуютъ въ рапортахъ комиссіи. Только въ рапортѣ отъ 31-го іюля 1804 года [2]) указывается на то, что редакторъ II экспедиціи прекратилъ работы по отдѣленію книги законовъ „о дѣяніяхъ", ибо это отдѣленіе должно содержать въ себѣ „одну теорію дѣяній, общую для всего государства, безъ всякаго примѣненія къ мѣстнымъ особенностямъ". Обойденъ вопросъ о мѣстныхъ законахъ и въ годовыхъ отчетахъ, представленныхъ Государю 1-го января 1805 и 1806 г.г., но зато съ тѣмъ большей подробностью затронутъ онъ въ рапортѣ отъ 1-го января 1807 г., гдѣ ему отведено много мѣста. Повидимому, съ одной стороны, трудность разобраться въ дѣйствующемъ правѣ, а съ другой, усиливающееся вліяніе идей „общихъ принциповъ" права къ этому моменту достигли апогея. Комиссія старается убѣдить и себя и другихъ, что мѣстные законы—одно сплошное недоразумѣніе, какая-то фикція, что въ нихъ только повторено то, что уже имѣется въ ненаписанныхъ еще ею основаніяхъ права. Вотъ что сказано въ этомъ рапортѣ подъ рубрикой С [3]):

„Изложеніе status quo законовъ провинціальныхъ продолжается. При окончаніи редакторами труда сего, присутствіе комиссіи почитаетъ нужнымъ привести въ дѣйствіе мѣру, въ отчетѣ за прошедшій годъ предположенную, которая много способствовать можетъ къ скорѣйшему окончанію провинціальныхъ кодексовъ, т. е. послать проекты законовъ общихъ, когда они разсмотрѣны будутъ присутствіемъ, въ губерніи, состоящія на особыхъ правахъ, дабы тамошнія судебныя мѣста и общества сообщили свое мнѣніе въ разсужденіи практическаго примѣненія оныхъ въ сихъ провинціяхъ и представили причины (есть-ли оныя есть), которыя по уваженіи мѣстныхъ обстоятельствъ могли бы воспрепятствовать къ достиженію и сохраненію безопасности лицъ и собственности посредствомъ законовъ общихъ, вновь предполагаемыхъ,

---

[1]) См. докладъ, стр. 71.

[2]) А. Г. С. дѣла ком. сост. закон. связка № 262.

[3]) А. Г. С. дѣла комиссіи составленія законовъ, связка № 262, рапортъ отъ 1 января 1807 г.

каковою они наслаждаются, управляясь частными ихъ статутами. Присутствіе надѣется изъ соображеній таковыхъ причинъ извлечь истины, тщетно оспариваемыя ложными умствованіями, т. е., что большая часть старыхъ законовъ, которые провинціи почитаютъ своими привилегіями, содѣлаются сами собой безполезны, ибо каждый безпристрастный человѣкъ *и въ новомъ законоположеніи найдетъ тѣже правила* и слѣдственно, *то же самое,* и можетъ быть надежнѣйшее обезпеченіе собственности. Новое законоположеніе соединяетъ *въ себѣ все то, что только есть полезнаго для Имперіи,* какъ въ законахъ Россійскихъ, такъ и въ уставахъ провинціальныхъ, а посему не остается ничего другого желать жителямъ провинціи. При всемъ томъ, можетъ быть, признается нужнымъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе отъ общихъ законовъ, по одному только уваженію, что права собственности и старинныя сдѣлки въ разсужденіи владѣнія оною, тамъ утверждаются издревле на мнѣніяхъ и обычаяхъ временемъ освященныхъ. Въ сихъ случаяхъ трудно и даже вредно нарушать оныя, ибо въ таковыхъ нарушеніяхъ собственность, хотя и признается отъ правительства законною, учинится не надежною и непрочною. Впрочемъ, присутствіе комиссіи утвердительно можетъ сказать, что опытъ другихъ народовъ и собственные опыты, какіе въ Россіи правительство имѣло, несомнѣнно подтверждаютъ, что равенство законовъ служитъ наиболѣе къ укрѣпленію связей соединяющихъ въ Имперіи различные народы“ [1]).

Приблизительно такими же соображеніями руководствовался, если вѣрить легендѣ, халифъ Омаръ, приказавшій сжечь Александрійскую библіотеку, полагая, что она излишня, если книги, хранящіяся въ ней, повторяютъ то, что уже сказано въ Коранѣ, или вредна, если въ нихъ сказано другое.

Тенденція уложить весь правопорядокъ Имперіи въ единыя для всѣхъ областей „основанія“ или законы, выразилась и въ рапортѣ, представленномъ Государю въ январѣ 1808 года [2]). Громадное по количеству объемлемыхъ нормъ уложеніе, которое комиссія все еще *должна* была сочинить, и никакъ не могла сочинить, должно было получить одинаковое дѣйствіе во всемъ государствѣ. „Единство есть отличительное свойство монархическаго правленія; единство за-

---

[1]) Отпечатанныя курсивомъ слова въ подлинникѣ *не* подчеркнуты.

[2]) Этотъ рапортъ (см. А. Г. С. связка № 262, дѣла ком. сост. законовъ) напечатанъ почти въ полномъ объемѣ въ трудѣ *П. М. Майкова*, „Журн. Мин. Юст.“ 1905, ноябрь, стр. 242.

коновъ и одинаковое ихъ дѣйствіе на всѣхъ подданныхъ служитъ залогомъ и естественной правоты и гражданскаго правосудія. Одни только мѣстныя обстоятельства могутъ допустить нѣкоторыя уклоненія отъ общихъ законовъ, но при таковыхъ уклоненіяхъ должны быть приняты въ соображеніе всѣ тѣ причины, которыя дѣлаютъ ихъ необходимыми. На семъ-то основаніи составляются въ комиссіи частныя постановленія для нѣкоторыхъ губерній, въ которыхъ, по ихъ мѣстнымъ и другимъ уваженіямъ, общіе законы оказываются неудобопримѣнимыми". Этимъ мѣстнымъ особенностямъ грозила еще и та опасность, что „русское уложеніе должно быть истинно русскимъ".

Но въ этихъ общихъ разсужденіяхъ, которыми наполнены всѣ рапорты комиссіи, въ сущности, ничего не содержалось положительнаго. Это были исключительно планы на будущія времена, проекты программъ, начертанія кодификаціи, однимъ словомъ, дѣйствія подготовительныя, но не разрѣшеніе задачи. Они имѣли смыслъ только постольку, насколько за ними стояла реальная работа и реальное изученіе дѣйствующаго права; пока самое право не было приведено въ извѣстность, до тѣхъ поръ, въ сущности, нельзя было говорить ни о недостаткахъ его, ни о желательныхъ реформахъ его вообще и, въ частности, относительно мѣстнаго права—о возможности объединить его въ единомъ для всей Имперіи кодексѣ. Поэтому слѣдуетъ обратиться къ изученію этой внутренней, непоказной работы комиссіи. И тутъ получается нѣсколько иная картина.

Въ смыслѣ денежныхъ средствъ и численности личнаго состава, комиссія по штату 1804 г. была поставлена очень широко. На ея надобности отпускалось въ годъ 100.000 руб., сумма по тѣмъ временамъ очень большая; личный составъ ея, не считая низшаго персонала, состоялъ изъ 48 человѣкъ (изъ которыхъ десять переводчиковъ). Всѣ эти лица были распредѣлены по тремъ экспедиціямъ; первая вѣдала „основанія правъ" и общіе законы, вторая—частные законы, т. е. законы отдѣльныхъ провинцій и коммерцію. Эта „экспедиція" была особенно многочисленна; во главѣ ея стоялъ „референдарій", при немъ былъ помощникъ; для государственнаго хозяйства и финансовъ, а также и для коммерціи полагалось по 1 редактору. Одинъ редакторъ вѣдалъ право Малороссіи, двое—балтійскія права, и наконецъ, двое же—право польскихъ провинцій и Бѣлоруссіи; кромѣ того, при всѣхъ редакторахъ было по помощнику [1]). На третью экспе-

---

[1]) Штатъ этотъ напечатанъ въ „докладѣ". Всѣ должности замѣщались лицами,

дицію возлагалось наблюденіе за чисто редакціонной стороной кодекса.

Для мѣстныхъ правъ западныхъ губерній, однако, былъ назначенъ 9-го апрѣля 1804 г. только редакторъ, адъюнктъ правъ Адамъ *Повстанскій;* малороссійскіе законы долженъ былъ обрабатывать надв. сов. Федоръ *Давыдовичъ*, а переводчикомъ при нихъ состоялъ отставной маіоръ польской службы, Жуковскій. Впослѣдствіи число переводчиковъ было увеличено; изъ ихъ числа заслуживаютъ вниманія двое—Іосифъ Гореглядъ (Horehlad Wylaski) и Василій Копецкій [1]. Гореглядъ впослѣдствіи выступалъ съ самостоятельными трудами по юриспруденціи; отъ него осталось сочиненіе подъ заглавіемъ „Опытъ начертанія уголовнаго россійскаго права“ изд. въ С.-Пб. въ 1815 г.; оно было переведено на польскій языкъ (переводъ напечатанъ въ Вильнѣ въ 1817 г.).

Въ помощь Повстанскому для редактированія законовъ былъ затѣмъ приглашенъ адъюнктъ Виленскаго университета Зноско (19 августа 1805 г.), но онъ пробылъ въ этой должности всего одинъ годъ (до 4-го августа 1806), такъ такъ воспользовался командировкой отъ Виленскаго университета [2] и покинулъ Петербургъ. Болѣе продолжительное время занималъ должность помощника редактора чиновникъ Павелъ Икосовъ [3].

Главная работа, очевидно, лежала на Повстанскомъ. Трудно опредѣлить, какими научными свѣдѣніями онъ обладалъ, когда впервые приступилъ къ работѣ. Послѣ него осталось вообще немного ученыхъ трудовъ, да и они написаны уже значительно позже. Подъ своей фамиліей онъ выпустилъ „Wiadomosc o archiwum krajowem Kró-

---

выдержавшими соотвѣтствующее испытаніе. Поэтому, согласно журналу комиссіи отъ 23-го апрѣля 1804 г., были составлены правила объ испытаніяхъ, „коимъ подвержены“ желающіе поступить на мѣста редакторовъ, редакторскихъ помощниковъ и переводчиковъ. Аспиранты должны были представить разсужденіе или другую работу на тему, заданную изъ соотвѣтствующей области, при чемъ просматривалъ работу слѣдующій въ іерархіи комиссіи чинъ, т. е., напр., работу редактора просматривалъ референдарій (см. эту инструкцію А. Г. С. дѣла ком. сост. законовъ, связка № 248). Лицо, занимающее должность редактора, но не выдержавшее еще соотвѣтствующаго испытанія, именовалось „кандидатъ-редакторомъ“ (см., напр., журналъ 9-го апрѣля 1804 г. А. Г. С., дѣла ком. сост. законовъ, связка № 246, 1).

[1]) См. списокъ переводчиковъ, журн. комм. 7 марта 1809, а также и Uwagi odnoszące sie do bibliografii Statutu Litewskiego, стр. 39 (объ этой книгѣ см. ниже).

[2]) См. журналы комиссіи 1805 г. и 1806 г. (А. Г. С., связка № 246).

[3]) Умеръ 12 апрѣля 1811 г. (см. Журналъ Коммисіи).

lewstwa Polskiego“ (Krakow, 1824), содержащую описаніе этого архива, который онъ ревизовалъ въ 1821 году [1]).

Нѣсколько болѣе сомнительно авторство приписываемой ему книги „Uwagi odnoszące sie do bibliografii Statutu Litewskiego“. Wilno 1828 г. (227 стр.), такъ какъ она подписана только иниціалами А. Р. Повстанскаго считаетъ авторомъ библіографъ Эстрейхеръ [2]), и, повидимому, онъ правъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя приведены въ книгѣ (см. особенно стр. 38 и 41), не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что она написана лицомъ, близко стоявшимъ къ комиссіи составленіи законовъ. Самая же книга представляетъ разборъ книги Линде и статей Даниловича о Литовскомъ Статутѣ (статьи Даниловича были помѣщены въ Dziennik Wilenski за 1823 г.) и апологію русскаго перевода Статута, вышедшаго въ 1811 году. Книга Повстанскаго содержитъ нѣкоторыя дѣльныя замѣчанія, но не слѣдуетъ забывать, что она вышла въ 1829 году, т. е., 25 лѣтъ послѣ начала его работы въ комиссіи, и что за это время онъ пріобрѣлъ много новыхъ познаній; она не можетъ служить свидѣтельствомъ объ уровнѣ его свѣдѣній въ 1804 г. Можно даже больше сказать—она убѣждаетъ въ томъ, что онъ многому научился именно уже во время своихъ работъ.

Приступивъ къ работѣ, редакторы мѣстныхъ законовъ немедленно же убѣдились въ томъ, что имъ ничего не сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не будутъ установлены „общія основанія права“, и обратились въ присутствіе комиссіи съ просьбой сообщить имъ таковыя [3]). Это требованіе ихъ было, въ самомъ дѣлѣ, совершенно основательно, такъ какъ „по положенію о комиссіи составленія законовъ“ редакторы второй экспедиціи „по уваженію различія вѣры, климата, мѣстополо-

---

[1]) Объ этомъ см. *Burzyński*, Prawo Polskie I, стр. 150—214 и примѣч. 1 на стр. 214.

[2]) Bibl. polska, т. 3, стр. 519.—Сомнѣнія по этому поводу у *Ольшамовскаго*, Обязательность конституцій, стр. 103, неубѣдительны. Съ *Эстрейхеромъ* согласенъ *А. Х. Гольмстенъ*, *Журн. Юрид. Общества* 1896, февраль, стр. 39.

[3]) См. журналъ 28 мая 1804 г. Еще раньше, 9 апрѣля, „кандидатъ-редакторъ“ для польскихъ законовъ просилъ купить необходимыя для работы книги, но присутствіе комиссіи, т. е. министръ юстиціи и его товарищъ (см. 2-ой отдѣлъ полож. о комис. составл. зак., напечатанный въ докладѣ, стр. 26) нашли эту покупку излишней и предложили ему взять книги изъ Императорской Библіотеки (впослѣдствіи—Публичной), что и было исполнено. Но какія книги были вытребованы, я не могъ установить; списка ихъ нѣтъ и въ связкѣ № 248, гдѣ хранятся нѣкоторыя исполнительныя бумаги по журналамъ 1804 года; не нашелъ я его и въ дѣлахъ Императорской Публичной Библіотеки.

женія, языка, населенія и другихъ каждой провинціи особенныхъ отношеній извлекаютъ неопровержимыя (!) причины для исключеній изъ общихъ законовъ, *соглашаютъ оныя съ основаніями права* и устраняютъ всѣ таковыя частныя измѣненія къ общей связи и пользѣ всего Государства" (отдѣлъ 9, пунктъ 3) [1]). Но присутствіе ихъ просьбы удовлетворить не могло, и предложило имъ заняться „собраніемъ" законовъ. Тогда редакторы и обратились къ этой работѣ, уже больше не возвращаясь къ вѣчнымъ истинамъ „основаній".

Если судить по рапортамъ, представляемымъ Государю ежемѣсячно, первое время въ комиссіи работа кипѣла. Каждый мѣсяцъ заканчивался какой либо отдѣлъ или другое подраздѣленіе книги законовъ. Составлялись „статьи" (въ рапортахъ этотъ терминъ поясняется французскимъ словомъ „marginales"), въ которыхъ вкратцѣ излагалось содержаніе законовъ, а кромѣ того указывались ихъ источники, затѣмъ эти статьи поступали на утвержденіе присутствія комиссіи; изъ статей должны были быть извлекаемы и „основанія правъ". Эта послѣдняя работа была обставлена особенными предосторожностями: она должна была производиться самимъ присутствіемъ, какъ самая важная и отвѣтственная часть. Но до нея не дошли—кончилось все только составленіемъ статей для нѣкоторыхъ отдѣленій.

Въ такомъ порядкѣ было составлено отдѣленіе о лицахъ; 3-го іюля 1804 г. матеріалъ для него (изъ польскихъ и литовскихъ законовъ) уже былъ весь собранъ, но обработка его не была еще закончена, такъ какъ эта часть свода представлялась комиссіи и трудной и отвѣтственной. Но къ сентябрю видимо покончили съ этой частью, такъ какъ Повстанскій уже приступилъ было къ отдѣленію о „дѣяніяхъ", къ работѣ, которую, какъ уже выше упомянуто, онъ потомъ оставилъ, ибо теорія дѣяній должна быть едина для всей Имперіи. Въ началѣ марта 1805 г. онъ работалъ уже надъ законами брачными католическаго вѣроисповѣданія. Въ сентябрѣ того же года дошли до отдѣла о вещахъ и дополнялся отдѣлъ о лицахъ постановленіями изъ церковныхъ правилъ. Вопросъ о юридическомъ положеніи духовенства представлялъ, повидимому, большія затрудненія, ибо еще въ мартѣ 1806 года Повстанскій все время надъ нимъ работалъ. Затѣмъ приступили къ обработкѣ законовъ о судопроизводствѣ (май 1806 г.). Проектъ устава судопроизводства съ изложеніемъ „status

[1]) Этотъ пунктъ положенія повторенъ и въ инструкціи (§ 47) чиновникамъ комиссіи. Инструкція (въ рукописи) приложена къ журналу 28 апрѣля 1804 г.

quo“ составлялся имъ въ іюнѣ 1806, при чемъ, по словамъ рапорта, онъ успѣлъ собрать и межевые законы и мѣстные уголовные. Потомъ дошла очередь и до законовъ о наслѣдствѣ, которые собирались въ выпискахъ.

Параллельно съ этими работами шло собираніе законовъ малороссійскихъ, которое было поручено Давыдовичу. Въ іюнѣ 1804 г.[1]) былъ приглашенъ переводчикъ для магдебургскихъ законовъ, и Давыдовичъ занялся своимъ дѣломъ столь же ретиво, какъ и его коллега Повстанскій. Изъ рапортовъ, представленныхъ Государю, видно, что къ іюлю уже было составлено 5 главъ свода, и въ дальнѣйшихъ отчетахъ постоянно упоминается, что Давыдовичемъ составляются или уже окончены выписки для такой-то главы свода,—подробно перечислять ихъ нѣтъ надобности. Такъ, напр., изъ рапорта отъ 3-го іюля 1805 г. видно, что собирались законы, относящіеся до деликтовъ; въ сентябрѣ того же года—относящіеся до вещей и наслѣдственныхъ правъ; надъ этимъ вопросомъ редактору пришлось долгое время потрудиться, ибо еще въ мартѣ 1806 г. онъ работалъ надъ нимъ. Давыдовичъ повидимому съумѣлъ приспособить общія рубрики книги законовъ къ мѣстнымъ источникамъ; такъ, напр., изъ рапорта отъ 8-го іюня 1806 года видно, что онъ составлялъ выписки для главы 13, о договорахъ, „основанныхъ на рискѣ или отважныхъ“, т. е. такой матеріи права, для разработки которой мѣстные законы даютъ не много, чтобы не сказать,—почти ничего.

Хотя въ архивѣ комиссіи теперь мнѣ не пришлось видѣть эти работы чиновъ ея, но, несомнѣнно, что они въ самомъ дѣлѣ были выполнены, и что въ рапортахъ сообщалась правда. Перечень всего сдѣланнаго II экспедиціей представляетъ журналъ входящихъ и исходящихъ изъ II экспедиціи бумагъ[2]), къ которому приложена и опись всего болѣе или менѣе законченнаго къ 1810 году. Изъ этого перечня видно, что редакторы писали даже больше, чѣмъ объ этомъ говорилось въ рапортахъ. Такъ, въ 1804 г. Повстанскій представилъ планъ, по „которому намѣренъ онъ собирать польскіе и литовскіе законы“; работалъ онъ и надъ историческимъ введеніемъ въ исторію законодательства польскаго; приступая къ обработкѣ крупнаго отдѣла (напр., постановленій церковнаго права), редакторъ составлялъ общій планъ, затѣмъ собиралъ выписки и дѣлалъ изъ нихъ сокращенное изложеніе.

---

[1]) Журналъ комиссіи 4 іюня 1804 г.

[2]) А. Г. С., дѣла комис. сост. зак. № 354.

Одна изъ такихъ работъ Давыдовича распубликована въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей" 1861 г. кн. II, стр. 69—75, подъ заглавіемъ: „Краткое извлеченіе, взятое изъ правъ въ Малой Россіи употребляемыхъ, по которому слѣдуетъ изобразить тѣ права, согласно плану Высочайше конфирмованному" [1]). Этотъ документъ можетъ, вѣроятно, служить образчикомъ всѣхъ вообще работъ комиссіи: онъ представляетъ изслѣдованіе въ общемъ очень не глубокое, но и не содержащее никакихъ несообразностей; источники, дѣйствовавшіе въ Малороссіи, перечислены далеко не исчерпывающимъ образомъ, но и безъ особенныхъ неточностей, и нѣкоторые типичные моменты подмѣчены вѣрно. Но, конечно, никакъ нельзя сказать, чтобы въ ней собраны были всѣ матеріалы.

Работа, несмотря на упорную дѣятельность редакторовъ, подвигалась медленно, рапорты, представляемые Государю, дѣлались все тоньше и тоньше, и къ 1809 году, когда комиссія была переформирована, въ области мѣстныхъ правъ западныхъ губерній, какъ видно изъ „реестра дѣлъ, обработанныхъ во II экспедиціи", было закончено только: 1) „собраніе польскихъ и литовскихъ гражданскихъ законовъ съ объясненіями на I отдѣленіе, о лицахъ, II—о дѣяніяхъ, и III—о вещахъ; 2) собраніе „оныхъ же законовъ" на I отдѣленіе, но безъ объясненій, обработанное въ 1804 г. редакторскимъ помощникомъ Икосовымъ; 3) собраніе гражданскихъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи" [2]). Все же прочее, повидимому, осталось сырымъ матеріаломъ.

Но помимо этихъ работъ, производимыхъ въ самой комиссіи, вскорѣ послѣ ея образованія была предпринята одна вполнѣ разумная мѣра, къ сожалѣнію, однако, не принесшая тѣхъ плодовъ, которые можно было бы ожидать отъ нея. Именно, озабочиваясь скорѣйшимъ начертаніемъ законовъ, касающихся судебнаго обряда, комиссія рѣшила обратиться съ запросомъ къ судебнымъ мѣстамъ. Этимъ путемъ она разсчитывала ознакомиться съ употребляемымъ на практикѣ порядкомъ и, благодаря этому, избѣжать въ своемъ проектѣ „тонкостей и раздѣленій, отъ практическаго употребленія отвлеченныхъ". Въ этихъ

---

[1]) У проф. *Леонтовича*, Исторія русскаго права, стр. 294 (№ 4223), этотъ документъ не точно отнесенъ къ царствованію Николая I.

[2]) См. цитир. дѣло № 354 (А. Г. С.). По поводу собранія малороссійскихъ законовъ отмѣчено, что оно составлено редакторомъ Давыдовичемъ, „по болѣзни коего и потомъ за сдѣланнымъ ему особымъ препорученіемъ дальнѣйшее собираніе законовъ сихъ остановилось".

видахъ она рѣшилась разослать по судебнымъ мѣстамъ вопросные пункты. Эти вопросные пункты были разбиты на три класса: одинъ предполагался для губерній великороссійскихъ, другой для нѣмецкихъ, третій для польскихъ [1]). Запросные пункты были разосланы въ августѣ 1804 года [2]). Они были составлены по слѣдующей формѣ: въ первой графѣ прописывался самый текстъ вопроса, сочиненный въ комиссіи; во второй—отвѣтъ судебнаго мѣста, который давался на каждый вопросъ особо; въ третьей изображались ссылки на тѣ законы, по которымъ судебное мѣсто такъ поступаетъ. Для губерній западныхъ заголовокъ этой графы былъ отредактированъ въ такой формѣ: „по Литовскому ли Статуту или конституціи, по указамъ ли сенатскимъ, или предписаніемъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ и какихъ, или по какимъ либо узаконеніямъ, вмѣсто уставовъ краю служащимъ, или по самому обыкновенію вообще или особенно введенному“. Вопросовъ было составлено (для западныхъ губерній) 80; они касаются преимущественно формальной стороны судопроизводства, но затрагиваютъ всѣ стадіи процесса, начиная отъ опредѣленія подсудности и кончая аппеляціей. На эти вопросные пункты поступили отвѣты отъ многихъ присутственныхъ мѣстъ [3]). Изъ Волынской губерніи они были присланы на русскомъ языкѣ, при чемъ они были расположены въ томъ порядкѣ, какъ и самые вопросы, и вся вѣдомость была подписана вице-губернаторомъ Гроховскимъ. Изъ Кіевской на вопросы отвѣтилъ по порученію губернатора корреспондентъ вольно-экономическаго общества Решетинскій, не соблюдая предписанной комиссіей формы. Въ Витебской губерніи работа была подѣлена между различными учрежденіями. На одну часть составило отвѣтъ губернское правленіе; на другія—главный судъ, повѣтовый, городской (mieyeskii), эти—по польски, и наконецъ, городничій—по русски. Изъ Гродно былъ присланъ „порядокъ судебныхъ мѣстъ“, а изъ Подольской губерніи былъ присланъ реестръ прошеній, поступившихъ въ судъ съ 1-го января 1802 по 1-е января 1803 гг. [4]). Нѣсколько опоздали съ отсылкой вопросовъ

---

[1]) См. цитир. „докладъ“ стр. 71 (рапортъ 2 іюля 1804).

[2]) См. А. Г. С. дѣла ком. сост. зак. (№ 585) „Вопросы, разосланные въ губерніи для изложенія отвѣтовъ о существующихъ порядкахъ судопроизводства“, въ связкѣ № 447.

[3]) См. связку № 447 (А. Г. С., дѣла ком. сост. зак.).

[4]) Эти реестры находятся въ томъ же дѣлѣ (связку № 447), гдѣ хранятся отвѣты другихъ судебныхъ учрежденій, и можно думать, что они составляютъ *часть* присланнаго изъ Подольской губ., а можетъ быть—и все.

въ малороссійскіе суды; хотя и были они составлены Давыдовичемъ еще въ ноябрѣ 1804 г., но отправили ихъ только въ февралѣ 1807 г.; отвѣтовъ на нихъ въ архивѣ я не встрѣтилъ.

На основаніи этихъ свѣдѣній предположено было составить „синоптическія таблицы обряда судебнаго"; одна изъ нихъ приложена къ рапорту 30-го іюля 1804 г. [1]), но она касалась только самыхъ общихъ предметовъ судоустройства и процесса; разсчитывали изготовить болѣе детальныя для отдѣльныхъ видовъ. Но для мѣстнаго права западныхъ губерній этого не сдѣлали [2]).

---

[1]) См. цитир. выше „докладъ", стр. 79 и приложеніе II.

[2]) Другая „общая" придуманная комиссіей мѣра, которая могла оказаться полезной при собираніи мѣстныхъ законовъ, именно избраніе особыхъ *„корреспондентовъ"*, напротивъ, дѣлу составленія литовско-польскаго свода не помогла. Въ званіе корреспондентовъ предполагалось опредѣлять тѣхъ лицъ, познанія которыхъ могли быть полезными комиссіи; „корреспонденты, находящіеся въ провинціяхъ россійскихъ, съ симъ званіемъ пріемлютъ обязанность доставлять комиссіи свѣдѣнія о таковыхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, которыя должны входить въ соображеніе при составленіи законовъ" (см. „докладъ", стр. 80). Такихъ „корреспондентовъ" комиссія имѣла великое множество, но спеціалиста по литовскому праву между ними не было ни одного. Только въ самое послѣднее время существованія комиссіи почетнымъ корреспондентомъ былъ назначенъ варшавскій ученый *Линде* (10-го ноября 1822 г., см. дѣло ком. сост. зак., 1822 г., № 308). Но комиссіи слѣдовало озаботиться этимъ и раньше; можно было бы найти и подходящее лицо: въ 1804 году уже появилось сочиненіе Чацкаго объ источникахъ литовскаго права, и его познанія могли бы быть очень полезны. Но и вообще отъ *иностранныхъ* корреспондентовъ комиссія имѣла только одно разочарованіе. Большинство изъ нихъ ничего не дѣлало; немногіе, отнесшіеся внимательно къ дѣятельности комиссіи, могли только критиковать ее (какъ, напр., Фейербахъ). Зато другіе (какъ разъ тѣ, которые ничего не дѣлали) впослѣдствіи докучали денежными требованіями, такъ какъ по первоначальному предположенію имъ полагалось въ годъ 400 р. жалованья, но на дѣлѣ оно имъ не выплачивалось. Впервые обратился въ комиссію съ просьбой прислать ему жалованье (за много лѣтъ) *Тибо* (см. объ этомъ дѣло ком. сост. зак. № 841, 1821 г., по частному реестру д. ком. № 235). Сперанскій велѣлъ разсмотрѣть его ходатайство въ совѣтѣ комиссіи, и тамъ члены послѣдняго, Тургеневъ и Морозъ, высказались отрицательно, ссылаясь, между прочимъ, на то, что жалованье корреспондентамъ назначено подъ условіемъ „если они окажутся полезными", а Тибо ничего не дѣлалъ. Противъ этого возражалъ Розенкампфъ, указывая на то, что Тибо имѣетъ формальное право на жалованье. При этомъ по справкѣ обнаружилось, что жалованье корреспондентамъ вообще было уплочено только одинъ разъ (въ 1806 г.) и то только тремъ лицамъ: прусскому ученому Піатоли, Гёккингу и Клейну, по 396 р. Далѣе, по особому Высочайшему повелѣнію было пожаловано 5000 р. (но не изъ средствъ комиссіи) дочери корреспондента *Эргардта*, опекунъ которой догадался посвятить Александру I сочиненіе Эргардта „О наказаніи за уголовныя преступленія". Просьба Тибо не была уважена;

Если бы комиссія продолжала безъ всякихъ перерывовъ свои труды, то, можетъ быть, ей бы и удалось изготовить нѣчто законченное. Правда, судя по медленности движенія дѣла, на это потребовалось бы *очень* много времени, и добытый результатъ оказался бы вовсе не

та же участь постигла и ходатайство сына корреспондента, датчанина барона *Эгерса,* переданное Сперанскому въ 1830 году (см. А. Г. С. д. II Отд. № 1018) и еще позже, наслѣдниковъ *Кирхейзена* (дѣло II Отд. 1487). Всѣхъ корреспондентовъ, которымъ было назначено жалованье, было 13 (см. записку Балугьянскаго отъ 14 апрѣля 1826 г. въ дѣлѣ II Отд. № 1, 1826 г., № 850). Въ этой запискѣ про денежные разсчеты съ ними приведено слѣдующее: „одинъ изъ нихъ (т. е. изъ корреспондентовъ) гёттингенскій проф. Тибо утруждалъ въ 1821 г. просьбой блаженныя памяти Государя Императора о выдачѣ ему жалованья за прошедшія 15 лѣтъ; просьба сія не могла быть удовлетворена, потому что вся сумма на выдачу жалованья 13 корреспондентамъ за 15 лѣтъ простиралась бы до 80.000 р. и чтобы однимъ примѣромъ Тибо не подать поводъ къ требованіямъ всѣмъ прочимъ корреспондентамъ. Въ прошломъ году извѣстный ученостью своей гёттингенскій професоръ Гуго писалъ мнѣ, что онъ за прошедшее время ничего не требуетъ и что почелъ бы за милость, ежели бы ему въ будущее время Всемилостивѣйше пожалованное жалованье производимо было“.— Балугьянскій съ своей стороны поддерживалъ его просьбу, ибо осталось въ живыхъ только 3 корреспондента (кромѣ Тибо и Гуго—еще Фейербахъ), а, слѣдовательно, расходъ былъ бы и не такъ уже великъ, и потому что „Гуго и Тибо славные профессоры, извѣстные своими сочиненіями по праву римскому и гражданскому“. Но выдавать имъ жалованье за прошлое время и онъ не считалъ необходимымъ, „равно какъ и другимъ, или за смертію ихъ—наслѣдникамъ... потому что они въ трудахъ комиссіи не участвовали...“. Для указанныхъ трехъ корреспондентовъ онъ предлагаетъ назначить вмѣсто жалованья пенсію (въ томъ же размѣрѣ, 400 р. въ годъ), начавъ выдачу оной съ 1826 г. Но это представленіе Балугьянскаго не было утверждено.

Званіе корреспондента пріобрѣталось различно; первоначально ихъ избирала комиссія изъ числа славныхъ ученыхъ, или убѣдившись въ полезности даннаго лица, и избраннику выдавался дипломъ, для иностранцевъ—на латинскомъ языкѣ. Надъ сочиненіемъ текста этого диплома много трудились, что видно изъ оставшихся въ связкѣ № 451 корректуръ. Иногда самъ домогающійся званія заявлялъ ходатайство объ этомъ, представивъ „диссертацію“, такъ, напр., сдѣлалъ въ 1815 году Веттерштрандъ (мѣстный знатокъ балтійскаго права, см. журн. ком. 3-го марта и 31-го марта 1815 г. А. Г. С., связка № 246). Иногда самъ главноуправляющій комиссіей назначалъ корреспондентовъ своей властью,—такъ поступили съ Линде (см. цитир. дѣло № 308, 1822 г.); давалось это званіе и въ видѣ награды: такъ, напр., получилъ его Энгельгардтъ, предсѣдатель курляндскаго провинціальнаго комитета по составленію свода мѣстныхъ правъ (см. связку № 248, часть 2). Присланныя иностранными учеными рукописи хранятся въ А. Г. С., дѣла ком. сост. зак., связка № 451. Тамъ между прочимъ имѣются рукописи *Weber*, Bemerkungen zu d. Entwurf d. Kriminalgesetzbuches für d. Russische Reich (1816 г.), обширный манускриптъ *Lotz*, Entwurf e. allgemeinen Gerichts- und Processordnung; *Goecking*, Ueber die Organisa-

тотъ, который ожидали. Былъ бы сдѣланъ сводъ дѣйствующаго права, съ приблизительной вѣрностью выражавшій существующій правопорядокъ. О какомъ бы то ни было раціональномъ и осмысленномъ согласованіи его съ „вѣрой, климатомъ“ и пр. отдѣльныхъ мѣстностей не могло и рѣчи быть. Эта сторона работъ комиссіи совершенно стушевалась бы, ибо она не была никому подъ силу. Всѣ широкія обобщенія, съ такой щедростью расточаемыя въ рапортахъ комиссіи, при примѣненіи къ дѣйствительной работѣ обращались въ пустой звукъ,—что, впрочемъ, и неудивительно.

Но безплодная дѣятельность комиссіи не могла остаться незамѣченною. Къ концѣ 1808 г. для внесенія порядка въ нее и ближайшаго надзора за ней, былъ назначенъ Сперанскій, и съ этого момента начался новый періодъ ея существованія.

Первое засѣданіе присутствія комиссіи со Сперанскимъ состоялось 19-го ноября 1808 года [1]) и тогда же былъ намѣченъ рядъ преобразованій. Вмѣсто экспедицій были учреждены отдѣленія (числомъ шесть) и было рѣшено обрабатывать не всѣ части законовъ сразу, а одну за другой. Шестому отдѣленію уже прямо поручалось составленіе *свода* малороссійскихъ и польскихъ законовъ; прежняя программа комиссіи въ дѣлѣ собранія мѣстныхъ законовъ приводилась въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, что можно было сдѣлать. Но успѣховъ отъ этого не оказалось никакихъ, ибо въ дѣйствительности все вниманіе было обращено на окончаніе общихъ для имперіи уложеній гражданскаго и уголовнаго, съ принадлежащими къ нимъ отдѣлами изъ судопроизводства. Къ этой работѣ былъ привлеченъ и Повстанскій; при распредѣленіи чиновниковъ по отдѣленіямъ онъ былъ переведенъ въ

tion d. Senats d. Russischen Reiches; его же, Darstellung d. Preussischen Justizorganisation; рукопись, озаглавленная „Brief d. H. *Gundelach* mit Anmerkungen über den 9 und 10 Titel des I Theiles d. preuss. Gesetzbuches“; Beiträge zur Erläuterung des Civilprocess, сочиненіе саксонскаго адвоката *Rousseau*; громадная тетрадь *Globig*, Grundriss zu einem neuen Gesetzbuch—она помѣчена полученною 15-го мая 1805 г., повидимому она впослѣдствіи была издана авторомъ въ печати подъ заглавіемъ „Hans Ernst *v. Globig*, System einer vollständigen Gesetzgebung, für die Kais. Russ. Gesetzekommission entworfen, II Aufl. 1815 и 1816; 3 тома (въ предисловіи сказано, что это переработка его проекта); тамъ же хранятся и разобранныя выше рукописи Фейербаха и Мютеля и кромѣ того нѣсколько мелкихъ Кирхейзена, Клейна и др., переписка съ Тибо и т. д.

[1]) См. обширный журналъ засѣданія 19-го ноября 1808 г.; подробности новаго устройства комиссіи, штатовъ и пр. см. у П. М. *Майкова*, *Журн. Мин. Юст.* 1905, ноябрь.

первое, которое вѣдало указанныя выше части уложенія, и хотя онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и значился начальникомъ шестого отдѣленія и въ качествѣ его помощника по этой части упоминается Анастасевичъ [1]), но на самомъ дѣлѣ мѣстными законами ему не пришлось заниматься [2]). За время послѣ 1809 г. самостоятельная дѣятельность комиссіи по собранію мѣстныхъ законовъ совершенно прекратилась. Это можно заключить, во-первыхъ, изъ того, что когда въ 1815 г. государственный секретарь запросилъ комиссію о произведенныхъ съ 1809 г. работахъ, то въ отвѣтѣ комиссіи нѣтъ ни слова о составленіи мѣстныхъ сводовъ [3]). И далѣе, когда впослѣдствіи, уже при составленіи Свода Законовъ, въ тридцатыхъ годахъ стали разыскивать работы предшественниковъ, то оказалось, что „въ архивѣ II Отдѣленія не содержится никакихъ трудовъ по составленію Свода Законовъ Западныхъ губерній за все время съ 1809 по 1818 г., кромѣ нѣсколькихъ по частнымъ дѣламъ заключеній, требованныхъ отъ комиссіи, и замѣчаній на проектъ устава, составляемаго для Бѣлостокской области“ [4]).

III.

Но краснорѣчивѣе, чѣмъ всякія разсужденія, о безпомощности комиссіи свидѣтельствуетъ послѣдняя мѣра, придуманная ею для созданія провинціальныхъ законовъ. Не будучи въ состояніи сама найти законовъ, комиссія послала искать ихъ въ провинціи.

Въ 1818 г. главноуправляющій, князь Лопухинъ разослалъ по всѣмъ губерніямъ, „на особыхъ правахъ состоящимъ“, циркулярное предложеніе—собрать для составленія мѣстныхъ сводовъ особые комитеты [5]). Въ эти комитеты генералъ-губернаторы должны были на-

---

[1]) Штатъ 1809 г. помѣщенъ въ П. С. З. 7-го марта 1809 г. № 23525. Денежныя ассигнованія были сокращены до 79.000 р.

[2]) См., напр., дѣло 11-го апрѣля 1819 г. № 754 „о занятіяхъ на чиновниковъ комиссіи возлагаемыхъ“, изъ коего видно, что Анастасевичу было поручено составленіе главъ о наслѣдствѣ—изъ общаго уложенія и разныхъ реестровъ къ „систематическому своду“, т. е. опять-таки общихъ законовъ.

[3]) См. журналъ засѣданія комиссіи 5 февраля 1815 г.

[4]) „Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о сост. Свода Зап. Зак.“—См., напр., журналъ 17-го мая 1821 г., когда комиссія давала заключенія по вопросу „объ отмѣнѣ конституціи 1726 г., запрещающей литовскимъ жителямъ пріобрѣтать отъ иностранцевъ облиговыя обязательства“, или (8-го октября 1821 г.): „о прекращеніи дѣйствія межевыхъ судовъ надъ государственными имуществами въ Западныхъ губерніяхъ“. Эти заключенія составлялись *въ общемъ* тщательно и не плохо.

[5]) Краткій и неполный очеркъ всей этой затѣи комиссіи имѣется въ запискѣ

значить опытныхъ и свѣдущихъ людей, на которыхъ возлагалась обязанность сдѣлать *своды* дѣйствующихъ законовъ; начать работу они должны были съ собранія законовъ, относящихся до гражданскаго права. Но, наряду съ собраніемъ дѣйствующаго права, комитетамъ, кромѣ того, предоставлялось прибавлять къ статьямъ свода свои замѣчанія о недостаткахъ и неудобствахъ даннаго закона и указанія на необходимыя въ немъ исправленія. Слѣдовательно, эти своды, въ цѣломъ, должны были выражать собой нѣчто среднее между собраніемъ дѣйствующихъ законовъ и проектомъ новыхъ [1]).

Направивъ дѣло въ дальніе края, комиссія уже больше и не возвращалась къ самостоятельной работѣ по созданію мѣстнаго кодекса. Ей приходилось только направлять чужую дѣятельность и руководить ею, да и это случалось рѣдко, по той простой причинѣ, что и комитеты ничего не дѣлали. Получивъ такое предписаніе изъ Петербурга, генералъ-губернаторы распорядились учредить комитеты; они были образованы въ губерніяхъ: Лифляндской, Курляндской, Эстляндской, Черниговской, Полтавской, Витебской, Виленской, Гродненской, Минской, Подольской и Волынской [2]). А въ Кіевской комитетъ и вовсе не былъ образованъ. Къ этимъ комитетамъ комиссія и обращалась всякій разъ, когда возникала необходимость

Балугьянскаго (1826 г.), представленной Сперанскому, въ дѣлѣ А. Г. С. № 14, 1826 г. (861). Эта записка почти дословно напечатана въ статьѣ *П. М. Майкова Журн. Мин. Юстиціи*, декабрь 1905 г., стр. 189—192.

[1]) Наиболѣе опредѣленная инструкція была послана въ могилевскій комитетъ (А. Г. С., дѣла комиссіи составленія законовъ, связка 490—518, д. № 498, письмо (за подписью Розенкампфа) къ губернатору, барону Меллеръ-Закомельскому отъ 27-го октября 1821 г.). „Цѣль сихъ комитетовъ“, говорится въ этомъ письмѣ, „есть представить въ полнотѣ право, существующее въ каждой изъ привилегированныхъ губерній, посему труды учрежденнаго въ Могилевѣ комитета должны состоять въ изложеніи: 1) Статута Литовскаго, 2) Польскихъ конституцій, получившихъ силу въ семъ краѣ, 3) тѣхъ изъ россійскихъ законовъ, кои имѣютъ дѣйствіе въ Могилевской губерніи, и 4) въ показаніи перемѣнъ и ограниченій, которыя судебная практика, можетъ быть, внесла по нѣкоторымъ изъ сихъ источниковъ права“. Далѣе рекомендуется слѣдовать присылаемому плану, чтобы обнять всѣ предметы, или же сочинить свой, если это будетъ признано болѣе удобнымъ. Но эта инструкція уже нѣсколько отличается отъ первоначальной, такъ какъ въ ней отсутствуетъ указаніе на критическія дополненія, а ожидается отъ комитета только сводъ дѣйствующаго права. Но, разумѣется, и его не дождались.

[2]) Въ цитированномъ дѣлѣ № 14, 1826 г. имѣется таблица, въ которой показано время учрежденія комитетовъ и результаты ихъ дѣятельности (т. е. поступило ли вообще отъ нихъ что-нибудь), но приведенныя въ ней даты не всѣ вѣрны.

проявить дѣятельность по составленію провинціальныхъ сводовъ. Такой случай представился въ 1820 г. Лопухинъ, уѣзжая въ іюнѣ этого года въ отпускъ за границу, оставилъ комиссіи инструкцію относительно того, что дѣлать ей въ его отсутствіе. Въ этой инструкціи очень наивно поручается комиссіи сдѣлать за это время въ сущности все то, что ей вообще полагалось сдѣлать за все время ея существованія: она должна была составить сводъ уголовныхъ законовъ, закончить сводъ гражданскихъ, а въ 3 пунктѣ предписанія указывалось, „чтобы также *начатъ* и *продолжаемъ* былъ сводъ по привилегированнымъ губерніямъ". Обсуждая это предписаніе главноуправляющаго, совѣтъ комиссіи въ засѣданіи 5-го іюля 1820 г., между прочимъ, постановилъ: „3) Относительно сводовъ провинціальныхъ доложить г. главноуправляющему, что, на основаніи предложенія его свѣтлости старшему члену совѣта отъ 5-го минувшаго іюня, относился онъ циркулярно ко всѣмъ провинціальнымъ комитетамъ, дабы они доставили свѣдѣнія, на какомъ основаніи продолжаютъ свои занятія, приложивъ при томъ для представленія его свѣтлости записку о предметахъ свода провинціальныхъ губерній (sic), кои уже составлены и приведены къ окончанію, сообразно плану утвержденному для составленія систематическаго свода о гражданскомъ правѣ, разосланному циркулярно 24-го мая 1818 г. ко всѣмъ г.г. начальникамъ губерній, въ коихъ учреждены сіи комитеты, и что по полученіи отъ нихъ свѣдѣній старшій членъ совѣта не преминетъ представить ихъ его свѣтлости" [1]).

Распорядившись такимъ образомъ, комиссія стала выжидать присылки работъ комитетовъ, но ихъ получила она немного. Къ 1822 году прислали свои продукты только комитеты изъ балтійскаго края—эстляндскій (29-го марта 1819 г.), который составилъ вступленіе къ законамъ гражданскимъ (всего 52 параграфа) и собралъ еще другіе законы въ выпискахъ, и курляндскій (24-го іюля 1820 г.), отъ котораго была получена печатная „роспись" законамъ, оказавшаяся, по мнѣнію комиссіи, очень полезною. Что же касается комитетовъ въ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ, то отъ нихъ не поступило почти ничего. Только минскій комитетъ прислалъ, въ два пріема (13-го августа и 19-го октября 1821 г.) собранія своихъ работъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что онѣ состоятъ изъ общихъ разсужденій о законодательствѣ, нравственности, о средствахъ

---

[1]) А. Г. С. дѣла комиссіи составленія законовъ, № 201, 1820 г. (807).

къ исправленію нравовъ, о театрахъ, періодическихъ изданіяхъ, типографіяхъ и пр. Самихъ „законовъ" комитетъ коснулся весьма поверхностно, вставивъ лишь нѣсколько выписокъ изъ учебника Островскаго [1]); были присланы также нѣкоторыя выписки изъ польскихъ конституцій, безъ всякаго порядка, при чемъ оставалось иногда неяснымъ, гдѣ приведены законы общіе, а гдѣ мѣстные. Упомянулъ комитетъ, говоря о правѣ лицъ, о своеобразныхъ „тубыльцахъ" („туземцахъ"), проживавшихъ въ Минской губерніи, о татарахъ, цыганахъ, евреяхъ, но на этотъ пунктъ, юридически представляющій нѣкоторый интересъ, уже комиссія не обратила никакого вниманія— никто изъ членовъ ея совѣта не имѣлъ достаточнаго представленія о составѣ населенія западной окраины и объ историческомъ складѣ его, и остались для него эти разсужденія комитета пустымъ звукомъ [2]). Въ журналѣ совѣта комиссіи звучитъ какая-то иронія, и даже насмѣшка надъ разсужденіями комитета, хотя, въ сущности, никакого права на это *она* не имѣла. Этимъ и еще немногими другими бумагами и ограничились всѣ сношенія комиссіи съ комитетами.

Когда въ 1826 году комиссія составленія законовъ была упразднена и взамѣнъ ея было учреждено Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, то новый начальникъ этого учрежденія, Балугьянскій, представилъ Сперанскому, 14-го апрѣля 1826 г., отчетъ о положеніи дѣлъ комиссіи. Подводя итоги дѣятельности ея по различнымъ отраслямъ, онъ указывалъ, между прочимъ, и на существованіе этихъ мѣстныхъ комитетовъ, а также и на желательность собрать свѣдѣнія о томъ, въ какомъ положеніи находится ихъ работа [3]).

Такъ и было сдѣлано [4]). 30-го апрѣля 1826 г. статсъ-секретарь Муравьевъ сообщилъ во II Отдѣленіе Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы были собраны свѣдѣнія о дѣятельности комитетовъ, и по полученіи ихъ комитеты были закрыты. Немедленно же были разосланы по всѣмъ мѣстнымъ властямъ запросы, вскорѣ пришли и отвѣты, но

---

[1]) Это отмѣчено не въ журналахъ комиссіи, которая, конечно, не была бы въ силахъ замѣтить, изъ какой польской книги что заимствовано, а въ „Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній", очевидно—Даниловичемъ.

[2]) А. Г. С. журналы Совѣта комиссіи составленія законовъ, 31-го марта 1822 д. (связка 248, часть 2, дѣло № 20).

[3]) А. Г. С. 1826 г. № 1 (850), II Отдѣленія.

[4]) Къ дальнѣйшему, см. А. Г. С., дѣло № 14, 1826 г. (861), о закрытіи провинціальныхъ комитетовъ.

мало утѣшительные. Изъ Малороссіи было получено сообщеніе отъ генералъ-губернатора, что „въ комитетахъ, учрежденныхъ было въ малороссійскихъ губерніяхъ для составленія сводовъ провинціальныхъ, никакихъ существенныхъ дѣйствій не происходило"; изъ Кіева губернаторъ Ковалевъ донесъ, что комитета вовсе не оказалось и что предшественникъ его, Назимовъ, обращался въ комиссію составленія законовъ съ просьбою прислать пособія и получилъ отъ Розенкампфа оглавленіе систематическаго свода, но этимъ вообще все ограничилось; Римскій-Корсаковъ, литовскій генералъ-губернаторъ, написалъ, что дѣятельность комитетовъ въ его губерніяхъ пріостановилась за неполученіемъ пособій отъ комиссіи; князь Хованскій донесъ, что въ Могилевской губерніи въ свое время собирались члены комитета, а въ Витебской—нѣтъ; витебскій повѣтовый маршалъ сообщилъ ему, что въ комитетъ было избрано 15 человѣкъ отъ дворянства, но бо́льшая часть уклонилась отъ всякихъ работъ, ссылаясь на различныя причины. Хованскій просилъ прислать ему труды комитетовъ другихъ губерній, чтобы соотвѣтственно съ ними начать работы въ губерніяхъ, ввѣренныхъ его управленію. Только изъ Подольской губерніи пришла вѣсть, что комитетъ работаетъ „несмотря на отсутствіе жалованья". При такомъ положеніи дѣла оставалось только закрыть комитеты; въ этомъ смыслѣ и было разослано циркулярно Высочайшее повелѣніе по губерніямъ, а всѣ труды ихъ, какіе оказались, приказано было передать во II Отдѣленіе, гдѣ они поступили на заключеніе проф. Даниловича, въ это время уже работавшаго надъ своимъ проектомъ свода.

Но трудъ Даниловича въ этомъ отношеніи былъ до крайности облегченъ; онъ получилъ только сочиненія виленскаго и могилевскаго (бѣлорусскаго) комитетовъ, да отъ комиссіи составленія законовъ остались ему работы подольскихъ и минскихъ юристовъ, присланныя въ 1822 году. Изслѣдованія бѣлорусскаго комитета не стоило и читать, такъ какъ они содержали только Литовскій Статутъ съ дополненіями изъ различныхъ сеймовыхъ постановленій [1]), труды минскаго охарактеризованы выше, да и работы другихъ были не лучше.

Но можно ли винить въ этомъ отношеніи мѣстныхъ юристовъ? Откуда могли они добыть всѣ необходимыя свѣдѣнія и матеріалы для окончанія работы, которая оказалась не по силамъ даже громадной комиссіи составленія законовъ, обставленной такъ богато и широко? Членами комитетовъ были, въ лучшемъ случаѣ, мѣстные

[1]) „Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній".

чиновники, имѣвшіе помимо всего прочаго свою обычную работу и вовсе не обладающіе тѣмъ широкимъ образованіемъ, которое позволило бы имъ охватить и все дѣйствующее право и подмѣтить его недостатки. Имъ оставалось только переписать тѣ обычные сборники, которые у нихъ были всегда подъ руками, и при перепискѣ ихъ нѣсколько сократить.

Наибольшую, сравнительно, дѣятельность проявилъ, повидимому, подольскій комитетъ, приславшій цѣлый томъ весьма внушительнаго объема [1]), подъ заглавіемъ „Zbiór Systematyczny Praw Narodu Polskiego", содержащій 11 раздѣловъ (о правѣ состояній и нѣкоторыхъ другихъ матеріяхъ); этотъ же комитетъ, по удостовѣренію губернатора, работалъ даже и въ 1830 г. и притомъ—безкорыстно.

Однако, о работѣ этого учрежденія не слѣдуетъ имѣть преувеличеннаго мнѣнія. Любопытный свѣтъ на его труды проливаетъ письмо, присланное во II Отдѣленіе однимъ изъ участниковъ его, каменецъ-подольскимъ епископомъ Боргіешемъ Мацкевичемъ [2]). Изъ него видно, что когда пришло въ Каменецъ предписаніе закрыть комитетъ, то эта бумага была переслана губернаторомъ къ епископу, и хотя послѣдній ее и возвратилъ, „ибо не составлялъ комитета", но ее снова направили къ нему по той причинѣ, „что онъ могъ знать о членахъ комитета". Тогда епископъ началъ „дѣйствовать за комитетъ", но, конечно, ничего не успѣлъ сдѣлать. Поэтому онъ счелъ необходимымъ переслать во II Отдѣленіе свою прежнюю работу — отдѣлъ о супружествѣ римско-католическаго вѣроисповѣданія, и при этомъ объяснилъ причины этой присылки. Его, какъ оказывается, пригласили въ комитетъ, когда онъ впервые былъ образованъ (въ 1821 г.); тогда же была подѣлена работа между „комплектомъ" комитета, состоявшимъ изъ пяти лицъ, при чемъ одинъ изъ нихъ взялъ на себя и отдѣлъ о супружествѣ, а епископу ничего не было оставлено. Однако, „членъ въ принятой на себя обязанности медлилъ", и поневолѣ обратились (въ концѣ 1822 г.) къ епископу, который и представилъ (въ половинѣ 1823 г.) свой проектъ. Но когда (въ концѣ 1823 г.) комитетъ въ составѣ „комплекта", т. е. 5 лицъ, началъ обсуждать его работу,

---

[1]) А. Г. С. Дѣла комиссіи составленія законовъ № 741; этотъ томъ былъ присланъ въ 1823 году.

[2]) Отношеніе римско-католическаго подольско-каменецкаго епископа и кавалера Б. Мацкевича, отъ 27-го марта 1831 г. (А. Г. С. дѣло № 14, 1826 г., 861). Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ нѣтъ приложеній (двухъ), содержащихъ (А) описаніе дѣятельности комитета (повидимому), и (Б) копію проекта, составленнаго Мацкевичемъ.

то совѣтникъ губернскаго правленія Леонъ Кондрацкій (повидимому, главный дѣятель комитета) сталъ спорить противъ проекта епископа, и въ концѣ концовъ заявилъ, что „для него лутши Берлиньскія права, чѣмъ каноническія"; послѣ этого епископъ ушелъ и больше въ комитетъ не былъ призываемъ. Но потомъ онъ узналъ, что „комплектъ" не передалъ дѣла на обсужденіе общаго собранія комитета (изъ 20 лицъ состоящаго), а самовольно произвелъ въ работѣ его перемѣны и въ этомъ измѣненномъ видѣ переслалъ въ комиссію составленія законовъ. Епископъ протестовалъ, но это не помогло, и вотъ, опасаясь, чтобы „что-нибудь противнаго его вѣрѣ по брачнымъ обстоятельствамъ не сдѣлалось", или, чтобы онъ не показался незнающимъ правъ своей вѣры, онъ и послалъ копію своего проекта главноуправляющему дѣлами иновѣрцевъ въ Россіи Шишкову, а потомъ на всякій случай—и во II Отдѣленіе.

Изъ этого письма явствуетъ, что, во-первыхъ, послѣ 1824 г. никакой работы въ комитетѣ не производилось и что, во-вторыхъ, къ 1830 г. объ немъ даже исчезла память въ губернскомъ правленіи, и пришлось за справками обращаться къ епископу. Губернаторъ былъ правъ: комитетъ въ самомъ дѣлѣ жалованья не получалъ, но зато ничего и не дѣлалъ.

Иной оборотъ приняло дѣло въ Вильнѣ [1]). Отъ виленскаго комитета можно было ожидать наибольшаго: въ старинномъ центрѣ Литвы были сосредоточены высшія судебныя и административныя учрежденія, тамъ были университетъ, библіотека, архивы; тамъ можно было найти свѣдущихъ теоретиковъ и практиковъ-юристовъ. Но вышло иначе; губернскій прокуроръ Ботвинко, которому генералъ-губернаторъ (Римскій-Корсаковъ) поручилъ устроить это дѣло, началъ съ того, что представилъ пространныя соображенія, которыя предопредѣлили дальнѣйшую дѣятельность комитета и въ которыхъ ясно сквозитъ стремленіе свести все дѣло на нѣтъ [2]). Онъ прежде всего изо-

[1]) Дѣлопроизводство виленскаго комитета хранится въ А. Г. С., № 742 (дѣла комиссіи сост. законовъ). Оно состоитъ изъ пяти книгъ: А, содержащей списокъ съ указовъ, В—журналъ дѣйствій, С—книги, объемлющей переписку объ учрежденіи комитета, D и Е—журналы входящей и исходящей корреспонденціи.

[2]) Рапортъ 27-го іюля 1818 г. (цитир. дѣло № 742). Въ этомъ рапортѣ Ботвинко приводилъ образецъ статей свода (всего 3 статьи), какъ ихъ надо было составить, по его мнѣнію. Онѣ содержали краткое изложеніе постановленій Литовскаго Статута и польскихъ законовъ, съ указаніемъ на тѣ акты, откуда онѣ заимствованы. — О личности Ботвинки весьма неодобрительные отзывы у *Lelevel*, Nowosiltzov à Vilna (цитирую французскій переводъ, вышедшій въ Bruxelles, въ 1844 г.) стр. 35, прим.

бразилъ всю трудность составленія провинціальнаго свода, котораго де и сама комиссія, состоящая изъ опытныхъ и искусныхъ знатоковъ, въ теченіе 12 лѣтъ не смогла двинуть впередъ, несмотря на богатство имѣвшихся въ ея распоряженіи пособій, и попросилъ прислать въ комитетъ образецъ свода, и все то, что уже сдѣлано комиссіей; а во-вторыхъ, и это составляетъ гвоздь рапорта, указалъ на то, что безъ вознагражденія нельзя привлечь къ работѣ мѣстныхъ юристовъ, занятыхъ своей обычной работой. Расходы по комитету онъ исчислилъ очень широко—500 р. въ годъ жалованья каждому члену, да на наемъ помѣщенія и канцеляріи, всего 7.200 р. въ годъ, а такъ какъ работы, по его мнѣнію, должны были продолжиться по крайней мѣрѣ 2 года, то всего требовалось свыше 14.000 руб. *серебромъ*; эту сумму онъ полагалъ взять изъ земскихъ повинностей. Самую же работу онъ предлагалъ подѣлить между двумя комитетами—виленскимъ и гродненскимъ [1]), съ тѣмъ чтобы работы одного поступали, по окончаніи, на просмотръ другого [2]).

На эти предложенія прокурора комиссія, разумѣется, не согласилась; денегъ не дали, а было предписано работать безкорыстно. Помимо краткаго официальнаго приказанія объ этомъ, за подписью Лопухина, Ботвинко получилъ еще отъ Розенкампфа болѣе пространное письмо, въ которомъ Розенкампфъ указывалъ на то, что работы комитета не должны заключаться въ списываніи Литовскаго Статута и другихъ законовъ, которые уже имѣются въ комиссіи, а только въ перечисленіи тѣхъ частей законодательства, которыя примѣняются на дѣлѣ, а также и въ указаніи замѣченныхъ практическихъ недостатковъ. Много краснорѣчія потратилъ Розенкампфъ и на доказываніе необходимости комитету работать безъ жалованья. Онъ писалъ, что законы составляются для общей пользы, что такая работа—долгъ дворянъ передъ отечествомъ вообще и передъ роднымъ краемъ въ частности; приводилъ въ примѣръ другіе комитеты, которые работаютъ даромъ, и заканчивалъ намекомъ на то, что Ботвинкѣ, какъ

---

[1]) Гродненскій комитетъ долженъ былъ начать съ уголовныхъ законовъ, но съ этимъ предложеніемъ не согласился Розенкампфъ, такъ какъ комиссія особенно желала получить сводъ гражданскихъ законовъ. Розенкампфъ предлагалъ раздѣлить работы между 3 комитетами, предоставивъ одному—права лицъ, другому—права вещей, третьему—обязательства (см. дѣло № 742).

[2]) Сношенія комиссіи сост. законовъ съ гродненскимъ комитетомъ касались только чисто формальныхъ вопросовъ; этотъ комитетъ ровно ничего не сдѣлалъ. А. Г. С. дѣла ком. сост. зак. связки 490—518, д. № 498.

прокурору, не слѣдуетъ настаивать на жалованьѣ, такъ какъ по долгу службы онъ долженъ наблюдать за исполненіемъ закона. Но настойчивыя указанія Ботвинки впослѣдствіи (1821 г.) все-таки привели къ тому, что изъ средствъ комиссіи было отпущено комитету 1.000 р. серебромъ на наемъ писцовъ и помѣщенія,—если принять во вниманіе скупость [1]) Лопухина, то это была побѣда весьма значительная.

Кромѣ этихъ 1.000 рублей комитетъ получилъ изъ Петербурга только еще одно пособіе—краткое оглавленіе систематическаго свода законовъ, согласно которому долженъ былъ быть составленъ и мѣстный сводъ [2]). Комитетъ въ самомъ дѣлѣ собрался и имѣлъ съ 29-го

---

[1]) О ней см. *Корфъ*, Жизнь гр. Сперанскаго, II ч., стр. 302.

[2]) Это пособіе, присланное изъ комиссіи, состояло въ слѣдующемъ: „Утвержденный планъ для составленія Систематическаго Свода Законовъ о гражданскомъ правѣ, издаваемаго комиссіей составленія законовъ. Вступленіе: о законахъ вообще. *Часть I Право лицъ.* Глава I О гражданскихъ правахъ лицъ вообще, о пріобрѣтеніи, лишеніи и возстановленіи оныхъ, съ присовокупленіемъ изложенія правъ и преимуществъ, присвоенныхъ разнымъ состояніямъ (классамъ) въ государствѣ. Гл. II о жительствѣ. Гл. III объ отсутствующихъ. Гл. IV о доказательствахъ гражданскаго состоянія. Гл. V о гражданскихъ правахъ иностранцевъ, въ Россіи пребывающихъ. Гл. VI о бракѣ или супружествѣ. Гл. VII о доказательствахъ законнаго рожденія. Гл. VIII о незаконнорожденныхъ и сопричисленіи ихъ къ дѣтямъ законнымъ. Гл. IX объ усыновленіи. Гл. X объ опекѣ и попечительствѣ. *Часть II Объ имуществахъ.* Гл. I о разныхъ родахъ имуществъ. Гл. II о владѣніи и его послѣдствіяхъ. Гл. III о собственности. Гл. IV о собственности общей. Гл. V о принадлежностяхъ собственности. Гл. VI о срочномъ содержаніи. Гл. VII о повинностяхъ. Гл. VIII о наслѣдствѣ вообще и открытіи онаго. Гл. IX о качествахъ потребныхъ къ наслѣдованію. Гл. X о порядкѣ наслѣдованія по закону (successio ab intestato). Гл. XI о порядкѣ законнаго наслѣдованія въ прямой нисходящей линіи мужескаго пола. Гл. XII о порядкѣ наслѣдія мужскаго пола въ линіяхъ восходящихъ и боковыхъ. Гл. XIII о наслѣдіи женскаго пола. Гл. XIV о наслѣдіи супруговъ. Гл. XV о правахъ казны на наслѣдство. Гл. XVI о принятіи наслѣдства и отреченіи отъ онаго. Гл. XVII о распорядкѣ имѣніемъ при жизни владѣльца. Гл. XVIII о даровныхъ записяхъ. Гл. XIX объ условіяхъ потребныхъ для дѣйствительности даровныхъ записей. Гл. XX о даровныхъ записяхъ между супругами. Гл. XXI объ исключительныхъ случаяхъ, уничтожающихъ даровныя записи. Гл. XXII о наслѣдствѣ по договорамъ. Гл. XXIII о духовныхъ завѣщаніяхъ. Гл. XXIV о формѣ завѣщаній. Гл. XXV о разныхъ имѣніяхъ завѣщаемыхъ. Гл. XXVI объ открытіи и объявленіи духовнаго завѣщанія. Гл. XXVII о душеприкащикахъ или исполнителяхъ завѣщаній. Гл. XXVIII объ уничтоженіи духовныхъ завѣщаній. Гл. XXIX о порядкѣ раздѣловъ. *Часть III Объ обязательствахъ или договорахъ.* Гл. I о договорахъ вообще. Глава II о куплѣ и продажѣ. Гл. III о мѣнѣ. Гл. IV о рядныхъ приданному записяхъ. Гл. V о наймѣ. Гл. VI объ отдачѣ на сбереженіе. Гл. VII о товариществѣ. Гл. VIII о полномочіи. Гл. IX о ссудѣ.

іюля 1821 г. по 24-е октября 1830 г. всего 6 засѣданій, которыя дѣла впередъ не подвинули. Комитетъ, прежде всего, установилъ, что у него нѣтъ необходимыхъ матеріаловъ, что есть только Статутъ, да Volumina legum; имѣвшіяся же у его членовъ собранія указовъ растеряны во время нашествія непріятеля въ 1812 году, а потому необходимо собрать ихъ по архивамъ присутственныхъ мѣстъ, о чемъ и затѣялъ огромную переписку. Потомъ возбудили вопросъ о приглашеніи въ число членовъ профессора мѣстнаго университета Даниловича [1]), затѣмъ подѣлили между собой работу; между прочимъ, Даниловичу было поручено составить вступленіе къ своду, а Кукевичу— V главу. На этомъ все и кончилось. Даниловичъ, которому впослѣдствіи (1-го апрѣля 1831 г.) [2]) пришлось дать заключеніе о трудахъ комитета, совершенно справедливо указалъ, что онъ не пошелъ дальше „подготовительныхъ дѣйствій", а именно „ходатайствовалъ объ отпускѣ 14.000 руб., нашелъ секретаря, пригласилъ его, Даниловича, и переписалъ въ одну книгу указы съ 1795 по 1800 г." [3]). „Ни одна глава самого свода законовъ не только окончена, но даже начата, вѣроятно по той причинѣ, что самъ комитетъ не очень твердо понималъ силу возложенныхъ на него обязанностей, какъ сіе изъ бумагъ онаго усмотрѣть можно".

Конечно, нельзя хвалить мѣстныхъ юристовъ за такое безучастное отношеніе къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ, но другого ожидать нельзя было. Не они виноваты, что не умѣли справиться съ такой трудной задачей, а вслѣдствіе этого сознанія—и не имѣли никакого желанія приступать къ этой работѣ. Во всемъ виновата ко-

---

Гл. X о займѣ вообще и особенно подзаемныхъ обязательствахъ. Гл. XI о займѣ подъ залогъ движимыхъ вещей. Гл. XII о займѣ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній. Гл. XIII о поручительствѣ. Гл. XIV о запрещеніяхъ. Гл. XV о взысканіяхъ. Гл. XVI о удовлетвореніи кредиторовъ по конкурсу. Гл. XVII о личномъ задержаніи по гражданскимъ искамъ. Гл. XVIII о мировыхъ сдѣлкахъ. Гл. XIX о давности.—*Примѣчаніе*. Подробнѣйшія подраздѣленія каждой главы представляются мѣстному соображенію существа провинціальныхъ законовъ, придерживаясь, сколько возможно, порядку, принятому комиссіей составленія законовъ въ издаваемомъ ею систематическомъ сводѣ общихъ законовъ россійской Имперіи". См. А. Г. С. дѣла ком. сост. зак. № 742, книга В.

[1]) Онъ и былъ опредѣленъ туда 16-го октября 1821 г. (см. цитированное дѣло № 742).

[2]) См. А. Г. С. дѣло № 14, 1826 г. (№ 861).

[3]) „Не окончивъ и сей работы, какъ сказано въ „Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній", успѣли списать указы только съ 1795 по 1797 г.

миссія; на мѣста можно было послать только уже готовый проектъ для просмотра и дополненія. Если же она обратилась къ мѣстнымъ людямъ, то должна была и наблюдать за ихъ работой и облегчать ее,— въ этомъ направленіи, однако, ничего не было сдѣлано. Очевидно, что результатами кодификаціи на мѣстахъ, въ сущности, никто въ комиссіи не интересовался,—рады были свалить работу на чужія плечи и имѣть канцелярское оправданіе, что дѣло числится не прямо за комиссіей.

Такимъ образомъ, и эту попытку комиссіи упорядочить мѣстное законодательство постигла неудача.

Въ послѣдній періодъ своего существованія одряхлѣвшей комиссіи еще только одинъ разъ, да и то не по собственному почину, пришлось заняться однимъ общимъ вопросомъ литовско-польскаго права, дѣломъ, которое входило въ нормальный кругъ ея дѣятельности, именно, переводомъ Литовскаго Статута. Но ея отношеніе къ этой новой работѣ является только лишнимъ доказательствомъ ея безсилія что либо сдѣлать. Однако, для болѣе подробнаго выясненія этого эпизода изъ исторіи комиссіи слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе.

Законы мѣстные все еще только „собирались“ въ Петербургѣ, а между тѣмъ практикѣ надо было имѣть хотя бы какое-нибудь, даже и не вполнѣ точное, руководство для примѣненія ихъ, и притомъ— особенно для Сената и другихъ центральныхъ учрежденій—руководство на русскомъ языкѣ. Подъ давленіемъ этой настоятельной необходимости министръ юстиціи, онъ же и главноуправляющій комиссіей, свѣтлѣйшій князь Лопухинъ, поручилъ своимъ подчиненнымъ по *комиссіи* перевести распространенную польскую книгу, содержащую элементарныя свѣдѣнія о литовскомъ правѣ. Это былъ алфавитный сборникъ законовъ, нѣчто въ родѣ подробнаго указателя къ Статуту съ необходимыми дополненіями, неизвѣстнаго автора, вышедшій въ 1783 г. въ Варшавѣ, подъ заглавіемъ: Prawa ze Statutu W. Ks. Litewskiego i Konstitucyi dla wygody pilnujących z urzędu albo potrzeby Sądow i dla innych obywatelów Koronnych i Litewskich wiadomosci porządnie podług alfabetu zebrane a ile w processa prawne wchodzących o pretensye wszelakie (W Warszawie 1783, in 8°, 796 stron.) По-русски эта книга была издана подъ заглавіемъ „Ручной словарь, или краткое содержаніе польскихъ и литовскихъ законовъ, служащихъ руководствомъ въ судебныхъ тяжбахъ всякаго рода, собранныхъ для употребленія въ присутственныхъ мѣстахъ и для пользы частныхъ обывателей коронныхъ и литовскихъ провинцій. Въ Санктпетербургѣ при

Сенатской типографіи, 1810 г.“ (въ четвертую долю, XV+382 стр.). Переводчики облегчили себѣ задачу тѣмъ, что сохранили порядокъ (алфавитный) подлинника во всей его неприкосновенности, т. е., всѣ термины, которые пояснены въ текстѣ статьями, оставлены на польскомъ языкѣ и въ порядкѣ алфавита подлинника, а переведенъ только самый текстъ. Переводъ польскихъ терминовъ на русскій языкъ сдѣланъ въ отдѣльномъ введеніи (XV страницъ). Вслѣдствіе этого, въ русской обработкѣ эта книга по внѣшнему виду можетъ быть принята за простой филологическій словарь юридическихъ терминовъ, а не за нѣкоторую юридическую энциклопедію, каковой она является въ подлинникѣ; по существу же перемѣнъ въ нее не было внесено никакихъ. Работа эта была выполнена по порученію Лопухина „редакторомъ польскихъ и литовскихъ правъ“ Повстанскимъ и его помощниками [1]).

Но этотъ словарь самъ по себѣ еще былъ недостаточенъ для практическаго примѣненія мѣстныхъ законовъ. Необходимо было изготовить и переводъ хотя бы самаго главнаго памятника — Статута. И на эту работу обратилъ вниманіе все тотъ же Лопухинъ, но въ качествѣ *министра юстиціи*, и выполнили ее чиновники комиссіи законовъ.

Но здѣсь еще до приступа къ работамъ предстояло рѣшить первый и очень важный вопросъ, съ какого текста переводить Литовскій Статутъ?

Древнѣйшія изданія, напечатанныя на русскомъ языкѣ, языкѣ оригинала (изд. 1588 г., Мамоничей), съ теченіемъ времени были совершенно вытѣснены польскимъ переводомъ; не только въ практикѣ руководствовались исключительно польскими изданіями, но даже и выдающіеся ученые позабыли о русскомъ текстѣ. Такъ напр., первый изслѣдователь исторіи литовскаго права, Ѳаддей Чацкій [2]), въ своей

---

[1]) Слѣдовъ этой работы въ архивѣ *комиссіи составленія законовъ* мнѣ не пришлось встрѣтить; приведенныя въ текстѣ свѣдѣнія заимствованы изъ цитированной выше книги 1829 г. „Uwagi odnoszące sie do bibliografii Statutu Litewskiego“, приписываемой Повстанскому.

[2]) Жизнеописаніе этого выдающагося ученаго см. въ *Кіевской Старинѣ* 1893 г. № 2, стр. 319. Статья *Кудринскаго*. Трудъ *Чацкаго* „O Litewskich Prawach, o ich duchu, zródlach, zwiazku i o rzeczach w pierwszem Statucie dla Litwy 1529 wydanem“, вышедшій въ 1800 и 1801 гг., во многихъ частяхъ еще и теперь не утратилъ значенія; особенно интересны и цѣнны историческіе комментаріи къ Статуту, въ которыхъ собранъ громадный матеріалъ.

работѣ о Литовскомъ Статутѣ не пользовался русскимъ его изданіемъ и не придавалъ ему особаго значенія [1]).

Это русское изданіе снова, можно сказать, „открылъ" и поставилъ въ надлежащее освѣщеніе Б. Линде [2]), въ своемъ изслѣдованіи „O Statucie Litewskiem, Ruskim językiem i drukiem wydanym wiadomosc", Варш. 1816. Въ этомъ трудѣ впервые было представлено полное и точное описаніе не только изданія Мамоничей, но также и многихъ другихъ послѣдующихъ польскихъ, было установлено соотношеніе между первымъ и позднѣйшими изданіями, и наконецъ, въ немъ было научно обосновано то положеніе, что Статутъ (1588 г.) былъ написанъ по русски (на бѣлорусскомъ языкѣ, какъ его опредѣлилъ Сопиковъ). Можно сказать, что только со времени изданія книги Линде эта истина стала общимъ достояніемъ науки. Но количество извѣстныхъ экземпляровъ рѣдкаго русскаго изданія не увеличилось отъ одного такого открытія [3]); въ практикѣ по прежнему употреблялось изданіе польское, которое господствовало уже цѣлое столѣтіе. Поэтому и послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія Линде совершенно основательно могъ возникнуть вопросъ, за какимъ текстомъ признавать обязательную силу, за русскимъ, который никому не былъ извѣстенъ, или за польскимъ, находящимся во всеобщемъ употребленіи? А до появленія книги Линде предпочтительное значеніе текста польскаго вообще не могло возбуждать сомнѣнія. Эти обстоятельства нельзя упускать изъ виду при оцѣнкѣ изданія Статута 1811 г.

О томъ, кто трудился надъ переводомъ Статута, изданнымъ впослѣдствіи въ 1811 г., въ литературѣ имѣются различныя указанія. Общая молва, еще со временъ Сопикова, обыкновенно приписываетъ честь этой работы Анастасевичу [4]), редакторскому помощнику комис-

---

[1]) См. объ этомъ у *Даниловича*, „Библіографическое описаніе" и пр., напечатанное въ приложеніи къ изслѣдованію *С. А. Бершадскаго* „О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ" и т. д. стр. 69; а также и у *Линде* „O Statucie Litewskiem", стр. 30.

[2]) Если не считать краткой замѣтки, помѣщенной у *Сопикова*, Опытъ библіографіи т. I, стр. 240.

[3]) Такъ *Линде* „O Statucie", стр. 30, было извѣстно только *три* экземпляра его, да и въ статьѣ *Д(аниловича)* въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1838 г. № 2 перечислено не много экземпляровъ.

[4]) См. напр. *Пахманъ*, Исторія Кодификаціи, I, стр. 201, примѣч.—Василій Григорьевичъ *Анастасевичъ*, сынъ молдаванскаго уроженца, кончилъ курсъ въ Кіевской академіи по философскому классу, служилъ сперва въ военной службѣ (въ Мало-

ціи составленія законовъ. У Даниловича [1]) указано большее число переводчиковъ: кромѣ Анастасевича тамъ упоминаются еще „Бучинскій, сенатскій секретарь, Козіоллъ, метрикантъ Литовской метрики и Адріанъ Сербиновичъ“. Однако, этому сообщенію противорѣчатъ свѣдѣнія, сообщаемыя (Повстанскимъ) въ цитированной уже выше книгѣ— Uwagi odnoszące sie do bibliografii Statutu Litewskiego, въ которой весь порядокъ работы описанъ иначе, и болѣе правдоподобно. Весь трудъ, какъ сказано тамъ, былъ раздѣленъ между переводчиками комиссіи составленія законовъ Анастасевичемъ, Гореглядомъ и Копецкимъ [2]). Когда же переводъ былъ изготовленъ и представленъ Лопухину, то Лопухинъ поручилъ редактору Повстанскому и его помощнику, Икосову, просмотрѣть и провѣрить его [3]). Эти чиновники принялись, повидимому, довольно ревностно за работу, и, просмотрѣвъ первые артикулы перевода, донесли, что онъ, въ общемъ, сдѣланъ не хорошо. Слогъ оказался очень тяжелымъ [4]), многія важныя мѣста были переведены не вѣрно; но главную путаницу редакторы нашли въ примѣчаніяхъ, содержащихъ сводъ конституцій, вышедшихъ послѣ 1588 года. Изъ нихъ нѣкоторыя были пропущены, нѣкоторыя, специально польскія, распространены на Литву; годы и ссылки на страницы указаны невѣрно и т. д. Эта критика была представлена въ совѣтъ комиссіи; въ журналахъ его (см. засѣданіе 29 ноября 1808 г.) записано слѣдующее: „слушали рапортъ Повстанскаго и редакторскаго помощника Икосова, которые представляютъ, что вслѣдствіе предложенія, г. министромъ юстиціи даннаго комиссіи, о порученіи имъ исправленія въ слогѣ и провѣркѣ съ подлинникомъ Литовскаго Статута, переведеннаго съ польскаго на Россійскій языкъ, занимались они исполненіемъ сего препорученія, и по причинѣ разныхъ затрудненій при сей

россійскомъ корпусѣ пѣшихъ стрѣлковъ), потомъ состоялъ старшимъ письмоводителемъ у Чарторыйскаго, попечителя Виленскаго округа; затѣмъ, въ комиссіи составленія законовъ; за переводъ Литовскаго Статута, „по представленію главноуправляющаго оной комиссіей г. д. тайн. сов. свѣтл. князя Лопухина, Всемилостивѣйше награжденъ бриліантовымъ перстнемъ при письмѣ отъ г. министра юстиціи“. Въ 1817 г. былъ опредѣленъ на должность библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки (см. дѣла Имп. Публ. Библ., за 1817 г.).

[1]) См. приложеніе къ цитиров. книгѣ *С. А. Бершадскаго*, стр. 92.

[2]) См. Uwagi, стр. 39 и слѣд.

[3]) См. объ этомъ А. Г. С. связка № 373—397, дѣло № 374. Ордеръ Лопухина Розенкампфу 14 іюля 1808 г.

[4]) Исправленіе слога было специальной задачей Икосова, см. „Uwagi“, стр. 40.

работѣ имъ встрѣчавшихся, не успѣли въ теченіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ окончить болѣе $2^1/_2$ раздѣловъ, заключающихъ въ себѣ 92 артикула. Опредѣлили: Повстанскому и Икосову объявить, дабы они продолжали заниматься исправленіемъ въ слогѣ и сравненіемъ съ оригиналомъ означеннаго Статута, и, по мѣрѣ окончанія раздѣловъ, его составляющихъ, представляли бы о нихъ присутствію".

Но въ дальнѣйшей работѣ присутствію комиссіи уже не пришлось принимать участія, такъ какъ главное наблюденіе за переводомъ было возложено на правящаго должность оберъ-прокурора III департамента сената Посникова [1]). По словамъ Повстанскаго [2]), Посниковъ усердно работалъ, занимаясь вмѣстѣ съ нимъ по нѣскольку часовъ въ день въ теченіе 8 недѣль, и повѣрка перевода была доведена до конца.

Въ основаніе перевода былъ положенъ польскій текстъ изданія 1786 года, главнымъ образомъ потому, что о существованіи и значеніи русскаго изданія 1588 г. переводчики имѣли только смутное представленіе. Посниковъ указалъ имъ на русскій текстъ, который былъ доставленъ въ Метрику въ 1808 году [3]), но этотъ текстъ долженъ былъ служить только для провѣрки изготавливаемаго перевода; однако, указаніе Посникова опоздало, ибо уже приступили къ печатанію перевода и не сочли удобнымъ откладывать его. Но Повстанскій указываетъ еще и на другія, болѣе уважительныя, причины, почему въ руководство было принято именно польское изданіе 1786 г. Оно, по его словамъ, признавалось истиннымъ текстомъ Статута, какъ находящееся въ общемъ употребленіи; установленіе первобытнаго текста почиталось дѣломъ науки, неимѣющимъ прямого отношенія къ практикѣ. Никакихъ поправокъ текста переводчики не сочли возможнымъ вносить, ибо приспособленіе текста Статута къ измѣнившемуся за два вѣка послѣ его изданія правопорядку, т. е., проще говоря, кодификація права лежала на обязанности комиссіи составленія законовъ, а не на нихъ. Поэтому они избѣгали даже исправлять опечатки, чтобы не брать на себя отвѣтственности. Предполагалось вмѣстѣ съ тѣмъ, что русскій текстъ новаго изданія является *только пособіемъ* для по-

---

[1]) См. А. Г. С., цитир. дѣло № 374 письмо мин. юстиціи Дмитріева къ Сперанскому отъ 12 іюля 1810 г., и „Uwagi", стр. 40.

[2]) „Uwagi", стр. 40.

[3]) Онъ былъ доставленъ туда губернскимъ прокуроромъ Руссовымъ—см. объ этомъ *Сопиковъ*, Опытъ библіографіи, т. I стр. 240. Сопикову принадлежитъ честь перваго „открытія" изданія 1588 г., но открытія, прошедшаго незамѣченнымъ.

ниманія польскаго, и исключительно за этимъ послѣднимъ признавалась обязательная сила; всѣ несогласія между оригиналомъ и переводомъ должны были быть истолковываемы въ пользу перваго. По этимъ же соображеніямъ, переводчики старались по возможности точно передавать смыслъ оригинала, а не буквальное значеніе текста [1]). Но несомнѣнно, что издатели перевода 1811 года знали о русскомъ текстѣ 1588 г. и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сличали съ нимъ переводъ; такая ссылка есть на стр. 424 перваго тома перевода (раздѣлъ 4, артикулъ 70, § 2), но сличеніе не было произведено систематически.

Въ двухтомномъ сенатскомъ изданіи на заглавномъ листѣ изображено: „Статутъ Великаго Княжества Литовскаго съ подведеніемъ въ надлежащихъ мѣстахъ ссылки на конституціи, приличныя содержанія онаго. Переводъ съ польскаго. Въ Санктъ Петербургѣ. Печатанъ при Правительствующемъ Сенатѣ. 1811 г.“. Въ немъ напечатаны оба текста въ двѣ колонки и послѣ артикуловъ, подъ стереотипной рубрикой „Сводъ другихъ законовъ“, приведены постановленія изъ позднѣйшихъ сеймовыхъ постановленій.

Изложенная выше исторія этого перевода Статута ясно показываетъ, что изданіе 1811 года никакъ не можетъ быть названо „офиціальнымъ“ въ томъ смыслѣ, что отпечатанные тамъ тексты въ моментъ опубликованія книги были признаны единственно вѣрными и единственно обязательными для практическаго примѣненія. Напротивъ, это изданіе должно было только служить *пособіемъ* для практики, а въ особенности для тѣхъ судебныхъ и административныхъ мѣстъ, которымъ желательно было имѣть текстъ Статута, на современномъ русскомъ языкѣ. Переводъ 1811 г. и до сихъ поръ остается единственнымъ изложеніемъ Статута на современномъ русскомъ языкѣ.

Поэтому нельзя найти ни въ самой книгѣ, ни въ Полномъ Собраніи Законовъ никакого акта, который придавалъ бы этому изданію обязательную силу. И далѣе, нельзя признавать его трудомъ „комиссіи составленія законовъ“,—надъ нимъ, правда, работали чиновники ея,

---

[1]) Сказанное въ текстѣ основано на словахъ *Повстанскаго*, Uwagi, стр. 48—57. Не слѣдуетъ однако упускать изъ виду, что это все—разсужденія post factum и писанныя въ отраженіе нападокъ позднѣйшей ученой критики; бѣлорусское изданіе игнорировалось, вѣроятно, главнымъ образомъ потому, что съ него было труднѣе переводить, чѣмъ съ польскаго. Соображенія же въ защиту своей работы Повстанскій могъ придумать уже и послѣ окончанія ея.

но это была работа, имъ *лично* порученная. Самое правильное для него названіе—„казенный“ переводъ; на большее значеніе онъ и не претендовалъ [1]).

Ученая критика отнеслась къ изданію 1811 года неблагосклонно. Линде удѣлилъ ему много вниманія и установилъ многія неточности, какъ перевода, такъ и напечатаннаго при немъ польскаго текста. Критикѣ посвященъ цѣлый отдѣлъ его книги, въ которомъ онъ сравниваетъ тексты изданія 1811 и 1588 гг. (стр. 84—154). Но Линде отмѣтилъ также и то, что издатели все же обращались къ русскому тексту, и указалъ на нѣкоторыя „счастливыя“ поправки обычнаго польскаго текста [2]). Однако, новая перепечатка его все-таки не удовлетворила; это явствуетъ изъ того, что онъ настаиваетъ на необходимости новаго критическаго изданія, въ основаніи котораго долженъ лежать „офиціальный“ старинный русскій текстъ Статута (а не польскій, продуктъ частной работы). Для этого изданія, по его мнѣнію, слѣдовало бы разыскать русскія рукописи, какія найдутся, и текстъ польскій исправить, освободивъ отъ ошибокъ и опечатокъ, и новое изданіе снабдить указателями [3]).

Столь же строго отнесся къ разбираемому переводу Даниловичъ; „этотъ переводъ“, говоритъ онъ, „какъ сдѣланный съ самаго послѣдняго польскаго изданія 1786 г., полонъ грубыхъ и извращающихъ смыслъ ошибокъ“ [4]). Даниловичъ также заканчиваетъ свое изслѣдованіе пожеланіемъ, чтобы Статутъ снова былъ изданъ критически, по установленіи полнаго текста его путемъ сравненія различныхъ изданій [5]).

Недостатки перевода, изобличенные въ ученыхъ рецензіяхъ, до-

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ неточно то, что сказано о переводѣ 1811 г. у *А. Ѳ. Кистяковскаго*, „Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ“ (изслѣдованіе), стр. 30, 31. Вообще, объ исторіи перевода 1811 г. до сихъ поръ въ литературѣ распространены не вполнѣ точныя представленія, или, вѣрнѣе, его исторія обыкновенно обходится молчаніемъ.

[2]) *Linde*, O Statucie, стр. 74—83.

[3]) Тамъ же, стр. 155, 156.

[4]) Въ Dziennik Wilenski, 1823; цитирую по переводу у проф. *С. А. Бершадскаго*, „О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ“, стр. 92. Столь же неудовлетворительно, по его мнѣнію, и изданіе польскаго текста 1819 г., предпринятое виленскимъ обществомъ типографовъ. Въ бумагахъ Даниловича, хранящихся въ Виленской Публичной Библіотекѣ, сохранилась замѣтка по этому поводу (на польскомъ языкѣ) еще болѣе рѣзкая, чѣмъ то, что напечатано въ концѣ его статьи въ Dziennik Wilenski.

[5]) О томъ, что переводъ 1811 г. неудовлетворителенъ, см. также замѣчанія проф. *Бершадскаго*, указ. сочин., стр. 12, прим.

ступныхъ только немногимъ знатокамъ литовскаго права [1]), едва ли привлекли бы вниманіе правительственныхъ учрежденій, если бы они не обнаружились въ крупномъ судебномъ процессѣ, дошедшемъ въ порядкѣ инстанцій до Государственнаго Совѣта.

Именно, въ концѣ 1820 года, Государственный Совѣтъ, разбирая дѣло графа Стройновскаго съ графиней Потоцкой о 406205 злотыхъ, не могъ придти къ единогласному рѣшенію, и различіе во мнѣніяхъ объяснялось, между прочимъ, и тѣмъ, что русскій текстъ перевода 1811 года не вполнѣ совпадалъ съ польскимъ [2]). Замѣтивъ неточность перевода, Государственный Совѣтъ большинствомъ голосовъ постановилъ—поручить комиссіи составленія законовъ исправить переводъ, и Государь это мнѣніе утвердилъ (въ Лайбахѣ, 18-го января 1821 г.) [3]). 1-го марта 1821 г. главноуправляющій комиссіей, Лопухинъ, предложилъ комиссіи заняться этимъ, но только черезъ годъ, 25-го января 1822 г., состоялось рѣшеніе совѣта ея о дальнѣйшемъ направленіи дѣла. Совѣтъ прежде всего остановился на выясненіи причинъ невѣрности перевода и нашелъ ихъ въ томъ, что при переводѣ не былъ принятъ во вниманіе первоначальный бѣлорусскій текстъ изданія 1588 года [4]).

Новое изданіе представлялось комиссіи желательнымъ изготовить въ такомъ видѣ: слѣдовало (въ двухъ колоннахъ) помѣстить сперва оригинальный бѣлорусскій текстъ, съ нимъ рядомъ — исправленный русскій переводъ, подъ ними польскій, и въ примѣчаніяхъ — сводъ другихъ законовъ, вышедшихъ послѣ, — какъ въ изданіи 1811 г. Въ

---

[1]) Впрочемъ, объ изслѣдованіяхъ Даниловича въ Dziennik Wileński появилась краткая (всего 1 стр.) замѣтка въ журналѣ Булгарина *Сѣверный Архивъ*, 1823 годъ, часть VII, стр. 333 и 334 (анонимная).

[2]) Къ сожалѣнію, въ дѣлахъ Государственнаго Совѣта (по Гражданскому Департаменту, 1820, № 168) не сохранилась меморія засѣданія, въ которомъ разбиралось это дѣло, такъ какъ по желанію государя (письмо Аракчеева къ Государственному Секретарю, Оленину, отъ 27-го декабря 1820 г.) меморія была представлена ему.—Самый процессъ принадлежалъ, повидимому, къ разряду тѣхъ эпическихъ тяжбъ, нерѣдкихъ въ началѣ прошлаго столѣтія, которыя тянулись много лѣтъ, проходили безчисленный рядъ инстанцій и никакъ не могли окончиться. Споръ вращался вокругъ уступленной граф. Потоцкой графу Стройновскому присужденной ей съ братьевъ ея, князей Любомірскихъ, изъ материнскаго имѣнія суммы въ 406205 злотыхъ; уплата за это уступленное требованіе была обезпечена на имѣніи графа Стройновскаго. Сдѣлка была заключена въ 1802 году, и вскорѣ послѣ ея заключенія возникъ процессъ.

[3]) См. А. Г. С. дѣла ком. составленія законовъ, связка № 490—518 (спеціально № 494), дѣло озаглавлено: дѣло объ исправленіи Лит. Стат. 1821 г. № 114.

[4]) Въ журналѣ совѣта комиссіи (см. цитир. выше дѣло) пространно изложена исторія составленія всѣхъ трехъ Статутовъ, по Линде.

комиссіи были даже составлены двѣ образцовыя страницы этого предполагаемаго труда. Но, разумѣется, такой трудъ комиссія на себя взять не могла; это, какъ призналъ ея совѣтъ, была задача чисто ученаго изданія, какого отъ комиссіи требовать нельзя. Выясняя, такимъ образомъ, причины невѣрностей перевода, комиссія, въ сущности, совершенно отклонилась отъ поставленной ей Государственнымъ Совѣтомъ темы: исправить переводъ съ *польскаго* текста, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказала, что она можетъ, максимумъ, взять на себя только „организацію" дѣла исправленія, но не самое исправленіе.

Чтобы окончательно избавиться отъ этого непосильнаго труда, комиссія постаралась найти и подходящихъ работниковъ, которые могли бы его хорошо выполнить. Именно, вспомнили, что 20 лѣтъ тому назадъ въ комиссіи служилъ Зноско, адъюнктъ Виленскаго университета, вспомнили, что онъ состоитъ по прежнему въ Виленскомъ университетѣ, и на этомъ основаніи совѣтъ комиссіи предложилъ: снестись съ попечителемъ виленскаго округа, кн. Чарторыйскимъ, о томъ, чтобы онъ назначилъ Зноско для этого труда. А въ ожиданіи будущихъ заслугъ Зноски комиссія предлагала сдѣлать его почетнымъ корреспондентомъ. Для повѣрки будущихъ трудовъ виленскихъ профессоровъ комиссія полагала выписать изъ Литовской Метрики при Сенатѣ экземпляръ изданія 1588 г. и заканчивала свой докладъ пожеланіемъ, чтобы въ ея составѣ была учреждена особая экспедиція и соотвѣтственно увеличенъ былъ ея штатъ.

Дѣло было направлено въ томъ порядкѣ, какой предложила комиссія. Въ маѣ 1822 г. при этико-политическомъ факультетѣ Виленскаго университета была образована особая комиссія изъ профессоровъ для подготовки изданія Литовскаго Статута. Профессорская коллегія, насчитывавшая тогда въ своей средѣ такихъ выдающихся знатоковъ литовскаго права и старины, какъ Даниловичъ и Лелевель, взялась очень ретиво за дѣло. Въ составъ комиссіи вошли: 1) профессоръ политической экономіи Зноско, въ качествѣ предсѣдателя, и въ качествѣ членовъ: 2) Лобойко, профессоръ литературы, 3) Лелевель, профессоръ исторіи, 4) Даниловичъ, профессоръ „отечественнаго права", и 5) Контрымъ, помощникъ библіотекаря [1]).

---

[1]) О дѣятельности этой комиссіи даетъ свѣдѣнія какъ приведенное выше дѣло № 494 (изъ А. Г. С. связка № 490—518), такъ и письмо *Даниловича* къ министру народнаго просвѣщенія, кн. Ливену, отъ 8-го сентября 1828 г.; собственноручный черновикъ этого письма имѣется въ числѣ прочихъ замѣтокъ, касающихся біографіи Даниловича, хранящихся въ Виленской Публичной Библіотекѣ.

Въ комиссіи профессоровъ опять-таки прежде всего возникъ вопросъ общаго характера: именно, какимъ требованіямъ должно удовлетворять предполагаемое изданіе; одни—Даниловичъ и Лелевель, мнѣніе котораго, по словамъ перваго, было очень авторитетно въ Литвѣ, придерживались того, что изданіе должно содержать критически провѣренный текстъ 1588 года, какъ текстъ оригинала закона, съ нѣкоторыми поясненіями туманныхъ мѣстъ, но съ варіантами текста по различнымъ изданіямъ; прочіе же члены стояли за то, что варіантовъ не слѣдуетъ вводить въ изданіе текста *закона*, и признавали, что первоначальный бѣлорусскій текстъ никому изъ живущихъ не понятенъ, и что надо либо сдѣлать новый переводъ на русскій языкъ, либо исправить переводъ 1811 года [1]).

Но въ окончательномъ результатѣ комиссія (большинствомъ голосовъ) пришла къ среднему рѣшенію. Признали, что Статутъ дѣйствуетъ въ губерніяхъ, насчитывающихъ до 10 милліоновъ жителей, и что съ нимъ приходится имѣть дѣло очень разнороднымъ лицамъ. Многіе изъ обывателей не понимаютъ стариннаго бѣлорусскаго языка, и дѣлопроизводство судебныхъ учрежденій происходитъ на польскомъ языкѣ; для другихъ (напримѣръ, въ Малороссіи) непонятенъ языкъ польскій, съ которымъ незнакомы и чиновники центральныхъ учрежденій. Чтобы удовлетворить всѣхъ, рѣшили приготовить, такъ сказать, „универсальное“ изданіе, а именно, предложили напечатать 1) бѣлорусскій текстъ съ изданія 1588 г., 2) польскій текстъ изданій 1614 или 1619 гг. какъ наименѣе искаженныхъ послѣдующими опечатками и поправками, и 3) русскій текстъ съ одной рукописи XVIII-го вѣка, найденной Даниловичемъ, и содержащей довольно вѣрный переводъ, исправивъ въ ней слогъ и провѣривъ точность его [2]).

Члены комиссіи приложили всѣ старанія къ тому, чтобы, по возможности, собрать наибольшее количество матеріаловъ. Вскорѣ послѣ учрежденія комиссіи, во время лѣтнихъ каникулъ, Даниловичъ и Лелевель успѣли найти (въ Королевствѣ Польскомъ, при содѣйствіи Чарторыйскаго) 10 рукописей, полезныхъ для ихъ работы; менѣе счастливымъ оказался Лобойко, также искавшій рукописи въ малороссійскихъ губерніяхъ, но ничего не нашедшій. Въ основаніе работъ были положены слѣдующіе матеріалы: бѣлорусское изданіе 1588 г., польскія

[1]) См. цитир. письмо Даниловича къ кн. Ливену.

[2]) См. А. Г. С., цитир. д. № 494 (связка 490—518) донесеніе профессорской комиссіи, за подписью Зноски, въ ком. сост. законовъ, отъ 4-го ноября 1823 года.

изданія 1614 и 1619 г.г., польская рукопись, принадлежавшая Виленской библіотекѣ, и польская же рукопись, принадлежавшая кн. Чарторыйскому. Къ этимъ матеріаламъ считали полезнымъ прибавить и рукопись бѣлорусскаго Статута, сходную съ печатнымъ изданіемъ 1588 года.

Вооружившись этими источниками, профессора съ жаромъ занялись провѣркой перевода 1811 г. Въ описаніи Лобойки [1]) получается очень рельефная и жизненная картина этой работы: во время засѣданій Зноско, „яко президентъ“ коллегіи, держитъ въ рукахъ экземпляръ изданія 1811 г. и наноситъ красными чернилами поправки, Лобойко читаетъ вслухъ текстъ 1588 года, а другіе члены, имѣя передъ собою одно изъ перечисленныхъ выше пособій, внимательно вслушиваются и „стараются вникнуть въ смыслъ закона“. Затѣмъ, прочитанное мѣсто перечитывается снова, и всякій членъ, замѣтившій какое-нибудь несогласіе между текстомъ 1588 г. и тѣмъ, который у него передъ глазами, немедленно прерываетъ чтеніе и тогда начинается обсужденіе этого мѣста; если при этомъ обнаруживаются неточности въ русскомъ текстѣ 1811 г., то президентъ отмѣчаетъ соотвѣтствующія поправки. Такъ занималась комиссія одну недѣлю и за это короткое время успѣла, исключительно благодаря энергіи членовъ, провѣрить 95 страницъ перевода. Если принять во вниманіе, что въ изданіи 1811 г. приблизительно 900 стр. текста (въ обоихъ томахъ), то можно было бы ожидать, что вся работа была бы закончена въ 3—4 мѣсяца. Но профессорская комиссія пріостановила временно свою дѣятельность, не будучи увѣрена въ томъ,—согласится ли съ нею комиссія составленія законовъ, и обратилась къ послѣдней за санкціей (4-го ноября 1823 г.). Не для затягиванія работы и не изъ лѣности прервали виленскіе ученые свои труды; напротивъ, участники комиссіи горѣли желаніемъ поскорѣе довести ихъ до конца. Въ этихъ видахъ, Зноско, для сокращенія переписки, испрашивалъ разрѣшеніе сноситься прямо съ комиссіей составленія законовъ, минуя попечителя, да и впослѣдствіи, когда ихъ комиссія уже прекратила свое существованіе, главный дѣятель ея, Даниловичъ, по собственному почину, предлагалъ свои услуги для изданія Статута и безкорыстно работалъ надъ нимъ. И то же самое сдѣлалъ бы и Лелевель, если бы онъ остался въ Рос-

---

[1]) Отчетъ Лобойки былъ переданъ имъ лично Сперанскому лѣтомъ 1823 года, и, кромѣ того, онъ былъ сообщенъ ком. сост. законовъ при цитир. выше рапортѣ Зноски, 4-го ноября 1823 года.

сіи, да и всѣ прочіе. Виленскіе ученые работали не за страхъ, а за совѣсть. Литовскій Статутъ былъ имъ и близокъ и понятенъ; онъ говорилъ и сердцу ихъ и уму; въ своихъ трудахъ они видѣли служеніе родинѣ, священную обязанность, а не казенную работу. Можно сказать, что эти усилія ученыхъ являются единственнымъ свѣтлымъ эпизодомъ во всей исторіи собиранія литовскаго права комиссіей 1804 г. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить дѣятельность „засѣдавшаго“ въ то же время въ Вильнѣ „провинціальнаго“ комитета, безпомощность и нежеланіе его сдѣлать что-нибудь и усилія прокурора Ботвинки, направленныя къ тому, чтобы подъ предлогомъ комитета получить побольше денегъ.

Но совѣтъ комиссіи составленія законовъ не торопился съ отвѣтомъ. Только черезъ полгода (25-го мая 1824 г.) Лопухинъ извѣстилъ профессоровъ (черезъ попечителя, графа Лаваля), что комиссія одобряетъ ихъ планъ работы. Но его отвѣтъ опоздалъ. Уже въ концѣ 1823 г. надъ Виленскимъ университетомъ собралась гроза, а послѣ указа 14-го августа 1824 года участники комиссіи по изданію Статута были уволены или переведены въ другіе города [1]); о совмѣстной работѣ больше уже не могло быть рѣчи.

Отвѣтная бумага профессорамъ была послѣднимъ дѣйствіемъ комиссіи составленія законовъ въ области кодификаціи литовскаго права; къ какимъ бы то ни было самостоятельнымъ изысканіямъ, или даже организаціи таковыхъ черезъ посредство другихъ учрежденій она уже больше не возвращалась.

Но, разумѣется, необходимость издать точный текстъ Статута и снабдить его хорошимъ переводомъ на русскій языкъ не исчезла и послѣ 1823 года, однако въ виду того оборота, который дѣло приняло, именно, въ виду передачи его на разработку ученой коллегіи, забота о переводѣ легла уже на министерство народнаго просвѣщенія [2]).

---

[1]) О поводахъ къ разгрому Виленскаго университета и судьбѣ профессоровъ см. слѣд. главу.

[2]) Единственнымъ результатомъ организованнаго комиссіей сост. законовъ перевода явилось то, что ея архивъ пополнился копіей съ бѣлорусскаго изданія (1588 г.) Статута. Именно, 27-го декабря 1822 г. былъ полученъ черезъ Новосильцова экземпляръ его, отысканный въ библіотекѣ Жировицкаго монастыря (въ бумагахъ комиссіи онъ вездѣ невѣрно названъ *Живорицкимъ*) и съ него была снята копія, которая долгое время находилась у Анастасевича, но потомъ (въ 1825 г.) была вытребована отъ него (см. А. Г. С., дѣло ком. сост. зак. связка № 490—518, цитир. дѣло № 494). Странно, что изъ Литовской Метрики при Сенатѣ сообщили, что тамъ этого изданія

Когда въ 1828 году (14-го іюня) снова возникъ (на этотъ разъ уже въ Комитетѣ Министровъ) вопросъ объ изготовленіи перевода, то образованіе соотвѣтствующей комиссіи было возложено на министра народнаго просвѣщенія (въ то время кн. Ливена). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Комитетъ самъ предначерталъ, по предложенію министра народнаго просвѣщенія, планъ будущей работы; именно, онъ предписалъ начать работу съ установленія текста, подлежащаго переводу. Комиссія при министерствѣ народнаго просвѣщенія, на основаніи трудовъ Линде, признала бѣлорусскій текстъ оригиналомъ Статута; министръ снесся, кромѣ того, еще и съ Даниловичемъ, который прислалъ такой же совѣтъ. Поэтому, когда дѣло вторично было представлено въ Комитетъ Министровъ, то онъ убѣдился въ томъ, что необходимо переводить изданіе 1588 г. и, кромѣ того, издать, какъ этотъ оригинальный текстъ, такъ и польскій его переводъ [1]).

Комиссіи, образованной согласно положенію Комитета Министровъ отъ 14-го мая 1828 г., посчастливилось довести дѣло до конца. Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Демчинскій, а членами состояли: отъ министерства юстиціи оберъ-секретарь III департ. Сената—Бучинскій и столоначальникъ въ департаментѣ юстиціи—Еліашевичъ, отъ министерства народнаго просвѣщенія—Дубецкій и цензоръ Сербиновичъ. Комиссія приступила къ работѣ осмысленно и основательно. Прежде всего, какъ было приказано, она озаботилась установить точный текстъ оригинала; для этого она собрала 5 экземпляровъ Мамоническаго изданія (бѣлорусскаго 1588 г.); три изъ нихъ были взяты изъ Румянцевскаго музея, а остальные изъ библіотеки Московскаго Общества Исторіи и Древ-

---

не имѣется (25-го апр. 1822 г.), а между тѣмъ въ 1808 году оно тамъ было (см. выше, стр. 42). Впослѣдствіи (въ 1837 году) библіотека II Отдѣленія обогатилась коллекціей изданій Статута, подаренной министромъ финансовъ графомъ Канкринымъ (дѣла II Отд., № 1273); еще позже туда былъ доставленъ (въ 1841 г.) изъ *Стокгольма* полковникомъ Бодиско экземпляръ изд. 1588 г. (см. А. Г. С. дѣла II Отд. № 93, 1841 г. (1592)).

[1]) Полож. Ком. Мин. 28-го ноября 1828 г., П. С. З. № 2437.—Рукопись этого перевода имѣется въ библіотекѣ Императорскаго общества любителей древней письменности (CCCLXVIII, № 7314), которая получила ее въ даръ отъ извѣстнаго собирателя Д. Ѳ. Кобеко. Въ текстѣ имѣются во многихъ мѣстахъ поправки, такъ что эта рукопись, очевидно, является однимъ изъ черновиковъ; въ началѣ рукописи приплетенъ чисто переписанный пространный рапортъ комиссіи министру, князю Ливену, о работахъ комиссіи, помѣченный октябремъ 1832 года; на этомъ рапортѣ основано изложеніе, приводимое ниже въ текстѣ.

ностей, и Жировицкаго монастыря. Кромѣ того, изъ Публичной Библіотеки были доставлены польскія изданія 1614, 1619, 1648, 1693, 1744 и 1786 гг., а изъ Сената—переводъ Статута, сдѣланный въ Малороссіи при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ и представленный въ Сенатъ въ 1743 году.

Къ концу 1829 года комиссіи удалось установить текстъ, сличивъ различныя изданія, и она приступила къ переводу. Окончаніе его нѣсколько затянулось, такъ какъ въ 1830 г. умеръ предсѣдатель комиссіи Демчинскій, а члены ея были обременены, сверхъ этого особаго порученія, еще и текущими дѣлами. Но въ 1831 г. переводъ довели до конца, а въ 1832 г. комиссія окончательно свѣрила его въ общемъ присутствіи, потративъ на это 60 засѣданій. Въ сомнительныхъ случаяхъ обращались къ Даниловичу, который въ это же время работалъ во II Отдѣленіи надъ Западнымъ Сводомъ; онъ же доставилъ комиссіи и 2 принадлежавшихъ ему рукописи Статута 1564 года—русскую и латинскую.

Работа, по признанію комиссіи, была не легкая; древній бѣлорусскій языкъ былъ неудобопонятенъ, да и русская юридическая терминологія создавала много трудностей. На первый планъ была поставлена „вѣрность" перевода, т. е., точная передача смысла закона; затѣмъ уже „буквальность" его, и на послѣднемъ мѣстѣ стояла „плавность". При переводѣ нѣкоторыя техническія выраженія были измѣнены, такъ напримѣръ, вмѣсто „Речь Посполитая" вездѣ поставлено „Государство", а нѣкоторыя были сохранены,—такъ, напримѣръ, всѣ названія присутственныхъ мѣстъ. Задумывалась комиссія и надъ измѣненіемъ дѣленія артикуловъ на параграфы, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ обнимали разнородные предметы, но потомъ рѣшили ихъ оставить въ прежнемъ видѣ.

Изготовленіе перевода было признано комиссіей ея первѣйшей задачей, съ которой она и начала свои труды; Дубецкій взялся составить словарь къ нему, по которому можно было бы прослѣдить, какъ переводились отдѣльныя выраженія подлинника. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляя переводъ, комиссія указывала и на желательность критическаго изданія польскаго и бѣлорусскаго текстовъ. Однако, до этого дѣло не дошло, даже и самый переводъ не былъ напечатанъ.

Но все же работа переводчиковъ не пропала безслѣдно; этимъ новымъ переводомъ пользовались впослѣдствіи, когда во II Отдѣленіи изготавливался проектъ свода законовъ, дѣйствующихъ въ Малороссіи,—эти статьи теперь включены въ X томъ. Такъ, напримѣръ,

когда разбиралась юридическая природа права вдовы на наслѣдство послѣ мужа, при чемъ возникалъ вопросъ о томъ,—пріобрѣтаетъ ли она на основаніи Литовскаго Статута право собственности на имущество мужа, или же только узуфруктъ, въ число матеріаловъ, которыми пользовались, былъ принятъ и этотъ [1]) переводъ. Да и вообще при всѣхъ работахъ по кодификаціи малороссійскаго права долженъ былъ быть принятъ въ основаніе именно Статутъ „въ лучшемъ онаго, изготовленномъ въ 1830 году, переводѣ“ [2]). Но съ тѣхъ поръ этотъ переводъ, къ сожалѣнію, заглохъ и единственнымъ русскимъ текстомъ Статута, доступнымъ для общаго употребленія является все тотъ же переводъ 1811 г., невѣрность котораго засвидѣтельствована всѣми знатоками, имѣвшими съ нимъ дѣло.

На исторіи переводовъ Литовскаго Статута слѣдовало остановиться подробнѣе уже потому, что въ литературѣ этотъ вопросъ совершенно не разработанъ. Поэтому, напримѣръ, до сихъ поръ еще возбуждаетъ сомнѣнія характеръ изданія 1811 г., т. е., только догадками обосновывается вѣрная точка зрѣнія, что онъ работа „офиціозная“, но не офиціальное изданіе, и совершенно темна обстановка его изготовленія.

Немногія свѣдѣнія, которыя можно почерпнуть изъ опубликованныхъ данныхъ, даютъ также совершенно невѣрное представленіе о различныхъ попыткахъ привести въ порядокъ литовское право, и только являются поводомъ ихъ смѣшенія и невѣрныхъ комбинацій [3]).

---

[1]) См. А. Г. С. дѣла II Отд. 1840, № 5а, записка II Отд., представленная въ Государственный Совѣтъ, результатомъ которой является постановленіе ст. 1157 X т. Свода Зак. и въ особенности—примѣчаніе къ ней.

[2]) См. цитир. дѣло 1840 г. № 5а, всеподданнѣйшій докладъ Блудова 1840 г.

[3]) Выше уже указаны невѣрныя сопоставленія проф. А. Ѳ. Кистяковскаго; можно привести еще и слѣдующія замѣчанія такого глубокаго знатока исторіи литовскаго права, какъ проф. *Леонтовичъ*, которыя также объясняются отсутствіемъ доступныхъ матеріаловъ. „Какъ извѣстно, параллельно съ кодификаціонными работами по изданію общаго Свода Законовъ Имперіи, начаты были также работы по изданію свода мѣстныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ западномъ краѣ. (*Прим.* автора: См. цитированное раньше „Обозрѣніе истор. свѣдѣній о составленіи свода мѣстныхъ законовъ, взятыхъ изъ актовъ II Отд. Собствен. Е. В. канцеляріи Спб., 1837). При *разсмотрѣніи (въ 1828 г.) въ законодательномъ порядкѣ вопроса объ изданіи такого свода* (*мой* курсивъ) состоялось Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ (*Примѣч.* автора: см. II Полн. Собр. Зак. III, № 2437) о пересмотрѣ и изданіи законовъ, дѣйствовавшихъ въ западномъ краѣ, для чего и была Высочайше учреждена особая комиссія. Въ составленномъ ею (въ 1832 г.) переводѣ мѣстныхъ литовскихъ законовъ, между прочимъ, излагаются литовскіе законы о наслѣдованіи

Но эти попытки перевести Статутъ интересны еще и съ другой, болѣе общей, точки зрѣнія. Исторія этого памятника представляетъ поразительный и единственный въ своемъ родѣ примѣръ того, какъ съ теченіемъ времени былъ забытъ первоначальный текстъ закона, распубликованный въ качествѣ официальнаго, и незамѣтно замѣнился частнымъ переводомъ на другой языкъ. Спустя 100 съ небольшимъ лѣтъ по распубликованіи, первоначальный текстъ Статута сдѣлался такой рѣдкостью, что его уже нигдѣ нельзя было найти, даже въ самыхъ обширныхъ книгохранилищахъ, и о его существованіи не знали даже ученые специалисты, а между тѣмъ польскій переводъ былъ въ повседневномъ употребленіи у множества лицъ. Это явленіе тѣмъ болѣе удивительно, что Статутъ первоначально изданъ былъ не въ одномъ или немногихъ экземплярахъ, а былъ трижды *отпечатанъ* и распространенъ по всей Литвѣ.

И когда былъ открытъ официальный бѣлорусскій текстъ, поневолѣ возникъ вопросъ о соотношеніи и взаимной силѣ его и текста не официальнаго, но обычнаго. Когда къ разрѣшенію этого вопроса приступили юристы-практики, они, естественно, отдали предпочтеніе тому тексту, который былъ у всѣхъ въ рукахъ — тексту польскому; такъ было въ 1811 г. И напротивъ, когда потребовали отвѣта на него у ученыхъ юристовъ-историковъ, знакомыхъ со всѣми деталями исторіи составленія Статута, они, конечно, отвергли текстъ обычный, какъ текстъ искаженный, и всѣ симпатіи ихъ оказались на сторонѣ первоначальной редакціи. Этотъ споръ, который дебатировался уже въ началѣ прошлаго столѣтія, и до нынѣ не утратилъ своей остроты. Не такъ еще давно, по частному вопросу, онъ разгорѣлся снова, и опять обнаружились эти два теченія.

въ выморочныхъ имуществахъ исключительно по Статуту, безъ всякаго упоминанія о конституціи 1588 г. о кадукахъ; статутовое положеніе, изложенное въ 17 арт. III разд. Статута, о „спадкахъ", переходившихъ на господаря, приводится комиссіей цѣликомъ, какъ законъ, считавшійся въ то время вполнѣ обязательнымъ для мѣстностей, гдѣ дѣйствовало литовское право". *Журн. Мин. Юстиціи*, 1897 г., сентябрь, стр. 122—123. Послѣ сказаннаго въ текстѣ, ясно, что въ цитированной выдержкѣ смѣшаны различныя учрежденія. Вѣроятно, и „Обозрѣніе истор. свѣдѣній" было недоступно автору въ полномъ его объемѣ. Исторія Западнаго Свода въ „Обозрѣніи" разсказана совершенно иначе. Комиссія по переводу Статута съ *кодификаціей* мѣстнаго права ничего общаго не имѣла. Поэтому умолчаніе о конституціи 1588 года въ переводѣ комиссіи нельзя приводить, какъ аргументъ въ пользу того, что она считалась не дѣйствующею въ Литвѣ. Комиссіи объ исправленіи перевода Статута съ конституціей 1588 г. о кадукахъ не приходилось вовсе встрѣчаться.

Проф. С. А. Бершадскій, разсмотрѣвъ исторію составленія Литовскихъ Статутовъ и, въ частности, Статута 1588 г., приходитъ къ категорическому выводу, что и теперь, въ наше время, какъ и въ тѣ времена, когда Литовскій Статутъ дѣйствовалъ въ качествѣ закона, для правильнаго уразумѣнія его опредѣленій необходимо обращаться къ первоначальному, хотя и несовершенному, оригиналу; „единственнымъ офиціально признаннымъ текстомъ, оригиналомъ всѣхъ позднѣйшихъ изданій Статута сама государственная власть Польско-Литовскаго Королевства считала русскій текстъ“ [1]).

Съ этимъ мнѣніемъ проф. Бершадскаго, который находится въ полномъ согласіи съ Даниловичемъ и отчасти—Линде, вполнѣ солидаренъ и проф. Леонтовичъ [2]). Но съ другой точки зрѣнія взглянулъ на дѣло С. Л. Пташицкій. По его мнѣнію, вопросъ о томъ, какое изданіе Статута считать офиціальнымъ, есть вопросъ чисто академическій: „въ жизни литовскаго народа онъ никогда не возникалъ“, государственная власть не давала предпочтенія ни одному изъ нихъ, и съ формальной стороны всѣ они были одинаково законны. Жизнь признавала законнымъ то изданіе, которое было (въ данный моментъ) распространено; сперва силу закона имѣло изданіе 1614; когда разошлось изданіе 1614 года, появилось изданіе 1619 г. и стало офиціальнымъ, въ 1647 г. его смѣнило третье и т. д. [3]).

Оставляя на отвѣтственности С. Л. Пташицкаго его утвержденіе, что съ формальной стороны всѣ (различныя) изданія Статута были одинаково законны, не могу не признать, что его мнѣніе, въ конечномъ выводѣ, мнѣ представляется болѣе правильнымъ. Однако, слѣдуетъ нѣсколько дополнить и измѣнить его аргументацію.

Въ самомъ дѣлѣ, тотъ вполнѣ обоснованный фактъ, что въ 1588 г. бѣлорусскій текстъ былъ текстомъ офиціальнымъ, и что только за нимъ признавалась обязательная сила, еще не означаетъ, что слѣдуетъ считать его таковымъ и, напримѣръ, въ 1790 году, когда его нигдѣ найти не могли, и никто о немъ не зналъ. Признаніе этого никому не вѣдомаго текста обязательнымъ было бы чистымъ абсурдомъ. Законъ для того и распубликовывается, чтобы онъ былъ извѣстенъ

---

[1]) См. *Бершадскій*, О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву, 1892, стр. 15; это онъ повторяетъ и въ другомъ трудѣ, см. *его же*, Литовскій Статутъ и польскія конституціи, 1893, стр. 10—12.

[2]) Проф. *Леонтовичъ*, Спорные вопросы по исторіи Литовско-русскаго права.

[3]) *С. Л. Пташицкій*, Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута, 1893 стр. 22.

всѣмъ и каждому, и чтобы нельзя было отговариваться его невѣдѣніемъ—это азбучная истина. Слѣдовательно, если бы Статутъ былъ вообще совершенно позабытъ и вовсе не примѣнялся въ теченіе столѣтій, изъ этого могъ бы быть сдѣланъ только одинъ выводъ, — что онъ *отмѣненъ обычаемъ*. И обратно, текстъ дѣйствующій на практикѣ, въ замѣну забытаго текста, долженъ быть признанъ обязательнымъ, потому что онъ утверждается *обычаемъ*. Напрасно профессоръ Бершадскій, чтобы устранить это возможное возраженіе, категорически утверждаетъ [1]), „что никакой обычай не можетъ самъ собой отмѣнить законъ. Законъ есть норма, отмѣняемая только тою же самою властью, которая его создала". Такой тезисъ самъ по себѣ далеко не безспоренъ; изъ общихъ началъ права онъ самъ собой не вытекаетъ. Вопросъ именно въ томъ, *какъ* относится *данная* правовая система къ обычаю и къ его творческому значенію. Однѣ признаютъ его въ большей степени, другія въ меньшей; примѣровъ законовъ отмѣняемыхъ, или — что съ принципіальной точки зрѣнія безразлично — измѣняемыхъ обычаемъ, безчисленное множество; подъ „обычаемъ" должно разумѣть и судебный обычай. Слѣдовательно, вопросъ о томъ, какой текстъ Статута должно признать дѣйствовавшимъ, примѣрно, въ началѣ XIX-го вѣка, не можетъ быть разрѣшенъ посредствомъ формальнаго разслѣдованія о томъ, какой текстъ, забытый теперь, когда-то признавался официальнымъ; отвѣтъ на *такой* вопросъ интересенъ только съ исторической точки зрѣнія. Надо рѣшить другой вопросъ: имѣлъ ли въ Литвѣ обычай значеніе правотворящаго фактора, и въ какихъ предѣлахъ? И если получится утвердительный отвѣтъ и можно доказать, что путемъ обычая *вообще* рецепировались нормы права, то тогда фактъ всеобщаго употребленія польскаго текста и игнорированія бѣлорусскаго пріобрѣтаетъ уже юридическое значеніе. Тогда можно утверждать, что бѣлорусскій текстъ имѣетъ значеніе пособія для истолкованія польскаго текста, но въ случаяхъ несоотвѣтствія долженъ ему уступать. Былъ же въ исторіи права примѣръ, когда признавался въ качествѣ *закона* сборникъ поддѣльныхъ нормъ, такъ называемыя Лжеисидоровы Декреталіи, а между тѣмъ нормы, имъ введенныя, не утратили значенія и послѣ того, какъ подлогъ былъ изобличенъ. Гдѣ же здѣсь „подлинный текстъ" закона? И въ исторіи польскаго права бывали примѣры того, что мѣстный законъ получалъ примѣненіе за предѣлами той территоріи, для ко-

[1]) Литовскій Статутъ, стр. 12.

торой былъ изданъ (напримѣръ, Прусская Корректура, Мазовецкія изъятія и др.). Гдѣ же въ этихъ случаяхъ былъ подлинный текстъ не распубликованнаго (для прочихъ мѣстностей) закона? Не принимая на себя рѣшенія вопроса, какую въ Литвѣ имѣлъ силу обычай, считаю необходимымъ указать на этотъ пробѣлъ въ аргументаціи ученыхъ, занимавшихся выясненіемъ сравнительнаго значенія текстовъ Статута; въ ихъ разсужденіяхъ историческіе аргументы преобладаютъ надъ юридическими, а рѣшающій отвѣтъ зависитъ *именно* отъ послѣднихъ.

Если, послѣ этого длиннаго экскурса, обратиться къ объясненію причинъ печальныхъ результатовъ дѣятельности комиссіи составленія законовъ въ дѣлѣ собиранія мѣстнаго литовско-польскаго права, то придется сказать, что ихъ даже трудно перечислить. Слѣдуетъ признать, что не было вовсе тѣхъ данныхъ, при которыхъ дѣло могло быть доведено до конца. Въ 1812 году совѣтъ комиссіи самъ призналъ это въ своемъ представленіи Лопухину, сказавъ, что „дѣло составленія сводовъ провинціальныхъ находится въ небреженіи“ [1],—однако познавъ сію истину, не сдѣлалъ ничего для измѣненія печальнаго положенія дѣлъ. Единственный человѣкъ способный что либо сдѣлать, но витавшій все время въ области фантазіи, Розенкампфъ, мѣстными правами не интересовался. Вообще, не очень-то успѣшно дѣйствовала комиссія, но все же въ другихъ областяхъ [2]) ею было сдѣлано хоть кое что, послужившее на пользу впослѣдствіи, а для мѣстнаго права—ничего.

IV.

Итакъ, къ 1826 году, когда дѣло составленія Свода Законовъ было поручено Сперанскому, по кодификаціи мѣстнаго права губерній, присоединенныхъ отъ Польши, ничего не было готово. Отъ своихъ предшественниковъ II Отдѣленіе унаслѣдовало только нѣ-

---

[1]) А. Г. С. дѣла ком. сост. зак. связка № 242—246.

[2]) См. о нѣкоторыхъ заимствованіяхъ въ Сводѣ Законовъ (гражданскихъ) изъ трудовъ комиссіи составленія законовъ, замѣчанія въ статьѣ проф. *Кассо*, „Къ исторіи Свода Законовъ гражданскихъ“ (*Журналъ Мин. Юст.*, за 1904 г., мартъ, стр. 53 и слѣд.).—Даже „Основанія права“ удалось Розенкампфу сочинить (А. Г. С. связка № 326); но и при поверхностномъ разсмотрѣніи ихъ не трудно убѣдиться, что это просто плохой конспектъ учебника римскаго права; въ этой рукописи достоинъ вниманія только переплетъ.

сколько рукописей проектовъ, не законченныхъ и даже не подготовленныхъ къ окончанію, да провинціальные комитеты, отъ которыхъ не было никакого толку. Въ составѣ чиновниковъ упраздненной комиссіи составленія законовъ, перешедшихъ во II Отдѣленіе, людей, свѣдущихъ въ литовскомъ правѣ, тоже не оказалось. Оставалось начать дѣло сызнова [1]).

Прежній опытъ однако далъ нѣсколько полезныхъ указаній, впрочемъ, чисто отрицательнаго характера. Выяснилось, что нельзя дѣло кодификаціи мѣстнаго права тянуть безконечно долго, что слѣдуетъ ограничиться только собраніемъ его въ единый сводъ, а не составлять новые законы, и что для этой работы нельзя привлекать посредственныя силы. Первоначальный проектъ свода мѣстныхъ законовъ могъ быть составленъ только знатокомъ мѣстнаго права, а зауряднымъ юристовъ слѣдовало привлекать только для дальнѣйшей обработки его, чтобы восполнить детали. Въ этомъ направленіи и дѣйствовалъ Сперанскій.

Первое время своего управленія II Отдѣленіемъ Сперанскій былъ настолько занятъ работами по общему Своду Законовъ, что мѣстнымъ правамъ не могъ удѣлить вниманія. Только въ 1829 году приступили къ мѣстнымъ сводамъ, начавъ съ остзейскаго. Мѣстному знатоку балтійскаго права, ландрату Самсону фонъ-Гиммельштіернъ, было поручено составить первоначальный проектъ, и къ 1830 году онъ уже изготовилъ обширныя части его. Этотъ опытъ оказался удачнымъ, и такой же способъ рѣшено было примѣнить къ составленію Западнаго Свода.

Когда въ 1830 году бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, князь Хованскій, былъ въ Петербургѣ и бесѣдовалъ съ Балугьянскимъ и

---

[1]) О положеніи дѣлъ въ комиссіи составленія законовъ Сперанскій былъ хорошо освѣдомленъ, такъ какъ съ 1821 года принималъ въ нихъ иногда близкое участіе (см. подробности у *П. М. Майкова*, Комиссія составленія законовъ, *Журналъ Министерства Юстиціи*, 1905, декабрь, стр. 197). Кромѣ того, по учрежденіи II Отдѣленія, о деталяхъ ему были представлены справки Балугьянскимъ. См. напр. А. Г. С. д. № 1, 1826 г. (850), въ которомъ содержатся обзоры дѣятельности комиссіи по разнымъ вопросамъ. Въ дѣлѣ № 14, 1826 г. (861) имѣется справка о состояніи работъ въ комитетахъ и о переводѣ Статута, перепечатанная отчасти у *П. М. Майкова* (указ. сочин., стр. 189, 191 и слѣд.); но эта справка не полная и далеко не исчерпывающая. Любопытно, что въ этихъ справкахъ вовсе не упоминаются законченныя Повстанскимъ къ 1809 году книги свода польскихъ законовъ (см. выше, I главу). Ихъ нашелъ, повидимому, уже Даниловичъ.

Сперанскимъ [1]) о кодификаціи литовскаго права, то они посвятили его въ свои планы. Хованскій пожелалъ оказать имъ помощь въ дѣлѣ пріисканія пригодныхъ знатоковъ, и 21-го апрѣля 1830 года извѣстилъ Сперанскаго, что онъ избралъ для составленія Западнаго Свода дворянина Вакара и въ помощники ему двухъ лицъ: по Витебской губерніи — Михаила Рыка, а по Могилевской — Алексѣя Нитославскаго. Послѣдніе, будучи состоятельными людьми, изъявили готовность работать безвозмездно, а Вакару могилевское дворянство назначило 6.000 руб. въ годъ. Вакаръ по образованію былъ юристъ и нѣкоторое время служилъ въ Сенатѣ.

Но Сперанскій отклонилъ предложеніе князя Хованскаго. Приглашеніе никому невѣдомаго юриста для такой отвѣтственной работы не давало увѣренности въ томъ, что она будетъ скоро и успѣшно доведена до конца. Для нея имѣлся въ виду гораздо болѣе подходящій кандидатъ, на которомъ и остановился Сперанскій. 26-го февраля 1830 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе, а 15-го апрѣля — приказъ о прикомандированіи ко II Отдѣленію, для работъ по Западному Своду, профессора Харьковскаго университета Игнатія Николаевича *Даниловича* [2]).

Даниловичъ, въ самомъ дѣлѣ, обладалъ всѣми данными для выполненія порученнаго ему дѣла. Въ 1830 году, съ полнымъ основаніемъ, его можно было считать самымъ выдающимся знатокомъ литовскаго права—вообще, а въ частности—Статута, да и въ настоящее время наука во многомъ не пошла дальше того, что онъ въ свое время установилъ.

Когда Даниловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ былъ въ расцвѣтѣ силъ и полонъ жажды работать надъ приведеніемъ въ порядокъ родного права. По странной ироніи судьбы, обстоятельства его личной жизни слагались такъ, что даже это вполнѣ законное его желаніе встрѣчало всякія помѣхи. Первая половина XIX вѣка была особенно тяжелой эпохой для русской университетской науки; о спокойномъ розысканіи объективной истины не всегда можно было мечтать. Но особенно неблагодарно было это время для ученаго юриста, хотя бы онъ и интересовался только давно прошедшей стариной, и держался вдали отъ современныхъ ему политическихъ интересовъ. Тяжесть эпохи

---

[1]) Это видно изъ переписки съ кн. Хованскимъ въ дѣлѣ А. Г. С. № 14, 1826 г. (861), на которой основано и сказанное дальше въ текстѣ.

[2]) См. А. Г. С., 1830 г. № 10 (986).

усугублялась для Даниловича тѣмъ, что онъ былъ уроженцемъ края, который переживалъ очень бурное время. И въ личной жизни его повторялись тѣ же потрясенія, которыя перенесла его родина [1]).

Родился Даниловичъ 30-го іюля 1787 г. въ селѣ Гриневичахъ, лежащемъ въ прежнемъ воеводствѣ Подлясскомъ, изъ за котораго въ старину, до Уніи, много воевала Польша съ Литвой; въ эпоху рожденія Игнатія Даниловича эта мѣстность принадлежала Пруссіи. У дѣда его было четыре сына; двое старшихъ, выросшіе при жизни отца въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, и, благодаря этому, получившіе болѣе широкое образованіе, сдѣлались впослѣдствіи католическими ксендзами, а младшіе, росшіе сиротами по смерти отца на попеченіи дяди — уніата, стали уніатскими священниками. Вотъ одинъ изъ младшихъ сыновей, уніатскій священникъ, Николай и былъ отцомъ Игнатія Даниловича; и мать его, рожденная Михневичева (по имени

---

[1]) Главнымъ источникомъ для біографіи Даниловича являются оставшіяся послѣ него личныя бумаги и замѣтки близкихъ ему лицъ, которыя хранятся въ Виленской Публичной Библіотекѣ. Я имѣлъ возможность воспользоваться ими, благодаря просвѣщенной любезности завѣдующаго этой библіотекой Ф. Н. Добрянскаго. Эти замѣтки представляютъ собраніе отдѣльныхъ листовъ (всего 127), написанныхъ преимущественно по польски и иногда очень неразборчивыхъ. Тамъ же имѣются нѣкоторыя черновые наброски дѣловыхъ бумагъ, которыя онъ отправлялъ различнымъ лицамъ, конспекты курсовъ и т. д. На этихъ документахъ основана и самая полная біографія его, помѣщенная въ „*Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго университета св. Владиміра*“, Кіевъ 1884 г., стр. 147—173.

Вѣроятно, тѣ же рукописи и кромѣ нихъ нѣкоторыя личныя свѣдѣнія лежатъ въ основаніи и другой біографіи Даниловича, написанной Яномъ *Сидоровичемъ* и приложенной къ посмертному изданію книги Даниловича „Scarbiec diplomatów“ (1862 г.) I томъ (предисловіе).

Но обѣ біографіи, особенно помѣщенная въ кіевскомъ „Словарѣ“, сообщаютъ очень неполныя, а даже иногда и совершенно невѣрныя свѣдѣнія о работахъ Даниловича по Западному Своду и о судьбахъ этого памятника; въ этомъ состоитъ ихъ главнѣйшій недостатокъ.—Кромѣ этихъ біографій слѣдуетъ отмѣтить еще жизнеописаніе Даниловича, составленное Маврикіемъ *Круповичемъ* въ Tygodnik illustrowany, 1871 г., стр. 283 и слѣд. (стр. 304), гдѣ помѣщенъ и портретъ Даниловича. Болѣе краткія свѣдѣнія приведены въ Rys dziejów literatury polskiej, podług notat Aleks. Zdanowicza... doprowadziel Sovinski“, а также въ энциклопед. словарѣ Orgelbrandt'a и въ иллюстрированной „Wielka Encyclopedia powszechna“ (здѣсь приложенъ тотъ же портретъ, какъ въ Tygodnik illustrowany).

Помѣщенная ниже, въ текстѣ, біографія Даниловича основана преимущественно на указ. выше замѣткахъ Даниловича, дополненныхъ тѣми свѣдѣніями, которыя можно извлечь изъ архивныхъ дѣлъ II Отдѣленія, и другими данными, которыя встрѣчаются въ литературѣ. Въ этомъ смыслѣ она во многомъ дополняетъ очеркъ о Даниловичѣ, помѣщенный въ кіевскомъ „Словарѣ“, не претендуя на исчерпывающую полноту.

Домицелла), происходила изъ уніатскаго рода,—ея отецъ былъ также уніатскій священникъ. Въ раннемъ дѣтствѣ Игнатій Даниловичъ былъ настолько слабаго здоровья, что близкіе люди сомнѣвались въ его долговѣчности; на 6-мъ году жизни онъ очень сильно ударился головой и долго хворалъ послѣ этого удара. До девяти лѣтъ онъ ничему не учился, кромѣ грамоты; но въ это время пріѣхалъ въ Гриневичи его дядя (одинъ изъ старшихъ братьевъ отца), ксендзъ Михаилъ, приглашенный давать уроки французскаго языка дочерямъ подкоморія Гриневецкаго. Этотъ дядя занялся обученіемъ своего юнаго племянника и имѣлъ на него огромное вліяніе; съ этихъ поръ его судьба, въ ближайшіе за этимъ годы, была связана съ судьбой дяди. Дядя его пользовался репутаціей хорошаго преподавателя; даже ректоръ Виленскаго университета, Стройновскій, нѣсколько разъ приглашалъ его преподавать математику въ Вильнѣ. Но по приказанію своего духовнаго начальства (Михаилъ Даниловичъ принадлежалъ къ ордену піаритовъ) онъ отправился въ Ломжу для преподаванія физики и алгебры въ школѣ (піаритовъ), подготавливающей учителей („Studium physicum") [1]). Впослѣдствіи, Михаилъ Даниловичъ былъ префектомъ и ректоромъ этой школы и умеръ Супрасльскимъ епископомъ-номинатомъ.

Благодаря ему, Игнатій Даниловичъ поступилъ въ четырехклассную Ломжинскую школу (въ 1797 г.). Воспитывались въ ней преимущественно дѣти очень небогатыхъ шляхтичей („paysans", какъ поясняетъ Даниловичъ, а въ переводѣ на русскій языкъ можно было бы сказать „однодворцевъ"), жившихъ въ очень грустныхъ матеріальныхъ условіяхъ.

Но преподавательскій персоналъ стоялъ очень высоко; въ числѣ учителей были самые выдающіеся педагоги піаритовъ. Въ школѣ онъ подружился со своимъ товарищемъ Ольдаковскимъ, который впослѣдствіи тоже избралъ ученую карьеру и былъ профессоромъ Виленскаго университета.

По окончаніи школы, Даниловичъ былъ нѣкоторое время домашнимъ учителемъ въ Ломжѣ (въ семьѣ нѣкоего Будзышевскаго), а послѣ этого (въ 1804 г.) былъ назначенъ надзирателемъ шляхетскаго конвикта піаритовъ и учителемъ младшихъ классовъ (въ Ломжѣ). За эти труды онъ получалъ 90 талеровъ въ годъ. Но онъ пробылъ недолгое время въ этомъ званіи. Дядя его переѣхалъ въ Супрасль, и

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что въ то время Ломжа входила въ составъ Пруссіи.

Даниловичъ рѣшилъ поступить въ Бѣлостокскую гимназію для того, чтобы усовершенствоваться въ нѣмецкомъ языкѣ. Курсъ гимназіи онъ окончилъ въ 1807 г.; въ это время онъ былъ прусскимъ подданнымъ.

Въ 1810 году онъ поступилъ, на 23 году жизни, въ Виленскій университетъ на этико-политическій, т. е., юридическій, факультетъ. Немногое могла дать ему виленская наука. Профессоръ Семенъ Малевскій, читавшій естественное право, не представлялъ никакой научной силы; единственный ученый, о которомъ Даниловичъ вспоминалъ съ уваженіемъ и любовью, былъ итальянецъ Алоизій Капелли, который преподавалъ сразу почти всѣ юридическія науки.

Ученикъ Пизанскаго университета, Капелли былъ, повидимому, хорошо знакомъ со старинной романистической литературой и слѣдилъ за современной ему. По крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе оставляетъ его рѣчь (актовая), напечатанная на французскомъ языкѣ въ Вильнѣ, 1827 г. подъ заглавіемъ: „De l'enseignement du droit romain". Изъ нея видно, что онъ читалъ Гуго и Савиньи и другихъ представителей зарождающейся исторической школы. Послѣ него осталось и сочиненіе по каноническому праву „Manuale juris canonici", Wilno 1819, нѣчто въ родѣ учебника, изложеннаго въ формѣ таблицъ.

Занятія въ Виленскомъ университетѣ продолжались не долго; въ 1811 году Даниловичъ уже пріобрѣлъ званіе кандидата правъ, а въ 1812 году—магистра. Но 1812 годъ внесъ большую неурядицу въ его занятія и частную жизнь.

Нашествіе Наполеона разрушило мирное теченіе жизни въ Вильнѣ и посѣяло большую смуту въ умахъ. Многіе изъ жителей западной окраины, слѣдуя примѣру поляковъ, перешли на сторону Наполеона; въ числѣ ихъ оказался и Даниловичъ. Онъ поступилъ на французскую службу секретаремъ при генералѣ Ферье, назначенномъ тогда губернаторомъ Бѣлостокской области. Въ кіевскомъ „Словарѣ" совершенно справедливо отмѣчено, что въ этомъ поступкѣ Даниловича едва ли можно усматривать какую-либо измѣну по отношенію къ Россіи, ибо нельзя въ точности установить, былъ ли онъ тогда русскимъ подданнымъ, а если формально и былъ, то связь его съ Россіей еще не успѣла окрѣпнуть.

Когда французы отступили, Даниловичъ возвратился въ Вильну, но нѣкоторое время оставался безъ опредѣленныхъ занятій. Его учитель Капелли указалъ ему на желательность изученія мѣстнаго права, и этотъ совѣтъ имѣлъ рѣшающее значеніе для всей дальнѣйшей уче-

ной дѣятельности Даниловича. Онъ занялся рукописями Статута, на которыя онъ первый обратилъ вниманіе. Въ своихъ трудахъ по изученію родной старины Даниловичъ нашелъ поддержку въ другихъ ученыхъ, жившихъ въ то время въ Вильнѣ—въ Онацевичѣ, Бобровскомъ и другихъ.

Въ 1814 году университетъ пригласилъ его преподавать мѣстное право, а въ 1817 году возникъ вопросъ о назначеніи его адъюнктомъ по каѳедрѣ государственнаго права. Однако, до назначенія онъ былъ командированъ въ Петербургъ и Варшаву на 1 годъ, для изученія дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ. Въ Варшавѣ, куда онъ поѣхалъ, согласно порученію университета, онъ познакомился съ Бандтке, работавшимъ надъ исторіей польскаго права, и могъ воспользоваться богатыми библіотеками и архивами. Вернувшись въ Вильно, Даниловичъ короткое время читалъ лекціи по мѣстному праву, а въ сентябрѣ 1818 года отправился работать въ Петербургъ, гдѣ занимался въ Публичной Библіотекѣ; эти занятія ему потомъ пригодились при работахъ надъ Западнымъ Сводомъ. Изъ Петербурга онъ пріѣхалъ въ Москву и при возвращеніи въ Вильно, въ 1819 году, былъ утвержденъ въ званіи адъюнкта.

Обосновавшись въ Вильнѣ, Даниловичъ съ неослабѣвающей энергіей продолжалъ свои историческія работы. Въ этомъ ему помогали и слушатели его, которые отовсюду привозили уцѣлѣвшія въ разныхъ мелкихъ архивахъ рукописи; благодаря этому онѣ сдѣлались доступными научной разработкѣ. Вскорѣ послѣ его назначенія, Виленскій университетъ обогатился еще одной первоклассной научной силой, когда прибылъ Лелевель, избранный на каѳедру исторіи. Совмѣстно съ Лелевелемъ, и при помощи рукописей, принадлежавшихъ ему, Даниловичъ затѣялъ изданіе источниковъ древняго литовскаго права. Матеріальную поддержку оба ученые могли получить со стороны графа Дзялынскаго; однако къ печатанію этого изданія было приступлено лишь значительно позже, въ 1829 году, но и тогда оно было доведено только до 18 листа [1]); окончательно это собраніе вышло только въ 1841 году подъ заглавіемъ: „Zbiór praw litewskich“.

Вскорѣ представился Даниловичу случай практически примѣнить свои знанія древняго права. Какъ уже выше сказано, онъ былъ на-

---

[1]) См. *Даниловича*, Historischer Blick, стр. 5.—Автобіографическій разсказъ о юныхъ годахъ оставилъ самъ Даниловичъ, см. рукопись Виленской Публичной Библіотеки. Съ бóльшей полнотой онъ воспроизведенъ въ кіевскомъ „Словарѣ“.

значенъ членомъ виленскаго провинціальнаго комитета для составленія мѣстнаго свода (въ октябрѣ 1821 года), а впослѣдствіи, въ 1822 г., вошелъ въ составъ профессорской комиссіи для перевода Литовскаго Статута. Однако, мирное теченіе трудовъ Даниловича и его друзей въ Вильнѣ было прервано непріятностями по службѣ; надъ университетомъ была назначена ревизія, которая закончилась тѣмъ, что весь кружокъ, въ которомъ онъ вращался, долженъ былъ покинуть Вильно и былъ разсѣянъ по всей Россіи [1]).

Обстоятельства, вызвавшія назначеніе слѣдствія надъ университетомъ и увольненіе нѣкоторыхъ профессоровъ, заключались въ слѣдующемъ [2]).

Виленскій университетъ, въ который стекалась молодежь всего сѣверо-западнаго края, не могъ съ теченіемъ времени не сдѣлаться центромъ націоналистическаго польскаго движенія, направленнаго противъ Россіи. Тѣ силы, которыя привели къ возстанію 1830 г., естественно, съ большой рѣзкостью проявлялись среди университетской молодежи. Уже въ концѣ второго десятилѣтія XIX вѣка стали образовываться среди студентовъ различные тайные кружки, въ которыхъ наряду съ научными и литературными цѣлями преслѣдовались и политическія. Но долгое время, отчасти благодаря попечителю округа кн. Чарторыйскому, мѣстныя и центральныя власти не обращали вниманія на эти общества. Первое слѣдствіе надъ этими тайными кружками было произведено только въ 1821 году; оно было возложено на нѣкоторыхъ профессоровъ, которые, конечно, не имѣли ни средствъ, ни

---

[1]) Виленская университетская исторія подробно освѣщена, и притомъ съ совершенно противуположныхъ точекъ зрѣнія, въ книгѣ *Лелевеля* (цитир. французскій переводъ) Novosilzov à Vilna, ou guerre impériale avec les enfants et l'instruction. Episode historique de 1824, Bruxelles, 1844, и въ статьѣ *С. Шолковича* „Польская пропаганда въ учебныхъ заведеніяхъ С. З. Края", помѣщенной въ „*Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи*. Составилъ и издалъ С. Шолковичъ при субсидіи отъ Виленскаго учебнаго округа." Вильна 1885 г. Статья Шолковича написана по подлиннымъ слѣдственнымъ документамъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о событіяхъ 1823 г. приведены и въ книгѣ *П. О. Бобровскаго*, Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Александра I, 1890 г., см. напр. стр. 294 (прим.) и другія. Интересныя данныя къ исторіи Виленскаго университета, за время предшествовавшее слѣдствію Новосильцева, имѣются въ различныхъ выпускахъ „Сборника историческихъ матеріаловъ извлеченныхъ изъ архива С. Е. И. В. канцеляріи" (ред. Дубровина). См. наприм. выпускъ 12, стр. 414, переписка кн. Голицына съ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, кн. Чарторыйскимъ.

[2]) См. объ этомъ приведенную выше статью *Шолковича*, стр. 241.

охоты раскрыть всю ихъ дѣятельность. Но въ маѣ 1823 года, по поводу одного частнаго случая, генералъ-губернаторъ Римскій-Корсаковъ, „генералъ, извѣстный своимъ пораженіемъ подъ Цюрихомъ“, какъ его опредѣлилъ Лелевель [1]), предписалъ университетскому начальству произвести строгое разслѣдованіе и, не удовлетворившись представленнымъ ему рапортомъ, сообщилъ великому князю Константину Павловичу о „своихъ опасеніяхъ на счетъ ожидаемыхъ имъ антиправительственныхъ волненій въ краѣ, которыя неминуемо возникнутъ вслѣдствіе ложнаго направленія, усвоеннаго Виленскимъ учебнымъ округомъ“. Великій князь доложилъ объ этомъ Государю, и въ Вильно былъ посланъ сенаторъ Новосильцевъ для ревизіи. Въ іюнѣ 1823 г. была образована тамъ комиссія, подъ предсѣдательствомъ Новосильцева изъ полицiймейстера Шлыкова, прокурора Ботвинки, статскаго совѣтника Лавриновича и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Байкова [2]).

Комиссія, занимаясь въ теченіе трехъ лѣтъ, раскрыла восемь тайныхъ обществъ, а именно „Науковое Свислоцкое“, „общество филаретовъ“, „Променистовъ“ (т. е. „лучезарныхъ“), „Общество филоматовъ“ „Моральное“, „Зорянъ“, „Черныхъ Братьевъ“ (въ 1823 г.) и „Военныхъ друзей“ (въ 1825 году). Кромѣ того, еще раньше, въ 1822 г., было закрыто общество „Шубравцевъ“ (т. е. дословно—„бродягъ“, что должно было символизировать „убогихъ литераторовъ“). Въ обществѣ филоматовъ принимали видное участіе знаменитый поэтъ Адамъ Мицкевичъ и Францъ Малевскій, сынъ бывшаго ректора,— онъ впослѣдствіи тоже участвовалъ въ кодификаціонныхъ работахъ II Отдѣленія. Нѣкоторыя общества имѣли филіальныя отдѣленія въ Кременецкомъ лицеѣ [3]).

Закончивъ часть своихъ изысканій, слѣдственная комиссія представила рапортъ въ Петербургъ, гдѣ онъ поступилъ на разсмотрѣніе особаго комитета, состоящаго изъ министра народнаго просвѣщенія адмирала Шишкова, Аракчеева и Новосильцева. Этотъ комитетъ выработалъ рядъ мѣръ для реформы учебнаго дѣла въ Виленскомъ округѣ, вообще, и въ частности, въ университетѣ. Предположенія его были Высочайше утверждены 14-го августа 1824 года. Въ этомъ

---

[1]) *Lelevel*, указ. соч. стр. 73.

[2]) Весьма нелестныя характеристики этихъ лицъ см. у *Lelevel*, указ. соч. стр 8. и 35 (прим.).

[3]) Уставы этихъ обществъ и характеристика ихъ дѣятельности приведены у *Шолковича*, указ. соч. стр. 250 и слѣд.

указѣ [1]), прежде всего, были перечислены различныя наказанія, наложенныя на участниковъ въ тайныхъ обществахъ, причемъ взысканія были очень разнообразны: нѣкоторые студенты были сосланы въ Сибирь, другіе отданы въ солдаты, а многіе отдѣлались только увольненіемъ и переводомъ въ другіе университеты. Кромѣ наказаній указъ предусматривалъ и нѣкоторыя реформы университетскаго строя и въ томъ числѣ — увольненіе профессоровъ, пребываніе которыхъ въ Вильнѣ было признано нежелательнымъ. Къ ихъ числу относились Лелевель, Бобровскій, Даниловичъ и Голуховскій. Участіе этихъ лицъ въ обществахъ или другихъ запрещенныхъ организаціяхъ, повидимому, не было установлено, по крайней мѣрѣ изъ слѣдственнаго матеріала, приведеннаго у Шолковича, это прямо не вытекаетъ. Вѣроятно, никакихъ особенно убѣдительныхъ уликъ противъ нихъ и не было собрано, а руководствовались общимъ „направленіемъ" и образомъ мысли ихъ.

Въ частности, провинность Даниловича заключалась,—если вѣрить Лелевелю—исключительно въ слѣдующемъ. Онъ хотѣлъ взять на поруки одного изъ арестованныхъ и впослѣдствіи выпущенныхъ на свободу судей, и бесѣдовалъ объ этомъ съ членомъ слѣдственной комиссіи Лавриновичемъ, который выдавалъ себя за его друга. Въ бесѣдѣ этой онъ выразился въ томъ смыслѣ, что слѣдственная комиссія не исполнила ни одного закона за все время производства слѣдствія. Лавриновичъ донесъ объ этомъ Новосильцеву, и тотъ составилъ свое заключеніе о Даниловичѣ, не спросивъ его объясненій [2]). Какъ бы то ни было, но всѣмъ перечисленнымъ выше профессорамъ велѣно было покинуть Вильно; Лелевель былъ высланъ въ Царство Польское, Голубовскій за границу, Бобровскій, какъ духовное лицо, былъ отданъ подъ надзоръ своего духовнаго начальства, а Даниловичу было предложено выѣхать во внутреннія губерніи.

Это распоряженіе его очень опечалило [3]). Приходилось разстаться съ занятіями, которыя поглощали весь его интересъ, пришлось покинуть богатые виленскіе архивы и библіотеки. Да и матеріальная сторона этой неожиданной перемѣны жизни вызывала заботы. Чтобы

---

[1]) Онъ приведенъ текстуально у *Lelevel*, указ. соч. стр. 37—45, и въ пересказѣ у *Шолковича*, стр. 275 и слѣд.

[2]) *Lelevel*, Novosiltzov à Vilna, стр. 31.

[3]) См. *Шолковичъ*, Сборникъ статей, стр. 281, выписка изъ донесенія полицеймейстера Шлыкова Новосильцеву.

устроиться какъ-нибудь иначе, Даниловичъ поѣхалъ хлопотать въ Петербургъ (въ концѣ октября 1824 г.). Повидимому, въ министерствѣ лично противъ него ничего не имѣли, и ему удалось вскорѣ же, въ январѣ 1825 г., получить назначеніе въ Харьковскій университетъ профессоромъ по каѳедрѣ дипломатіи.

Въ Харьковѣ онъ занялся обработкой и изданіемъ тѣхъ матеріаловъ, которые собралъ въ сѣверо-западномъ краѣ. „Дипломатіи" ему не пришлось читать, такъ какъ въ 1825 году онъ былъ переведенъ на каѳедру „Россійскаго и провинціальнаго" права. Онъ читалъ „гражданское право и судопроизводство по руководству Вельяминова-Зернова съ дополненіями изъ собственныхъ записокъ, излагая притомъ частныя постановленія присоединенныхъ губерній и областей; уголовное россійское право читалъ по собственнымъ запискамъ" [1]). Читая столь обширный курсъ, Даниловичъ ознакомился съ самыми разнообразными отдѣлами законодательства. Въ университетѣ онъ снискалъ общее расположеніе, какъ учениковъ, такъ и коллегъ, въ средѣ которыхъ онъ былъ безспорно самымъ выдающимся ученымъ. Онъ занималъ (по избранію) должность декана этико-политическаго отдѣленія и другія званія въ университетѣ. Въ 1828 году ему было изъявлено Высочайшее благоволеніе, служебная награда, которой онъ, по собственному признанію, искренно обрадовался, такъ какъ она позволяла надѣяться, что виленская исторія позабыта. Въ этомъ же (1828) году, къ нему обращался министръ народнаго просвѣщенія, князь Ливенъ, за совѣтомъ по поводу перевода Статута на русскій языкъ [2]), а вскорѣ его пригласили въ Петербургъ для составленія Западнаго Свода.

Нельзя съ точностью установить, кто указалъ Сперанскому на Даниловича, какъ на подходящаго работника для этого дѣла. Вѣро-

---

[1]) См. *Сухомлиновъ*, Матеріалы по исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I, часть II, стр. 69; эти свѣдѣнія заимствованы Сухомлиновымъ изъ обозрѣнія преподаванія Харьковскаго университета, за время съ 1823 по 1826 гг.

[2]) Объ этомъ уже сказано выше.—Черновикъ обширнаго отвѣта, который Даниловичъ отправилъ министру, имѣется въ числѣ его рукописей, хранящихся въ Виленской Публичной Библіотекѣ; онъ подробно изложенъ въ кіевскомъ „Словарѣ", стр. 154—157. Здѣсь нѣтъ надобности повторять сказанное въ немъ, такъ какъ то, что Даниловичъ сообщалъ относительно исторіи Статута, уже изложено выше, и совѣтъ его по поводу новаго изданія былъ въ самомъ дѣлѣ принятъ въ руководство при изготовленіи перевода и повторенъ въ рапортѣ комиссіи 1832 года. Письмо это любопытно еще, какъ свидѣтельство того страстнаго интереса, съ которымъ Даниловичъ относился къ Статуту.

ятнѣе всего, что его имя подсказывалось само собой, такъ какъ Балугьянскій былъ хорошо освѣдомленъ о работахъ виленской профессорской комиссіи по переводу Статута, да и Сперанскій могъ знать о немъ, такъ какъ лично ему былъ представленъ рапортъ секретаря комиссіи Лобойко [1]). Возможно и то, что о немъ напомнилъ метрикантъ Литовской Метрики Францъ Малевскій, приглашенный 15-го января 1830 года для работъ по Западному Своду [2]). Этотъ бывшій „филоматъ", поступившій послѣ виленской университетской исторіи на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора [3]), въ 1830 году былъ метрикантомъ Литовской Метрики (при 3-мъ департаментѣ Сената). Къ нему обратились какъ къ лицу, по служебному своему положенію обязанному знать мѣстное право; онъ былъ откомандированъ во II Отдѣленіе и могъ напомнить про Даниловича, котораго онъ зналъ по Вильнѣ. Тѣ лица, у которыхъ Сперанскій наводилъ справки о Даниловичѣ, министръ народнаго просвѣщенія и князь Любецкій [4]), дали самые хорошіе отзывы, такъ что не было никакихъ препятствій къ назначенію его во II Отдѣленіе.

---

[1]) Объ этомъ см. выше, III главу.

[2]) А. Г. С. дѣла II Отдѣленія, 1830 г., № 10 (986).

[3]) Туда онъ поступилъ вмѣстѣ съ Адамомъ Мицкевичемъ, см. *Шолковичъ*, Сборникъ статей, объясняющихъ польское дѣло, стр. 276. — Назначеніе Малевскаго въ Собственную Его Имп. Вел. Канцелярію свидѣтельствуетъ о томъ, что участію его въ тайныхъ обществахъ въ Петербургѣ не придавали никакого значенія, такъ какъ въ это вѣдомство назначались чиновники съ большимъ разборомъ. Что Малевскій, служившій во II Отдѣленіи, и былъ именно прежній „филоматъ", явствуетъ изъ А. Г, С. д. II Отд., 1834 г. № 22 (1150), въ которомъ онъ ходатайствуетъ о присылкѣ ему формулярнаго списка его отца, заслуженнаго ординарнаго профессора Виленскаго университета, Семена Малевскаго. Лестное назначеніе въ такое видное— по тому времени—вѣдомство, однако, было очень невыгодно для него въ матеріальномъ отношеніи, ибо жалованья до 1834 г. онъ не получалъ никакого (!), а послѣ 1834 г.—500 р. въ годъ, и съ 1836 г.—по 1.000 р. и, повидимому, бѣдствовалъ. За работы по Своду ему была назначена денежная награда въ размѣрѣ 10.000 руб., орденъ (Анны 2-й степени) и ежегодный окладъ въ 3.000 р., что до нѣкоторой степени вознаградило его за долгую безвозмездную службу. Впослѣдствіи онъ продолжалъ службу по II Отдѣленію и дослужился до высокихъ чиновъ.—Эта служебная карьера его является лучшимъ доказательствомъ того, что не всѣ тайныя общества въ Виленскомъ университетѣ были уже такъ опасны въ политическомъ отношеніи; Малевскій въ свое время былъ однимъ изъ вице-предсѣдателей общества филоматовъ; во время слѣдствія Новосильцева былъ вызванъ спеціально изъ Берлина въ Варшаву (въ 1823 г.), былъ допрошенъ самимъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, арестованъ и пр. (см. объ этомъ у *Lelevel*, Novosiltzov à Vilna, стр. 23).

[4]) Министръ сообщилъ, что и онъ, съ своей стороны, предполагалъ вызвать Да-

Въ Петербургѣ Даниловичъ работалъ надъ сводомъ 5 лѣтъ, съ апрѣля 1830 года до августа 1835 г. Все это время онъ оставался въ званіи ординарнаго профессора Харьковскаго университета, откомандированнаго для занятій во II Отдѣленіе [1]); во внутренней же перепискѣ этого вѣдомства онъ былъ просто „господинъ" Даниловичъ. Съ этимъ обозначеніемъ упоминается его имя во всѣхъ помѣткахъ Сперанскаго и во всѣхъ бумагахъ въ предѣлахъ II Отдѣленія. Всѣ эти пять лѣтъ Даниловичу пришлось неутомимо работать. Много знаній привезъ онъ съ собой, но при детальной разработкѣ отдѣльныхъ институтовъ и они, подчасъ, оказывались недостаточными и приходилось ихъ восполнять изъ тѣхъ богатыхъ источниковъ, которые онъ могъ найти въ петербургскихъ архивахъ и библіотекахъ. Въ частности, знакомство съ Публичной Библіотекой, которое онъ пріобрѣлъ еще въ 1818 году, очень пригодилось ему; онъ зналъ, что̀ могла она дать ему, и использовалъ ея сокровища.

Такъ, уже въ Петербургѣ пришлось Даниловичу основательно разобраться въ вопросахъ о дѣйствіи магдебургскаго права въ Малороссіи и Литвѣ и въ вопросахъ о законахъ, дѣйствующихъ вообще въ Малороссіи, въ связи съ попытками кодификаціи ихъ. Можно съ достовѣрностью утверждать, что онъ углубилъ свои познанія въ этой области именно за время работъ надъ Западнымъ Сводомъ; его записки о магдебургскомъ правѣ 1834 года значительно полнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ записки 1830 г. [2]).

Но работы въ Петербургѣ, помимо трудностей, вызываемыхъ самимъ предметомъ, были тяжелы еще и потому, что иногда требовалось окончить ихъ быстро, къ опредѣленному сроку, а заключались онѣ въ очень сложныхъ историческихъ изысканіяхъ. Такъ, напримѣръ, очень обширная записка по исторіи магдебургскаго права, содержащая (по тому времени) почти сплошь научныя открытія, была составлена въ 2 мѣсяца. Сперанскій не скупился на свой трудъ, но не жалѣлъ и чужого, и если рѣчь шла о спѣшномъ исполненіи Высочайшаго повелѣнія, или о проявленіи необычайной канцелярской

ниловича въ Петербургскій университетъ. Кн. Любецкій написалъ (французское) письмо, что онъ на мѣстѣ, въ Вильнѣ, слышалъ самые лучшіе отзывы о Даниловичѣ. А. Г. С., 1830, № 10 (986).

[1]) Результатомъ такого сложнаго служебнаго положенія явилось то, что въ 1833 г. онъ остался безъ жалованья и съ трудомъ добился уплаты его лишь въ слѣдующемъ году; см. цитир. дѣло № 10 (прошеніе Даниловича).

[2]) Объ этомъ подробнѣе рѣчь будетъ ниже.

быстроты, то онъ былъ въ высшей степени требователенъ. И если нерѣдко къ такимъ запискамъ предъявлялись чисто формальныя требованія, главнымъ образомъ требовалось, чтобы бумага была написана скоро, хотя бы и поверхностно, и, слѣдовательно, такая быстрота сравнительно легко могла быть достигнута опытнымъ канцеляристомъ, не задумывающимся надъ внутреннимъ содержаніемъ, то для ученаго, привыкшаго работать добросовѣстно и обстоятельно, какимъ былъ Даниловичъ, достиженіе такой быстроты была необыкновенно трудной задачей.

Къ началу 1835 года Даниловичу удалось изготовить первоначальный проектъ Свода и миссія его приближалась, такимъ образомъ, къ концу. 14 февраля того же года онъ былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора вновь учрежденнаго университета Св. Владиміра, по каѳедрѣ полицейскихъ и уголовныхъ законовъ, и министръ народнаго просвѣщенія, Уваровъ, торопилъ его съ отъѣздомъ въ Кіевъ. Но Сперанскій не отпустилъ его, такъ какъ ожидалось прибытіе изъ западныхъ губерній чиновниковъ для ревизіи Свода, и присутствіе Даниловича въ Петербургѣ могло оказаться необходимымъ. Уѣхалъ онъ изъ Петербурга только въ сентябрѣ (8-го) 1835 года [1]) и по порученію Уварова повезъ въ Кіевъ медали, монеты и доски для закладки зданія университета, которая должна была состояться въ присутствіи Государя [2]).

Но его связь со II Отдѣленіемъ не была прервана окончательно. Въ Петербургѣ онъ еще не успѣлъ окончить историческаго введенія къ изготовленному имъ Своду, и предполагалось, что онъ будетъ продолжать эту работу въ Кіевѣ. Въ такомъ смыслѣ Сперанскій докладывалъ и Государю (4-го декабря 1835). Надъ этимъ историческимъ введеніемъ Даниловичъ, въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ трудиться въ Кіевѣ. И въ университетѣ, помимо курса уголовнаго права, на который онъ былъ назначенъ, онъ читалъ курсъ мѣстнаго права и предполагалъ заниматься исторіей и обозрѣніемъ литературы мѣстныхъ законовъ [3]).

Въ Кіевскомъ университетѣ онъ также быстро занялъ выдающееся

---

[1]) См. А. Г. С. дѣло 1830 г. № 10 (986).

[2]) См. рукописи Даниловича, хранящіяся въ Виленской Публичной Библіотекѣ.

[3]) См. *Владимірскій-Будановъ*, Исторія Имп. Унив. Св. Владиміра, Кіевъ, 1884, стр. 192. Едва ли можно согласиться съ общей характеристикой Даниловича, помѣщенной въ этой книгѣ (стр. 127). Оцѣнка поступковъ и всей личной жизни Даниловича въ ней сдѣлана съ очень односторонней точки зрѣнія.

мѣсто въ профессорской коллегіи. Здѣсь ему представлялись многіе случаи, чтобы примѣнить свои выдающіяся познанія по исторіи вообще и, въ частности, исторіи Западной Россіи [1]). Но свои досуги отъ обычныхъ занятій юриспруденціей Даниловичъ посвящалъ работамъ по другимъ историческимъ вопросамъ. Въ Кіевѣ написана имъ статья по исторіи западно-европейскихъ училищъ и воспитанія въ средніе вѣка (напечатана въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1836 г.). Въ Кіевѣ же, вѣроятно, подготовлялись и работы его о литовскихъ лѣтописяхъ (напечатана въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1840 г., XXVIII, стр. 70—114), и „историческій взглядъ на древнее образованіе городовъ славянскихъ“ (сборникъ Общ. Исторіи и Древностей, т. IV). Но все же завѣтнымъ желаніемъ его оставалось изданіе Литовскихъ Статутовъ, которое онъ не могъ довести до конца, за неимѣніемъ средствъ. Въ его бумагахъ сохранился черновикъ письма къ кн. Ширинскому-Шихматову, въ которомъ онъ доказывалъ необходимость напечатать Статуты при содѣйствіи археологической комиссіи [2]). Но этому желанію не суждено было сбыться при жизни Даниловича. Да и вообще Даниловичу судьба какъ-то не позволяла оставаться долго на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ Кіевѣ съ нимъ повторилась буквально та же исторія, какъ и въ Вильнѣ,— въ университетѣ были обнаружены тайныя общества на политической подкладкѣ, вслѣдствіе этого онъ былъ временно закрытъ, а всѣ профессора поляки, хотя и ни въ чемъ не повинные, были изъ Кіева переведены. Въ ихъ числѣ оказался и Даниловичъ,—онъ былъ назначенъ въ Москву на каѳедру „законовъ благочинія и благоустройства“ (приказомъ 23-го апрѣля 1839 г.). Съ московской обстановкою онъ, въ общемъ, быстро примирился и продолжалъ успѣшно свои историческія изысканія, съ тѣмъ юношескимъ пыломъ, который, по словамъ его друзей, не покидалъ его и въ старости. Въ Москвѣ имъ была издана, при сотрудничествѣ другихъ лицъ [3]), „Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго“ (2 тома, изданіе Московскаго Общ. Исторіи и Древностей, 1841). Продолжалъ онъ и чтеніе курса мѣстнаго права западныхъ губерній, но въ 1840 г. состоялся указъ,

[1]) Объ этихъ работахъ см. подробности въ кіевскомъ „*Словарѣ*“, стр. 163 и слѣд.

[2]) Карандашныя замѣтки на этомъ черновикѣ, на мой взглядъ, сдѣланы не рукой Даниловича, какъ это предполагаетъ составитель его біографіи въ кіевскомъ „*Словарѣ*“, стр. 166.

[3]) Князя Оболенскаго, Погодина и Дубенскаго.

отмѣнившій въ западномъ краѣ дѣйствіе прежнихъ законовъ; Западный Сводъ, надъ которымъ онъ такъ долго трудился, сдѣлался излишнимъ. Поэтому, въ 1841—2 академическомъ году онъ собирался преподавать законы Царства Польскаго[1]), но силы ему измѣнили. Нервное разстройство, которымъ онъ страдалъ очевидно уже долгое время, результатъ его тяжелой и безпокойной жизни, заставило его бросить университетскую службу. Онъ вышелъ въ отставку, мечталъ поселиться въ Кіевѣ, но вынужденъ былъ уѣхать заграницу лечиться. Однако, леченіе не помогло, и онъ скончался въ Грефенбергѣ (въ Силезіи) 30-го іюня 1843 года, на 56 году жизни.

За время профессорской дѣятельности Даниловичу пришлось изучить различныя юридическія дисциплины—государственное, уголовное, гражданское и полицейское право. Въ его бумагахъ сохранились наброски,—вѣроятно, конспекты лекцій,—даже по исторіи источниковъ балтійскаго права. Но всѣ эти дисциплины не привлекали его въ такой степени, какъ исторія литовскаго права. Къ этой области относятся всѣ его самостоятельные труды, и въ ней онъ сдѣлалъ многое[2]). До появленія въ 1800 г. изслѣдованія Чацкаго можно было только вообще говорить, что и у литовскаго права „вѣроятно" была нѣкоторая исторія, но въ чемъ она заключалась, этого никто не зналъ; Чацкій и Линде до нѣкоторой степени разсѣяли мракъ, окутывавшій ее; ихъ работы дали толчокъ и для разработки спеціально польскаго права, но только благодаря трудамъ Даниловича сложился тотъ прочный фундаментъ для исторіи права литовскаго народа, на которомъ послѣдующіе изслѣдователи могли уже смѣло основываться.

При томъ младенческомъ состояніи исторіи литовскаго права, которое засталъ Даниловичъ въ началѣ своихъ работъ, главное вниманіе должно было быть обращено на внѣшнюю исторію памятниковъ; и этой области онъ удѣлилъ наибольшее вниманіе. Первой крупной работой его было „Библіографическое описаніе всѣхъ извѣстныхъ рукописей и печатныхъ экземпляровъ Литовскаго Статута", помѣщенное въ Dziennik Wilenski за 1823 годъ. Надъ этимъ вопросомъ онъ не переставалъ трудиться и впослѣдствіи; въ 1838 году онъ помѣстилъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* замѣтку

---

[1]) *Біографическій Словарь Импер. Московскаго Университета*, 1855 г. I часть, стр. 288.

[2]) Полный списокъ всѣхъ его ученыхъ трудовъ имѣется въ его бумагахъ (Виленская Пуб. Биб.); онъ напечатанъ въ кіевскомъ „*Словарѣ*".

о Литовскомъ Статутѣ, въ которой, въ сокращенномъ видѣ, повторяется сказанное въ первой его работѣ и дополняется нѣкоторыми новыми данными. Къ этой же категоріи относится и нѣмецкая работа его, помѣщенная въ Dorpater Jahrbücher (1834) подъ заглавіемъ „Historischer Blick auf das Litthauische Statut etc“. Внѣшнимъ поводомъ къ написанію этой статьи послужило предложеніе берлинскаго профессора Бинера, который желалъ издать сочиненіе подъ заглавіемъ „Historia Litteraria juris graeco-romani tam civilis quam ecclesiastici, usque ad finem medii aevi“, и который интересовался узнать, какое вліяніе имѣло римское право на литовское. Бинеръ говорилъ объ этомъ лично со Сперанскимъ, когда Сперанскій былъ въ Берлинѣ, а потомъ черезъ дерптскаго профессора Клоссіуса обратился къ Даниловичу.

Но такъ какъ Даниловичъ состоялъ въ то время во II Отдѣленіи, а чиновникамъ этого вѣдомства не было разрѣшено печатать что-либо безъ разрѣшенія начальства, то онъ и представилъ Сперанскому просьбу, разрѣшить ему заняться по вечерамъ, въ свободное отъ службы время, сочиненіемъ отвѣтовъ на вопросы Бинера. На прошеніи Даниловича Сперанскій отмѣтилъ, что это „трудъ приватный и никому не воспрещенный“. Бинеръ желалъ получить описаніе различныхъ изданій Статута и его переводовъ, а также интересовался узнать, основанъ ли онъ на греческомъ или римско-латинскомъ правѣ и какія по этому предмету имѣются изысканія [1]). На эти вопросы статья Даниловича, помѣщенная въ Dorpater Jahrbücher за 1834 г., и даетъ отвѣты.

Второй заботой Даниловича, наряду съ изученіемъ внѣшней исторіи памятниковъ старины, являлось распубликованіе ихъ; такъ, онъ впервые распубликовалъ древнѣйшій крупный памятникъ литовскаго законодательства, Статутъ Казиміра IV (1468 г.). Этотъ „Statut Kazimierza Iagiellonczyka“ изданъ въ 1825 г., въ бытность Даниловича въ Харьковѣ. Издана имъ впервые и любопытная лѣтопись Литвы и Руси (Latopisiec Litwy i Kronika ruska, 1827), памятникъ очень цѣнный для исторіи древней Литвы. Благодаря Даниловичу, на эту лѣтопись издавна обращено вниманіе изслѣдователей [2]).

Но самое полное представленіе объ обширности знаній Даниловича въ области памятниковъ исторіи Польши и Литвы даетъ то громадное

---

[1]) См. А. Г. С. д. II Отд., № 10, 1830 г.

[2]) Объ этой заслугѣ Даниловича см. „Лѣтопись занятій Императорской Археографической комиссіи за 1901 г.“, статья *А. А. Шахматова.*

собраніе рукописей и выписокъ изъ различныхъ историческихъ актовъ, которое осталось въ его бумагахъ и, благодаря заботамъ нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ любителей старины, было пріобрѣтено для Виленскаго музея и распубликовано уже много времени послѣ смерти Даниловича, въ 1862 году, подъ заглавіемъ: „Scarbiec diplomatów etc.", въ двухъ томахъ. Эти выписки объемлютъ многовѣковой періодъ литовской и польской исторіи и свидѣтельствуютъ о тѣхъ громадныхъ усиліяхъ, которыя Даниловичъ сдѣлалъ для изученія исторіи родного края, и о тѣхъ блестящихъ результатахъ, которыхъ онъ достигъ.

При такомъ направленіи его работъ, когда ему приходилось прокладывать новые пути въ хаотическомъ матеріалѣ, больше расчищать дорогу своимъ преемникамъ, чѣмъ самому заниматься надъ раскрытіемъ внутренней исторіи права, естественно, самостоятельныя работы Даниловича не могли представлять ничего законченнаго въ цѣломъ, и даже просто отличаться внѣшнимъ объемомъ. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ его самостоятельные труды, разумѣя подъ этимъ все, кромѣ изданій памятниковъ по исторіи литовскаго права, можно было бы собрать въ одинъ небольшой томъ, но можно смѣло утверждать, что величина ихъ обратно пропорціональна цѣнности.

Въ короткихъ, лапидарныхъ фразахъ скрытъ громадный трудъ, конденсированъ результатъ долгихъ критическихъ изслѣдованій; всѣ выводы обоснованы богатыми ссылками на источники. И не слѣдуетъ забывать, что такое собраніе матеріаловъ, какое совершилъ Даниловичъ, не есть только кабинетный трудъ; матеріалы надо было *разыскать* въ самыхъ разнообразныхъ архивахъ, надо было объѣздить обширныя мѣстности, самому приводить въ порядокъ собранія, чтобы найти въ нихъ что-нибудь цѣнное — работа, которую Даниловичъ дѣлалъ, не жалѣя ни собственныхъ силъ, ни средствъ.

Но ему была ясна не только внѣшняя исторія источниковъ литовскаго права.

Изъ тѣхъ, къ сожалѣнію, краткихъ замѣчаній, въ которыхъ онъ касается болѣе общихъ вопросовъ исторіи права, видно, что онъ былъ способенъ не только къ археологическимъ и мелкимъ изысканіямъ. Для этого стоитъ прочесть заключительную главу русскаго изданія его статьи: „Взглядъ на литовское законодательство и литовскіе Статуты" (Юридич. Записки Рѣдкина, т. I. 1841 г.), озаглавленную „основныя начала Литовскаго Статута" (стр. 34—46). Эти обобщенія составлены мастерски; ихъ можно развить подробнѣе, но трудно къ нимъ прибавить что-нибудь новое. Въ короткихъ словахъ возсоздана вся историческая

обстановка, въ которой сложился и для которой былъ разсчитанъ Статутъ; подчеркнуты и объяснены основные принципы, проводимые въ этомъ памятникѣ; изъ каждаго слова видно, что авторъ имѣлъ передъ лицомъ всю картину литовскаго государства и общества, и что онъ могъ оріентироваться какъ въ крупномъ, такъ и въ деталяхъ. Не много такихъ блестящихъ страницъ можно найти и въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ по литовскому праву.

Такимъ образомъ, привлекая къ работамъ по кодификаціи литовскаго права Даниловича, Сперанскій сдѣлалъ самый удачный выборъ. Никто изъ ученыхъ того времени не обладалъ такими данными, какъ именно онъ. Но другой вопросъ, — можно ли было разсчитывать на объективно удачный результатъ? Можно ли было надѣяться на успѣшную кодификацію правовой системы, когда именно самая кодификація являлась почти что первой научной обработкой? Для кодификаціи, даже въ томъ элементарномъ видѣ, какъ она понималась при составленіи Свода Законовъ, необходима предварительная разработка институтовъ права, усилія научной мысли ряда поколѣній. И далѣе. Даниловичъ былъ все-таки преимущественно историкъ, а не юристъ. Догматическое изложеніе права его не привлекало, повидимому, вовсе, по крайней мѣрѣ отъ него не осталось трудовъ этого рода. А между тѣмъ, при составленіи свода особенно необходима была именно такая догматическая обработка права, хотя бы даже только для отграниченія мѣстнаго права отъ общаго. Для составителя мѣстнаго свода догма права была еще болѣе необходима, чѣмъ для составителей общаго.

V.

Въ то время, когда Даниловичъ явился во II Отдѣленіе, основныя правила составленія Свода Законовъ уже были выработаны окончательно. Своды—какъ общіе, такъ и мѣстные—должны были содержать дѣйствующіе „законы“ въ возможно неприкосновенномъ видѣ, съ сохраненіемъ, если это допускали обстоятельства, даже первоначальной редакціи кодифицируемыхъ узаконеній. Такимъ образомъ, Даниловичу предстояло прежде всего собрать всѣ сырые матеріалы, т. е. памятники права въ ихъ первоначальныхъ текстахъ, исключить изъ нихъ все отмѣненное, а остатокъ, т. е. все дѣйствующее право, расположить въ системѣ. Въ руководство давалась система общаго свода [1]).

---

[1]) Прямой инструкціи Даниловичу я не нашелъ въ дѣлахъ II Отдѣленія, да въ

Къ пріѣзду Даниловича нѣкоторая часть необходимыхъ для работы книгъ уже была собрана его помощникомъ, метрикантомъ Литовской Метрики при Сенатѣ, Францемъ Семеновичемъ Малевскимъ, который, какъ уже выше отмѣчено, былъ прикомандированъ ко II Отдѣленію приказомъ отъ 15-го января 1830 года, и явился туда на службу 3-го февраля [1]), слѣдовательно раньше Даниловича, относительно прикомандированія котораго приказъ состоялся только 15-го апрѣля, и который пріѣхалъ въ Петербургъ 7-го іюня [2]). Малевскій вытребовалъ изъ Публичной Библіотеки рядъ сочиненій по польскому и литовскому праву [3]), число которыхъ потомъ дополнилъ Даниловичъ.

роятно ея и не было; правила кодификаціи были просты и предполагались извѣстными всѣмъ служащимъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ 1830 году система общаго свода еще не была установлена окончательно и подвергалась измѣненіямъ; различныя „системы“ свода можно прослѣдить по отчетамъ и другимъ документамъ II Отдѣленія, сохранившимся въ бумагахъ сенатора *К. Г. Рѣпинскаго* (въ Имп. Публ. Библіотекѣ). Надъ созданіемъ системы работалъ самъ Сперанскій.

[1]) См. бумаги *Рѣпинскаго* въ Императорской Публичной Библіотекѣ, „Отчетъ о трудахъ II Отдѣленія съ 15-го генваря 1830 г. по 15-го генваря 1831 г.“.

[2]) См. Арх. Гос. Сов., 1835 г. № 44, (№ 1211).

[3]) Арх. Гос. Сов., 1830 г. № 18 (994) (о доставленіи изъ разныхъ мѣстъ юридическихъ книгъ). Вотъ списокъ этихъ книгъ. 1) Commune inclyti Poloniae regni privilegium etc. (статутъ Ласскаго). 2) Leges seu Statuta ac Privilegia Regni Poloniae... ab Jacobo *Prilusio* collecta (полное заглавіе его см. *Burzyńsky,* Prawo Polskie, I стр. 107). 3) Statuta regni Poloniae, изд. *Herburt de Fulstyn* (*Burzyńsky*, стр. 108). 4) Statuta i metryka przywilejów etc. (*Burzyńsky*, стр. 109). 5) Statuta, prawa i constitucye, изд. *Januszowskiego* (*Burzyńsky*, 110). 6) Promtuarium Statutorum omnium, *Щербича* (*Burzyńsky*, стр. 111). 7) Compendium, изд. *Zawadzkiego* (*Burzyńsky*, стр. 111). 8) Konstytucyje, изд. *Kożuchowskiego* (*Burzyńsky*, стр. 111). 9) Jus regni Poloniae etc. Nic. *Zalaszowskiego* (*Burzyńsky*, стр. 122). 10) *Th. Dresner*, Institutionum juris regni Poloniae etc. (*Burzyńsky*, стр. 121). 11) *Groicki*, Porządek sądów i spraw miejskich. 12) *Dresner*, Processus judiciarius etc. (*Burzyńsky*, стр. 121). 13) *Volumina legum*, въ изданіи Піаритовъ. 14) Zbiór praw stanowi miejskiem sluzących. 15) Tresc ustawa dla miasta Poznani (1781 годъ). 16) Postanowenia dla miasta etc. 17) Statuta incliti regni etc. (*Burzyńsky*, стр. 103). 18) Juris provincialis libri, ed. *Jasker* (1535). 19) Speculum Saxonum, *Щербича*. 20) Artykuli securitatis... sądow Marszalkowskich. 21) Processus judiciarius, *Zawadzkiego* (*Burzyńsky*, стр. 122). 22) Processus judiciarii pragmatici... syntagma autore Greg. *Czaradzki*. 23) Processus... granicialis... *Lochowskiego* (*Burzyńsky*, стр. 383). 24) Farrago actionum, *Johannis Cervi Tucholiensis*. 25) Praktika Kryminalna,... Jac. *Czechowicza*. 26) Statut Litewski, edit 1819 г. 27) item—manuscript. 28) Jus culmense correctum, 1711. 29) Prawo Chelmińskie въ переводѣ *Кушевича*. 30) *Ostrowski*, Prawo ciwilne. 31) *Skrzetuski*, Prawo politiczne. 32) *Dubienski*, Przivileje i prawo miasta Wilna. Кромѣ того, были выписаны конституціи сеймовъ, не вошедшія въ Volumina legum, и собра-

На основаніи этихъ матеріаловъ былъ составленъ „Реестръ находящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ книгъ по части законодательства и права польскаго, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ изданія, съ раздѣленіемъ ихъ по мѣрѣ важности содержанія на 3 разряда, съ поясненіемъ, какія изъ сихъ узаконеній, съ котораго времени, въ какихъ именно губерніяхъ дѣйствуютъ“.

Къ *первому* разряду отнесены книги, содержащія въ себѣ „Главные источники и подлинный текстъ узаконеній, дѣйствующихъ нынѣ въ губерніяхъ отъ Польши присоединенныхъ“. Сюда причислялись, напр., Speculum Saxonum Щербича, Volumina legum, Литовскій Статутъ и другія. Списокъ былъ составленъ такъ, что въ первой графѣ показывался годъ изданія даннаго сочиненія, а во второй—его краткое заглавіе; такъ, напр., Volumina legum томы 1—6 стояли на 11 мѣстѣ, а 7 и 8, появившіеся позднѣе—на 20 и 21. Получалась, такимъ образомъ, преимущественно хронологическая цѣпь *изданій*, въ которыхъ опубликованы памятники, а не хронологическая цѣпь историческаго появленія самихъ памятниковъ. Списокъ содержалъ всего 24 номера.

Во *второмъ* разрядѣ были помѣщены „книги, нужныя для сличенія и соображенія первыхъ, какъ по одному и тому же предмету, но въ разное время и другими авторами изданныя“, и наконецъ, въ *третьемъ*—„книги, болѣе или менѣе полезныя для поясненія самого текста и для повѣрки собственно, а наипаче въ историческомъ отношеніи“.

Къ этимъ реестрамъ прибавлены три примѣчанія. *Первое*: „въ сихъ книгахъ заключаются не только до нынѣ въ губерніяхъ отъ Польши присоединенныхъ дѣйствующія узаконенія, но и весь ходъ законодательства, начиная съ 1347 по 1786 г.г. включительно“. *Второе*: „изъ числа заключающихся въ нихъ польскихъ узаконеній: *а*) конституціи коронныя дѣйствуютъ исключительно въ губерніяхъ.....

ніе рѣшеній непремѣннаго совѣта (Zbiór rezolucij Rady Nieustającej). Большинство книгъ было взято изъ Публичной Библіотеки, а нѣкоторыя пришлось выписать изъ библіотеки Виленскаго университета (напр., собраніе рѣшеній непремѣннаго совѣта). Но, конечно, приведеннымъ спискомъ не исчерпываются всѣ матеріалы, бывшіе въ распоряженіи Даниловича и Малевскаго; что они пользовались и собственными книгами, видно изъ того, что въ „реестрѣ“ (о которомъ рѣчь ниже) упоминаются нѣкоторыя сочиненія, не выписанныя изъ библіотекъ.—По почину Малевскаго была выписана только первая партія книгъ (№№ 1—11), остальныя вытребовалъ уже Даниловичъ.

(пропускъ въ текстѣ!) Кіевской, Волынской и Подольской, какъ принадлежащихъ къ коронному Польскому краю; *b*) въ литовскихъ губерніяхъ, Виленской, Минской, Гродненской и Бѣлостокской области, какъ составлявшихъ нѣкогда особое княжество Литовское, дѣйствуютъ собственно литовскія конституціи, съ нѣкоторыми изъ коронныхъ, распространенныхъ на Литву съ 1696 года, на основаніи закона въ означенномъ году состоявшагося подъ заглавіемъ coaequatio jurium; *c*) Бѣлорусскія губерніи—Смоленская, Могилевская и Витебская—руководствуются литовскими конституціями, состоявшимися до Высочайшаго указа 1772 года сентября 3-го, коимъ повелѣно послѣдующихъ съ того времени конституцій не почитать въ числѣ узаконеній Бѣлорусскому краю дарованныхъ, вслѣдствіе чего съ 1772 года до 1790 послѣдовавшія не распространены на бѣлорусскія губерніи [1]); *d*) Статутъ же Литовскій дѣйствуетъ во всѣхъ губерніяхъ отъ Польши присоединенныхъ, со времени установленія онаго до настоящаго времени".—*Третье*. „Въ Малороссійскомъ краѣ Статутъ обратное возымѣлъ дѣйствіе по силѣ Высочайшаго указа 1796 года декабря 12-го дня даннаго. А потому въ семъ разрядѣ къ полному собранію законовъ, дѣйствующихъ въ означенныхъ губерніяхъ, недостаетъ указовъ, распространенныхъ на помянутыя губерніи, а именно: a) о земской давности, b) о гербовой бумагѣ, c) о поверстныхъ срокахъ, d) апелляціонныхъ срокахъ, e) о судопроизводствѣ и убыткахъ" [2]).

„Хронологическій реестръ" и дополняющія его „примѣчанія" нельзя разсматривать какъ замѣтку Даниловича, составленную имъ для своихъ надобностей, или въ качествѣ доклада по начальству для объясненія дальнѣйшей дѣятельности. Напротивъ, если бы Западный Сводъ получилъ силу закона, реестръ представлялъ бы собой документъ первостепенной важности, и вотъ почему: мѣстный сводъ долженъ былъ быть составленъ по образцу общаго, а для этого слѣдовало бы въ сущности начать дѣло съ изданія „Полнаго собранія мѣстныхъ зако-

---

[1]) Въ этомъ пунктѣ туманно выражена въ сущности очень простая вещь: конституціи послѣ 1772 года, изданныя *польской* властью, очевидно не могли дѣйствовать въ мѣстностяхъ уже отдѣленныхъ (по первому раздѣлу) отъ Польши и присоединенныхъ къ Россіи. Эту оговорку Даниловичъ призналъ необходимой, вѣроятно, потому, что списокъ источниковъ права (первый „разрядъ" книгъ) доходилъ до 1790 г., и совершенно основательно, такъ какъ это былъ общій списокъ всѣхъ прежнихъ законовъ, сохранившихся въ разныхъ мѣстностяхъ, а въ пунктѣ с указывалось изъятіе.

[2]) „Реестръ" и „примѣчанія" имѣются въ дѣлѣ Арх. Гос. Сов. № 18, 1830 г. (№ 994).

новъ". Но такая работа была признана неудобоисполнимой [1]), поэтому появился бы въ офиціальномъ изданіи только сводъ, а тѣ матеріалы, изъ которыхъ онъ созданъ, офиціально не были бы изданы. Приведенный выше реестръ и восполнилъ бы этотъ пробѣлъ. По нему можно установить, какіе тексты при кодификаціи признавались аутентичными, и, слѣдовательно, онъ указывалъ, гдѣ искать источники статей: онъ служилъ бы оправданіемъ „цитатовъ" подъ статьями. Можетъ быть, по этимъ-то соображеніямъ Даниловичъ и старался розыскать именно въ офиціальныхъ книгохранилищахъ тѣ книги, которыя онъ перечислилъ въ своемъ спискѣ; несомнѣнно, онъ лично имѣлъ собственные экземпляры многихъ изъ нихъ. Ссылка на такіе, такъ сказать, нейтральные экземпляры придавала бо̀льшую авторитетность своду. И далѣе, „примѣчанія" къ реестру содержатъ тѣ общія директивы, которыми руководствовались составители первоначальнаго проекта. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ особенно отмѣтить пунктъ „*b*" въ примѣч. II, гдѣ говорится о пространствѣ дѣйствія сеймовыхъ конституцій. Это мѣсто важно, во-первыхъ, по тому практическому вліянію, которое выраженное въ немъ начало должно было имѣть на всю физіономію свода, а во-вторыхъ—какъ свидѣтельство о томъ, что и Даниловичъ придерживался того мнѣнія, которое и теперь можно признать господствующимъ.

Одновременно съ реестрами и примѣчаніями была составлена и другая справка, подъ заглавіемъ „Хронологическое обозрѣніе происхожденія и хода законодательства и узаконеній польскихъ". Эта записка содержитъ именно только одну хронологію различныхъ событій политической и юридической исторіи Польши, и вотъ она составлена была, вѣроятно, только для представленія по начальству [2]). Такой сухой перечень различныхъ хронологическихъ данныхъ мало могъ принести пользы для точнѣйшаго опредѣленія относительно силы разнородныхъ источниковъ [3]). По своей элементарности онъ могъ быть

---

[1]) О неудобоисполнимости такого предпріятія упоминается въ „Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній" о Западномъ Сводѣ (А. Г. С. № 587).

[2]) На запискѣ имѣется помѣтка Сперанскаго „хранить впредь до востребованія при дѣлахъ о законахъ польскихъ". А. Г. С. № 18, 1830 г. (№ 994).

[3]) А. Г. С., 1835 г. № 44. Отчеты Даниловича. Въ дальнѣйшемъ цитируется только его *послѣдній* отчетъ отъ 30-го августа 1835 г., въ которомъ повторены всѣ прежніе. Черновикъ отчета, представленнаго Балугьянскому въ 1831 г., сохранился въ бумагахъ Даниловича (Виленская Публичная Библіотека).

полезенъ только для оріентировки лицъ, рѣшительно ничего не знавшихъ объ исторіи польскаго права.

Параллельно съ этими трудами было предпринято составленіе выписокъ изъ Полнаго Собранія Законовъ, съ 1772 года. На основаніи этихъ выписокъ можно было установить, какимъ измѣненіямъ подверглось польское право подъ вліяніемъ законодательныхъ актовъ, исходящихъ отъ русской власти. Выписки эти сдѣлались излишними и были прекращены, когда былъ законченъ Альфавитный Указатель къ Полному Собранію.

По этимъ пріуготовительнымъ работамъ можно въ точности установить, въ чемъ должно было заключаться содержаніе Западнаго Свода; по матеріаламъ можно опредѣлить сущность возводимаго зданія. Прямой отвѣтъ на вопросъ о содержаніи, правда, даютъ разсужденія Сперанскаго, помѣщенныя въ „Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о составленіи Свода мѣстныхъ законовъ Западныхъ губерній“ (отдѣленіе II, „о мѣрахъ принятыхъ къ составленію свода“) [1]). Въ сводъ, говорится тамъ, надлежало внести мѣстныя изъятія, а онѣ въ свою очередь бываютъ двоякаго рода: „первыя допущены россійскимъ законодательствомъ по уваженіи мѣстныхъ обстоятельствъ, и сами по себѣ не составляли особеннаго права, другія, напротивъ, *предоставлены* [2]) обывателямъ, какъ право обѣщанное и дарованное при самомъ ихъ присоединеніи. Первыя вмѣщены уже въ своихъ мѣстахъ въ общемъ Сводѣ—слѣдовательно, въ настоящемъ отдѣльномъ сводѣ должны занять мѣсто одни изъятія второго рода, т. е., мѣстные законы, присвоенные жителямъ въ видѣ Всемилостивѣйше дарованнаго имъ права“. Однако, слова Сперанскаго, если ихъ разсматривать точнѣе, представляются довольно неопредѣленными. Изъ нихъ вытекаетъ только одинъ безспорный выводъ, именно тотъ, что въ Западномъ Сводѣ собраны отнюдь не всѣ мѣстныя изъятія; что же касается критерія, которымъ полагалось руководствоваться при распредѣленіи изъятій по разнымъ сводамъ, то онъ, въ разсужденіяхъ Сперанскаго, остается весьма неяснымъ. Съ момента включенія новыхъ областей въ предѣлы Имперіи, всѣ дѣйствующія въ нихъ нормы, и сохраняемыя въ силѣ и вновь изданныя, всѣ основывались исключительно на велѣніяхъ русской законодательной власти; можно съ одинаковымъ успѣ-

---

[1]) Эта часть „Обозрѣнія“ написана Сперанскимъ собственноручно, объ этомъ см. ниже.

[2]) Курсивъ подлинника.

хомъ утверждать, что на всѣ эти нормы обыватели края имѣли одинаковое „право", или обратно, что ни на одну изъ нихъ они не имѣли никакого права. При иномъ пониманіи пришлось бы признать, что русская власть не имѣла бы права вообще отмѣнять или измѣнять нормы, унаслѣдованныя ею отъ польской эпохи. Но въ *такомъ* смыслѣ сохраненіе прежнихъ законовъ никогда не понималось, и въ *этомъ* смыслѣ не могъ понимать его и Сперанскій. Достаточно прочесть II раздѣлъ „Обозрѣнія" („измѣненія происшедшія въ законахъ западнаго края со времени присоединенія его къ Россіи"), чтобы убѣдиться въ противномъ.

Если руководиться тѣми матеріалами, которыми пользовались составители, то правильнѣе всего можно опредѣлить содержаніе Свода, сказавъ, что онъ долженъ былъ вмѣщать въ себѣ всѣ не отмѣненныя нормы литовско-польскаго происхожденія съ тѣми измѣненіями, которыя внесло въ нихъ законодательство Имперіи.

„Пріуготовительныя" работы были закончены быстро, уже въ сентябрѣ 1830 года, и можно было приступить къ составленію статей свода. Этотъ трудъ подѣлили между собой Даниловичъ съ Малевскимъ. Даниловичъ занялся законами о состояніяхъ и въ 1830 году успѣлъ закончить эту книгу; вышло 776 параграфовъ, на 216 листахъ; Малевскій въ томъ же году успѣлъ довести до конца книгу „о семейственныхъ состояніяхъ". Въ концѣ 1830 года Даниловичъ едва-ли удѣлилъ много времени работамъ по Своду, такъ какъ ему пришлось торопиться съ окончаніемъ записки о дѣйствіи магдебургскаго права въ Малороссіи (она была закончена 28-го декабря). Въ слѣдующемъ году была обработана книга о судоустройствѣ (711 параграфовъ на 262 листахъ) Даниловичемъ, и Малевскимъ—книга объ имуществахъ. Очевидно, кромѣ этихъ частей, въ то же время, подготавливались еще и другія, оконченныя уже въ 1832 году, именно часть „книги объ имуществахъ" („о дарѣ, о выдѣлѣ, о приданомъ, о завѣщаніяхъ, о законномъ наслѣдствѣ, о раздѣлѣ имуществъ", всего 418 параграфовъ, на 102 листахъ); далѣе, межевое судоустройство и книга объ актахъ (изготовленная Малевскимъ). Наконецъ, въ 1833 году, Даниловичъ закончилъ книгу о судопроизводствѣ (1752 параграфа на 375 листахъ) и книгу о договорахъ. Эта послѣдняя часть была составлена въ двоякой редакціи, — одну писалъ Даниловичъ, а другую Малевскій (работа Даниловича состояла изъ 538 параграфовъ на 112 листахъ); затѣмъ, каждый передалъ оконченную имъ редакцію другому для провѣрки. Окончательную

редакцію составилъ уже Малевскій въ 1835 году. Этотъ пріемъ былъ примѣненъ для того, чтобы, какъ сказано въ отчетѣ Даниловича, „лучше исчерпнуть сію важнѣйшую часть польскаго законодательства“. Такимъ образомъ, въ 1833 году были вчернѣ окончены почти всѣ части Свода.

О ходѣ всѣхъ вообще работъ чиновниковъ II Отдѣленія ежегодно, а иногда и по полугодіямъ, представлялись отчеты Государю. По нимъ можно прослѣдить въ основныхъ чертахъ движеніе всѣхъ кодификаціонныхъ работъ, но, слѣдуетъ отмѣтить, эти отчеты, написанные искусною рукою Сперанскаго и не содержащіе прямыхъ невѣрностей, были составляемы въ такомъ смыслѣ, чтобы оставить у читателя самое оптимистическое впечатлѣніе о быстротѣ и успѣшности всѣхъ работъ, производимыхъ подъ его начальствомъ [1]). Въ каждомъ отчетѣ дѣло излагается такъ, что можно подумать, что Сводъ уже „оконченъ“ и осталось додѣлать только самыя мелочи. Отчеты Даниловича въ этомъ отношеніи представляютъ гораздо болѣе полный и точный источникъ свѣдѣній. Изъ нихъ заимствованы данныя, приведенныя выше.

Въ 1833 году, по приказанію Сперанскаго, было составлено Даниловичемъ „обозрѣніе свѣдѣній о прежде бывшихъ усиліяхъ съ 1347 по 1830 годъ въ составленіи Сводовъ Польскаго Законодательства“, съ подробнымъ описаніемъ: „источниковъ и относительной силы каждаго изъ оныхъ, а также правилъ, принятыхъ при составленіи настоящаго свода“, на 70 листахъ.

Въ 1834 году опять пришлось Даниловичу имѣть дѣло съ магде-

---

[1]) Эти отчеты имѣются въ бумагахъ графа Сперанскаго и сенатора К. Г. Рѣпинскаго (хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ). Подробнѣе другихъ „отчетъ о трудахъ съ 15 Генваря 1830 по 1 Генваря 1831 г.“ (бумаги Рѣпинскаго), въ которомъ имѣется сжатый и очень ясно и содержательно составленный очеркъ источниковъ мѣстнаго права. Въ концѣ приведены правила, которыми редакторы руководствовались при опредѣленіи дѣйствія русскихъ законовъ въ западныхъ губерніяхъ. А именно: „1) Изданныя прямо и исключительно для тѣхъ провинцій узаконенія имѣютъ въ нихъ полную силу и дѣйствіе. 2) Въ случаѣ встрѣчающагося недостатка въ Польскихъ законахъ, должно руководствоваться Россійскими общими узаконеніями, по силѣ указа 1781 г., декабря 8-го. 3) Когда Россійскимъ закономъ исправляется провинціальное право, тогда должно слѣдовать силѣ сего исправленія; когда же отмѣняется, то должно считать его отмѣненнымъ. 4) Ежели Россійскій законъ повторяетъ только или возобновляетъ провинціальное право, тогда изъ послѣдняго слѣдуетъ почерпать всѣ нужныя поясненія. 5) Наконецъ, никакое право съ настоящимъ порядкомъ управленія присоединеннаго края не совмѣстное, не имѣетъ силы и дѣйствія. Указъ 1799 Генваря 30“.

бургскимъ правомъ и устройствомъ городовъ, по поводу одного частнаго вопроса (о привилегіяхъ г. Кіева), когда было спрошено заключеніе II Отдѣленія. Новые матеріалы, съ которыми онъ ознакомился при этомъ случаѣ, привели его къ необходимости пересмотрѣть и „перелить“ городовой уставъ.

Велика была работа Даниловича по собранію литовскаго права. Много трудностей и заботъ вызывались самимъ существомъ дѣла. Онъ не могъ относиться равнодушно къ результатамъ своихъ трудовъ, только формально составляя статьи и уставы, съ тѣмъ чтобы сдѣлать сводъ во столько-то страницъ. Ему все время приходилось помнить о той отвѣтственности передъ своей родиной, которую онъ взялъ на себя, приступивъ къ кодификаціи мѣстнаго права. Перебирая, въ порядкѣ постепенности, всѣ отдѣлы мѣстнаго права, онъ встрѣчался съ такими вопросами, на которые самъ не могъ найти отвѣта, и у другихъ юристовъ его не находилъ. Это постоянное напряженіе и легкій оттѣнокъ отчаянія чувствуются даже въ офиціальныхъ фразахъ его сухого отчета о занятіяхъ, документа, въ которомъ лирическому элементу мѣста не отводилось. „Внутреннее свойство самыхъ источниковъ, изъ коихъ едва не большая часть принадлежитъ XIV и XVI столѣтіямъ, представляло здѣсь особенныя трудности, для преодолѣнія коихъ не было вовсе предварительныхъ изслѣдованій. Объясненія, почерпаемыя какъ изъ немногихъ учебныхъ книгъ (Завацкаго, Островскаго, Умястовскаго и Гроицкаго), такъ изъ рѣшеній судебныхъ мѣстъ и, наконецъ, отъ практическихъ законовѣдцевъ и адвокатовъ, оказались столь недостаточными, невѣрными и сбивчивыми, что текстъ статей должно было извлекать изъ закона только посредствомъ выводовъ, а въ примѣчаніяхъ помѣщать объясненія изъ приведенныхъ писателей. Отъ сего обработаніе текста подвергалось многократнымъ измѣненіямъ, ибо лучшее вразумленіе одного предмета отражалось въ другихъ, нѣкоторые же предметы прояснились въ настоящемъ ихъ видѣ, почти при окончаніи цѣлаго состава свода. Но и за всѣмъ тѣмъ, при послѣдней онаго обдѣлкѣ, явились новыя трудности“.

Эти первоначальные, можно сказать, самые первоначальные проекты въ архивахъ, повидимому, не сохранились. Вѣроятно, они представляли собой просто выписки изъ источниковъ, расположенныя въ грубомъ систематическомъ порядкѣ. Онѣ нуждались въ тщательной обработкѣ и провѣркѣ, и эта „обдѣлка“ представлялась не только редакціонной провѣркой.

Дѣло въ томъ, что основной матеріалъ, изъ котораго созидался сводъ, представлялся почвою, во многихъ частяхъ, зыбкою. Нѣкоторыя работы, уже законченныя, приходилось передѣлывать въ связи съ изданіемъ новыхъ законодательныхъ актовъ, а другія становились по тѣмъ же причинамъ излишними. Такъ, напр., вся кодификація мѣстнаго межеваго судоустройства (работа, оконченная въ 1832 г.) оказалась излишнею, — по крайней мѣрѣ таковою призналъ ее Балугьянскій, — потому что въ Сенатѣ вырабатывался полный уставъ межевыхъ законовъ. Далѣе, въ началѣ тридцатыхъ годовъ послѣдовалъ рядъ указовъ, опредѣляющихъ юридическое положеніе шляхты (указъ 19-го октября 1831 г. П. С. З., № 4869, которымъ шляхтичи, не доказавшіе дворянскаго происхожденія, записывались въ разрядъ однодворцевъ или гражданъ; указъ 11-го ноября 1832 г. П. С. З., № 5746, устанавливающій нѣкоторыя дополнительныя правила). Въ 1832 г. состоялись различныя постановленія, касающіяся перемѣнъ въ мѣстномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, указы, внесшіе довольно существенныя измѣненія въ дѣйствовавшій порядокъ. Такихъ актовъ, въ отдѣльности не очень обширныхъ и не всегда касающихся существенныхъ пунктовъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ было издано въ общемъ очень много. За всѣми новыми указами приходилось слѣдить и, въ зависимости отъ нихъ, измѣнять первоначальные проекты.

На этотъ пунктъ необходимо обратить особенное вниманіе. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ ежегодно издавалось большое количество указовъ, отмѣнявшихъ тѣ или иныя мѣстныя особенности. Общее число ихъ, такимъ образомъ, постоянно возрастало и за тѣ шесть лѣтъ, въ теченіе которыхъ работали надъ Западнымъ Сводомъ, физіономія мѣстнаго права совершенно измѣнилась. Въ началѣ работъ оно было обширнымъ собраніемъ цѣлостныхъ остатковъ прежнихъ эпохъ, а къ концу ихъ сохранились только обломки. Трудности работы Даниловича отъ этого, разумѣется, не уменьшились.

Особенно крупныя передѣлки сдѣлались необходимыми послѣ выхода въ свѣтъ, въ 1833 г., общаго Свода Законовъ, въ окончательномъ его видѣ. Уже планъ его самъ по себѣ требовалъ измѣненія Западнаго Свода, система котораго не могла совпадать съ расположеніемъ общаго свода. Далѣе, „раскрытіе цѣлаго объема общихъ въ имперіи законовъ, въ томъ числѣ относящихся къ казенному и полицейскому управленію, заставило подвергать многія главы новому разсмотрѣнію“.

Въ виду такого количества работы, пришлось привлечь даже еще одного лишняго чиновника. Необходимость дать Даниловичу еще одного сотрудника, кромѣ Малевскаго, была предусмотрѣна Сперанскимъ еще въ самомъ началѣ составленія свода; 23-го апрѣля 1830 г. былъ утвержденъ Государемъ соотвѣтствующій докладъ, въ которомъ Сперанскій испрашивалъ разрѣшенія подыскать еще одного помощника [1]; эта должность тогда не была замѣщена. Но въ ноябрѣ 1833 г. для этой цѣли былъ откомандированъ изъ канцеляріи министерства финансовъ Леонардъ Викентьевичъ Ордынскій, который и участвовалъ во всѣхъ дальнѣйшихъ работахъ по Западному Своду [2].

Первоначальные проекты были составлены, съ особаго разрѣшенія Сперанскаго, на польскомъ языкѣ. Оно и понятно — не имѣло смысла переводить всѣ выписки сразу же на русскій языкъ, это было бы напраснымъ трудомъ. Да и Даниловичу это очень затруднило бы работу, такъ какъ хотя онъ и писалъ довольно свободно по русски, но все же польскій языкъ ему былъ болѣе привыченъ. Это видно изъ тѣхъ черновиковъ различныхъ русскихъ писемъ и записокъ, которые сохранились въ его бумагахъ, — во всѣхъ затруднительныхъ мѣстахъ онъ сперва изображалъ свои мысли по польски, и потомъ уже переводилъ ихъ на русскій языкъ. Но для дальнѣйшей обработки проектовъ съ технической стороны и для провѣрокъ, ихъ необходимо было перевести на русскій языкъ. Для этого были приглашены спеціальные переводчики. Даниловичъ рекомендовалъ пять кандидатовъ — Чернявскаго (служившаго въ Капитулѣ Орденовъ), Бѣляновскаго (изъ государственнаго банка), Криворотова (изъ канцеляріи минист. финансовъ), Романовскаго (изъ Капитула Орденовъ) и Барановскаго (изъ палаты гражданскаго суда). Всѣ эти кандидаты были подвергнуты испытанію, заключавшемуся въ томъ, что имъ дали нѣкоторыя мѣста свода для перевода, и для откомандированія во II Отдѣленіе были избраны представившіе лучшіе переводы. Двѣ такихъ работы, Чернявскаго и Бѣляновскаго, сохранились въ дѣлѣ [3]; современнымъ требованіямъ

---

[1] А. Г. С., д. № 10, 1830 г. (№ 986).

[2] А. Г. С. № 28, 1834 г. (№ 1156), также и № 44, 1835 г.

[3] А. Г. С. № 14, 1832 (№ 1065). Чернявскій переводилъ статью объ арбитрахъ, а Бѣляновскій — о родахъ судилищъ. Въ нѣкоторыхъ бумагахъ фамилія послѣдняго прописана нѣсколько иначе, именно не Бѣляновскій, а Бѣльновскій. Не невозможно, что переводчики были учениками Даниловича по университету, именно, Чернавскій кончилъ Виленскій университетъ, а Бѣляновскій и Криворотовъ — Харьковскій.

онѣ совершенно не удовлетворяютъ, переводы сдѣланы невѣроятно тяжелымъ языкомъ, фразы безконечныя и плохо понятныя, вообще работа чисто дѣтская. Между тѣмъ, именно эти образцы признаны были весьма удачными; по этому можно судить, какъ хороши были забракованные. Изъ пяти кандидатовъ было избрано трое: Чернявскій, Бѣляновскій и Криворотовъ. Первому изъ нихъ было поручено перевести книги о судоустройствѣ и судопроизводствѣ; Бѣляновскому—книги „о состояніяхъ семейственныхъ отношеній“, имуществахъ и актахъ, а также и вексельный уставъ 1775 г. Криворотовъ „назначенъ къ исправленію Россійскаго слога тамъ, гдѣ чрезвычайное слѣдованіе за подлинникомъ переводчиковъ могло нарушить чистоту россійскаго языка“. Но кромѣ того, онъ же перевелъ главы о завѣщаніяхъ, наслѣдствѣ, раздѣлѣ, а также и обзоръ кодификаціонныхъ попытокъ польскаго времени. За точностью переводовъ наблюдали редакторы, т. е. Даниловичъ и Малевскій. Къ этой же работѣ былъ привлеченъ и Ордынскій, — на его долю выпало переводить главу о договорахъ, въ редакціи Даниловича, и нѣкоторыя другія произведенія послѣдняго — сводъ городскихъ законовъ, записку о привилегіяхъ Кіева. Переводъ польскаго черновика свода былъ очень не легкой задачей; особенныя трудности вызывала крайне разнообразная терминологія польскихъ законовъ, слагающаяся изъ латинскихъ, нѣмецкихъ и мѣстныхъ названій, пріобрѣвшихъ съ теченіемъ времени совершенно своеобразныя значенія; русская юридическая терминологія не всегда доставляла подходящія выраженія.

При такомъ ходѣ дѣла получилъ совершенно неожиданное и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательное рѣшеніе въ высшей степени важный вопросъ—именно, вопросъ о томъ языкѣ, на которомъ долженъ былъ выйти сводъ. При дальнѣйшихъ обработкахъ польскій оригиналъ отошелъ совершенно на задній планъ, къ нему не возвращались, и окончательный проектъ былъ изготовленъ на русскомъ языкѣ. Объ обратномъ переводѣ его на польскій не было и рѣчи, такъ что, когда впослѣдствіи въ средѣ ревизіоннаго комитета возникъ вопросъ о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ, фактъ предстоящаго изданія свода на русскомъ языкѣ явился очень вѣскимъ аргументомъ въ пользу утвердительнаго отвѣта.

Параллельно съ переводомъ заканчивались нѣкоторыя другія работы, которыя должны были доставить матеріалы для послѣдней ревизіи свода мѣстными юристами—Ордынскій составлялъ выписки изъ

законовъ, изданныхъ послѣ 1826 г. (т. е. не вошедшихъ въ первое Полное Собраніе), онъ же дополнялъ процессуальные отдѣлы.

Но на окончательную ревизію сводъ поступилъ не сразу. До нея онъ былъ подвергнутъ „внутренней“ (какъ ее назвалъ Сперанскій) провѣркѣ, въ самомъ II Отдѣленіи. Въ своей первоначальной формѣ проектъ, какъ выше отмѣчено, представлялъ просто рядъ выписокъ, и эти выписки, уже въ русскомъ переводѣ, надлежало оформить, т. е., выбросить изъ нихъ все лишнее, отредактировать, изложить компактнѣе, однимъ словомъ, сдѣлать изъ нихъ „статьи“. Для такой работы требовались „профессіональные кодификаторы“, если такъ можно выразиться, т. е. чиновники изъ постояннаго штата II Отдѣленія. Къ ней были назначены Платонъ Демьяновичъ Илличевскій [1]) и нѣсколько позднѣе—Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ [2]).

Послѣ такой редакціонной обработки надлежало еще вновь свѣрить „статьи“ и не только съ выписками, на которыхъ онѣ были основаны, но и съ первоисточниками.

При изготовленіи первоначальнаго проекта убѣдились въ томъ, что неудобно было бы включить въ Западный Сводъ законы, относящіеся спеціально только къ Малороссіи. Поэтому рѣшили „сдѣлать въ видѣ приложенія отдѣльную выписку тѣхъ статей свода, которыя въ Малороссіи доселѣ сохранили свою силу и дѣйствіе“ [3]). Эта выписка къ печатному изданію проекта Западнаго Свода, однако, не была приложена и имѣла свою самостоятельную судьбу; она послужила впослѣдствіи первоначальной основой для выработки тѣхъ статей, которыя были включены въ Х-й томъ общаго Свода Законовъ (законы губ. Черниговской и Полтавской).

При всѣхъ „внутреннихъ“ и дальнѣйшихъ провѣркахъ кодификаторы, по свѣдѣтельству „Обозрѣнія историческихъ свѣдѣній“, должны были соблюдать рядъ правилъ. Они должны были заботиться: 1) о полнотѣ свода, то есть, смотрѣть за тѣмъ, чтобы не были пропущены въ немъ какіе-либо законы,—эта забота, вполнѣ понятная, впрочемъ, вмѣнялась въ спеціальную задачу ревизіоннаго комитета; 2) о точности изложенія законовъ; 3) о ясности и простотѣ языка статей; въ этомъ отношеніи особенныя трудности представляла терминологія

---

[1]) Его отецъ, Даміанъ Васильевичъ, одно время бывшій Томскимъ губернаторомъ, былъ товарищъ Сперанскаго по Александро-Невской семинаріи. См. *Корфъ*, Жизнь графа Сперанскаго, II, стр. 169.

[2]) См. „Обозрѣніе историч. свѣдѣній“, въ концѣ.

[3]) Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній.

польскихъ законовъ. Весьма неодобрительно отзывается о ней Сперанскій: „Законы Западнаго края“, говорится въ „Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній“, „сверхъ излишняго многословія въ самой терминологіи своей представляютъ безобразную смѣсь языка польскаго и латинскаго, изобрѣтеніе полуученыхъ стряпчихъ, желавшихъ, какъ видно, замѣнить самыя обыкновенныя понятія словами, превратно изъ Римскаго правовѣдѣнія взятыми, и ни для учености, ни для простаго здраваго смысла не понятными“. Наконецъ, не должны были редакторы упускать изъ виду и 4) стройное расположеніе свода; для этого онъ былъ разбитъ на тѣ же подраздѣленія (главы, отдѣленія и пр.), какъ и общій сводъ, и слѣдовалъ системѣ послѣдняго.

Параллельно работамъ по своду, Даниловичъ подготавливалъ и историческое введеніе къ нему. Онъ не успѣлъ закончить его въ Петербургѣ, трудился надъ нимъ долго въ Кіевѣ, но и оттуда не могъ прислать законченнаго — по его мнѣнію — обзора. Изъ письма его къ Сперанскому, отъ 26-го марта 1837 года, при которомъ онъ отправилъ готовыя части „Обозрѣнія“, видно, какія цѣли онъ себѣ поставилъ. Онъ желалъ собрать 1) матеріалы для исторіи законодательства Польши древнѣйшей эпохи, временъ самодержавія польскихъ монарховъ, 2) матеріалы для исторіи древнихъ сеймовъ (съ 1140 — по 1333 г.), т. е., данныя, касающіяся состава, устройства сеймовъ, порядка утвержденія ихъ конституціей и пр., и, наконецъ, въ 3)—матеріалы для хронологическаго каталога важнѣйшихъ сеймовъ, съ 1180 по 1790 годъ, съ означеніемъ, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ эти сеймы состоялись. Вотъ, только эту третью часть, да и то не въ окончательно-отдѣланномъ видѣ, на польскомъ языкѣ, и отправилъ Даниловичъ Сперанскому; это составило 30 листовъ. Другія же части были „едва доведены до половиннаго своего образованія“ [1]).

Но насколько можно судить по „Обозрѣнію“ въ томъ видѣ, какъ оно было отпечатано, даже эта „третья“ часть задуманнаго Даниловичемъ сочиненія не вошла въ него. По крайней мѣрѣ въ „Обозрѣніи“ исторія сеймовъ изложена очень кратко, въ двухъ, трехъ фразахъ, для которыхъ такая историческая подготовка была совершенно лишняя.

Напечатанное „Обозрѣніе“ представляетъ коллективную работу нѣсколькихъ лицъ. Матеріалъ былъ доставленъ Даниловичемъ, а

---

[1]) См. бумаги *Даниловича,* Виленская Публичная Библіотека.

редактированіемъ его занимались чиновники II Отдѣленія; на „оригиналѣ“, съ котораго печаталось оно, имѣются поправки рукой Илличевскаго; въ одномъ мѣстѣ можно найти почеркъ Сперанскаго [1]). И даже больше — все послѣднее „отдѣленіе“, содержащее описаніе работъ II Отдѣленія, написано собственноручно Сперанскимъ. Черновая, писанная по его обыкновенію карандашемъ, хранится въ числѣ прочихъ бумагъ графа Сперанскаго въ Императорской Публичной Библіотекѣ [2])—свидѣтельство неутомимаго трудолюбія нашего великаго кодификатора и заботъ его о томъ, чтобы всѣ печатные документы, исходящіе изъ II Отдѣленія, были въ стилистическомъ отношеніи безукоризненны.

„Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о составленіи Свода мѣстныхъ Законовъ западныхъ губерній“ распадается на 4 раздѣла. Первый содержитъ обозрѣніе „мѣстныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Польшѣ и Литвѣ“; второй—„измѣненія, происшедшія въ законахъ Западнаго края со времени присоединенія его къ Россіи“; третій — „обозрѣніе мѣръ, кои принимаемы были для составленія свода мѣстныхъ законовъ до присоединенія Западнаго края къ Имперіи“ [3]), и наконецъ, четвертый—„обозрѣніе мѣръ къ составленію Свода Законовъ для Западнаго края со времени присоединенія его къ Имперіи“. Въ приложеніи литера „А“ перечислены комиссіи, собранныя польской властью въ разное время для составленія общаго свода, и литера „В“ — комиссіи для ревизіи Литовскаго Статута.

Иначе говоря, „Обозрѣніе“ является краткимъ очеркомъ исторіи источниковъ польскаго и литовскаго права, въ которомъ преимущественное вниманіе обращено на исторію кодификаціи. Въ то время, когда оно появилось, „Обозрѣніе“ было единственнымъ подобнымъ сочиненіемъ на русскомъ языкѣ, да и въ польской литературѣ не было такой, хотя и краткой, но охватывающей всю внѣшнюю исторію правъ, книги. Исторію же отдѣльныхъ институтовъ права можно было прослѣдить по цитатамъ, приведеннымъ подъ каждой статьей свода;

---

[1]) Этотъ оригиналъ хранится въ А. Г. С., по описи № 587. — Рукопись содержитъ 100 съ небольшимъ листовъ, написанныхъ разгонисто на половинѣ листа. Печатнаго экземпляра „Обозрѣнія“ мнѣ не удалось найти.

[2]) См. бумаги гр. Сперанскаго, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ настоящее время—въ картонѣ № 3.

[3]) Этотъ оборотъ рѣчи не удаченъ: въ разсказѣ объ эпохѣ, предшествующей присоединенію западныхъ губерній, нельзя говорить о „*мѣстныхъ*“ законахъ.

спеціальнаго сочиненія по этому предмету во II Отдѣленіи не было составлено.

Заканчивая свою работу и передавая ее на судъ юристовъ, прибывшихъ изъ западныхъ губерній, не задолго до своего окончательнаго отъѣзда изъ Петербурга, Даниловичъ имѣлъ полное основаніе въ своемъ отчетѣ такъ охарактеризовать свой трудъ: „Задача была столь многосложна и трудна, что развѣ надменная самонадѣянность могла бы мечтать о совершенномъ ея при первомъ опытѣ рѣшеніи; но при всѣхъ недостаткахъ, какіе открылись и впредь могутъ открыться, я удостовѣренъ, что Сводъ Польскихъ Законовъ и въ той степени образованія, въ которой находится нынѣ, имѣетъ нѣкоторыя важныя преимущества и можетъ пребывать дѣломъ не безполезнымъ. Польза отъ него состоитъ въ томъ: что въ немъ тщательно очищены законные источники отъ разнородной смѣси; не пропущены существенные предметы, основанные на законахъ; прояснены различія Литовскихъ и Коронныхъ источниковъ, дѣйствующихъ издревлѣ въ разныхъ частяхъ западныхъ губерній, столь не правильно смѣшиваемыхъ въ практикѣ, и за ея примѣромъ, даже въ послѣднихъ Указахъ Сената; разбросанныя по разнымъ мѣстамъ и годамъ отрывистыя, а посему неудобопонятныя, законоположенія совокуплены и размѣщены по приличнымъ мѣстамъ; подчинена вся разнообразная и раздробительная масса узаконеній одному началу, то-есть, удаленію всего потерявшаго обязательную силу; наконецъ, внѣшняя его форма соглашена съ системой Свода общихъ въ Имперіи законовъ. Ежели и покажутся пропущенными иногда Россійскія узаконенія, то сіе проистекало отъ господствующей въ умѣ редакторовъ мысли, что полный Сводъ Россійскихъ Законовъ есть общимъ на всѣ случаи, для которыхъ нѣтъ особенныхъ изъятій въ законодательствѣ возвращенныхъ отъ Польши губерній, и что повторенія были бы неумѣстными“.

„Осмѣливаюсь предполагать, что не столь затруднительно будетъ гг. ревизорамъ: къ готовому матеріалу прибавить практическія замѣчанія; расширить сжатыя выраженія закона, практическимъ онаго истолкованіемъ; присовокупить все то, что улучшено мѣстными учрежденіями правительства, возстановить нѣкоторыя законоположенія, показавшіяся редакторамъ устарѣвшими и болѣе недѣйствующими; наконецъ, подробнѣе изслѣдовать разницы Литовскаго и Короннаго законодательствъ“.

И въ самомъ дѣлѣ—ревизорамъ оставалось сдѣлать только поправки. Главное уже было окончено.

VI.

Обработанный во II Отдѣленіи проектъ Западнаго Свода долженъ былъ, по мысли Сперанскаго, поступить на разсмотрѣніе свѣжихъ людей, практически знакомыхъ съ мѣстнымъ правомъ, для окончательной его провѣрки. Другой мѣстный сводъ былъ подвергнутъ даже двойному просмотру такого рода: проектъ свода мѣстныхъ остзейскихъ законовъ, изготовленный Самсономъ ф. Гиммельштьернъ, сперва былъ посланъ на мѣста, на заключеніе губернскихъ комитетовъ, а затѣмъ изъ разныхъ губерній были вызваны свѣдущіе юристы въ Петербургъ для окончательной редакціи. Но съ балтійскими губернскими комитетами во все время ихъ существованія (съ 1830 по 1833 г.) Сперанскій имѣлъ много хлопотъ. Нельзя было установить правильнаго контроля за ихъ дѣятельностью, и дѣло постоянно затягивалось. Часто приходилось понукать ихъ изъ Петербурга, переписываться съ мѣстными властями и все же за качествомъ работы не было настоящаго наблюденія. Вѣроятно, по этой причинѣ проектъ Западнаго Свода рѣшено было обревизовать въ Петербургѣ, вызвавъ изъ провинцій свѣдущихъ людей, а не посылать его по губерніямъ.

29-го августа 1834 года, донося объ окончаніи Западнаго Свода, Сперанскій представилъ на Высочайшее утвержденіе докладъ [1]), въ которомъ испрашивалъ разрѣшеніе вызвать четырехъ ревизоровъ: двухъ изъ Волынской и Подольской губерній, и двухъ изъ Виленской и Гродненской; выборъ лицъ предоставлялся генералъ-губернаторамъ. Предложеніе Сперанскаго было утверждено, и генералъ-губернаторамъ было поручено найти подходящихъ кандидатовъ. Изъ Вильны отъ генералъ-губернатора, князя Долгорукаго, вскорѣ (6-го декабря 1834 г.) пришло извѣстіе, что для ревизіи имъ избраны два лица, Кукевичъ и Коровицкій. Съ выборомъ депутатовъ отъ юго-западныхъ губерній дѣло нѣсколько затянулось. Одного депутата, впрочемъ, скоро нашли. Генералъ-губернаторъ, графъ Левашовъ, рекомендовалъ Сперанскому пригласить Ковельскаго помѣщика, губернскаго секретаря Пшесмыцкаго, который, какъ онъ писалъ (2-го января 1835 г.), былъ лично извѣстенъ Сперанскому и могъ немедленно явиться во II Отдѣленіе, потому что проживалъ въ Петербургѣ. Съ этимъ предложеніемъ согласился и Сперанскій (14-го января 1835 г.). Въ ка-

---

[1]) А. Г. С. 1834 № 28 (№ 1156).

чествѣ второго ревизора былъ сперва предложенъ Чигиринскій предводитель дворянства, Трипольскій (см. письмо Левашова отъ 17-го января 1835 г.), но онъ вскорѣ отказался (25-го января), и на его мѣсто Подольское дворянство избрало отставного полковника графа Дунина.

Изъ дѣла не видно, какими, въ сущности, соображеніями руководствовался графъ Левашовъ, рекомендуя названныхъ лицъ. Совершенно неизвѣстно, какими данными обладалъ *Пшесмыцкій* [1]), данными, позволяющими ожидать, что онъ справится съ возложеннымъ на него порученіемъ. Неизвѣстно, обладалъ ли онъ юридическимъ образованіемъ, или же пріобрѣлъ соотвѣтствующія свѣдѣнія на службѣ. Этого не сообщилъ генералъ-губернаторъ, да и Сперанскій объ этомъ не наводилъ никакихъ справокъ, по крайней мѣрѣ, въ порядкѣ письменныхъ сношеній.

Однако, назначеніе Пшесмыцкаго впослѣдствіи доставило Сперанскому нѣкоторыя безпокойства. Именно, вскорѣ послѣ начала работъ комитета, Сперанскій получилъ отъ графа Бенкендорфа (26-го іюня 1835 г.) письмо, въ которомъ онъ предупреждалъ Сперанскаго, что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, Пшесмыцкій „въ образѣ мыслей и въ расположеніи его къ Правительству наводитъ на себя сомнѣнія". По полученіи такого письма Сперанскому пришлось вести, повидимому, довольно длинную переписку съ Бенкендорфомъ; она не сохранилась цѣликомъ въ дѣлахъ II Отдѣленія, но нѣкоторыя указанія даетъ черновикъ письма Сперанскаго, уцѣлѣвшій въ его бумагахъ. Изъ этого собственноручнаго наброска, помѣченнаго 6 апрѣля 1836 г., видно, что ни Сперанскій, ни Балугьянскій не желали лишиться сотрудничества Пшесмыцкаго, тѣмъ болѣе, что работы комитета тогда уже подходили къ концу, и замѣнить его совершенно новымъ человѣкомъ было бы трудно. Изъ начальныхъ словъ письма [2]) видно, что оно было не единственнымъ сношеніемъ съ шефомъ жандармовъ по поводу неблагонамѣренности Пшесмыцкаго. Но представленія Сперанскаго не помогли. Черезъ годъ послѣ перваго своего письма, Бенкендорфъ извѣстилъ его (въ іюлѣ 1836 г.), что получилъ отъ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ бумагахъ его фамилія пишется „Пшеземецкій"; самъ же онъ подписывался „Пшесмыцкій", и во внутренней перепискѣ II Отдѣленія его фамилія вездѣ писалась именно такъ.

[2]) „Долгомъ считаю донести *въ дополненіе* къ отзыву моему о колл. регистр. Пршесмыцкомъ"... См. бумаги графа Сперанскаго (Императорская Публичная Библіотека, въ настоящее время картонъ № 3).

проживающаго въ Волынской губерніи офицера корпуса жандармовъ донесеніе, изъ котораго видно, что среди тамошнихъ поляковъ Пшесмыцкій пользовался славой яраго націоналиста и заслужилъ „названіе, такъ сказать, души ихъ патріотизма и лучшаго ихъ защитника". По наблюденіямъ, произведеннымъ въ Петербургѣ, Бенкендорфъ убѣдился, что Пшесмыцкій „въ общей цѣпи неблагонадежныхъ къ нашему правительству поляковъ составляетъ немалозначущее звено". Поэтому онъ даже высказалъ подозрѣніе, что Пшесмыцкій только для того принялъ на себя обязанности члена ревизіоннаго комитета, чтобы въ мѣстныхъ законахъ проводить полонофильскія тенденціи. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній Бенкендорфъ, по Высочайшему повелѣнію, выслалъ Пшесмыцкаго на родину въ Волынскую губернію и, сообщая объ этомъ Сперанскому, утѣшалъ его тѣмъ, что отъ своего имени обратился къ графу Левашову (Кіевскому генералъ-губернатору) съ предложеніемъ подыскать для Пшесмыцкаго замѣстителя въ комитетѣ [1]). Но, повидимому, замѣститель въ Петербургъ не былъ посланъ, да и не было въ немъ особой нужды, такъ какъ работы комитета вскорѣ окончились. Опасенія шефа жандармовъ относительно того, что Пшесмыцкій имѣлъ намѣреніе обманнымъ образомъ проводить въ сводѣ полонофильскія тенденціи, были совершенно неосновательны. Напротивъ, изъ дѣлъ видно, что ему часто поручались какъ разъ противоположная работа—согласовать проектъ съ общимъ сводомъ, т. е., иначе говоря, проводить въ мѣстномъ правѣ идеи общеимперскаго законодательства. Изъ сохранившихся записокъ Пшесмыцкаго можно заключить только то, что юристъ онъ былъ, въ общемъ, плохой и никакими особенными свѣдѣніями изъ области польскаго права не обладалъ.

То же самое можно сказать, съ еще большимъ основаніемъ, и про депутата изъ Подольской губерніи, *графа Ксаверія Станиславовича Дунина-Сульгостовскаго*. Непонятно, почему дворянство избрало именно его. Образованія юридическаго онъ не получилъ никакого, да и на службѣ его пріобрѣсти не могъ. Въ 1806 году онъ поступилъ на службу въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части, колонновожатымъ, но вскорѣ покинулъ ее (въ 1808 г.) по болѣзни. Въ 1816 году поступилъ снова въ военную службу (въ украинскій Регулярный казачій полкъ), потомъ былъ дивизіоннымъ адъютантомъ у генерала Витта; въ 1819 году — переведенъ лейбъ-гвардіи въ

---

[1]) А. Г. С. д. № 28, 1834 г. (№ 1156).

Уланскій полкъ. Затѣмъ, въ скоромъ времени опять вышелъ въ отставку, и поступилъ опять на службу лишь въ 1828 году, но на этотъ разъ уже чиновникомъ для особыхъ порученій при графѣ Паленѣ; былъ попечителемъ хозяйственной части Букарестскаго госпиталя и членомъ комиссіи по разслѣдованію злоупотребленій въ немъ [1]). При такихъ служебныхъ занятіяхъ онъ, конечно, не могъ пріобрѣсти какихъ либо познаній въ мѣстномъ правѣ.

Впослѣдствіи, уже по окончаніи работъ по ревизіи свода, онъ въ свою очередь тоже доставилъ нѣкоторыя хлопоты II Отдѣленію, впрочемъ, совершенно другого характера, чѣмъ Пшесмыцкій. Именно, онъ издалъ маленькую брошюру подъ заглавіемъ „Краткое оглавленіе Свода Законовъ" въ Петербургѣ, 1838 г. (анонимно, подъ иниціалами Г. К. Д.) и сперва настойчиво испрашивалъ разрѣшенія поднести ее Государю, а потомъ обратился съ вторичной просьбой пріобрѣсти все изданіе для II Отдѣленія (7-го іюня 1839 г.). Но такъ какъ его брошюрка не представляла рѣшительно никакой цѣнности, а цѣну за нее графъ Дунинъ назначилъ очень высокую—1 р. 60 к. за экземпляръ, то, очевидно, не было никакого смысла пріобрѣтать все изданіе; такъ дѣло и рѣшили [2]).

На труды комитета ни Пшесмыцкій, ни Дунинъ особаго вліянія не имѣли.

Гораздо болѣе серьезные знатоки мѣстнаго права и болѣе солидные юристы были присланы изъ Вильны.

Александръ Сикстовичъ Коровицкій былъ хорошо знакомъ съ мѣстнымъ правомъ. Уроженецъ бывшаго Подлясскаго воеводства (род. въ 1792 г.), въ молодости онъ прошелъ тѣ же школы, какъ и Даниловичъ—Дрогичинское училище и Бѣлостокскую гимназію, затѣмъ поступилъ въ Виленскій университетъ и, окончивъ его, приблизительно въ то же время, какъ и Даниловичъ — въ 1816 г., посвятилъ себя академической карьерѣ и въ 1821 г. былъ удостоенъ званія магистра правъ. Первое время онъ преподавалъ въ Виленскомъ университетѣ судопроизводство (съ 1822 г.), а потомъ, послѣ перевода Даниловича въ Харьковъ въ 1824 г.—россійское право и право присоединенныхъ отъ Польши губерній. Но вскорѣ (въ 1826 г.) онъ оставилъ чтеніе курса мѣстнаго права и сохранилъ за собой только русское гражданское и уголовное. Виленскій университетъ Коровицкій покинулъ,

---

[1]) А. Г. С., цитир. д. № 28, 1834 г.
[2]) А. Г. С. д. № 20, 1838 г. (№ 1316).

когда последній былъ упраздненъ, и вскорѣ послѣ этого былъ назначенъ въ ревизіонный комитетъ.

По окончаніи работъ послѣдняго, нѣкоторое время Коровицкій участвовалъ въ кодификаціи законовъ Царства Польскаго (1839 г.), а затѣмъ вскорѣ снова возвратился къ академической дѣятельности—на этотъ разъ въ Московскомъ университетѣ. Тамъ онъ преподавалъ „юношеству Царства Польскаго" уголовные и административные законы и нѣкоторые другіе предметы [1]). Всѣ его научные труды касались именно мѣстнаго права. Въ 1826 году онъ издалъ учебникъ судопроизводства подъ заглавіемъ Process ciwilny Litevsky (Wilno)—единственное руководство, въ которомъ изложена вся система мѣстнаго гражданскаго процесса. Такъ какъ на русскомъ языкѣ не было ни одного подобнаго сочиненія, а между тѣмъ въ судебныхъ учрежденіяхъ сказывалась необходимость въ руководствѣ, то возникъ вопросъ о переводѣ книги Коровицкаго на русскій языкъ. По этому предмету министерство юстиціи запросило Даниловича, который и прислалъ самый лестный отзывъ о ней, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ, что для цѣлей практическаго примѣненія законовъ сочиненіе Коровицкаго едва ли пригодно, ибо, во-первыхъ, оно разсчитано на чисто учебныя цѣли, а во-вторыхъ, не достаточно полно, такъ какъ многіе отдѣлы (о доказательствахъ, объ исполненіи рѣшеній, апелляціи и др.) изложены въ немъ слишкомъ кратко. Далѣе, какъ указывалъ Даниловичъ, оно не касается судопроизводства Волынской и Подольской губерніи, на которое оказали вліяніе польскіе порядки, и наконецъ, въ немъ не принято въ разсчетъ, въ достаточной мѣрѣ, позднѣйшее русское законодательство [2]).

Несмотря на эти недостатки, которые дѣлали учебникъ Коровицкаго непригоднымъ для тѣхъ цѣлей, которыя имѣло въ виду министерство юстиціи, Даниловичъ совершенно основательно считалъ эту книгу самымъ полнымъ сочиненіемъ по литовскому судопроизводству.

И остальныя работы Коровицкаго касались гражданскаго процесса. Въ 1827 г. онъ издалъ брошюру о порядкѣ судопроизводства въ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ: Porządek Sądzenia spraw w

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Коровицкомъ можно извлечь изъ А. Г. С. д. № 22, 1834 г.; они приведены также съ большей подробностью въ „*Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета* (1855)" часть I, стр. 429—430.

[2]) См. черновикъ письма Даниловича къ Дегаю отъ 23-го мая 1833 г. (бумаги Даниловича въ Виленской Публичной Библіотекѣ).

Rządzącym Senacie i w Radzie Panstwa, Wilno 1827 (X + 58 стр.); затѣмъ, книгу о межевомъ судопроизводствѣ (Prozess Graniczny, Wilno, XXXIV + 148 стр.) и въ 1831 году — объ уголовномъ судопроизводствѣ (Prozess Sądowy Kryminalni etc. Wilno XIV+135 стр.). Кромѣ того, на русскомъ языкѣ онъ напечаталъ (въ „Сынѣ Отечества“ за 1829 г. № 48) „Историческое обозрѣніе Россійскаго гражданскаго и уголовнаго права“.

Отъ такого „ревизора“ можно было въ самомъ дѣлѣ ожидать полезныхъ совѣтовъ. И насколько можно судить по сохранившимся въ дѣлахъ запискамъ Коровицкаго, онъ умѣлъ примѣнять свои познанія; составлены они безъ лишнихъ словъ, кратко, но содержательно и въ нихъ замѣтно юридическое разсужденіе.

Но все-таки главнымъ дѣятелемъ въ комитетѣ былъ не онъ, а Ѳаддей *Кукевичъ;* по крайней мѣрѣ, его фамилія чаще всего встрѣчается въ меморіяхъ ревизіоннаго комитета, и на него возлагалось наибольшее количество работы; къ тому же, онъ обладалъ, насколько можно судить по его замѣткамъ, и наиболѣе рѣшительнымъ характеромъ. Вся служба Кукевича прошла въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ. Въ 1787 г. онъ былъ скарбовымъ дворяниномъ; въ 1790 г. регентомъ Литовскаго Трибунала, т. е., въ его вѣдѣніи находился архивъ и нотаріальная часть этой судебной инстанціи; въ 1792 г. онъ былъ прокуроромъ въ надворномъ судѣ, а въ 1794 г. занималъ должность главнаго секретаря въ бывшемъ Литовскомъ Верховномъ Правительствѣ. Затѣмъ, до 1802 г. онъ былъ „регентомъ декретовымъ“ и дворянскимъ секретаремъ въ главномъ судѣ, а съ 1808 по 1832 годъ исправлялъ обязанности повѣреннаго училищнаго (эдукаціоннаго) фундуша. На этихъ должностяхъ онъ могъ пріобрѣсти солидныя знанія судебной практики по важнѣйшимъ вопросамъ, а сверхъ того, имѣлъ достаточныя свѣдѣнія изъ области исторіи Литвы и ея права. Поэтому его уже и раньше пригласили въ провинціальный комитетъ, учрежденный въ Вильнѣ въ 20-тыхъ годахъ, и генералъ-губернаторъ, отправляя его въ Петербургъ, рекомендовалъ его Сперанскому съ наилучшей стороны [1]).

По убѣжденіямъ Кукевичъ былъ ярый патріотъ литовецъ и ненавидѣлъ Польшу и польское владычество. Этихъ чувствъ онъ не скрывалъ и въ офиціальныхъ бумагахъ, при всякомъ случаѣ, кстати и не кстати, нападая на польское право и стараясь уберечь родное

---

[1]) См. А. Г. С. цитир. д. № 28, 1834 г.

право отъ вторженія польскихъ элементовъ. Случай къ такимъ нападкамъ представился ему вскорѣ же послѣ пріѣзда въ Петербургъ, куда онъ прибылъ съ Коровицкимъ, къ 10-му апрѣля 1835 г. Правильныя занятія комитета не могли еще начаться за неприбытіемъ графа Дунина, но всѣмъ наличнымъ членамъ его была дана другая работа.

Именно, виленскій губернскій предводитель дворянства, Гарновскій, поднялъ слѣдующій вопросъ: дѣйствуетъ ли въ литовскомъ краѣ конституція сейма 1775 г. (Volumina legum т. VIII, стр. 178), на основаніи которой обязательства, не явленныя въ судѣ въ теченіе одного года и 6 недѣль, теряютъ свою силу. Вопросъ этотъ представлялся весьма спорнымъ и поэтому, проходя черезъ различныя инстанціи, дошелъ до министерства внутреннихъ дѣлъ, которое, въ свою очередь, запросило заключеніе II Отдѣленія, являвшагося до нѣкоторой степени общимъ юрисконсультомъ всѣхъ высшихъ учрежденій имперіи. Когда министерства не знали, что дѣлать съ какимъ-нибудь сложнымъ юридическимъ вопросомъ, они посылали его во II Отдѣленіе. Въ этомъ отношеніи II Отдѣленіе унаслѣдовало обязанности „комиссіи составленія законовъ“, которая также постоянно должна была давать заключенія по казуснымъ дѣламъ. Сперанскій поручилъ вновь прибывшимъ членамъ ревизіоннаго комитета разобрать этотъ сложный вопросъ [1]).

И въ самомъ дѣлѣ вопросъ представлялся запутаннымъ. Съ одной стороны, по справкѣ въ Литовской Метрикѣ обнаружилось, что нѣтъ никакихъ слѣдовъ распубликованія этой конституціи въ Литвѣ и, слѣдовательно, какъ конституція, не распространенная спеціально на литовскую территорію, она и не должна была бы имѣть силы въ тѣхъ губерніяхъ, которыя были образованы изъ прежняго великаго княжества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно она дѣйствовала въ прежнихъ коронныхъ провинціяхъ, т. е. въ юго-западныхъ губерніяхъ. Но, съ другой стороны, дѣйствіе ея предполагалось въ указѣ 19-го февраля 1803 г. по поводу мѣръ обезпеченія казенныхъ суммъ, изъ банка занимаемыхъ. Указъ этотъ, изданный преимущественно для южныхъ губерній, былъ распубликованъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, генераломъ Феншемъ, во всѣхъ губерніяхъ, ввѣренныхъ его управленію, а въ томъ числѣ и въ Минской, и такимъ-то путемъ implicite оказалась распубликованною и сама конституція 1775 года,

[1]) А. Г. С. д. № 27, 1835 года (№ 1195).

получивъ силу въ такой мѣстности, въ которой прежде она не дѣйствовала. Этотъ случай можетъ служить яркимъ образчикомъ того, какъ легко могли происходить всякія недоразумѣнія вслѣдствіе перемѣнъ въ административномъ дѣленіи различныхъ въ прежнія времена территорій [1]). Вслѣдствіе этого недоразумѣнія конституція 1775 года была признана дѣйствующей во всей Литвѣ; по крайней мѣрѣ такова была точка зрѣнія Сената, который требовалъ судебной явки обязательствъ и въ литовскихъ губерніяхъ. По болѣе подробнымъ справкамъ оказалось, что даже соотвѣтствующія книги существуютъ не только въ губерніяхъ Волынской, Подольской и Кіевской, но съ 1803 года и въ Гродненской гражданской палатѣ.

Однако, члены ревизіоннаго комитета стали разсматривать поставленный имъ вопросъ въ его первоначальной простотѣ, не обращая вниманія на положеніе, созданное фактомъ опубликованія указа 1803 года въ литовскихъ губерніяхъ.

Первыми высказались по этому поводу депутаты юго-западнаго края, представители прежнихъ коронныхъ провинцій, Пшесмыцкій и Дунинъ. Въ довольно длинной запискѣ, подписанной обоими, было приведено множество ссылокъ на разные прежніе польскіе законы, которые, въ сущности, совершенно не относились къ дѣлу; нельзя даже объяснить, почему авторы записки на нихъ ссылались. Но въ результатѣ они пришли къ выводу, по существу совершенно правильному: „соображеніе всѣхъ вышеизложенныхъ подробностей“, такъ заканчивается записка ихъ, „приводитъ насъ къ заключенію, что нельзя признавать конституцію 1775 г. закономъ въ Литвѣ дѣйствующимъ“ [2]).

Записка эта была сообщена Кукевичу, представившему также свое мнѣніе, и въ конечномъ результатѣ онъ пришелъ къ тому же самому выводу [3]). Но его заключеніе было обосновано болѣе солидно. Въ пространной запискѣ разбираетъ онъ прежде всего различіе между литовскими и польскими законами. Между этими двумя правовыми системами, по его мнѣнію, есть, прежде всего, глубокое внутреннее различіе,—литовское право выросло самобытно и совершенно независимо отъ постороннихъ вліяній. Духъ литовскаго права совершенно иной чѣмъ польскаго; въ немъ нѣтъ слѣдовъ вліянія римскаго права.

---

[1]) Объ этомъ см. выше, стр. 14, прим. 1.

[2]) Записка Пшесмыцкаго и Дунина была представлена 24-го іюня 1835 года; юридическихъ аргументовъ и разсужденій въ ней почти вовсе нѣтъ.

[3]) Записка Кукевича представлена 1-го августа 1835 г.

„Всѣ тѣ сѣверные народы, которые имѣли участіе въ ниспроверженіи Римскаго могущества, получили наслѣдственное отвращеніе отъ римскихъ законовъ. Статутъ Литовскій 1529 года есть явнымъ сего доказательствомъ, ибо въ ономъ ничего изъ Римскихъ узаконеній не присвоено. Понятія и сужденія о всѣхъ предметахъ суть въ ономъ прямы, ясны, не затемнены никакимъ толкованіемъ, противурѣчіемъ и умствованіемъ, и по сіе время не требовали ни коментаторовъ, ни же глоссаторовъ“ [1]). Скорѣе, по мнѣнію Кукевича, можно найти въ немъ сходство съ Уложеніемъ Алексѣя Михайловича. Законы литовскіе взяты не изъ римскаго права и „иностранныхъ какихъ-либо источниковъ, но изъ собственныхъ старинныхъ обыкновеній, обычаевъ и изъ того прямого о вещахъ сужденія, которымъ обыкновенно отличались всегда сѣверные народы“. Такое независимое положеніе литовскаго права, по его мнѣнію, осталось въ силѣ и послѣ Люблинской Уніи; для доказательства этого тезиса Кукевичъ подробно разбираетъ предшествующую Уніи исторію Литвы и значеніе акта Уніи. Соединеніе этихъ двухъ государствъ онъ опредѣляетъ какъ унію „политическую“, т. е., соединеніе двухъ политическихъ *единицъ*, „державъ“ въ смыслѣ международнаго права. Поэтому только тѣ конституціи общаго сейма могли быть обязательными безъ спеціальныхъ оговорокъ и для Литвы, которыя касались политическихъ предметовъ. Всѣ же остальныя получали силу на литовской территоріи только въ томъ случаѣ, если были распубликованы въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ въ Статутѣ. (Раздѣлъ III, арт. 9).

Изъ этихъ общихъ положеній, пространно обоснованныхъ въ запискѣ, вытекалъ прямой выводъ, что и конституція 1775 г., не распубликованная въ Литвѣ въ свое время, не должна была имѣть силы въ сѣверо-западномъ краѣ. Но Кукевичъ не удовольствовался этими теоретическими разсужденіями, которыми, въ сущности, и должна была бы ограничиться его задача, а яростно обрушился на записку Пшесмыцкаго и Дунина за то, что они въ ней ссылались на польскіе законы; по мнѣнію Кукевича, на эти законы вовсе *нельзя* ссылаться, въ его глазахъ они не имѣли никакой цѣны.

Его нападки весьма любопытны, какъ иллюстрація опредѣленнаго теченія въ нѣкоторыхъ слояхъ литовскаго общества, очень недруже-

---

[1]) Такое утвержденіе, разумѣется, нѣсколько рискованно,—см. о рецепціи римскаго права въ Литвѣ у *Даниловича*, Historischer Blick; но, конечно, *относительно* Литва меньше восприняла римскаго права, чѣмъ Польша.

любно настроенныхъ по отношенію къ Польшѣ. Отнятія у Литвы древнихъ ея провинцій Волыни и Подоліи, въ 1569 году, Кукевичъ не могъ никакъ простить Польшѣ и видѣлъ въ этомъ причину многихъ бѣдствій, отъ которыхъ страдали и въ его время остальныя литовскія земли. „Сорокъ ужъ лѣтъ прошло, какъ всѣ запутанности по причинѣ польскихъ конституцій изливаются на Литву, не съ иного источника, какъ только изъ Волынской, Подольской и Кіевской губерній, которыя, принявъ нѣкогда наименованіе Польскихъ Коронныхъ провинцій, донынѣ употребляютъ всѣ безъ изъятія Польскія конституціи, нигдѣ уже и въ самомъ нынѣшнемъ Царствѣ Польскомъ не существующія, а остающіяся только по книгамъ, какъ мертвый памятникъ прежняго польскаго хаоса". Не съумѣли поляки, какъ ихъ упрекаетъ Кукевичъ, обозрѣвъ кратко кодификаціонныя попытки Речи Посполитой, внести никакого порядка въ свое законодательство.

Они оставались „въ любимомъ хаосѣ и запутанности неисчисленныхъ своихъ конституцій, доставляющихъ преобильную пищу, не говорю для ябеды, но для адвокатовъ". „Самодревнѣйшая и настоящая Русская страна, что нынѣ Волынская, Кіевская и Подольская губерніи, получивъ въ 1569 году..... соединеніе съ поляками и наименованіе Польскихъ Коронныхъ провинцій, получила вмѣстѣ всѣ Польскія конституціи и пользуется донынѣ симъ наслѣдствомъ, въ которомъ Литва, не имѣя никогда никакого участія, желала бы и понынѣ отъ онаго освободиться".

Въ такомъ же смыслѣ была написана Кукевичемъ и вторая дополнительная записка по тому же дѣлу [1]).

Въ этомъ же духѣ составлено имъ и мнѣніе по другому вопросу— именно, съ какого времени привести въ исполненіе указъ 1-го января 1831 г., отмѣняющій въ Могилевской и Витебской губерніяхъ дѣйствіе прежнихъ узаконеній въ отношеніи удовлетворенія долговъ по традиціямъ и эксдивиціямъ [2]). Въ конечномъ выводѣ онъ сошелся и здѣсь съ Пшесмыцкимъ, но жестоко обрушился на него опять за то, что послѣдній ссылался на польскіе законы.

Эти разсужденія Кукевича интересны кромѣ того въ томъ отно-

---

[1]) Она была представлена въ октябрѣ 1835 г.

[2]) А. Г. С. № 25, 1835 г. (1193). Это дѣло закончилось, повидимому, только въ 1840 г., изданіемъ указа о прекращеніи въ Витебской и Могилевской губерніхъ дѣйствія мѣстныхъ узаконеній по долговымъ дѣламъ, до 1831 г. начавшимся (Полн. Собр. Зак., № 13342, указъ 3-го апрѣля 1840 г.). Кромѣ того, пунктъ 8 указа 25-го іюня 1840 г. былъ распространенъ и на бѣлорусскія губерніи.

пейи, что они проливаютъ свѣтъ на его дѣятельность въ комитетѣ. Изъ записокъ его видно, что онъ обладалъ достаточными познаніями изъ исторіи литовскаго права и въ этихъ вопросахъ легко могъ переспорить другихъ членовъ [1]). И въ виду тяготѣнія къ древне-литовскимъ идеаламъ, онъ являлся вліятельнымъ защитникомъ права сѣверо-западныхъ губерній отъ проникновенія польскихъ нормъ. Слѣды его дѣятельности въ этомъ направленіи замѣтны въ трудахъ комитета.

Но послужило ли это ко благу проекта—еще большой вопросъ.

Возстановляя прежніе „литовскіе" порядки, Кукевичъ, въ сущности, отстаивалъ прошлое въ ущербъ настоящему. Можно было ненавидѣть польское право, но не слѣдовало закрывать глаза и на то, что польскіе законы, несмотря на возможное ихъ несовершенство, все-же были значительно совершеннѣе, чѣмъ прежніе порядки XVI вѣка, и что судебная практика не безъ причинъ долгое время находилась подъ вліяніемъ законодательства сеймовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, отвергая все польское, Кукевичъ незамѣтно приближался къ русскому законодательству, которое ему было больше по душѣ, чѣмъ остатки ненавистнаго польскаго господства.

Къ маю 1835 года собрались всѣ мѣстные юристы, назначенные въ ревизіонный комитетъ, и могли приняться за систематическую работу. Званіе члена комитета никакъ нельзя назвать синекурой. Кромѣ описанныхъ заключеній по частнымъ вопросамъ, которыя потребовалъ отъ нихъ Сперанскій немедленно по прибытіи въ Петербургъ, имъ тотчасъ же былъ переданъ для провѣрки и первоначальный проектъ Даниловича.

Задача комитета, какъ ее понималъ Сперанскій, заключалась въ томъ, чтобы свести статьи свода съ судебной практикой и удостовѣриться, „что въ нихъ нѣтъ ничего излишняго, а съ другой стороны и ничего нужнаго не упущено" [2]). Но кромѣ того,—это само собой разумѣлось,—комитетъ долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы мѣстный сводъ былъ согласованъ съ общимъ. Для этого членамъ комитета были розданы экземпляры послѣдняго, и было имъ поручено изучить его основательно. Затѣмъ, дальнѣйшую работу по провѣркѣ предположено было распредѣлить такъ: каждая часть проекта должна была быть раз-

---

[1]) Кромѣ, конечно, Коровицкаго, который, впрочемъ, выступалъ солидарно съ Кукевичемъ. Записки Коровицкаго написаны въ болѣе сдержанномъ тонѣ.

[2]) См. „Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній". Раздѣлъ IV, отд. II.

смотрѣна въ отдѣльности каждымъ ревизоромъ и по окончаніи просмотра передана другому; послѣ этого уже должны были состояться общія засѣданія всего присутствія комитета, въ которомъ и предположено было обсуждать замѣчанія отдѣльныхъ членовъ. Но при такомъ порядкѣ работа подвигалась крайне медленно. За пять мѣсяцевъ ни одна часть свода не была закончена, и даже трудно было предвидѣть вообще окончаніе трудовъ комитета. Поэтому, въ серединѣ октября 1835 г. эта система была радикально измѣнена. Въ засѣданіи 16 октября, подъ предсѣдательствомъ Сперанскаго, было рѣшено слѣдующее [1]): 1) предоставить ревизорамъ раздѣлить сводъ между собой по соглашенію, съ тѣмъ, чтобы каждая часть имѣла своего „представителя"; 2) этотъ „представитель" по окончаніи разсмотрѣнія порученной ему части долженъ вносить ее въ общее присутствіе; 3) замѣчанія дѣлаются въ самомъ присутствіи, и по нимъ „представитель" дѣлаетъ исправленія въ сводѣ; 4) вопросы, возбуждающіе сомнѣнія, докладываются и разсматриваются въ присутствіи особо. Этого порядка комитетъ и придерживался въ своей дальнѣйшей дѣятельности. Впрочемъ, между членами сводъ былъ подѣленъ не по „частямъ" его, а по болѣе дробнымъ дѣленіямъ.

Состоялъ комитетъ—номинально подъ предсѣдательствомъ Сперанскаго—изъ Балугьянскаго, четырехъ депутатовъ и двухъ старшихъ чиновниковъ II Отдѣленія, Илличевскаго и Замятнина. На самомъ же дѣлѣ Сперанскій присутствовалъ въ немъ всего одинъ разъ, въ первомъ засѣданіи, да и Балугьянскій былъ въ немъ рѣдкій гость,—подъ его предсѣдательствомъ прошло 3 или 4 засѣданія, изъ тѣхъ 50, которыхъ имѣлъ комитетъ. Зато наравнѣ съ членами, однако не будучи таковыми de jure, въ его работахъ участвовали Малевскій и Ордынскій; Даниловичъ уѣхалъ въ Кіевъ еще до начала правильныхъ занятій. Отсутствіе его въ это горячее время не могло не отразиться на результатахъ дѣятельности комитета, потому что вслѣдствіе этого первоначальный проектъ лишался своего естественнаго и самаго авторитетнаго защитника.

Проектъ въ комитетѣ былъ подвергнутъ тщательной критикѣ и довольно значительнымъ измѣненіямъ. Оставляя въ сторонѣ мелочныя и разрозненныя замѣчанія комитета, всѣ перемѣны, имъ произведенныя, можно свести къ слѣдующимъ четыремъ группамъ.

---

[1]) Дѣятельность комитета можно прослѣдить по меморіямъ его засѣданій, имѣющимся въ приложеніи къ дѣлу № 28, 1834 г.

I. Вѣрный своимъ антипатіямъ къ короннымъ польскимъ конституціямъ, Кукевичъ въ первомъ же дѣловомъ засѣданіи (23-го октября 1835 года) поднялъ вопросъ о *строжайшемъ раздѣленіи въ сводѣ постановленій для юго-западныхъ, т. е. прежнихъ коронныхъ провинцій, отъ литовскихъ*. Повидимому, у него была даже мысль сдѣлать для Литвы особый сводъ, но и онъ и комитетъ сошлись на слѣдующемъ: „не дѣлая особаго свода для литовскихъ и коронныхъ провинцій, принять за общее правило, чтобы въ каждой главѣ или отдѣленіи сего (т. е. Западнаго) Свода, гдѣ коронныя конституціи не согласны съ Литовскимъ Статутомъ и Литовскими конституціями, постановленія сіи были излагаемы однѣ отъ другихъ отдѣльно". Выше уже было указано, что и Даниловичъ руководствовался этимъ же правиломъ и былъ вполнѣ освѣдомленъ объ относительной силѣ различныхъ конституцій, но, очевидно, его внимательность показалась Кукевичу не достаточною. По крайней мѣрѣ, во многихъ мѣстахъ свода комитетъ счелъ необходимымъ подчеркнуть рѣзче взаимное различіе литовскаго и польскаго права. Такъ, показавшееся комитету слишкомъ общимъ правило первоначальнаго проекта, по которому права замужнихъ женщинъ въ распоряженіи имуществомъ ограничивались содѣйствіемъ мужа или родственниковъ, было изъяснено точнѣе въ томъ смыслѣ, что оно дѣйствуетъ только въ коронныхъ провинціяхъ [1]) (5 февраля 1836 г.). Далѣе, только для Литвы, а не для коронныхъ провинцій, было признано обязательнымъ совершеніе обезпечительныхъ записей на имуществѣ мужа или опекуновъ въ размѣрѣ приданаго жены или имущества опекаемыхъ (4 іюля 1836 г.). Въ текстъ *статей*, трактующихъ о содержаніи актовъ купли продажи, включены только постановленія Литовскаго Статута, а „изъятія", основанныя на обыкновеніяхъ „коронныхъ провинцій", вынесены въ „*примѣчаніе*". Нашелъ комитетъ и различіе между исполнительными порядками по ликвидаціи заставныхъ договоровъ въ Литвѣ и Коронѣ, упущенное въ проектѣ (11 мая 1836 г.). Да и другіе отдѣлы судопроизводства были измѣнены комитетомъ въ этомъ же смыслѣ. Такъ, различіе между Короной и Литвой было внесено въ постановленія, опредѣляющія процессуальныя права замужнихъ женщинъ, несовершеннолѣтнихъ и другихъ т. п. лицъ (25 мая 1836 г.). Ввелъ комитетъ и различіе въ порядокъ учрежденія эксдивизорскихъ судовъ

---

[1]) Свѣдѣнія о различныхъ постановленіяхъ комитета даетъ цитир. выше приложеніе къ дѣлу № 28, 1834 г., гдѣ собраны всѣ меморіи засѣданій, въ хронологическомъ порядкѣ.

въ Литвѣ и Коронѣ (13 іюня 1836 г.). Предписанъ былъ и различный, для Литвы и Короны, порядокъ соблюденія очереди, по которой акторатовыя дѣла поступаютъ для доклада,—въ Литвѣ слѣдующее дѣло поступало къ докладу не прежде объявленія рѣшенія по выслушанному раньше дѣлу, а въ Коронѣ еще и до объявленія этого рѣшенія, лишь бы предшествующее дѣло уже было заслушано (16 іюля 1836 г.). Различный порядокъ былъ предписанъ для сѣверныхъ и южныхъ губерній въ отдѣленіяхъ свода о заочныхъ рѣшеніяхъ (18 іюля 1836 г.). Возникло въ комитетѣ и сомнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли сохранить въ обѣихъ юридическихъ территоріяхъ, или же въ одной только Литвѣ, правило объ ускоренномъ судопроизводствѣ, т. е., о такъ называемыхъ „суммарійныхъ" реестрахъ; о суммарійныхъ реестрахъ въ Коронѣ было поручено Пшесмыцкому составить особую записку (20 іюня 1836 г.). Въ одномъ случаѣ разграниченіе между литовскими и коронными провинціями было проведено такъ тонко, что результатъ оказался, въ сущности, какъ разъ противуположный тому, котораго желали достичь: литовскія узаконенія получили силу и въ коронныхъ провинціяхъ. Именно, на счетъ диляцій было постановлено слѣдующее: „поелику всѣ такія диляціи основаны на Статутѣ, и впослѣдствіи литовскими конституціями отмѣнены, то съ уничтоженіемъ статутовыхъ диляцій въ Литвѣ, оныя исключаются и въ коронныхъ губерніяхъ"; одно изъ другого, въ сущности, вовсе не вытекало; отмѣна дѣйствія нѣкоторыхъ частей Статута въ Литвѣ никакъ не могла означать отмѣну ихъ для „коронныхъ" губерній (засѣданіе 4 іюля 1836 г.). Пришлось комитету встрѣтиться снова и съ тѣмъ вопросомъ, по которому члены его высказались уже раньше, немедленно по пріѣздѣ въ Петербургъ, именно, съ вопросомъ о дѣйствіи въ Литвѣ конституціи 1775 г. о явкѣ обязательствъ. Обдумавъ этотъ вопросъ снова, комитетъ въ цѣломъ составѣ пришелъ къ выводу, какъ разъ противуположному тому, къ которому раньше пришли его члены въ отдѣльности. Именно, было рѣшено „*не* помѣщать въ сводѣ *никакихъ* изъятій для литовскихъ губерній въ отношеніи содержанія (при судебныхъ мѣстахъ) особыхъ книгъ для явки долговыхъ обязательствъ, по тому уваженію, что указъ 19 февраля 1803 года должно почитать общимъ закономъ для всѣхъ западныхъ губерній" (26 февраля 1836 г.). Рѣшающее значеніе, такимъ образомъ, было придано недоразумѣнію генералъ-губернатора Фенша; однако, это правило было признано основаннымъ на велѣніи русской государственной власти, а не на прежнихъ источникахъ.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, комитетъ нашелъ еще много такихъ литовскихъ особенностей, которыя ускользнули отъ Даниловича. Правильны ли были рѣшенія ревизоровъ, особенно въ матеріяхъ чисто процессуальныхъ,—теперь установить почти невозможно, да и было бы разслѣдованіе этого трудомъ безполезнымъ. Во всякомъ случаѣ, лицамъ, съѣхавшимся изъ разныхъ мѣстностей, нѣсколько знакомымъ съ судебной практикой, замѣтить нѣкоторыя несоотвѣтствія свода съ тѣмъ, что соблюдалось въ различныхъ судебныхъ инстанціяхъ, было не такъ и трудно. Трудъ Даниловича отъ такихъ замѣчаній не долженъ казаться менѣе удачнымъ. Замѣтить, что музыкантъ взялъ случайно невѣрную ноту, можетъ даже и тотъ, кто въ музыкѣ вполнѣ несвѣдущъ.

Увлеченный примѣромъ Кукевича, и графъ Дунинъ счелъ необходимымъ внести нѣкоторую поправку въ источники свода. Именно, онъ поднялъ вопросъ объ исключеніи изъ числа ихъ „Прусской Корректуры" (засѣданіе 6-го ноября 1835 г.). Однако, разобраться въ этомъ вопросѣ было поручено не ему, а Кукевичу съ Пшесмыцкимъ, и, согласно ихъ докладу, комитетъ призналъ (13-го ноября), что Корректура есть лишь *поясненіе* закона—Статута, и что постановленія ея слѣдуетъ включить въ сводъ лишь въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ она поясняетъ Статутъ и съ нимъ согласна, а въ случаяхъ противорѣчія между ними, Корректуру не вводить. Но этимъ теоретическимъ изысканіемъ дѣло и окончилось; на сводѣ предложеніе графа Дунина не отразилось.

II. Кромѣ этихъ измѣненій проекта, являющихся отголоскомъ древнихъ сепаратистическихъ тенденцій Литвы, комитетъ не согласился и *по существу* съ нѣкоторыми предложеніями проекта Даниловича. Этому можно также привести примѣры. Такъ, статьи проекта, касающіяся крестьянъ, были распространены и на крестьянъ, принадлежащихъ городамъ, о чемъ Даниловичъ не сказалъ ничего. (20-го ноября 1835 г.). Въ этомъ же засѣданіи возникло у комитета сомнѣніе, слѣдуетъ ли упоминать въ сводѣ о такъ называемыхъ „панцырныхъ боярахъ", потому что проживаютъ они только въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, въ которыхъ сводъ не долженъ былъ имѣть силы. И на основаніи дальнѣйшихъ справокъ, рѣшили дѣло именно въ смыслѣ исключенія ихъ изъ свода [1]). Постановленія объ

---

[1]) Ревизіонный комитетъ былъ совершенно правъ. Терминъ „панцырные бояре" сохранился, какъ опредѣленіе извѣстнаго класса обывателей, только въ мѣстностяхъ Витебской губерніи. О панцырныхъ боярахъ былъ изданъ рядъ указовъ русской властью—Полн. Собр. Зак. №№ 16611, 21698, 22615, 24605, 28078, 29343,—которыми опредѣлялось ихъ юридическое положеніе и разрѣшались различныя столкновенія

инородцахъ были нѣсколько развиты и дополнены особыми отдѣленіями о татарахъ и евреяхъ. Съ другой стороны, совершенно исключилъ комитетъ статьи проекта, содержащія древнее правило о потерѣ приданаго вдовой-дворянкой, выходящей замужъ за недворянина, и дѣвицами, выходящими замужъ безъ согласія опекуновъ (8-го января 1836 г.). Очень существенныя измѣненія внесъ комитетъ въ постановленія проекта о приданомъ и выдѣлѣ—здѣсь рядъ статей былъ изложенъ въ измѣненной редакціи (18-го марта 1836 г.). Далѣе, рѣшено было исчислить виды наслѣдственныхъ и родовыхъ имуществъ съ большей точностью; образцикомъ должны были послужить статьи X тома,—и мѣстныя особенности были отмѣчены рѣзче (5-го февраля 1836 г.). Обративъ вниманіе на этотъ пунктъ, комитетъ впослѣдствіи (15-го апрѣля 1836 г.), послѣ болѣе подробныхъ изысканій, рѣшилъ признать имущества, полученныя въ приданое, имуществомъ родовымъ.

И въ обязательственномъ правѣ комитетъ произвелъ нѣкоторыя измѣненія; такъ, напримѣръ, было рѣшено „мѣну недвижимыхъ имуществъ принять за двойную продажу“ (20-го апрѣля 1836 г.). Законная неустойка въ отношеніяхъ между частными лицами была исключена изъ свода (22-го апрѣля 1836 г.). Статьи о выморочныхъ имуществахъ также привлекли вниманіе ревизоровъ; Пшесмыцкому было поручено разсмотрѣть этотъ вопросъ въ особой запискѣ (15-го апрѣля 1836 г.). Наконецъ, значительныя дополненія были внесены въ проектъ законовъ о судопроизводствѣ. Комитетъ счелъ необходимымъ ихъ дополнить особой книгой о судопроизводствѣ для безспорныхъ дѣлъ. Очень существенное рѣшеніе было принято комитетомъ относи-

---

съ мѣстными властями по этому предмету. Заботы правительства по земельному устройству этого класса населенія продолжались очень долго, такъ какъ бояре упорно не желали выселяться въ другія мѣстности и очень настойчиво отстаивали свои дѣйствительныя и мнимыя права. Объ этомъ см. солидную статью *В. Вешнякова* („Панцырные бояре“, въ *„Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній“ Калачева*, 1860—1861 г., кн. IV, стр. 79). Въ Сводѣ Законовъ, изд. 1857 года, т. IX они упоминаются въ ст.ст. 614, п. 6 и прим. къ ст.ст. 616 и 617, а также и ст. 883, 884. По 7-й ревизіи (1817 г.) ихъ значилось 4884 души, по 8-й—6081; по 10-й—мужчинъ 4853 и женщинъ 5429 (см. *Вешняковъ*, указ. соч.). Въ старину подъ панцырными боярами разумѣлся низшій разрядъ свободныхъ слугъ, отправлявшихъ военную службу, нѣчто среднее между крѣпостными крестьянами и дворянствомъ. Иногда ихъ называли „доспѣшными слугами“ (см. *Леонтовичъ*, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1897 г., апрѣль, стр. 451 и май); они платили панамъ, у которыхъ на землѣ жили, различныя „дани“ (мѣховую, бобровую и др.). Въ имперскомъ законодательствѣ они причислялись къ однодворцамъ.—Справка, наведенная вслѣдствіе сомнѣній комитета, имѣется въ А. Г. С., дѣло II Отд. № 29, 1835 г., (1197).

тельно дѣлопроизводственнаго языка въ судебныхъ учрежденіяхъ—*единогласно* было постановлено принять въ качествѣ таковаго языкъ русскій (4-го іюля 1836 г.). Точнѣе разграничены виды доказательствъ въ процессахъ слѣдственномъ и акторатовомъ. На устройство актовыхъ книгъ и раздѣленіе ихъ на (четыре) разряды тоже было обращено вниманіе, и проектъ былъ переработанъ въ смыслѣ приближенія къ конституціи 1775 г. (15-го марта 1836 г.).

Но слѣдуетъ оговорить, что не всѣ перечисленныя въ первой и второй рубрикахъ измѣненія комитетъ взялъ на свою отвѣтственность. По нѣкоторымъ изъ нихъ, особенно существеннымъ, было рѣшено тогда же составить особыя записки для представленія въ Государственный Совѣтъ. Пшесмыцкому было поручено вести списокъ этихъ вопросовъ (18-го іюля 1836 г.), работа, которую онъ едва ли успѣлъ выполнить, такъ какъ вскорѣ послѣ этого засѣданія былъ высланъ на родину.

Къ сожалѣнію, мнѣній и замѣчаній, представленныхъ въ комитетъ членами его по различнымъ вопросамъ, мнѣ не удалось найти въ архивѣ. Многія изъ нихъ, очевидно, растерялись съ теченіемъ времени, а въ меморіяхъ (протоколахъ) засѣданій комитета зарегистрированы только одни рѣшенія его, по общему правилу — безъ всякихъ мотивовъ.

III. Къ третьей группѣ слѣдуетъ отнести тѣ перемѣны въ проектѣ, которыя вызваны были *согласованіемъ его съ общимъ сводомъ*. Какъ это ни странно, но именно на этотъ пунктъ комитетъ обратилъ необыкновенное вниманіе. Отъ мѣстныхъ юристовъ можно было ожидать какъ разъ противоположнаго, стремленія отстаивать мѣстное право per fas et nefas, а на дѣлѣ вышло совсѣмъ другое.

Не смотря на то, что первоначальный проектъ Даниловича былъ провѣренъ и просмотрѣнъ чиновниками II Отдѣленія, спеціалистами по общему своду, а въ комитетѣ засѣдали люди знакомые скорѣе съ мѣстнымъ правомъ, послѣдніе все же съумѣли превзойти въ этомъ отношеніи профессіональныхъ кодификаторовъ.

Эта забота „о согласованіи съ общимъ сводомъ“ встрѣчается въ меморіи почти каждаго засѣданія. Постановленія о дворянствѣ было рѣшено „сличить статью за статьей съ общимъ сводомъ“ (23-го окт. 1835 г.); статьи о дѣтяхъ законныхъ и незаконныхъ, о правахъ родителей распоряжаться ихъ имуществомъ и проч.—„согласить“ съ общимъ сводомъ; узаконенія, касающіяся союза брачнаго греко-россійскаго исповѣданія, признано необходимымъ исключить изъ мѣстнаго

свода и замѣнить ссылками на общій (8, 22-го января 1835 г., 11-го февраля 1835 г.). Рядъ засѣданій былъ посвященъ систематическому и другому согласованію правилъ объ опекѣ съ постановленіями X тома (всѣ засѣданія въ январѣ 1836 г.). Статьи о завѣщаніяхъ „сознаваемыхъ“ дополнены постановленіемъ о томъ, что къ нимъ примѣняются правила о завѣщаніяхъ крѣпостныхъ (8-го апрѣля 1836 г.). Нормы X тома о ручательствѣ по личнымъ наймамъ комитетъ распространилъ и на западныя губерніи (22-го мая 1836 г.). Всѣ постановленія о судопроизводствѣ были пересмотрѣны именно съ этой точки зрѣнія; эта работа, кстати сказать, была поручена Пшесмыцкому (30-го октября 1835 г.). Приступая къ провѣркѣ каждаго отдѣльнаго института, ревизоры прежде всего справлялись съ общими законами и старались установить, нѣтъ ли въ статьяхъ свода какого-нибудь несогласія съ ними. Даже „историческое“ примѣчаніе объ емфитевтическомъ владѣніи дополнено замѣчаніемъ, что въ указѣ 1821 года, „въ коемъ исчислены всѣ виды перехода имуществъ, не упоминается ничего объ емфитевтическомъ владѣніи“.

Нѣкоторая необходимость произвести такую провѣрку свода въ смыслѣ его соотвѣтствія съ новѣйшими указами русскаго происхожденія дѣйствительно имѣлась для тѣхъ отдѣловъ, по которымъ эти указы вышли въ 1835 и 1836 гг. Такія перемѣны вызвалъ, напримѣръ, указъ 1835 года объ отмѣнѣ „возныхъ“ (засѣданіе 20-го іюня 1836 г.)—пришлось статьи о срокахъ засѣданій соображать съ нимъ. Эти законодательные акты не могли быть приняты въ соображеніе при составленіи самаго проекта, такъ какъ были изданы уже послѣ окончательнаго изготовленія его; а въ другихъ случаяхъ комитетъ очевидно, переусердствовалъ.

Обыкновенно, „согласованіе“ выражалось въ томъ, что „статьи“ мѣстнаго свода, содержащія какое-нибудь матеріальное постановленіе, замѣнялись просто ссылками на статьи общаго свода. Этимъ устанавливалось, что мѣстное право по данному предмету не содержитъ никакихъ спеціальныхъ постановленій, отличающихся отъ обще-имперскихъ. Или же статьи проекта подвергались нѣкоторымъ измѣненіямъ въ виду существованія какихъ-либо правилъ общаго свода. Но иногда примѣнялся еще третій, и очень неудачный, пріемъ. Именно, статьи проекта излагались дословно въ той же самой редакціи, въ какой соотвѣтствующія правила были выражены въ общемъ сводѣ, но подъ статьями указывались ссылки на Литовскій Статутъ, а не на тѣ указы, на которыхъ основаны статьи общаго свода. Въ статьяхъ,

касающихся гражданскаго права, можно найти довольно много образчиков такого согласования.

Такъ, напримѣръ, § 441 проекта свода (о правѣ соучастниковъ въ общемъ нераздѣльномъ имѣніи поручать управленіе онымъ одному изъ товарищей или постороннему лицу) почти дословно повторяетъ ст.ст. 333 и 334 X т. ч. свода зак. [1]); § 444—(о правѣ соучастниковъ въ общемъ владѣніи требовать его раздѣла)—ст. 336 X т. § 749, опредѣляющій порядокъ наслѣдованія дѣтей послѣ отца, основанный, какъ видно изъ цитатъ, на Литовскомъ Статутѣ и сеймовомъ постановленіи 1775 года, буквально совпадаетъ со ст. 700 X тома, которая утверждена на совершенно другихъ законодательныхъ актахъ. То же самое можно сказать и про § 757 (о наслѣдованіи въ боковыхъ линіяхъ), который вполнѣ тожественъ со ст. 706 X тома. Даже понятія „ревизіи аппеляціоннаго дѣла“ какъ въ мѣстномъ, такъ и въ общемъ правѣ (ср. § 1650 проекта со ст. 1932 X тома) оказываются опредѣленными въ совершенно одинаковыхъ выраженіяхъ; но въ проектѣ мѣстнаго свода сдѣлана ссылка на Литовскій Статутъ (IV, 89), который въ этомъ мѣстѣ о „ревизіи“ какъ разъ ничего не говоритъ. Этотъ примѣръ особенно поучителенъ, такъ какъ „ревизія апелляціоннаго дѣла“ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесена къ числу такихъ институтовъ, которые опредѣляются одинаково въ самыхъ разнообразныхъ правовыхъ системахъ (какъ, напримѣръ, порядокъ наслѣдованія въ нисходящей линіи) [2]).

IV. Наконецъ, къ послѣдней группѣ можно отнести *редакціонныя поправки*. Работая все время надъ старинными книгами, вращаясь въ кругу древнихъ юридическихъ нормъ, составители первоначальнаго проекта естественно склонны были придерживаться и старинной терминологіи. Но члены комитета на нее обратили вниманіе и сочли необходимымъ ее нѣсколько согласовать съ современнымъ языкомъ. Такъ, старинный польскій терминъ „палестра“, которымъ опредѣлялись всѣ постороннія лица, присутствующія при какомъ - либо гласномъ судебномъ (или административномъ) [3]) производствѣ, былъ ими безжалостно уничтоженъ (13-го мая 1836 г.). Далѣе, вмѣсто усвоен-

---

[1]) Какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ цитируются номера статей X тома по *первому* изданію Свода Законовъ, 1835 года.

[2]) Буквально совпадаютъ и §§ 424 и 425 (основанные на Статутѣ) со ст. 513 и 514 X тома (номера *по изд. 1900 г.*).

[3]) Напр., при засѣданіяхъ сейма Речи Посполитой.

ной въ проектѣ терминологіи „дѣла, производимыя акторатовымъ порядкомъ", вездѣ рѣшено было замѣнить названіемъ „дѣла, производимыя по позывамъ" (18-го мая 1836 г.). Глава объ „акцессоріяхъ" была переименована въ главу объ „отводахъ". При нѣкоторомъ стараніи, въ этомъ направленіи ревизоры могли бы сдѣлать даже больше, но, видимо, и они не рѣшались вносить слишкомъ много новшествъ.

Кромѣ такихъ чисто редакціонныхъ или стилистическихъ поправокъ, комитетъ стремился внести возможную систематическую стройность въ изложеніе нѣкоторыхъ матерій. Такъ, статьи объ учрежденіи управленія между однодворцами выдѣлены въ особое приложеніе къ своду (20-го ноября 1835 г.), систематическая поправка произведена и въ отдѣлахъ о сельскихъ обывателяхъ (28-го ноября 1835 г.). Положенія о бракѣ римско-католическаго вѣроисповѣданія изложены отдѣльно отъ прочихъ (4-го декабря 1835 г.). Такія поправки были произведены во многихъ мѣстахъ проекта.

Если обозрѣть все, что сдѣлалъ комитетъ, то можно съ полнымъ основаніемъ сказать, что члены его потрудились немало и отнеслись съ большимъ вниманіемъ къ порученному имъ дѣлу. Какъ только возникало сомнѣніе, тотчасъ же для рѣшенія его составлялась особая записка. Это соблюдалось даже въ не особенно важныхъ случаяхъ; когда, напримѣръ, нѣкоторые термины свода показались комитету неясными и неточными, то было поручено Малевскому составить о нихъ справку по рукописямъ и стариннымъ изданіямъ Статута (28-го ноября 1835 г.). Комитетъ собирался очень часто, иной разъ бывало три засѣданія на одной недѣлѣ, и, благодаря такой энергіи, удалось ревизію закончить въ одинъ годъ, къ августу 1836 года.

Въ дальнѣйшихъ работахъ общаго присутствія послѣ этого наступилъ нѣкоторый перерывъ.

Въ концѣ января 1837 года Сперанскій уже могъ поднести Государю окончательный проектъ въ напечатанномъ видѣ и испрашивалъ утвержденія своихъ предположеній о дальнѣйшей его судьбѣ. Такъ какъ его предположенія были одобрены, то сводъ былъ посланъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи на заключеніе. Особенныхъ возраженій съ ихъ стороны онъ не встрѣтилъ; министръ юстиціи нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ не составлять „заключенія", а откомандировать во II Отдѣленіе свѣдущихъ чиновниковъ. Тѣмъ временемъ, съ февраля по августъ 1837 г., во II Отдѣленіи происходила провѣрка печатнаго свода чиновниками и ревизорами, а затѣмъ снова былъ созванъ ревизіонный комитетъ, въ который отъ министерства юстиціи были назна-

чены Бучинскій (оберъ-секретарь III департамента Сената) и Ляпуновъ (начальникъ отдѣленія). Комитетъ въ этомъ составѣ засѣдалъ недолго—съ октября по декабрь 1837 года [1]).

Въ теченіе 1837 года заканчивались и другія работы, стоявшія въ связи съ сводомъ. Сюда слѣдуетъ отнести, прежде всего, представленія въ Государственный Совѣтъ по нѣкоторымъ вопросамъ, которыхъ комитетъ не счелъ возможнымъ рѣшить собственною властью. Далѣе, были изготовлены различныя справочныя изданія, необходимыя при практическомъ примѣненіи свода, какъ то: 1) хронологическій указатель источниковъ, раздѣленный на четыре отдѣла („церковные уставы, мѣстныя постановленія, россійскія узаконенія, статьи общаго свода, сохраняющія въ Западномъ краѣ свою силу“); 2) алфавитный указатель всѣмъ предметамъ, вошедшимъ въ сводъ, и 3) „альфавитная роспись словъ, кои доселѣ въ практикѣ были употребляемы, съ краткимъ значеніемъ ихъ смысла и указаніемъ статей свода, къ коимъ они принадлежатъ и гдѣ они въ скобкахъ означены“ [2]).

Эти указатели были изготовлены въ самомъ дѣлѣ; по крайней мѣрѣ въ письмѣ Сперанскаго къ министру юстиціи (отъ 21-го января 1837 г.) они упоминаются въ числѣ посылаемыхъ бумагъ. Но были ли они напечатаны,—этого я установить не могъ; лично не видѣлъ ихъ ни въ рукописномъ, ни въ печатномъ видѣ, кромѣ списка статей общаго свода, напечатаннаго въ приложеніи къ Западному Своду. Въ отчетахъ Государственной типографіи также нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы они были отпечатаны. „Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній“ было изготовлено въ окончательномъ видѣ въ апрѣлѣ 1837 г. Можно, однимъ словомъ, сказать, что въ 1837 году II Отдѣленіе дѣло свое закончило; наступило время жатвы, время „награжденія“ потрудившихся. 28-го января 1837 г. Сперанскій представилъ докладъ, и всѣ участники въ работахъ получили щедрыя награды. Но меньше другихъ былъ отличенъ главный работникъ—„господинъ“ Даниловичъ; онъ получилъ только орденъ Св. Анны 2-й степени и 5000 руб., т. е., получилъ столько же, сколько, напримѣръ, и Бучинскій, работавшій только нѣсколько мѣсяцевъ, и немного больше нѣкоего Туманскаго (тотъ же орденъ, но безъ денежной награды), фамилія котораго во всѣхъ

---

[1]) См. А. Г. С., д. № 28, 1834 г. (№ 1156); см. также о датахъ отчеты по II Отдѣленію, представленные Государю (бумаги Сперанскаго въ Императорской Публичной Библіотекѣ).

[2]) См. А. Г. С. д. № 28, 1834 г. (№ 1156), а также № 6, 1837 г. (№ 1253).

трудахъ по Западному Своду упоминается всего одинъ разъ, именно въ наградномъ спискѣ [1]).

VII.

Итакъ, совокупными усиліями Даниловича, его помощниковъ, ревизоровъ и чиновъ II Отдѣленія было „приведено въ извѣстность" право западныхъ губерній. Плодомъ ихъ трудовъ является проектъ мѣстнаго свода, напечатанный въ Государственной типографіи. Въ него вошло далеко не все то, что собралъ Даниловичъ—это явствуетъ изъ сравненія числа параграфовъ первоначальнаго проекта и окончательнаго. Но перваго, къ сожалѣнію, нельзя найти въ архивѣ, поэтому нельзя произвести и точнаго сличенія, только о количествѣ параграфовъ, содержавшихся въ немъ (около 4500), можно судить по отчетамъ Даниловича, приведеннымъ выше, въ VI главѣ. Офиціальную же силу долженъ былъ получить только окончательный проектъ, сокращенный почти на половину (опять-таки, судя по числу параграфовъ). Чтобы получить представленіе о немъ, необходимо обратиться къ описанію содержанія его.

„Сводъ мѣстныхъ законовъ Западныхъ губерній"—проектъ въ окончательномъ видѣ представляетъ собой довольно объемистый томъ въ 298 стр. (и 16 стр. оглавленій) въ листъ, раздѣленный на 2.070 параграфовъ [2]). Во введеніи (§ 1 — 4) приведены статьи 47 и 48 Основн. Зак. о дѣйствіи мѣстныхъ законовъ, а затѣмъ указано, что „мѣстные законы губерній Виленской, Гродненской, Минской, Подольской, Волынской, Кіевской и области Бѣлостокской, при присоединеніи ихъ къ Имперіи предоставленные и понынѣ въ нихъ дѣйствующіе, относятся 1) къ законамъ о состояніяхъ, 2) къ законамъ гражданскимъ и 3) къ законамъ о судебныхъ обрядахъ, о судопроизводствѣ и о мѣрахъ гражданскихъ взысканій". Соотвѣтственно этому сводъ распадается на три части.

Въ первой, сравнительно наиболѣе короткой (§§ 5—200), части,

---

[1]) Во время пребыванія въ Петербургѣ члены ревизіоннаго комитета (отъ губерній) получали по 500 руб. въ мѣсяцъ и 150 руб. въ мѣсяцъ на квартиру (А. Г. С. № 22, 1835 г. (№ 1190). Сперва было имъ назначено меньше. Комитетъ закрытъ съ 1-го января 1838 года.

[2]) Всѣ кодификаціонные *проекты* эпохи Сперанскаго, „корректуры" какъ общихъ, такъ и мѣстныхъ законовъ раздѣлялись на *параграфы*, а не „статьи"; терминъ „статья" примѣнялся только къ дѣйствующему *закону*.

въ двухъ книгахъ, описываются разные роды состояній и различія правъ, имъ присвоенныхъ, и акты состоянія, которыми эти права удостовѣряются. На этой области мѣстнаго права сильнѣе всего отразилось вліяніе общеимперскаго законодательства. Унаслѣдованныя отъ польской эпохи дѣленія на сословія и обширныя политическія права послѣднихъ отпали съ присоединеніемъ этихъ губерній къ Имперіи; измѣнилась и внутренняя организація сословій. Поэтому, кодификаторамъ пришлось не столько описывать своеобразное юридическое положеніе различныхъ категорій лицъ, сколько подводить ихъ подъ рубрики IX тома общаго свода и отмѣчать тѣ особенности, которыя еще остались въ силѣ.

Такъ, по отношенію къ *дворянству* мѣстные законы всецѣло отсылаютъ къ общимъ, поскольку дѣло касается пріобрѣтенія и потери дворянскаго состоянія и правъ дворянскихъ обществъ. Только о шляхетствѣ говоритъ сводъ подробнѣе (прим. къ § 6) и упоминаетъ о нѣкоторыхъ особенныхъ привилегіяхъ дворянъ — о правѣ свободнаго винокуренія и содержанія корчемъ, правѣ на населенные города и о правѣ „ктиторства“ (jus patronatus), принадлежащемъ дворянамъ римско-католическаго и евангелическаго вѣроисповѣданій, выстроившимъ церкви. Особая оговорка включена относительно татаръ, „издавна въ западныхъ губерніяхъ поселившихся“ — за ними сохранено право владѣть населенными имѣніями. Это — татары „перваго рода“, т. е., „производящіе родъ свой отъ татарскихъ князей, Мурзъ, Улановъ, Наймановъ, Ротмистровъ и Хорунжихъ, или поселенныхъ въ бывшихъ королевскихъ имѣніяхъ, пожалованныхъ имъ съ обязанностью отправлять военную службу“. Они причислялись къ дворянству и могли владѣть христіанами на крѣпостномъ правѣ и нанимать христіанъ въ услуженіе; татары „втораго рода“, т. е., всѣ остальные, такихъ правъ не имѣли (см. § 169—172) [1].

То же, что о дворянствѣ, можно сказать и *о духовенствѣ*. Сводъ указываетъ особыя правила только для греко-уніатскаго и римско-католическаго духовенства; для остальныхъ категорій онъ ссылается на общій сводъ. Въ сводѣ отдѣльно опредѣляется положеніе монашествующаго и бѣлаго духовенства, причемъ къ греко-уніатскимъ духовнымъ лицамъ примѣняются въ общемъ всѣ правила Свода Законовъ о греко-россійскомъ духовенствѣ. Но „сословія“ этого духовенства, т. е., юридическія лица, церкви и монастыри, въ отношеніи устроенія

---

[1]) О татарахъ см. подробности въ слѣд. главѣ.

и правъ на имущества отожествляются съ „сословіями“ римско-католическими. Однако, „право ктиторства не распространяется на уніатскіе приходы, какъ несвойственное духу церкви Восточной и несогласное съ пользами прихожанъ“ (§ 33).

Подробнѣе нормируется положеніе римско-католическаго духовенства. Общій сводъ въ первомъ изданіи не касался этого вопроса, а потому и было необходимо въ мѣстныхъ законахъ собрать разрозненныя правила различныхъ имперскихъ указовъ и другихъ болѣе древнихъ источниковъ права. Въ рядѣ статей (§ 33—52) разбирается вступленіе въ бѣлое и монашествующее духовенство и права этихъ сословій. Статьи о правахъ монашествующихъ основаны почти всецѣло на польскихъ источникахъ, касающихся значенія обѣта нищеты, о порядкѣ наслѣдованія приданыхъ денегъ послѣ инокинь, о „выправѣ“ (т. е., „приданомъ“, взносѣ при поступленіи въ монастырь) ихъ и т. д.

Особенно подробно разбирается юридическое положеніе „сословій“ римско-католическаго духовенства, т. е., порядокъ учрежденія монастырей, церквей, каплицъ и права этихъ юридическихъ лицъ на имущества; здѣсь, впрочемъ, главнымъ источникомъ является уже русское законодательство начала XIX вѣка.

Въ состояніи *городскихъ обывателей* сводъ различаетъ „гражданъ западныхъ губерній“, т. е., прежнихъ шляхтичей, которые не могли доказать своего дворянскаго происхожденія и были записаны въ это званіе, съ одной стороны, и „вольныхъ людей“, заграничныхъ выходцевъ, которые такъ въ переписяхъ названы—съ другой. „Городское состояніе въ составѣ городскихъ обществъ“, т. е., какъ нѣкоторая корпорація, въ моментъ окончанія свода уже не обладало въ западномъ краѣ особыми правами. Къ этому времени уже повсемѣстно было отмѣнено магдебургское право и замѣнено общимъ городовымъ положеніемъ. Въ первоначальномъ проектѣ, составленномъ Даниловичемъ, имѣлся обширный отдѣлъ, въ которомъ были собраны нормы, касающіяся городского устройства. Надъ этимъ „городовымъ уставомъ“ Даниловичу пришлось потрудиться не мало, чтобы какъ-нибудь обобщить разнообразныя постановленія, дѣйствующія въ различныхъ городахъ. Но этотъ трудъ его пропалъ даромъ, даже ревизіонному комитету не пришлось его разсматривать. Вмѣсто городового устава, въ примѣчаніи къ § 106 приведенъ лишь историческій экскурсъ, въ которомъ описана постепенная отмѣна магдебургскаго права. Послѣ перечисленія соотвѣтствующихъ польскихъ законовъ тамъ указано,

что „по мѣрѣ возвращенія Западнаго края Россіи прежнія привилегіи городовъ, а въ томъ числѣ и Магдебургское право, оставляемы были городамъ токмо на первый случай, а потомъ отмѣнены совершенно. Хотя же съ 1796 г. городскія привилегіи были снова возстановлены, но впослѣдствіи времени постепеннымъ вліяніемъ общаго законодательства Городовое Положеніе 1785 г. воспріяло силу въ Западныхъ губерніяхъ, чѣмъ прежнее устройство городовъ, безъ нарочитаго распоряженія правительства, утратило свое дѣйствіе". Далѣе перечисляются указы, отмѣнившіе магдебургское право въ Малороссіи, и заканчивается экскурсъ указаніемъ на то, что „возстановленіе въ городахъ Западныхъ губерній Городоваго Положенія имѣло послѣдствіемъ предоставленіе въ 1836 г. мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ войти въ особенныя соображенія по предмету учрежденія Городскихъ Думъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ ихъ до нынѣ не существовало; соображенія сіи должны быть представлены для дальнѣйшаго хода въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ". Конецъ экскурса не вполнѣ точно опредѣляетъ значеніе указа 1836 года. Имъ не только „предоставлялось право входить въ соображенія объ устройствѣ городскихъ думъ", а прямо отмѣнялось прежнее городское устройство — учрежденіе думъ было необходимо только для замѣны прежнихъ органовъ управленія новыми. Оно являлось слѣдствіемъ основного принципа указа.

Указъ 1836 года внесъ нѣкоторый единообразный порядокъ въ хаотическое состояніе законовъ, опредѣляющихъ городское устройство въ западныхъ губерніяхъ. До него не было никакихъ точныхъ законодательныхъ опредѣленій, изъ которыхъ прямо вытекало бы, какіе именно законы, прежніе или же положеніе 1785 г., тамъ дѣйствуютъ. Формально послѣ 1796 г. тамъ должны были бы дѣйствовать прежніе законы, т. е., магдебургское право и привилегіи отдѣльныхъ городовъ, а на дѣлѣ уцѣлѣли во многихъ мѣстахъ учрежденія, введенныя городовымъ положеніемъ 1785 года.

Этимъ объясняется и появленіе просьбъ отъ различныхъ городовъ о возвращеніи имъ прежнихъ привилегій—de jure такія ходатайства о возстановленіи прежняго status quo были излишни. Такъ, въ 1829 году г. Каменецъ-Подольскій просилъ о возстановленіи древнихъ правъ; въ 1832 году г. Вильно просилъ объ утвержденіи за нимъ магдебургскаго права, объ освобожденіи его отъ подчиненія начальству, о правѣ безпошлинной торговли и о разрѣшеніи посылать отдѣльныхъ депутатовъ на польскій сеймъ. Всѣ эти ходатайства, поступавшія на раз-

смотрѣніе Комитета Министровъ, были оставляемы безъ послѣдствій [1]); общій же отвѣтъ на вопросы о городскомъ устройствѣ и былъ данъ въ указѣ 1836 г. Этотъ указъ представляетъ Высочайше утвержденное положеніе Западнаго Комитета, отъ 18-го мая 1836, распубликованное 27-го мая 1836 года (напечатанъ въ Полн. Собр. Зак. № 9226, подъ заглавіемъ: „объ устройствѣ присутственныхъ мѣстъ въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ"). Конецъ примѣчанія къ § 106 имѣетъ въ виду очевидно III пунктъ указа, „объ учрежденіи городскихъ думъ".

Въ сводѣ перечислены только оставшіеся въ силѣ обломки прежняго права городовъ. Такъ за нѣкоторыми городами сохранено право владѣть населенными имѣніями. Сюда отнесены города: Вильно, Ковно, Гродно, Брестъ-Литовскій, Бѣльскъ и др. Эти города сохраняютъ тѣ права, которыми обладали при польскомъ владычествѣ. Крестьяне, принадлежавшіе городамъ, обязаны были платить опредѣленный сборъ, на основаніи привилегій, пожалованныхъ городамъ, или особыхъ инвентарей, или же исправлять въ натурѣ различныя работы (§ 106, примѣчаніе 2). Личныя права городскихъ обывателей, въ томъ числѣ и вольныхъ людей, причисленныхъ къ мѣщанамъ, опредѣляются общими правилами (§§ 107 и слѣд.).

Въ составѣ *граждан*ъ различаются почетные граждане западныхъ губерній,—это тѣ лица, которыя „обращаются въ какихъ либо ученыхъ занятіяхъ", куда относятся и художники, а также и адвокаты; имъ предоставлены общія права всѣхъ почетныхъ гражданъ.

Классъ *сельскихъ обывателей* распадается на большое количество подраздѣленій, которыя, впрочемъ, отличаются другъ отъ друга преимущественно только названіями. Различаются три главныхъ разряда, именно, сельскіе обыватели, водворенные 1) на земляхъ казенныхъ, 2) на земляхъ владѣльческихъ и 3) на собственныхъ земляхъ. Въ первый разрядъ входятъ крестьяне казенные (прежніе коронные или королевскіе), далѣе разные выходцы подъ названіемъ „цыгановъ, волоховъ и пилипоновъ" [2]), крестьяне поіезуитскіе, старостинскіе, ленные

---

[1]) Объ этихъ просьбахъ см. *С. М. Середонинъ*, Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, II, стр. 332.

[2]) О *цыганахъ* подробно трактуетъ изслѣдованіе *Даниловича*, подъ заглавіемъ: „O cyganach. Wiadomosc historiczna" Wilno 1824 г. (116 стр.). Это сочиненіе Даниловича представляетъ актовую рѣчь, произнесенную имъ 30-го іюня 1824 года (вѣроятно, нѣсколько дополненную), и можетъ служить образчикомъ той тщательной и

(„по нахожденію прежде въ разныхъ отдѣльныхъ управленіяхъ"), чиншевые, платящіе въ казну опредѣленный чиншъ, затѣмъ, именуемые по службѣ, которую ихъ предки отправляли—„выбранецкими, гибер-

---

добросовѣстной обработки вопроса, которой вообще отличаются всѣ труды его. Въ немъ разобраны происхожденіе и бытъ (языкъ, религія, обычаи и пр.) цыганъ, а также охарактеризовано юридическое положеніе ихъ, не только въ эпоху современную этому сочиненію, но и въ прежней ихъ исторіи. При этомъ Даниловичъ не ограничиваетъ рамки изслѣдованія одной только Польшей или Россіей, но разсматриваетъ и другія европейскія государства.—Въ Литвѣ цыгане упоминаются впервые въ 1501 году (*Даниловичъ* указ. соч., стр. 82), и съ этихъ поръ законодательство (какъ польское, такъ и литовское) не переставало ими заниматься. Въ Россіи юридическое положеніе цыганъ впервые было опредѣлено указомъ 31-го декабря 1783 года, затѣмъ появились и другіе акты, относящіеся до нихъ (указы 1809 и 1811 г.г.). Въ Западномъ Сводѣ цыгане только упоминаются, матеріальныхъ опредѣленій сводъ не содержитъ никакихъ; прежнія постановленія (второго и третьяго Статутовъ и другія) кодификаторы, очевидно, признали устарѣвшими.

„*Пилипоны*" — это „филипоны", т. е., старообрядцы филипповскаго толка, бѣжавшіе изъ Россіи въ Польшу во времена гоненій на раскольниковъ. Въ западномъ краѣ и даже въ Кіевѣ (см. напр. *Иконниковъ*, Кіевъ въ 1654—1855 г.г., стр. 171, 172) они являлись представителями великороссійскаго элемента (нѣкоторыя любопытныя этнографическія и другія свѣдѣнія о старообрядцахъ въ западномъ краѣ, въ ихъ прошломъ и настоящемъ положеніи, см. „*Россія*. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ редакціей В. П. Семенова", т. IX [Бѣлоруссія] 1905 г., стр. 207). При польскомъ господствѣ эти выходцы устроились различно: нѣкоторые съумѣли сохранить личную свободу, а другіе нѣтъ. Послѣ присоединенія западныхъ губерній къ Россіи, мѣстная администрація склонна была разсматривать ихъ, какъ государственныхъ крестьянъ, но пилипоны упорно отстаивали свои права. Въ 1806 году (9-го апрѣля, Полн. Собр. Зак. № 22085, т. 29, стр. 159) состоялся указъ, по которому за пилипонами признавался тотъ юридическій status, которымъ они опредѣлялись при польскомъ господствѣ, и въ которомъ они фактически находились. Именно, было признано, что въ свое время изъ нихъ „1) нѣкоторые селились, какъ свободные люди на помѣщичьихъ и старостинскихъ имѣніяхъ, 2) другіе были записаны въ мѣщанство, 3) поселясь безъ письменныхъ условій на земляхъ помѣщичьихъ, вошли въ состояніе крестьянъ, наравнѣ съ коренными тамошними жителями". Въ 1809 году (14-го ноября № 23986, П. С. З. т. 30, стр. 1271) состоялась Высочайшая резолюція по „всеподданнѣйшему прошенію отъ старообрядцевъ, именуемыхъ пилипонами, поселившихся на земляхъ помѣщичьихъ въ нѣкоторыхъ слободахъ и селеніяхъ Могилевскихъ губерній". Это прошеніе было разрѣшено въ соотвѣтствіи съ принципами указа 1806 г. Но поведеніе нѣкоторыхъ группъ пилипоновъ вызывало иногда необходимость крутыхъ мѣръ для обузданія ихъ буйства. Доказательствомъ этого можетъ служить слѣдующій указъ лифляндскаго губернскаго правленія (отъ 5-го октября 1826 г., № 125, подписанный вице-губернаторомъ von Kube; цитируется по отдѣльному листу, экземпляръ Императорской Публичной Библіотеки): Nachdem auf Allerhöchstem Befehl S. M. des Herrn und Kaisers in den Gouverne-

новыми, стрѣльцами и ловчими“; наконецъ, полные хозяева, огородники и кутники, называющіеся такъ въ зависимости отъ количества земли въ ихъ владѣніи. Къ разряду сельскихъ обывателей, водворенныхъ на земляхъ владѣльческихъ, относились крестьяне помѣщичьи, далѣе водворенные на земляхъ, принадлежащихъ духовнымъ учрежденіямъ и городамъ, вольные люди и однодворцы и др.

Наконецъ, на собственныхъ земляхъ проживали однодворцы и свободные хлѣбопашцы.

Но эти раздѣленія, остатки прежней исторіи, самостоятельнаго юридическаго значенія даже въ сводѣ не имѣли. Съ правовой точки зрѣнія существовало только одно существенное дѣленіе сельскихъ обывателей на свободныхъ и не свободныхъ, а права лицъ, входящихъ въ эти категоріи, опредѣлялись общими законами. Различныя названія указывали только на различное историческое происхожденіе такихъ сословныхъ группъ и имѣли значеніе только въ томъ случаѣ, когда приходилось восходить къ старинным правамъ ихъ.

Однодворцы западныхъ губерній — это все тѣ же шляхтичи, не могущіе доказать своего дворянскаго происхожденія и проживающіе въ селеніяхъ; вольные же люди — выходцы изъ Австріи, Пруссіи и другихъ земель, переселившіеся до 1799 г. и записанные въ этомъ званіи въ переписи ихъ (§ 121—125). Однодворцы соединяются въ общество, если ихъ живетъ въ одномъ селеніи болѣе 100 семействъ; этому обществу предоставлялось корпоративное устройство и права; такое же устройство предоставлено и вольнымъ людямъ, проживающимъ на частныхъ земляхъ. Въ 1834 году (22-го января II Полн. Собр. Зак. № 6734) было издано въ видѣ опыта на 3 года особое „Положеніе о распорядкѣ внутренняго полицейскаго и хозяйственнаго управленія въ селеніяхъ однодворцевъ западныхъ губерній“. Этотъ обширный указъ, содержащій 111 статей, необыкновенно детально опредѣлялъ всѣ подробности быта однодворцевъ. Въ Западномъ Сводѣ онъ напечатанъ въ качествѣ приложенія къ §§ 129, 333 и 374. Правительство прилагало всякія усилія, чтобы облегчить имъ возможность переселятся во внутреннія губерніи. Съ этой цѣлью были изданы „Правила о переселеніи одно-

---

ments Livland, Kurland und Witepsk, bestimmte Commissionen zur Ausmittelung und *Ausrottung* der in diesen drei Gouvernements *diebische, mordräuberische* und dergleichen *verbrecherische* Umtriebe haltende, mit dem Namen Philipponen bezeichnete Personen, ernannt werden“ etc. Высочайшаго указа о назначеніи такихъ комиссій въ Полн. Собр. Зак. я не нашелъ.

дворцевъ западныхъ губерній по добровольному ихъ желанію въ другія губерніи" (1832, мартъ 25, № 5250). Имъ полагалось отводить „если по недостатку земель въ Западныхъ губерніяхъ они оставались безъ вѣрныхъ средствъ содержанія"—50 десятинъ въ области Кавказской или въ губерніяхъ Саратовской и Оренбургской. Въ остальномъ, общіе законы, опредѣляющіе возникновеніе и прекращеніе правъ свободнаго сельскаго состоянія, сохраняютъ силу и въ западномъ краѣ. То же самое можно сказать и про положеніе несвободныхъ поселянъ.

Мѣстный сводъ останавливается нѣсколько подробнѣе только на нормировкѣ отношеній владѣльца къ крѣпостнымъ, на нѣкоторыхъ особыхъ повинностяхъ крестьянъ. Крестьяне, помимо общей для всѣхъ крѣпостныхъ обязанности повиноваться владѣльцу, обязаны еще исполнять личныя обязанности, которыя раздѣляются на постоянныя—панщину (барщину) и не постоянныя: гвалты, во время жатвы, толоки при сборѣ хлѣба, шарварки — работы по починкѣ дорогъ и строеній, ночные караулы, провозъ хозяйственныхъ произведеній въ города и пр. [1]). Число рабочихъ дней опредѣляется инвентаремъ и экономическими реестрами, но по общему правилу не должно превышать трехъ дней въ недѣлю (§ 154). Вмѣсто личной панщины крестьяне могутъ быть обязываемы оброкомъ, который называется „чиншемъ", если заключается въ платежѣ наличныхъ денегъ, или „ссыпкой", если состоитъ изъ платежа зерновымъ хлѣбомъ; въ этихъ

---

[1]) Здѣсь въ сводѣ перечислены древніе виды крестьянскихъ повинностей. Такъ „толока", thlaca—„сгонъ" упоминается уже въ XIV столѣтіи (см. проф. *Леонтовичъ*, Крестьянскій дворъ въ Литовско-русскомъ государствѣ, *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1897 годъ, апрѣль, стр. 432). Гвалты или — какъ это слово пишется въ старинныхъ документахъ—кгвалты тоже очень древнее названіе для повинности, которая въ старину и по существу отличалась отъ толоки. Гвалты имѣли мѣсто при гуртовыхъ работахъ и исчислялись не по нормѣ дней, а временемъ, необходимымъ для ихъ окончанія. Гвалтъ продолжался до тѣхъ поръ, пока не заканчивалась работа. Далѣе, онъ примѣнялся къ работамъ, производимымъ на панской землѣ; назначался онъ по мѣрѣ надобности. Къ такимъ работамъ относились звѣриные ловы, уборка луговъ и др. (проф. *Леонтовичъ*, цитир. изслѣдов., стр. 434). Нѣкоторыя изъ этихъ старинныхъ названій и до сихъ поръ еще уцѣлѣли въ народномъ языкѣ бѣлорусскихъ мѣстностей, но, разумѣется, теперь употребляются въ совершенно иномъ значеніи. Такъ, напримѣръ, подъ „толокой" въ Бобруйскомъ уѣздѣ теперь обыкновенно разумѣютъ работы, производимыя крестьянами на помѣщичьихъ земляхъ въ праздничные дни за вознагражденіе, выплачиваемое не въ деньгахъ (или въ видѣ небольшой денежной суммѣ, плюсъ еще что нибудь другое). Старинное значеніе терминовъ уже и въ Западномъ Сводѣ не проведено послѣдовательно.

случаяхъ они освобождаются отъ панщины. Взамѣнъ этихъ услугъ владѣлецъ долженъ пещись о своихъ крѣпостныхъ. На гражданскихъ правахъ несвободное состояніе отражается въ ограниченіи права совершать акты и принимать на себя поручительство безъ письменнаго разрѣшенія помѣщика. Выморочныя имущества крѣпостныхъ переходятъ къ помѣщику.

Въ концѣ первой книги излагаются постановленія, касающіяся *инородцевъ* и иностранцевъ (§ 169—179). Сюда относятся татары (о которыхъ см. выше) и евреи. О евреяхъ въ сводѣ сказано очень немного; указаны только частичныя ограниченія ихъ общаго права проживать въ западныхъ губерніяхъ (двѣ улицы въ г. Вильнѣ, въ Кіевѣ запрещено имъ вообще имѣть жительство, и нѣкоторыя ограниченія относительно Каменецъ-Подольска) [1]), во всемъ прочемъ оставляются въ силѣ общіе законы [2]).

Во второй книгѣ—„*объ актахъ состояній*" почти вовсе нѣтъ самостоятельныхъ постановленій. Всѣ параграфы, за исключеніемъ очень немногихъ (о метрическихъ книгахъ римско-католическаго и уніатскаго вѣроисповѣданій), состоятъ сплошь изъ ссылокъ на общій сводъ. Въ сущности не было никакой необходимости въ этой „книгѣ", которая и вся-то состоитъ изъ 15 параграфовъ, такъ какъ уже въ предыдущей по отношенію къ каждому сословію указаны тѣ документы, которыми доказывается принадлежность къ нему. Очевидно, она была сочинена только потому, что такая книга была и въ общемъ сводѣ.

Такимъ образомъ, въ этой первой части свода спеціально мѣстныхъ особенностей приведено немного. Изъ 195 параграфовъ, на которые раздѣляется первая часть, 48 содержатъ прямыя ссылки на статьи общаго свода, а во многихъ другихъ содержится только повтореніе этихъ статей безъ формальныхъ ссылокъ. Но изъ этой бѣдности самостоятельнаго содержанія нельзя выводить, что эта часть

---

[1]) Эти ограниченія евреевъ (въ правѣ владѣть домами) въ предѣлахъ гор. Каменецъ-Подольска показаны основанными на указахъ №№ 5950 и 7282 (1833 и 1834 гг.). Нѣкоторыя аналогичныя ходатайства этого города, разсмотрѣнныя Комитетомъ Министровъ въ 1829 г., были отклонены. См. *Середонинъ*, Историческій обзоръ дѣятельности К. М. т. II, стр. 322.

[2]) Постановленія, заключающіяся въ этихъ раздѣлахъ, первоначально, въ проектѣ Даниловича, были разбросаны въ статьяхъ о сельскомъ состояніи. Особые раздѣлы были образованы уже комитетомъ (см. меморію засѣданія 28 ноября 1835 года).

была совершенно излишняя. Остатки прежнихъ историческихъ наслоеній, постепенно вывѣтривающіеся, по необходимости слѣдовало привести въ соотвѣтствіе съ новымъ общимъ законодательствомъ, разъ и прежніе сепаратные акты, которые въ разныя времена издавались по отдѣльнымъ предметамъ для имперіи и, хотя бы и косвенно, имѣли дѣйствіе въ западныхъ губерніяхъ, были объединены въ новомъ Сводѣ Законовъ. Первая часть представляетъ въ конечномъ результатѣ нѣкоторую попытку свода правилъ, опредѣляющихъ переходъ отъ прежнихъ польскихъ порядковъ къ новымъ; тѣ сословныя категоріи, которыя въ прежнее время являлись нѣкоторымъ единствомъ, индивидуализировались отдѣльными названіями, должны были быть подведены подъ новыя, ближайшія къ нимъ по внутреннему родству общеимперскія рубрики—эта работа и была сдѣлана. Только при такой постановкѣ получалось истинное освѣщеніе для мѣстныхъ изъятій, ибо не опредѣливъ общаго правила, нельзя было установить объема исключенія. Русское законодательство внесло сильныя измѣненія въ прежнее польское сословное устройство. Права сословій, въ цѣломъ, какъ юридическихъ лицъ, и отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ ихъ, были построены на совершенно другихъ началахъ. Но законъ не могъ отмѣнить исторіи и долженъ былъ приспособляться къ прежнимъ дѣленіямъ, которыя были реформированы, но не были отмѣнены. Эти историческіе остатки въ бытовомъ отношеніи продолжали жить; сохранялись названія и связанныя съ ними представленія. Но кромѣ того и русскіе указы подверглись крупной формальной перемѣнѣ, будучи соединены—и разбросаны—въ томахъ Свода Законовъ. Надо было перевести древнія понятія на языкъ новаго законодательства, установить нѣчто въ родѣ таблицы для такого перевода. Благодаря этому, достигалось то, что практика, встрѣтившись съ „пилипономъ“ или „татариномъ перваго рода“, могла сразу, безъ долгихъ историческихъ изысканій, установить, какія примѣнять нормы. Въ этомъ и заключалась главная задача кодификаціи мѣстныхъ законовъ о состояніяхъ.

Значительно болѣе разработано въ сводѣ *гражданское* право—его II-ая часть [1]).

---

[1]) Многія существенныя постановленія Западнаго Свода изъ области гражданскаго права сохранились въ видѣ статей X тома, содержащихъ законы губерній Черниговской и Полтавской. Тѣмъ не менѣе, для ясности изложенія и они пересказаны въ настоящемъ изложеніи. Въ противномъ случаѣ, при замѣнѣ пересказа только ссылками, трудно было бы дать какое либо представленіе о гражданскомъ правѣ

Слѣдуя системѣ общаго свода, она начинается съ ученія о *бракѣ*. На бракѣ лицъ греко-россійскаго вѣроисповѣданія мѣстному своду не пришлось останавливаться подробно, такъ какъ этотъ институтъ опредѣлялся общими законами, но зато въ немъ очень подробно разработано ученіе о бракѣ между римско-католиками. Этотъ отдѣлъ почти всецѣло основанъ на источникахъ римско-каноническаго права. Сводъ детально описываетъ препятствія къ браку, обряды, при которыхъ совершается бракъ (оглашеніе, обыскъ, бракосочетаніе), основываясь на постановленіяхъ Corpus juris canonici, Тридентскаго собора и Rituale romanum, далѣе идетъ изложеніе доказательствъ брачнаго союза и прекращеніе его (§§ 208—253) [1]. Браки между греко-уніатами опредѣляются всецѣло правилами восточной церкви, т. е., съ юридической стороны — общимъ сводомъ (§ 207). Браки лицъ иныхъ вѣроисповѣданій, а равно и брачныя сопряженія христіанъ съ нехристіанами также оговорены особо; источникомъ этихъ статей являются русскіе законодательные акты.

Но если въ этихъ отдѣлахъ мѣстному своду, въ большинствѣ статей, оставалось только повторять общія имперскія правила, то въ ученіяхъ о личныхъ правахъ *супруговъ*, а въ особенности — о правахъ ихъ на имущество, сохраняли силу старинные мѣстные источники. Такъ, для губерній Кіевской, Волынской и Подольской была оставлена въ силѣ опека мужа надъ женой (§ 271); въ этихъ же мѣстностяхъ жена признавалась связанной разрѣшеніемъ мужа во всѣхъ сдѣлкахъ по отчужденію своего недвижимаго имущества. Въ этихъ бывшихъ „коронныхъ" провинціяхъ имущественныя права женщинъ вообще были болѣе ограничены, чѣмъ въ остальныхъ губерніяхъ; такъ, даже для всякаго отчужденія жены въ пользу мужа необходимо согласіе двухъ ближайшихъ ея родственниковъ [2]. Въ прочихъ губерніяхъ такое раз-

---

Сводѣ. Къ тому же, далеко не всѣ его правила уцѣлѣли, или перешли въ X-ый томъ въ неизмѣненномъ видѣ; и обратно, въ X-мъ томѣ есть мѣстныя правила, которыхъ нѣтъ въ Западномъ Сводѣ.

[1]) При изложеніи этихъ статей комитетъ сообразовался съ кодификаціонными работами надъ законами, дѣйствовавшими въ Царствѣ Польскомъ (меморія засѣданія 4 декабря 1835 г.).

[2]) Это ограниченіе правъ замужнихъ женщинъ въ распоряженіи имуществомъ было введено уже при окончательной редакціи въ комитетѣ (см. меморію засѣданія 5 февраля 1835 г.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ возбужденъ вопросъ о реформѣ законовъ, опредѣляющихъ право жены распоряжаться своимъ имуществомъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, въ смыслѣ распространенія на нихъ дѣйствія литовскихъ порядковъ. См. ниже, гл. IX.

рѣшеніе мужа было признано необходимымъ лишь для распоряженія приданымъ, которое состоитъ въ общемъ пользованіи супруговъ (§ 273). Въ общемъ же имуществѣ, нажитомъ супругами во время брачнаго сожительства, распоряженіе принадлежитъ мужу (§§ 272—282). Въ остальномъ, обѣ имущественныя массы не сливаются воедино; каждый супругъ можетъ имѣть и пріобрѣтать отдѣльную собственность; за долги другъ друга супруги не отвѣчаютъ. Эту систему имущественныхъ отношеній супруговъ, признанную уже Литовскими Статутами, можно опредѣлить, какъ Errungenschaftsgemeinschaft, communauté des acquêts. Вполнѣ убѣдительно предположеніе г. Спасовича [1]), что она была заимствована изъ магдебургскаго права, которое отразилось не только на городскомъ, но и на земскомъ правѣ. Если мужъ обезпечитъ женѣ ея приданое, въ этомъ случаѣ онъ лишается права распоряжаться связанными недвижимостями; допускаются предбрачные договоры, въ измѣненіе законныхъ правилъ.

Общія постановленія *о союзѣ родителей* и *дѣтей* дополнены нѣкоторыми мѣстными правилами, еще болѣе затрудняющими доказываніе незаконности рожденія—нельзя подымать спора противъ законности рожденія послѣ смерти родителей и по истеченіи десяти лѣтъ отъ рожденія тѣхъ лицъ, законность рожденія которыхъ оспаривается; родители лишаются права подымать этотъ споръ въ случаяхъ „ссоры между собой и гнѣва на дѣтей, или если впродолженіи не малаго времени признавали ихъ своими дѣтьми, или вступили въ новый бракъ“ (§ 285). Сводъ, далѣе, признаетъ (для католиковъ) вполнѣ всѣ правила каноническаго права о matrimonium putativum, но обратно, категорически устраняетъ legitimatio per subsequens matrimonium (§ 288), институтъ, „не принятый мѣстными постановленіями“, какъ это пояснено въ примѣчаніи къ § 288. Акты укрѣпленія имущества родителями за своими незаконными дѣтьми признаются безусловно недѣйствительными (§ 290). На ряду съ этимъ остаются въ силѣ различныя постановленія общаго свода о правахъ состоянія незаконнорожденныхъ и др. Правила, опредѣляющія объемъ родительской власти, какъ въ личныхъ, такъ и въ имущественныхъ отношеніяхъ, основаны также, главнымъ образомъ, на Литовскомъ Статутѣ. Въ частности, сводъ различаетъ дѣтей „неотдѣленныхъ“ и „отдѣленныхъ“, при чемъ послѣднія съ момента совершеннолѣтія вступаютъ въ право собственниковъ на выдѣленное

---

[1]) *Спасовичъ*, Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу, по древнему польскому праву, С.-Пб. 1857, стр. 59 и слѣд.

имъ имущество; за долги дѣтей родители не отвѣчаютъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ (§§ 305 — 315). Родителямъ разрѣшается въ нѣкоторыхъ случаяхъ отрекаться отъ своихъ законныхъ дѣтей (такихъ случаевъ приведено 7, § 298). Но отреченіе должно быть утверждено совѣстнымъ судомъ. Въ силу такого отреченія дѣти законныя считаются наравнѣ съ незаконными и лишаются наслѣдственныхъ правъ послѣ родителей (§ 299 въ связи съ § 289). Эти 7 случаевъ отреченія, допускаемыхъ Литовскимъ Статутомъ, являются слабыми остатками рецепціи римскаго права. Они проникли въ Статутъ, вѣроятно, черезъ посредство романистическихъ глоссъ къ магдебургскому праву [1]).

Постановка *опеки и попечительства* въ мѣстномъ сводѣ представляетъ нѣкоторыя существенныя отличія отъ общеимперскихъ порядковъ. Такъ, первое различіе сказывается уже въ опредѣленіи срока совершеннолѣтія: въ губерніяхъ Волынской, Подольской и Кіевской полное совершеннолѣтіе наступаетъ только съ 25 года (§ 323); съ этого момента пріобрѣтается право распоряженія недвижимымъ имуществомъ; лица, не достигшія 18 лѣтъ (во всѣхъ губерніяхъ), не имѣютъ права управлять, или распоряжаться своимъ имуществомъ; послѣ 21 года могутъ обязываться займами. Опека установляется по завѣщанію, или по закону, причемъ какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ опекуны утверждаются дворянскими опеками или сиротскими судами. Права опекуновъ на личность опекаемаго приблизительно тѣ же, какъ и по X тому; относительно же управленія имуществомъ преподанъ рядъ особыхъ постановленій. Право отчужденія предоставлено опекуну въ ограниченномъ объемѣ; всѣ болѣе значительныя сдѣлки этого рода (продажа драгоцѣнностей, продажа и обремененія недвижимостей) совершаются не иначе какъ въ общемъ порядкѣ, съ разрѣшенія Сената, утвержденнаго Высочайшею властью (§ 363). Въ вопросахъ объ отвѣтственности опекуновъ и прекращеніи опеки мѣстный сводъ примыкаетъ къ X тому, съ той, впрочемъ, разницей, что даетъ нѣсколько болѣе содержательныя съ матеріальной стороны указанія (§§ 369 и слѣд.) [2]).

---

[1]) На эту рецепцію обратилъ вниманіе уже *Даниловичъ*, см. Historicher Blick etc.; эти остатки римскаго права до сихъ поръ живы въ ст. 167 X т. (изд. 1900 г.) для губ. Черниговской и Полтавской.

[2]) За труды по управленію имуществомъ опекунамъ назначено вознагражденіе въ размѣрѣ 10 процентовъ съ чистаго дохода (въ годъ), § 367.

И въ ученіи *о вещныхъ правахъ* (книга вторая первой части свода: о порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества вообще), въ вопросѣ о *разныхъ родахъ имуществъ* (недвижимыхъ, движимыхъ, раздѣльныхъ, благопріобрѣтенныхъ и родовыхъ, государственныхъ и принадлежащихъ различнымъ установленіямъ) мѣстное право выработало приблизательно тѣ же категоріи, какъ и общій сводъ; въ этой области имѣются только детальныя дополненія въ зависимости отъ особенностей, вызываемыхъ историческими пережитками (напр. нераздѣльность имуществъ ленныхъ и ординацкихъ) [1]. Должно, впрочемъ, отмѣтить, что съ родовыми имуществами связано только ограниченіе завѣщательныхъ, но не дарственныхъ распоряженій; право выкупа вообще неизвѣстно Западному Своду (§ 12); и, далѣе, изъ общаго правила, что только недвижимости могутъ быть имуществомъ родовымъ, сдѣлано исключеніе относительно движимостей, входящихъ въ составъ приданаго [2], законнымъ образомъ обезпеченнаго [3]. Есть нѣкоторыя различія и въ категоріяхъ имѣній, причисленныхъ къ благопріобрѣтеннымъ и къ родовымъ. Число рубрикъ нѣсколько меньше чѣмъ въ X томѣ (ср. § 390 и 391), но принципъ тотъ же самый: родовое имущество это то, которое досталось по наслѣдству отъ родителя, или инымъ способомъ, такъ сказать, „антиципированнаго" преемства (выдѣлъ и приданое).

Нѣсколько больше оригинальныхъ чертъ имѣетъ система вещныхъ правъ мѣстнаго права, если сравнивать ее съ общегражданскимъ, но, впрочемъ, и въ этихъ институтахъ замѣчается значительное сходство, которое слѣдуетъ объяснять отчасти неразвитостью, какъ литовскаго, такъ и русскаго гражданскаго права, отчасти же общностью исходныхъ принциповъ. Очевидно, что понятіе права собственности тожественно въ обѣихъ системахъ, но сходство въ системахъ вещныхъ правъ не останавливается на этомъ.

Ученіе о *сервитутахъ* слагается изъ тѣхъ же элементарныхъ и неразвитыхъ институтовъ, которые намѣчены и въ X томѣ, мѣстное право въ этой области ничего не даетъ своеобразнаго. Дальше ученія объ

---

[1]) Ординаціи—это нѣчто въ родѣ „майоратовъ", см. *Даниловичъ*, въ „Юридическихъ запискахъ Рѣдкина", I, стр. 40.

[2]) Это правило было введено ревизіоннымъ комитетомъ. См. меморію засѣданія 15 апрѣля 1836 г.

[3]) Объ этихъ „придано-обезпечительныхъ" записяхъ говорится въ § 711 и § 718 Западнаго Свода; текстъ § 711 повторенъ дословно въ пунктѣ 10 ст. 1005, X т. Свода Законовъ (изд. 1900 г.).

угодьяхъ, о въѣзжихъ лѣсахъ и звѣриныхъ промыслахъ, остатковъ древняго быта, мѣстное право тоже не пошло. Конечно, нѣкоторыя мелочи не совпадаютъ: напримѣръ, допускается пользованіе озеромъ въ чужомъ лѣсу (§ 412); право имѣть бортныя деревья въ чужомъ лѣсу даетъ право драть въ ономъ лыки и лубья, „сколько можно на себѣ снесть" (§ 417); упоминаются медовыя дани, сопряженныя съ правомъ входа въ бортные лѣса (§ 420),—но развитаго ученія о сервитутахъ нѣтъ. Нѣтъ и самостоятельной разработки вещныхъ правъ обширнаго содержанія, создающихъ dominium utile. Всѣ правоотношенія этого типа подводятся подъ понятія „владѣнія и пользованія, отдѣльныя отъ права собственности" въ томъ видѣ, какъ они установлены общимъ сводомъ. Такое владѣніе установляется по договорамъ (арендныхъ, заставныхъ и пожизненнаго владѣнія, § 427) и въ силу судебнаго приговора (§ 428), когда имущество должника или несостоятельнаго вотчинника передается до выкупа заимодавцу или въ управленіе конкурса. Отдѣльное владѣніе не ограничиваетъ собственника въ его правѣ распоряжаться вещью (salvo jure tertii, конечно) (§ 429) [1].

Сохранены въ сводѣ нѣкоторыя нормы Литовскаго Статута, относящіяся *до права собственности общаго*, причемъ различаются имущества нераздѣльныя (§§ 440—443) и подлежащія раздѣлу (§§ 444—448). Сводъ останавливается особо на общемъ чрезполосномъ владѣніи (§ 445) и устраненіи его по согласію всѣхъ участниковъ, или по волѣ одного изъ владѣльцевъ. Въ послѣднемъ случаѣ эта операція производится не иначе, какъ по судебному приговору и тогда только, когда чрезполосная земля ненаселенная и не содержитъ болѣе полуторы уволоки луговъ и лѣса.

Въ другихъ институтахъ, описанныхъ во второй книгѣ свода законовъ гражданскихъ (о земской давности, о правѣ вознагражденія и др.), въ западной кодификаціи встрѣчаются нѣкоторыя постановленія, которыя восполняютъ пробѣлъ общаго законодательства. Такъ, напр., указано вполнѣ опредѣленно, что владѣніе почитается спорнымъ съ момента подачи въ судъ искового прошенія или позыва (§ 450); прямо выражено, что давностью не можетъ быть пріобрѣтено право на имущество, находящееся въ отдѣльномъ владѣніи по договору или судебному опредѣленію (§ 452). Наибольшее число особенностей представляетъ ученіе *о вознагражденіи частномъ*. Такое возмѣщеніе убытковъ въ отношеніи недвижимостей именуется, какъ и въ общемъ сводѣ

---

[1]) Теперь ст. 521, X т. (1900 г.).

„завладѣнными деньгами“, а въ отношеніи крѣпостныхъ людей—„заработными или пожилыми“ деньгами. Между прочимъ, виновный въ самовольномъ „захваченіи“ чужого недвижимаго имущества, сверхъ платежа завладѣнныхъ денегъ, подвергается личному 6-недѣльному задержанію (§ 470), такъ называемой „вежѣ“ (wieza), которое сводится къ домашнему аресту; лица, принимающія бѣглыхъ, сверхъ возврата ихъ и взысканія, обязаны платить за всякую душу (мужского и женскаго пола) 12 коп. серебромъ заработныхъ денегъ въ недѣлю, а за малолѣтнихъ—4 коп. серебромъ (§ 472). Приведены довольно подробныя правила о вознагражденіи за самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ, выражающееся въ другихъ дѣйствіяхъ, напримѣръ, въ недозволенной охотѣ или рыбной ловлѣ (§ 475). Но въ примѣчаніи къ этому параграфу отмѣчено, что таксы оцѣнки различныхъ предметовъ, помѣщенныя въ Статутѣ, должно считать отмѣненными.

Расчетъ между собственникомъ и владѣльцемъ (добросовѣстнымъ и недобросовѣстнымъ) за улучшенія производится въ общемъ порядкѣ. Владѣлецъ отвѣчаетъ и за убытки, причиненные его крестьянами (§ 477); всѣ иски объ ущербѣ погашаются трехлѣтней давностью (§ 478).

Сохранены и правила о денежномъ вознагражденіи за *личныя обиды*—правила о безчестіи, или по мѣстной терминологіи—о „навязкѣ“, представляющія смѣсь литовскихъ постановленій съ общеимперскими. Дворянинъ, состоящій на службѣ, получаетъ, въ видѣ безчестія, годовой окладъ жалованья, а дворянинъ внѣ службы — отъ 12 до 48 руб. серебромъ; жена получаетъ вдвое противъ мужняго вознагражденія, дочь незамужняя вчетверо, а сынъ въ половину. Для горожанъ (кромѣ нѣкоторыхъ мѣщанъ Кіева, прим. къ § 485) мѣстныхъ постановленій по сему предмету нѣтъ, дѣйствуютъ общіе законы. Если же кто либо обозвалъ обиженнаго облыжно незаконнорожденнымъ и „при изслѣдованіи сего не докажетъ, то долженъ сознаться передъ судомъ въ своей лжи и сверхъ того уплатить обиженному двойное безчестье“; а если этотъ фактъ окажется истиннымъ, то безчестье не взыскивается вовсе [1]) (§ 479—488).

Очень подробно разработанъ раздѣлъ (III) *о порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества* (§§ 494 — 666). Здѣсь мѣстное

[1]) § 487, въ которомъ содержится это правило, почти дословно совпадающее со ст. 387 X тома, ч. 1 (по изданію 1835 г.), показанъ основаннымъ на Литовскомъ Статутѣ.

право выработало рядъ формальныхъ особенностей, отличающихъ его въ значительной степени отъ общаго.

Сводъ различаетъ акты: 1) крѣпостные, 2) предъявленные и 3) домашніе (§ 498). Первые должны быть включены въ актовыя книги при посредствѣ личнаго „сознанія“ [1]; акты предъявленные вносятся въ тѣ же книги, но это предъявленіе (oblata, aktykacja) не должно быть непремѣнно произведено лично тѣмъ, кто выдаетъ актъ, и не влечетъ за собой устраненія спора о собственности, который не допускается противъ сознанныхъ актовъ; наконецъ, домашніе акты освобождены и отъ этого обряда. Актовыя книги ведутся при гражданскихъ палатахъ, уѣздныхъ судахъ, магистратахъ и ратушахъ [2].

Ближайшее завѣдываніе ими ввѣряется надсмотрщикамъ („регентамъ“ прежняго времени), подъ наблюденіемъ секретаря и членовъ присутственныхъ мѣстъ. Эти книги распадаются на 1) книгу крѣпостей, 2) книгу прочихъ сознаваемыхъ актовъ, 3) книгу долговыхъ обязательствъ, 4) книгу прочихъ предъявленныхъ актовъ; при книгахъ ведется реестръ подъ названіемъ протокола. Палата укрѣпляетъ акты о переходѣ права собственности на любую сумму, а прочія учрежденія—до 1.000 р. ассиг.; къ предъявленію акты принимаются вездѣ, безъ ограниченія суммы.

Обрядъ „сознанія“ производится въ слѣдующемъ порядкѣ. Актъ подается надсмотрщику, который, допросивъ подателя о томъ, точно ли актъ имъ подписанъ и по доброй волѣ, разсматриваетъ его со стороны законности его и отсутствія запрещеній и другихъ препятствій;

---

[1]) Терминъ „сознаніе“, долженствующій, очевидно, передавать выраженіе „confessio“, терминъ безусловно неудачный, не есть изобрѣтеніе кодификаторовъ мѣстнаго свода. Въ рапортѣ II Отдѣленія „объ окончаніи догматическаго свода гражданскихъ законовъ“, съ 1 іюля 1827 года по 1 Генваря 1828, книга IV этого свода озаглавлена „о порядкѣ составленія и *сознанія* актовъ“, и этотъ терминъ употреблялся на всемъ протяженіи „догматическаго“ свода. См. бумаги графа Сперанскаго, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, картонъ 9. Но въ окончательной редакціи X тома, получившей силу закона, это слово почти вездѣ замѣнено другими и сохранилось только въ немногихъ статьяхъ, см., напр. ст. 589 (изд. 1835 г.). Впрочемъ, иногда этотъ терминъ встрѣчается и въ позднѣйшихъ актахъ, даже сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

[2]) Въ прим. 2 къ § 508 указаны тѣ учрежденія, куда переданы прежнія книги; Метрики Коронная и Литовская переданы въ Сенатъ; (впослѣдствіи Литовская Метрика была закрыта и документы, хранящіеся въ ней, перевезены въ московскій архивъ министерства юстиціи); архивъ литовскаго трибунала переданъ въ Виленскую гражданскую палату, остальныя—въ судебныя установленія по принадлежности.

о малѣйшихъ сомнѣніяхъ онъ доноситъ суду. Эта процедура отпадаетъ въ томъ случаѣ, если актъ написанъ при участіи надсмотрщика. Затѣмъ, документъ передается въ присутствіе, которое постановляетъ въ благопріятномъ случаѣ утвердить его и исчисляетъ количество пошлинъ; потомъ онъ снова возвращается надсмотрщику, который вписываетъ его въ выдержкѣ, „перечнемъ“ (§ 544), въ протоколъ, а въ актовую книгу—дословно; на актѣ отмѣчается засвидѣтельствованіе его подлинности и учиненнаго сознанія и, наконецъ, онъ вручается подателю, или кому указано въ самомъ документѣ (§§ 537 — 548). „Предъявленіе“ совершается въ томъ же порядкѣ, съ той лишь разницей, что на актѣ (и въ книгахъ) отмѣчается только, что онъ „podany do oblaty“.

Процедура допроса подателя, повѣрки акта и вписанія его въ книги регламентируется очень подробно. Документъ долженъ быть представленъ непремѣнно лично и непремѣнно въ канцеляріи (не на дому, что дозволялось по X тому, ст. 445, по изданію 1835 г.); исключенія допускаются только по особому опредѣленію присутствія, въ томъ случаѣ, если совершающій актъ по болѣзни лично явиться не можетъ. Надсмотрщикъ долженъ при малѣйшемъ сомнѣніи доводить дѣло до присутствія; обѣ эти инстанціи должны тщательно провѣрять законность актовъ. Незаконность актовъ можетъ происходить: 1) отъ ограниченія правъ участвующихъ въ сдѣлкѣ лицъ (напримѣръ, акты отказа имуществъ на какое либо вновь учреждаемое установленіе, такъ называемыя „эрекціи, фундаціи“, не могутъ быть принимаемы къ сознанію безъ надлежащаго дозволенія властей на совершеніе такихъ актовъ, § 559); 2) отъ свойства имущества, составляющаго предметъ акта (напримѣръ, акты на поіезуитскія имѣнія не принимаются къ сознанію безъ разрѣшенія министра финансовъ, § 569).

Въ губерніяхъ Волынской, Подольской и Кіевской всѣ вообще акты должны быть написаны по русски; въ прочихъ губерніяхъ дозволяется и польскій языкъ, но въ случаяхъ перехода права собственности они должны быть представлены въ переводѣ (§ 575); они должны быть изложены яснымъ и точнымъ слогомъ; они подписываются свидѣтелями, которыхъ должно быть не меньше трехъ (§ 585), причемъ въ этомъ качествѣ не допускаются: 1) женщины, 2) тѣ, въ пользу коихъ актъ составляется, и 3) тѣ, кои сами не могутъ по законамъ отъ своего имени совершать акты (§ 583). Образцовъ актовъ не приложено къ своду, напротивъ, въ примѣчаніи къ § 577 даже прямо

указано, что старинные образцы Короннаго Статута 1523 года, въ которомъ указано 8 различныхъ формъ, на латинскомъ языкѣ, и прежде не особенно соблюдались, а впослѣдствіи и вовсе утратили силу, а на практикѣ господствуютъ новыя и разнообразныя формы. За утвержденіе акта взыскивается особая канцелярская плата во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, кромѣ гражданскихъ палатъ (§ 592). Къ обозрѣнію книгъ допускаются заинтересованныя лица (§ 607).

Кромѣ указанныхъ выше присутственныхъ мѣстъ, акты могли быть предъявляемы къ сознанію и въ Метрикѣ, состоящей при Сенатѣ (§ 611—619) подъ наблюденіемъ метриканта; Метрика свидѣтельствовала всякіе документы, кромѣ купчихъ и закладныхъ крѣпостей, совершаемыхъ по мѣсту нахожденія недвижимостей. Особыя актовыя книги устраивались въ Кіевѣ на время кіевскихъ контрактовъ; для этой цѣли гражданская палата открывала особое присутствіе, причемъ въ это время дѣйствовали особыя упрощенныя правила, въ видахъ ускоренія дѣла [1]). Актовыя книги, открываемыя во время кіевскихъ контрактовъ, имѣли окончательную силу только для имуществъ въ этой губерніи лежащихъ; если же касались другихъ, то должны были быть перенесены въ теченіе года и 6 недѣль въ соотвѣтствующія другія книги, на общемъ основаніи [2]) (§§ 620—639).

Акты домашніе были трехъ родовъ. Къ первому принадлежали тѣ, для дѣйствительности которыхъ требовалась только подпись лица, выдающаго ихъ (счеты, условія о продажѣ строеній безъ земли); акты второго рода должны были быть утверждены подписью свидѣтелей; въ этотъ разрядъ отнесены всѣ акты, не принадлежащіе къ двумъ остальнымъ (§ 651); наконецъ, къ третьему роду относились завѣщанія, для дѣйствительности которыхъ необходимо представленіе въ судъ на утвержденіе. Допускалась бланковая выдача такихъ актовъ (§§ 645—656) [3]).

Для пріобрѣтенія правъ на недвижимости необходимъ помимо укрѣпленія акта еще и вводъ во владѣніе (wwiazanie), § 657, ко-

---

[1]) Въ цѣляхъ ускоренія было постановлено, что члены не должны выходить изъ присутствія, пока не окончатъ всѣхъ дѣлъ, того дня поступившихъ (§ 624).

[2]) Сохраненъ въ мѣстномъ сводѣ и порядокъ засвидѣтельствованія нѣкоторыхъ актовъ у маклерскихъ дѣлъ, гдѣ таковыя существовали (§§ 642 и слѣд.).

[3]) Конечно „бланковыя“ завѣщанія не могли имѣть силы, но подъ буквальный смыслъ § 655 можно и ихъ подвести.

торый производится уѣзднымъ судомъ, магистратомъ или ратушей или, наконецъ, гражданской палатой.

Порядокъ совершенія и свидѣтельствованія актовъ въ мѣстномъ сводѣ опредѣленъ гораздо болѣе подробно, чѣмъ въ общемъ. Въ первомъ этому предмету удѣлено 172 §§ (отъ 494 по 666), и во второмъ 156 статей (ст. 404—562, X тома по изданію 1835 г.) причемъ во многихъ параграфахъ имѣются ссылки на рядъ статей X тома, безъ повторенія ихъ содержанія, такъ что количество нормъ, посвященныхъ этому предмету, въ мѣстномъ правѣ значительно превосходитъ включенное въ общій сводъ. Можно смѣло сказать, что эта часть въ мѣстномъ *законодательствѣ* (— не на практикѣ) была поставлена лучше; несмотря на то вниманіе, которое удѣлялъ общій сводъ всѣмъ вопросамъ формальнаго, чисто обрядоваго характера, особенно, если съ этимъ было связано взысканіе какихъ либо сборовъ—всѣ правила его по этому предмету страдали и неопредѣленностью и недосказанностью. Вслѣдствіе этого, волокитѣ они открывали широчайшій просторъ и до крайности облегчали опытнымъ крючкотворамъ созиданіе искусственныхъ затрудненій, а ничьихъ правъ на дѣлѣ не ограждали. Но для кодификаторовъ составленіе этихъ статей, вѣроятно, представляло значительныя трудности. Имъ приходилось постоянно соединять постановленія, разбросанныя въ старинныхъ мѣстныхъ узаконеніяхъ съ правилами, вводимыми новыми указами русскаго происхожденія. А такихъ разрозненныхъ и собранныхъ (до нѣкоторой степени) вмѣстѣ правилъ было издаваемо въ разное время великое множество. Къ тому же, польское законодательство и русское исходили не изъ одинаковыхъ началъ.

Въ книгѣ третьей собраны, согласно принятой въ X томѣ системѣ, правила *„о порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества въ особенности“*. Въ первыхъ двухъ главахъ—о пожалованіи и о дареніи—преобладаютъ нормы общеимперскаго права; постановленія, взятыя изъ Литовскаго Статута, касаются только отдѣльныхъ частностей. Такъ, напримѣръ, въ § 676 прим. указано, что дареніе на случай смерти относится къ сдѣлкамъ дарственнымъ, а не завѣщательнымъ, и что въ связи съ этимъ вводъ во владѣніе такимъ имуществомъ долженъ быть сдѣланъ немедленно; далѣе, что пожертвованіе на вновь учреждаемое установленіе (фундація, эрекція) допускается не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія.

Мѣстную окраску получили институты *выдѣла* и *приданаго*. Выдѣлъ сыну лишаетъ послѣдняго правъ на наслѣдство послѣ роди-

теля, но составляетъ его безповоротное пріобрѣтеніе, хотя бы выдѣленное имущество и превосходило наслѣдственную долю [1]). Притомъ необходимо, чтобы былъ произведенъ именно выдѣлъ, а не простое дареніе (§ 695). Правила о приданомъ, помѣщенныя въ сводѣ, почти дословно повторены теперь въ X томѣ Свода Законовъ, ст. 1005 (изданія 1900 г.), дѣйствующей въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской. Пункты 1—8 этой статьи совпадаютъ съ §§ 701—708; 9-й — съ § 710; пунктъ 10 представляетъ нѣкоторое развитіе § 711, въ которомъ пропущенъ конецъ статьи отъ слова „запись на такую часть“ и пр.; пунктъ 11 дословно соотвѣтствуетъ § 712; 12-й пунктъ отличается отъ § 715 только тѣмъ, что „приданообезпечительная запись“ (терминъ Западнаго Свода) названа въ немъ „вѣновой“; наконецъ, 13-й пунктъ только нѣсколько иначе отредактированъ, чѣмъ § 719. Остальныя постановленія свода о приданомъ касаются деталей обрядовой стороны [2]).

Порядокъ совершенія, исполненія и утвержденія *духовныхъ завѣщаній* въ мѣстномъ правѣ отличался отъ общаго только очень незначительными особенностями (§§ 720—732). „Testamentifactio activa“ принадлежала всѣмъ свободнымъ лицамъ; „вольные“, на владѣльческихъ земляхъ живущіе люди, могли распоряжаться только одной третью движимости, остальное ихъ имущество переходило къ ихъ дѣтямъ, для того, чтобы они могли продолжать службу владѣльцу (§ 724); дозволялось завѣщать всякое имущество, кромѣ родового; крѣпостные крестьяне могли быть назначаемы наслѣдниками только въ случаѣ отпущенія ихъ на волю. Какихъ-либо ограниченій свободы завѣщаній (кромѣ, конечно, запрещенія завѣщать родовое имущество) мѣстное право не знаетъ: необходимаго наслѣдованія въ немъ нѣтъ.

Но *порядокъ наслѣдованія по закону* въ мѣстномъ правѣ опредѣлялся нѣсколько иначе, чѣмъ въ X томѣ. Правила Западнаго Свода уцѣлѣли въ тѣхъ статьяхъ X т., которыя относятся къ губерніямъ Черниговской и Полтавской. Въ п. I ст. 1133 X тома (изд. 1900 г.)

---

[1]) Этотъ вопросъ вызвалъ споры въ комитетѣ и долженъ былъ быть разрѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ, см. ниже гл. VIII.

[2]) Въ примѣч. къ § 716 помѣщенъ историческій экскурсъ о „посагѣ“ и „выправѣ“ Литовскаго Статута и „вѣнѣ“ съ „привѣнкомъ“ (третья часть имущества жениха, служащая обезпеченьемъ *вдовы*) и о „вѣновой записи“, опредѣлявшей размѣръ той суммы, за которую наслѣдники мужа должны были выкупать вѣновое имущество у вдовы (см. объ этихъ институтахъ *Лаппо*, В. К. Литовское, стр. 477), причемъ оговорено, что эти нормы должно почитать устарѣвшими.

сохраненъ § 749 [1]); во 2 п. § 750, въ 3—§ 752 [2]), въ 4—§ 754 [3]); въ 5—§ 755 и наконецъ въ 6—§ 756.

Мѣстное право признаетъ за нисходящимъ потомствомъ женскаго пола наслѣдственныя права въ нѣсколько—хотя и не значительно—большемъ объемѣ, чѣмъ общеимперское. Львиная доля наслѣдства, три четверти, идетъ въ раздѣлъ между сыновьями, одна четверть предоставляется дочерямъ. Доля дочерей, in abstracto, представляется нѣсколько большей, чѣмъ одна восьмая и одна четырнадцатая наслѣдства, на которыя можетъ претендовать дочь по X тому. Но и такое положеніе все же очень далеко отъ полнаго уравненія половъ въ наслѣдственныхъ правахъ. Преимущество дѣтей мужескаго пола и въ мѣстномъ правѣ слѣдуетъ объяснять тѣми же историческими причинами, которыя отразились на нормахъ великорусскаго гражданскаго права. Въ ту эпоху, когда составлялся Литовскій Статутъ, главное богатство дворянскаго класса заключалось въ недвижимостяхъ, съ которыми было связано служебное тягло. Въ интересахъ государства было, чтобы мужское поколѣніе, поставлявшее воиновъ, было состоятельно, дочери же должны были получить только на „прожитокъ“ [4]). По этимъ же соображеніямъ и московское право предоставляло сыновьямъ преимущество въ наслѣдственныхъ правахъ.

Далѣе, изъ нормъ, опредѣляющихъ порядокъ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ, общее правило § 757 дословно совпадаетъ со ст. 1134 X тома. То же самое слѣдуетъ сказать про § 759, соотвѣтствующій ст. 1136; наконецъ, ст. 1139 X тома буквально совпадаетъ съ п. 2 и 3 § 761 [5]). Родовое имущество переходитъ къ родичамъ, paterna paternis, materna maternis, благопріобрѣтенное слѣдуетъ судьбѣ отцовскаго родового; линіи наслѣдуютъ по близости степени. Счетъ степеней и линій опредѣляется по правиламъ, принятымъ въ X томѣ (§ 316; въ цитатѣ указанъ Литовскій Статутъ III, 17, IV, 72. 88).

---

[1]) Точнѣе—вторая половина этого параграфа.

[2]) § 751 говоритъ объ устраненіи отдѣленнаго сына отъ наслѣдства отца, но не отъ наслѣдства, пріобрѣтаемаго имъ по праву представленія.

[3]) § 753 опредѣляетъ наслѣдованіе сводныхъ дѣтей, которыя наслѣдуютъ только въ имѣніи своихъ родителей, а не вотчима или мачихи.

[4]) Такое объясненіе правилъ Статута о наслѣдованіи дочерей даетъ уже *Даниловичъ* (Юридич. Записки Рѣдкина I стр. 44), и оно совершенно убѣдительно. О „посполитомъ рушеніи“, т. е., объ общей мобилизаціи военныхъ дворянскихъ силъ государства, см. *Лаппо*, В. К. Литовское стр. 527 и слѣд., особенно же стр. 537 и слѣд.

[5]) Въ 1 пунктѣ указано, что братья наслѣдуютъ въ отцовскомъ и благопріобрѣтенномъ имуществѣ наслѣдодателя, исключая сестеръ.

Родственники по отцу называются „krewni po mieczu“, а съ материнской—„krewni po kądzieli“. Въ благопріобрѣтенномъ и родовомъ отцовскомъ сестра при братѣ не наслѣдница, материнское дѣлится поровну между братьями и сестрами (§ 761). Порядокъ наслѣдованія единоутробныхъ и единокровныхъ братьевъ и сестеръ опредѣляется такъ же, какъ во *второмъ* и послѣдующихъ изданіяхъ X т. (§§ 762—763).

Уцѣлѣли въ дѣйствующемъ правѣ и §§ 765 и 766 мѣстнаго свода, опредѣляющіе порядокъ наслѣдованія въ линіи восходящей. Эти правила сохранились въ ст. 1143 X тома изд. 1900 г. (для губерній Черниговской и Полтавской). Въ отличіе отъ общеимперскаго права, въ западныхъ губерніяхъ родители имѣли право наслѣдованія въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ дѣтей, умершихъ безъ потомства и безъ братьевъ и сестеръ.

Сохранился, далѣе, въ мѣстномъ правѣ Черниговской и Полтавской губерній и порядокъ наслѣдованія супруговъ, воспринятый Западнымъ Сводомъ (ст. 1157 X тома изд. 1900 г.). Пункты 1 и 3 дословно совпадаютъ съ §§ 768 и 770; п. 2 значительно расходится съ § 769, такъ какъ въ немъ выкинуто упоминаніе о томъ, что онъ относится только къ *движимости*, какъ сказано въ § 769; пунктъ 4 до нѣкоторой степени повторяетъ правило § 771, съ редакціонными измѣненіями. Въ 5 пунктѣ изложенъ § 772, но съ той разницей, что по Западному Своду вдова, при вступленіи во второй бракъ, отъ наслѣдниковъ мужа получаетъ денежное вознагражденіе по усмотрѣнію суда, а не четвертую часть имѣнія мужа въ пожизненное владѣніе, какъ предписано теперь для Малороссіи, въ X томѣ. Конецъ же этого 5 пункта ст. 1157 повторяетъ то, что сказано въ концѣ примѣчанія къ § 772, въ которомъ ближе описано это судебное вознагражденіе, „вѣнечное“, по терминологіи Статута. Оно должно равняться 36 руб. сер. Когда же имѣніе того не стоитъ, вдовѣ выдается четвертая часть въ пожизненное владѣніе, или половина оцѣночной суммы этой доли, если наслѣдники мужа пожелали бы послѣднюю выкупить. Если бы сводъ сталъ закономъ, то судамъ пришлось бы рѣшать вопросъ—является ли примѣчаніе къ § 772 также нормой дѣйствующаго права, или только историческимъ экскурсомъ. Далѣе, пунктъ 6 тожественъ съ § 774; въ п. 7, по сравненію съ § 775, нѣтъ только слова „сводныя“ дѣти вмѣсто „дѣти“ просто, какъ это выражено въ ст. 1157; пунктъ 8 дословно повторяетъ § 776. Послѣднихъ же пунктовъ (9 и 10) ст. 1157 X тома въ сводѣ мѣстныхъ законовъ нѣтъ вовсе.

Такимъ образомъ, по общему правилу супруги не имѣютъ взаимныхъ наслѣдственныхъ правъ на имущество, принадлежащее каждому въ отдѣльности на правѣ собственности. Въ раздѣлъ поступаетъ только *движимость*, пріобрѣтенная ими во время брака (acquêts, Errungenschaft), изъ которой одну треть или все получаетъ пережившій супругъ въ зависимости отъ того, конкурируютъ ли съ нимъ дѣти. Вдова, послѣ смерти мужа, получаетъ дѣтскую долю „во владѣніе по свою смерть", а если нѣтъ дѣтей, то треть мужнинаго имѣнія; она лишается этого имущества при вступленіи во второй бракъ. Вдова, вступившая во второй бракъ, послѣ второго мужа получаетъ въ пожизненное владѣніе часть, равную съ дѣтской, а если остается одинъ ребенокъ—то треть. Вдова, вышедшая за вдовца и прижившая съ нимъ дѣтей, получаетъ по его смерти (въ пожизненное владѣніе) изъ недвижимаго его имущества часть, равную со сводными дѣтьми; если не имѣла отъ него дѣтей, то владѣетъ частью, равною съ дѣтьми мужа отъ перваго его брака, пока снова не выйдетъ замужъ. На приданое, принесенное женой, мужъ, по смерти ея, никакихъ правъ не имѣетъ—оно переходитъ прямо къ ея наслѣдникамъ.

Всѣ эти правила наслѣдованія супруговъ являются совершенно логическими выводами изъ основныхъ принциповъ, опредѣляющихъ имущественныя отношенія супруговъ. Вотъ въ этомъ институтѣ литовское право подъ иноземнымъ (германскимъ) вліяніемъ сильно разошлось съ великорусскимъ.

Остальные порядки наслѣдованія въ имуществахъ выморочныхъ и въ случаяхъ, отъ общихъ правилъ изъятыхъ—въ мѣстномъ сводѣ интереса не представляютъ [1]); §§ 778—785 содержатъ только ссылки на общіе законы. Можно отмѣтить только порядокъ наслѣдованія въ ординацкихъ имуществахъ, который опредѣлялся особыми привилегіями [2]).

---

[1]) Стоитъ отмѣтить только § 781: „изъ движимаго наличнаго имущества и капиталовъ, оставшихся послѣ лицъ бѣлаго духовенства римско-католическаго исповѣданія, за удовлетвореніемъ долговъ, издержекъ на похороны и на поминовеніе и за пополненіемъ недостатка въ наличности церковной, если бы умершій оказался въ томъ виновнымъ, три части поступаютъ его наслѣдникамъ, а четвертая часть отдается той церкви или тому мѣсту, при которомъ умершій находился". Правило о такъ называемомъ „annus gratiae" вычеркнулъ ревизіонный комитетъ изъ первоначальнаго проекта; см. меморію засѣданія 20-го апрѣля 1836 года.

[2]) Такихъ „ординацій", своего рода семейныхъ фидеикомиссовъ, существовало три: ординаціи Несвижская, Олыцкая и Мирская, въ родѣ кн. Радзивилловъ, § 785, прим. 2.

Съ самостоятельными нормами мѣстнаго права приходится встрѣчаться только въ ученіи о *раздѣлѣ наслѣдства* (§§ 794—803), который бываетъ предварительный, если кто-либо изъ наслѣдниковъ не достигъ совершеннолѣтія, при чемъ лица, пріобрѣвшія имущество въ такомъ порядкѣ, еще не могутъ распоряжаться имъ, и окончательный, который происходитъ по общимъ законамъ. Раздѣляется имущество окончательно, даже и при наличности несовершеннолѣтнихъ претендентовъ на наслѣдство, если раздѣлъ происходитъ поколѣнно.

Но если въ области наслѣдственныхъ отношеній мѣстное право представляетъ въ самомъ дѣлѣ рядъ особенностей,—то этого вовсе нельзя сказать про ученіе о порядкѣ пріобрѣтенія *правъ* на имущество *мѣною и куплею*. Теорія договоровъ мѣны и купли-продажи, въ общемъ, очень сходна съ тѣмъ, какъ постановлено было въ общемъ законодательствѣ. Не вполнѣ ясно опредѣлена въ сводѣ мѣна недвижимыхъ имуществъ. Въ ревизіонномъ комитетѣ [1]) было рѣшено принять мѣну недвижимостей (zamiana) за двойную куплю, но §§ 809 и 810 отредактированы такъ, что изъ нихъ можно заключить, что мѣна подлежитъ всѣмъ правиламъ простой (не двойной) купли. Къ правиламъ о куплѣ-продажѣ, которыя въ X томѣ не блещутъ ни ясностью, ни содержательностью, прибавленъ рядъ спеціальныхъ постановленій мѣстнаго происхожденія (о возрастѣ лицъ, вступающихъ въ сдѣлку, о продажѣ имущества замужней женщиной), которыя являются выводами изъ воспринятыхъ въ сводѣ общихъ началъ ученія о право- и дѣеспособности (§§ 809—840). Говоритъ сводъ и объ очисткѣ, которая бываетъ двухъ родовъ—въ правѣ собственности (ewikcya), причемъ подъ этой эвикціей разумѣется обезпеченіе на случай отчужденія имущества (§ 841), и очистка въ долгахъ, каковая „отвѣтственность“ можетъ быть оставлена на продавцѣ, по взаимному уговору (§ 842). Къ этому параграфу приложено любопытное примѣчаніе, которое свидѣтельствуетъ, насколько при кодификаціи, въ погонѣ за „закономъ“, мало стѣснялись съ жизнью. Дѣйствительность безжалостно приносилась въ жертву мертвой или умирающей буквѣ писаннаго (подчасъ не всегда вѣрно записаннаго) права. Прим. 1: „Въ губерніяхъ Волынской, Подольской и Кіевской, по введенному съ давнихъ временъ обычаю, продажа недвижимыхъ имуществъ совершается посредствомъ трехъ, одновременно составляемыхъ и сознаваемыхъ особыхъ актовъ, изъ коихъ: *резигнаціонный контрактъ* со-

[1]) См. меморію засѣданія 20-го апрѣля 1836 г.

держитъ въ себѣ условія продажи; *донація* заключаетъ отказъ имѣнія и *квитъ* (Quitdepretio), т. е., квитанція или удостовѣреніе въ полученіи сполна условленной цѣны денегъ за проданное имѣніе. Первый изъ сихъ актовъ подписывается продавцемъ и покупщикомъ вмѣстѣ, а послѣдніе два однимъ токмо продавцемъ. Но обычай таковый, не бывъ основанъ на законѣ, не можетъ быть принятъ дѣйствующимъ правиломъ". А съ другой стороны особый „параграфъ" отведенъ суммамъ „поренкавичнымъ", т. е., „особо назначаемымъ по актамъ продажи покупщиками имѣній въ подарокъ женамъ продавцевъ". Объ этихъ суммахъ вспомнили, очевидно, потому что къ нимъ примѣнялось особое правило устава о пошлинахъ (§ 839).

Книга четвертая, объ обязательствахъ по договорамъ, также представляетъ собой сборникъ разрозненныхъ и не объединенныхъ общими принципами постановленій. Такихъ принциповъ составители свода не могли найти въ чистомъ видѣ, въ видѣ точно формулированныхъ тезисовъ ни въ данномъ имъ на образецъ X томѣ, ни въ старинныхъ мѣстныхъ источникахъ. „Создавать" же ихъ они не умѣли, да такое творчество и не разрѣшалось инструкціей. Къ казуистическимъ и случайнымъ правиламъ общаго свода прибавлены такія же спеціальныя замѣчанія, собранныя въ Литовскомъ Статутѣ и другихъ, польскихъ, узаконеніяхъ, а въ нихъ преобладаютъ, т. е., вѣрнѣе, бросаются въ глаза, правила, касающіяся внѣшней обрядовой стороны договоровъ, а не внутренняго ихъ содержанія.

Но въ нѣкоторыхъ институтахъ сохранились мѣстныя особенности. Такъ, напр., поручительство по Западному Своду можетъ быть заключено словесно, если касается долга не свыше 12 руб. сер. (§ 865); поручитель на срокъ не имѣетъ права отказываться отъ платежа, ссылаясь на отвѣтственность должника (не имѣетъ beneficium excussionis), а удовлетворивъ кредитора, прямо вступаетъ во всѣ его права и имѣетъ регрессъ противъ главнаго должника. Эти правила, §§ 868 и 869, до нынѣ дѣйствуютъ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской (ст. 1559 X т. изд. 1902 г.). Неустойка [1]) не можетъ превы-

[1]) Западный Сводъ знаетъ только договорную неустойку, законная неустойка между частными лицами вычеркнута изъ первоначальнаго проекта комитетомъ; см. меморію засѣданія 22-го апрѣля 1836 г. Какъ курьезъ, можно привести § 870, въ которомъ сказано, что „статьи общаго свода о ручательствѣ въ личныхъ наймахъ сохраняютъ силу въ Западныхъ губерніяхъ". Этотъ параграфъ показанъ основаннымъ на Литовскомъ Статутѣ (XII, 22), какъ будто Статуту уже была извѣстна статья „Общаго Свода Законовъ Гражданскихъ".

шать суммы обезпеченнаго обязательства, и отвѣтственность въ платежѣ ея переходитъ на наслѣдниковъ только послѣ предъявленія иска лицомъ, выговорившимъ себѣ эту неустойку, или въ случаѣ спеціальнаго уговора (§§ 873 и 875, теперь—для малороссійскихъ губерній—ст. 1586 X тома).

Удержались и по сей день въ малороссійскихъ губерніяхъ нѣкоторыя особенности *закладнаго* права, которыя должны были имѣть дѣйствіе во всемъ западномъ краѣ. §§ 882, 887, 888, 889, 890, 886 вполнѣ соотвѣтствуютъ пунктамъ 1—6 прим. къ ст. 1677 X тома[1]), а пунктъ 7 дословно повторяетъ примѣчаніе къ § 886. Въ этихъ параграфахъ нормируется закладъ движимостей, въ частности, заклады „на упадъ", т. е. подъ условіемъ потери его въ случаѣ невыкупа въ срокъ (lex commissoria). Въ случаѣ неуплаты закладодержатель пріобрѣтаетъ право собственности на закладъ, послѣ объявленія объ этомъ въ судѣ.

Еще болѣе подробно нормированъ залогъ недвижимостей. Въ обезпеченіе можно отдавать всякую недвижимость, право распоряженія которою принадлежитъ залогодателю[2]) (§§ 896—952); сводъ различаетъ генеральную ипотеку („общее" обезпеченіе, § 906) и спеціальную („особенное" обезпеченіе, § 907), хотя нельзя сказать, что эти рубрики въ немъ точно разграничены. Дѣйствіе обезпеченія начинается съ момента внесенія акта въ подвѣдомственныя актовыя книги; требованія, въ случаѣ стеченія ихъ, удовлетворяются по старшинству внесенія ихъ въ актовыя книги. Освобождается имущество изъ такого положенія общими способами прекращенія правъ; изъ особенныхъ слѣдуетъ указать на слѣдующіе: если заложенное имущество продается безъ перевода долга на новаго пріобрѣтателя, то по истеченіи трехлѣтняго срока, при отсутствіи иска, права прежнихъ кредиторовъ погашаются (§§ 917, 918). Залогъ не лишаетъ собственника права распоряженія заложеннымъ имуществомъ, § 908.

Особенно подробно нормированъ одинъ изъ видовъ спеціальной ипотеки, совершаемый въ формѣ обезпечительной записи. Этотъ видъ залога являлся способомъ помѣщенія (въ частныя руки) суммъ духов-

---

[1]) Различіе между текстами X тома и Западнаго Свода заключается только въ слѣдующемъ. Пунктъ 1 прим. къ ст. 1677 допускаетъ закладъ „на упадъ" только движимаго имущества, между тѣмъ какъ въ Западномъ Сводѣ этого ограниченія нѣтъ, и, даже, § 888, соотвѣтствующій п. 3 цитированной статьи, редактированъ категоричнѣе и короче.

[2]) Но не ожидаемое по наслѣдству имѣніе (§ 899 п. 2).

ныхъ установленій, суммъ малолѣтнихъ и суммъ, назначаемыхъ въ приданое (§ 929). Такія записи составлялись крѣпостнымъ порядкомъ (путемъ „личнаго сознанія"), объектъ залога долженъ былъ быть въ точности указанъ, и обезпеченная сумма оставалась долгомъ на имуществѣ при всѣхъ переходахъ его къ различнымъ владѣльцамъ. Запись создавала спеціальную ипотеку на опредѣленное имущество. Въ случаѣ недостаточности имущества для покрытія долга и несостоятельности обязавшагося, отвѣтственнымъ является лицо, принявшее имущество въ обезпеченіе (§ 941), т. е., очевидно, въ законѣ разумѣется то лицо, которое выступало представителемъ малолѣтнихъ, невѣсты или духовныхъ установленій. Отдача капиталовъ подъ обезпеченіе производится этими представителями съ разрѣшенія наблюдательныхъ инстанцій (министерства внутреннихъ дѣлъ, опекунскихъ мѣстъ). Жена можетъ потребовать полученныя ею въ приданое и выданныя подъ запись деньги не иначе какъ съ разрѣшенія мужа, а въ юго-западныхъ губерніяхъ для этого необходимо еще согласіе двухъ ближайшихъ ея родственниковъ (§ 965 и пр.). Деньги малолѣтнихъ могутъ быть выдаваемы подъ запись на срокъ не долѣе достиженія ими совершеннолѣтія (§ 960). Однимъ словомъ, обезпечительная запись въ то время замѣняла собой такъ называемыя mündelsichere Papiere [1]), вѣрныя процентныя бумаги, въ которыя могутъ быть, въ наше время, помѣщаемы капиталы, принадлежащіе субъектамъ правъ, не могущимъ лично слѣдить за своими интересами. Обезпечительная запись предполагаетъ длительное помѣщеніе капитала.

Прямую противоположность этой ипотечной формѣ залога составляетъ *заставный договоръ*, посредствомъ котораго „недвижимое имущество, представленное въ обезпеченіе обязательства, поступаетъ во владѣніе лица, принимающаго оное въ обезпеченіе, съ предоставленіемъ ему права пользоваться вмѣсто процентовъ съ выданной суммы—доходами съ имѣнія до выкупа его въ опредѣленный въ обязательствѣ срокъ" (§ 967). Эта „заставная сумма" должна быть соразмѣрна доходамъ имѣнія, иначе отдающій можетъ выговорить себѣ право на добавочный платежъ, „аддитаментъ" (§ 974). По старому праву такой договоръ могъ быть заключаемъ на неопредѣленное время, и застава, практически замѣняя передачу въ собственность, являлась обычнымъ средствомъ для обхода законовъ, запрещающихъ различ-

[1]) Или современныя ипотеки, представляющія вѣрное обезпеченіе; слѣдуетъ, впрочемъ, указать на то, что обезпечительныя записи не могутъ быть передаваемы по надписямъ, § 1087, примѣч.

нымъ категоріямъ лицъ (напр., не дворянамъ) владѣть недвижимостями (въ частности, населенными имѣніями). Иногда заставы заключались „на упадъ", т. е., съ условіемъ потери имѣнія въ случаѣ не выкупа его на срокъ; впослѣдствіи эти условія вышли изъ употребленія (§ 978, прим. 2).

Но въ 1827 году 14-го іюля былъ изданъ указъ (П. С. З. № 1241, п. 1 и 3), въ силу котораго максимальная продолжительность срока заставы была сокращена до 9 лѣтъ; первоначальный договоръ могъ быть заключенъ на 3 года, и допускались еще 3 отсрочки, каждая на 3 года; за каждую отсрочку взималось 10 рублей, да гербовый сборъ, уплачиваемый при первоначальномъ установленіи заставы. Тогда же были запрещены заставы въ обходъ законовъ, т. е., отдача дворянскаго имѣнія въ заставу не дворянину (§ 970). Начало первенства признано въ полной мѣрѣ и для заставъ—дѣйствительна только вписанная въ книги раньше другихъ. Долги, на имѣніи лежащіе, должны быть распредѣлены между заставодержателемъ и собственникомъ въ самомъ договорѣ (§ 980). Заставный владѣлецъ пользуется всѣми доходами съ имущества и можетъ производить всякія улучшенія, за каковыя онъ получаетъ по окончаніи договора вознагражденіе отъ собственника; оба контрагента могутъ распоряжаться своими правами, если противное не установлено въ договорѣ. Прекращается правоотношеніе обыкновеннымъ способомъ.

Какъ видно, въ сводѣ довольно подробно нормированъ рядъ институтовъ закладнаго права на недвижимости. Мѣстное право предусматриваетъ общую форму залога, простую ипотеку, спеціальную ипотеку и заставный договоръ. Хотя всѣ эти институты охарактеризованы только въ общихъ чертахъ, и законодательная постановка ихъ далека отъ совершенства, все же правила мѣстнаго свода неизмѣримо выше разрозненныхъ статей X тома, особенно если сравнить ихъ съ современнымъ Западному Своду первымъ изданіемъ Свода Законовъ 1835 г. Въ общеимперскомъ, гражданскомъ правѣ, по первому изданію Свода Законовъ, не содержалось почти ни одной нормы, которая касалась бы существа закладнаго права; не было даже элементарнѣйшаго правила о томъ, что закладныя удовлетворяются въ порядкѣ старшинства; X томъ говорилъ только о формальностяхъ, необходимыхъ при заключеніи договора, и о разныхъ формальныхъ ограниченіяхъ и запретахъ. Да и въ настоящее время дѣйствующее русское закладное право, въ сущности, стоитъ ниже ипотечной системы Западнаго Свода.

Слѣдуетъ остановиться еще на одномъ институтѣ мѣстнаго права, неизвѣстномъ въ качествѣ самостоятельнаго типа общему своду, именно, *на договорѣ о пожизненномъ владѣніи*. Это договоръ, въ силу котораго „два лица уславливаются, что то изъ нихъ, которое останется въ живыхъ по смерти другого, получитъ въ пожизненное свое владѣніе все благопріобрѣтенное имущество, послѣ него оставшееся" (§ 1015). Такія „Zapisy dozywocia" заключались преимущественно супругами между собой (прим. 2 къ § 1015). Дѣйствіе договора начиналось только по смерти одного изъ контрагентовъ; вступая въ обладаніе имуществомъ, владѣлецъ обязанъ нести всѣ повинности, лежащія на немъ, но можетъ безотчетно пользоваться имъ, не разоряя его, напр., истребленіемъ лѣса, и не обременяя долгами. За такія „abusus advitalitatis" (§ 1028) онъ отвѣтствуетъ передъ собственникомъ.

Мало разработана матеріальная сторона договора *найма и аренды*. Какъ это ни странно, но въ сводѣ почти совсѣмъ не отразились мѣстные обычаи, которые несомнѣнно должны были образоваться вокругъ этихъ институтовъ, и слабые намеки на которые иногда сквозятъ черезъ текстъ статей (напр. § 1058, § 1054). Всѣ матеріальныя нормы заглушены различными формальными и ограничительными постановленіями, созданіями X тома. Поэтому изъ Западнаго Свода нельзя извлечь бытовой картины и жизненной обстановки этихъ институтовъ. Слѣдуетъ отмѣтить категорическое воспрещеніе закона (1823 г. мая 9, Полн. Собр. Зак. № 29459) арендатору подъ какимъ бы то ни было видомъ передавать свои права другому лицу (§ 1059). Такая передача возможна только путемъ новаціи арендного договора. Къ § 1031 прибавлено длинное примѣчаніе объ „эмфитеутичномъ пользованіи казенными пустопорозжими землями", которое практиковалось въ прежнее время. Земли сдавались на 50 лѣтъ, и по окончаніи этого срока все на нихъ возведенное поступало въ казну. Ревизіонный комитетъ въ виду отсутствія упоминанія объ эмфитевзисѣ въ указѣ 24-го ноября 1821 года, призналъ, что эмфитевзисъ запрещенъ между частными лицами.

Въ ученіи о *займѣ* наиболѣе интересенъ отдѣлъ о передачѣ заемныхъ обязательствъ (§§ 1087 и слѣд.), которая, по предписанію Литовскаго Статута, должна быть изложена непремѣнно на письмѣ при 2 свидѣтеляхъ, если сумма займа болѣе 12 руб. (§§ 1064, 1075). Судя по примѣчанію къ § 1092, такіе „облиги" и „скрипты", обращающіеся по надписямъ, были распространены не только въ эпоху составленія свода, но существовали и раньше; посредствомъ „бланке-

товъ“ или „мембранъ“ можно было въ старину даже производить заемъ черезъ третье лицо: существовали особенные „инеквитаціонные облиги“, „по коимъ должникъ въ случаѣ неуплаты на срокъ долга предоставлялъ заимодавцу получить вводъ въ показанное въ обязательствѣ недвижимое имѣніе и владѣть имъ какъ бы по заставному праву впредь до выкупа“ [1]).

О договорѣ *личнаго найма* сводъ также не даетъ полнаго и жизненнаго представленія. Всѣ самобытныя постановленія его сводятся къ тому, что слуга имѣетъ право требовать, отходя отъ господина, выдачи ему аттестата, за подписью господина и свидѣтеля, о честной службѣ. Слуга, отходящій самовольно безъ аттестата, подвергается полицейскому взысканію. Если же господинъ не даетъ аттестата по упрямству, то слуга, въ крайнемъ случаѣ, можетъ получить его изъ суда (§ 1111). За обиды и убытки, причиненные наемными слугами, господинъ отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если слуга дѣйствовалъ по его приказанію (§ 1112) [2]). А въ остальномъ мѣстный сводъ отсылаетъ къ общему.

На постановленіяхъ мѣстнаго свода о *довѣренности* (§§ 1113—1128) нѣтъ надобности останавливаться, такъ какъ они не даютъ ничего самостоятельнаго по отношенію къ общему своду.

Книга *пятая „о производствѣ дѣлъ безспорныхъ порядкомъ исполнительнымъ“*, въ общемъ, близко слѣдуетъ, дѣйствовавшимъ въ то время, правиламъ общихъ гражданскихъ законовъ. Слѣдуя имъ, и мѣстный сводъ, съ одной стороны, различаетъ дѣла по обидамъ, ущербамъ имуществъ и по завладѣніи, а также и дѣла по обязательствамъ, необезпеченнымъ недвижимымъ имуществомъ, которыя вѣдаются полиціею (ср. §§ 1135—1138, 1164—1167), а съ другой—дѣла по обязательствамъ, обезпеченнымъ недвижимостью, которыя подсудны уѣзднымъ судамъ и магистратамъ (§ 1139 и слѣд., 1156 и слѣд.). Отсутствіе оригинальныхъ мѣстныхъ нормъ въ этой области права неудивительно, такъ какъ весь этотъ ускоренный порядокъ процесса является созданіемъ имперскаго законодательства, отдѣльные акты

---

[1]) Эти инеквитаціонные облиги, своего рода „Exectivurkunden“, повидимому, представляютъ нѣкоторую аналогію съ римскими займами, съ pacto de ingrediendo.

[2]) Въ X томѣ соотвѣтствующее правило (ст. 2235 по изд. 1900 г.) появилось только во второмъ изданіи Свода Законовъ, и заимствовано оно изъ Западнаго Свода (объ этомъ подробнѣе см. ниже, послѣднюю главу); эта статья 2235 дополняется и отчасти измѣняется ст. 687, основанной на законѣ 21 марта 1851 г.; § 1112 основанъ на Литовскомъ Статутѣ.

котораго получили примѣненіе въ западномъ краѣ уже послѣ присоединенія его къ Имперіи. Изъ своеобразныхъ постановленій слѣдуетъ указать на § 1150, по силѣ котораго полиція въ дѣлахъ о завладѣніи возвращаетъ имущество „послѣднему, въ чьемъ спокойномъ владѣніи оно находилось болѣе четырехъ недѣль до начавшагося дѣла“ [1]). Въ этотъ же раздѣлъ были включены и нѣкоторыя правила Литовскаго Статута о судебной продажѣ заложенной движимости и о присужденіи въ собственность кредитору движимости, заложенной „на упадъ“.

Переходъ дѣлъ изъ полицейскихъ мѣстъ въ высшія, судебныя, въ случаѣ неудовольствія рѣшеніемъ ихъ, сохраненъ такой же, какъ и въ общемъ сводѣ (изд. 1835 года).

Правила, содержащіяся въ этой книгѣ, вообще очень сближены съ соотвѣтствующими постановленіями общаго свода; въ этомъ отношеніи особенное рвеніе проявилъ, какъ уже выше указано, ревизіонный комитетъ. Такъ, изъ меморіи засѣданія 19-го февраля 1836 г. видно, что Ордынскому было спеціально поручено, изъ сдѣланной имъ работы о суммарійномъ процессѣ, составить, по образцу общаго свода, книгу о производствѣ дѣлъ безспорныхъ порядкомъ исполнительнымъ. Мѣстные, польскіе и литовскіе, источники выработали отдѣльные виды упрощеннаго судопроизводства по дѣламъ вексельнымъ, облиговымъ, по выкупамъ изъ заставы и др. [2]), но, въ сущности, суммарійный процессъ, по основной своей идеѣ, не представлялъ собой процесса необыкновенно ускореннаго, какимъ долженъ былъ быть исполнительный порядокъ общаго свода, который состоялъ только изъ „непосредственнаго приложенія закона“ (ст. 1472 зак. гражд. въ изданіи 1835 г.). Суммарійный процессъ, предназначенный преимущественно для ликвидаціи обязательственныхъ притязаній, былъ только нѣсколько быстрѣе, чѣмъ вотчинный, вотъ и все; поэтому и неудивительно, что кодификаторамъ, желавшимъ во что бы то ни стало ввести общеимперскія нормы, пришлось въ этой области всецѣло основываться на общеимперскомъ законодательствѣ, игнорируя отдѣльныя, разрозненныя и случайныя, постановленія мѣстныхъ источниковъ. Иначе говоря, пришлось весь обще-

---

[1]) Ученіе о владѣніи, какъ о самостоятельномъ институтѣ, въ мѣстномъ сводѣ разработано столь же неудовлетворительно, какъ и въ общемъ. Прямыхъ постановленій о немъ очень мало; ихъ почти вовсе нѣтъ. Общую теорію владѣнія можно создать только по разрозненнымъ статьямъ, да и то съ натяжками.

[2]) См. объ этомъ, напримѣръ, у *Коровицкаго*, Proces ciwilny litewsky (1826 г.), §§ 77 и 80, о суммарійномъ реестрѣ.

имперскій порядокъ производства дѣлъ безспорныхъ перенести въ мѣстный сводъ in complexu. И такъ какъ прямого закона, распространяющаго дѣйствіе соотвѣтствующихъ указовъ на западный край, не было, то кодификаторы подыскали очень фантастическое основаніе для такого заимствованія.

Они нашли его въ четвертомъ параграфѣ 54 артикула 4 раздѣла Литовскаго Статута, гдѣ сказано: „а есть-ли бы въ семъ Статутѣ чего недоставало, то судъ имѣетъ то разбирать и рѣшить, преклоняясь ближе къ справедливости, по совѣсти своей и *примѣняясь къ примѣру протчихъ христіанскихъ законовъ*" (цитировано по переводу 1811 г.).

Это правило было истолковано кодификаторами въ томъ смыслѣ, что надо слѣдовать примѣру ближайшихъ *сосѣднихъ* христіанскихъ законовъ, въ данномъ случаѣ,—русскихъ [1]). Противъ включенія общеимперскихъ законовъ въ мѣстный сводъ протестовали члены комитета Бучинскій и Ляпуновъ (представители мин. юстиціи), указывая на то, что по закону 24-го февраля 1819 г. (№ 27691) предписано было не приводить въ западномъ краѣ въ дѣйствіе правилъ банкротскаго устава о взысканіяхъ по векселямъ и облиговымъ дѣламъ, и что такое же ограниченіе (по мѣсту дѣйствія) было введено закономъ 21-го декабря 1827 г. (Полн. Собр. Зак., № 1634). Но большинство комитета возражало противъ такого разсужденія, указывая на то, что законъ 1819 года устранялъ дѣйствіе банкротскаго устава не окончательно, а лишь „впредь до дальнѣйшаго разсмотрѣнія польскихъ законовъ", а законъ 1827 г. относился къ спорнымъ, а не безспорнымъ дѣламъ. Такое измѣненіе судопроизводственнаго порядка въ западномъ краѣ, по мнѣнію большинства комитета, являлось вполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ присоединенія его къ Имперіи, во времена польскаго владычества онъ не могъ существовать уже потому, что тогда еще вовсе небыло полиціи. Когда же по присоединеніи края къ Россіи тамъ была введена полиція по русскому образцу, то она должна была дѣйствовать тамъ на тѣхъ же правахъ, какъ и въ остальной Имперіи, слѣдовательно, она получила въ западныхъ губерніяхъ тѣ же судебныя функціи, какими пользовалась и въ другихъ.

---

[1]) Это курьезное разсужденіе, приведенное не въ видѣ шутки, а какъ серьезная мотивировка, было выставлено въ ревизіонномъ комитетѣ, см. А. Г. С. по Департаменту Законовъ, дѣло № 50—60, 1838 г. (1461) представленіе II Отдѣленія. Впрочемъ, тотъ же аргументъ можно найти и въ другомъ дѣлѣ—см. II Полн. Собр. Зак., № 15520.

Но въ виду разногласія и несомнѣнной шаткости аргументаціи большинства, дѣло было внесено въ Государственный Совѣтъ съ тѣмъ, чтобы онъ санкціонировалъ проектированныя статьи мѣстнаго свода. Это представленіе II Отдѣленія было разсмотрѣно имъ и утверждено Государемъ. Прежнія же постановленія о суммарійныхъ дѣлахъ были включены въ судопроизводственныя правила по дѣламъ исковымъ и изложены въ III части свода.

Наиболѣе обширныя отступленія отъ общихъ порядковъ содержитъ *третья* часть свода, *„законы о судебныхъ обрядахъ, о судопроизводствѣ и о мѣрахъ гражданскихъ взысканій“*, распадающаяся на 3 книги.

До присоединенія западнаго края, судами первой инстанціи являлись земскіе и городскіе суды для дворянъ и магистраты для горожанъ; надъ ними въ качествѣ высшей инстанціи стояли трибуналы: коронный (для коронныхъ провинцій, т. е., губерній Кіевской, Волынской и Подольской) и литовскій (для литовскихъ мѣстностей, впослѣдствіи губ. Минской, Виленской и Гродненской), а также суды ассесоріальные. Для особыхъ видовъ дѣлъ существовали суды подкоморскіе, референдарскіе, комиссіи скарбовыя, войсковыя и др. Компетенція ихъ была очень запутанная. Эти судебныя мѣста вскорѣ по присоединеніи были замѣнены общеимперскими, но въ 1796 году отчасти возстановлены вновь (суды главные, земскіе, гродскіе и подкоморскіе), а для дѣлъ, относящихся къ казенному интересу, учреждены надворные суды. Эти послѣдніе были упразднены въ 1801 г.; земскіе суды въ 1832 г. были переименованы въ уѣздные, главные—въ палаты уголовнаго и гражданскаго суда, а гродскіе и подкоморскіе упразднены окончательно въ этомъ же году [1]). Такимъ образомъ, въ моментъ составленія свода, въ западномъ краѣ вопросы судоустройства опредѣлялись общимъ губернскимъ учрежденіемъ. Точнѣе: изъ „Свода Общаго Губернскаго Учрежденія“ книга I дѣйствовала въ полномъ объемѣ (за очень немногими изъятіями); изъ II—примѣнялись раздѣлы 3-й и 4-й; изъ III—раздѣлы 2-й и 4-й раздѣлъ 3-й (см. объ этомъ § 1176).

Мѣстныя изъятія касались: 1) судебныхъ засѣданій, 2) установленій, при судебныхъ мѣстахъ состоящихъ и 3) порядка производства въ судебныхъ мѣстахъ дѣла; всѣ эти изъятія подробно описаны въ отдѣльныхъ раздѣлахъ первой книги (о судебныхъ обрядахъ) III части свода.

---

[1]) Эти свѣдѣнія приведены въ примѣч. къ § 1175.

Въ первомъ опредѣляются *„сроки судебныхъ засѣданій"*, такъ называемыя „каденціи", по современной терминологіи—„сессіи" [1]). Такъ уѣздные суды (вездѣ кромѣ Волынской губ.) имѣли три срока засѣданій; существовали каденціи: Крещенская, начинающаяся 7-го января, Троицкая и Михайловская, открывавшаяся въ первый присутственный день послѣ праздника св. Михаила (30-го сентября); гражданскія палаты засѣдали въ два срока—съ 20-го февраля по 20-го іюля и съ 20-го сентября по 20-го декабря (§ 1179 прим.). По окончаніи разбора всѣхъ дѣлъ сессіи, до наступленія новаго срока, продолжались вакаціи; на это время оставался для отправленія „слѣдственныхъ" и „формальныхъ" дѣлъ необходимый составъ присутствія.

При судебныхъ мѣстахъ состояли (объ этомъ трактуетъ 2-й раздѣлъ) актовыя книги, о которыхъ сказано выше, и установленіе адвокатовъ.

При каждой гражданской палатѣ полагалось по штату 12, при уѣздномъ судѣ 10, при магистратѣ—5 *адвокатовъ* (§ 1201). Адвокаты должны были обладать учебнымъ цензомъ, но какимъ—сводъ въ точности не указываетъ (§ 1203 говоритъ объ окончаніи ученія въ „какомъ-либо" учебномъ заведеніи), такъ какъ по этому поводу ничего опредѣленнаго не было сказано и въ старинныхъ источникахъ.

Этотъ вопросъ ревизіонный комитетъ предполагалъ рѣшить въ законодательномъ порядкѣ. Въ запискѣ, составленной по этому предмету во II Отдѣленіи, на основаніи сужденій въ ревизіонномъ комитетѣ, и внесенной въ Государственный Совѣтъ, предполагалось ввести требованіе ученаго ценза, въ видѣ аттестата объ окончаніи курса юридическаго факультета россійскаго университета, съ тѣмъ, чтобы это новое правило вступило въ силу черезъ 5 лѣтъ послѣ изданія свода. Государственный Совѣтъ съ этимъ вполнѣ согласился, какъ въ департаментахъ, такъ и въ общемъ собраніи, однако Государь не принялъ такого мнѣнія и положилъ 8-го іюня 1838 г. слѣдующую, весьма характерную, резолюцію: „Мое мнѣніе, что адвокаты,

---

[1]) Устройство такихъ періодическихъ сессій, каденцій, или какъ ихъ въ древности называли—„роковъ" (см. *Лаппо*, статья „Земск. суд. въ В. К. Литовскомъ", *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1897, іюнь стр. 278; въ этой статьѣ приведены интересныя свѣдѣнія о древнемъ—XVI столѣтіе—судоустройствѣ и судопроизводствѣ, см. напримѣръ стр. 285 и слѣд.) относится къ отдаленнымъ временамъ. *Даниловичъ* (*Юрид. Зап. Рѣдкина,* I стр. 39) объясняетъ ихъ тѣмъ, что судьи были выборные, и судебныя засѣданія пріурочивались къ такимъ временамъ года, когда судьи были сравнительно свободны отъ хозяйственныхъ (земледѣльческихъ) работъ.

гдѣ есть, болѣе гибель, чѣмъ польза, поэтому затруднить право на сіе званіе будетъ благодѣтельная мѣра, что достигнется, когда "непремѣннымъ условіемъ принять докторскій аттестатъ Россійскихъ университетовъ" [1]).

Кромѣ того, готовящіеся къ адвокатскому званію должны были проходить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ стажъ, подъ наблюденіемъ канцеляріи суда или адвоката, и обладать правами состоянія того сословія, при судѣ котораго они состояли (при уѣздныхъ судахъ и палатахъ необходимо дворянское состояніе). Изъ числа кандидатовъ, удовлетворяющихъ этимъ условіямъ, судъ избиралъ адвокатовъ на открывающіяся вакансіи. Съ этимъ званіемъ были связаны обязанности трехъ категорій: 1) по отношенію къ суду—адвокаты обязаны вести себя пристойно и почтительно (§§ 1217—1221), 2) относительно довѣрителей—они обязаны исполнять честно и добросовѣстно принятыя на себя порученія и довольствоваться той платой, которая назначена имъ тяжущимися добровольно (§§ 1222—1229), и наконецъ, 3) относительно своихъ учениковъ (апликантовъ)—они должны ихъ обучать и снабдить, по окончаніи ученія, свидѣтельствомъ. За нарушеніе этихъ обязанностей адвокаты подлежали отвѣтственности; въ частности, жалобы вѣрителей на адвокатовъ, записываемыя въ „тактовыя" книги, разбирались судомъ немедленно безъ тяжебнаго производства. Западному Своду неизвѣстенъ такъ называемый „Anwaltszwang", для веденія дѣла не необходимо участіе адвоката; тяжущійся могъ выступать лично, или дѣйствовать черезъ повѣреннаго *не* изъ адвокатовъ.

Тяжебныя дѣла (раздѣлъ III) распадаются на слѣдственныя и формальныя; первый порядокъ примѣняется въ тѣхъ процессахъ, гдѣ участвуетъ въ дѣлѣ казна или юридическія лица публичнаго права [2]);

---

[1]) См. цитированное выше дѣло Департамента Законовъ, № 50—60, 1838 года (1461). Слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ рапортахъ мѣстной администраціи адвокаты выставлялись какъ главные зачинщики смуты въ западномъ краѣ; объ этомъ подробнѣе см. главу IX.

[2]) „§ 1243. *Слѣдственно-тяжебныя* дѣла суть: 1) Дѣла, въ коихъ участвуетъ казна. Сюда принадлежатъ: а) споры о недвижимыхъ имуществахъ между казною и частными людьми; б) споры о недвижимыхъ имуществахъ между различными казенными управленіями; в) споры о людяхъ и крестьянахъ между казною и частными лицами; г) споры о лѣсныхъ угодьяхъ, о казенныхъ и оброчныхъ статьяхъ и объ арендныхъ и старостинскихъ имѣніяхъ; д) споры о нарушеніи межевыхъ границъ въ казенныхъ имѣніяхъ и объ отдѣленіи казенныхъ земель и лѣсныхъ угодій. 2) Дѣла о ленныхъ имѣніяхъ. 3) Дѣла о поіезуитскихъ имѣніяхъ. 4) Дѣла монастырей, церквей,

второй—въ дѣлахъ частныхъ лицъ. Тяжебный порядокъ опредѣляется общимъ сводомъ, для формальнаго существуютъ мѣстныя правила. По

архіерейскихъ домовъ и другихъ духовныхъ учрежденій греко-россійскаго, греко-унитскаго, римско-католическаго и армянскаго исповѣданій, а равно и дѣла, относящіяся до церквей евангелическо-реформатскихъ и до духовной собственности магометанскаго духовенства. *Примѣчаніе.* Сюда не относятся однако же дѣла о имуществахъ, принадлежащихъ собственно лицамъ духовнаго званія и не составляющихъ духовнаго имущества. 5) Дѣла до духовныхъ и прочихъ фундушей относящіяся. 6) Дѣла о имуществахъ, принадлежащихъ богоугоднымъ, ученымъ, учебнымъ и другимъ общественнымъ заведеніямъ. 7) Дѣла дворянскихъ, городскихъ и сельскихъ мірскихъ обществъ. 8) Дѣла о вознагражденіи частныхъ лицъ за недвижимыя имущества, отходящія изъ ихъ владѣнія на государственное или общественное употребленіе. 9) Дѣла о завладѣніи и порчѣ дорогъ, бечевниковъ, мостовъ и другихъ предметовъ, предназначенныхъ въ общественное пользованіе. Всѣ таковыя дѣла производятся въ судебныхъ мѣстахъ по правиламъ, книги VI Общаго Свода Законовъ Гражданскихъ постановленнымъ.

1799 Августа 19-го (19090); декабря 8-го (19218).—1804 Іюля 12-го (21394).—1812 Сентября 30-го (25241). — 1819 іюня 23-го (27853). — 1821 марта 28-го (28601); 1823 января 31-го (29294). — 1827 мая 31-го (1138). — 1829 февраля 4-го (2649).—1831 сентября 17-го (4806).—1834 сентября 10-го (7389).—Ср. также узаконенія, приведенныя въ статьяхъ 2062 до 2088 и въ раздѣлѣ V Общаго Свода Законовъ Гражданскихъ.

Примѣчаніе. Дѣла, исчисленныя въ семъ §, также какъ и дѣла уголовныя, съ давняго времени производятся во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ западнаго края на русскомъ языкѣ.

§ 1244. *Формальный* порядокъ производства въ судебныхъ мѣстахъ дѣлъ установленъ единственно для разбирательства тяжбъ, производящихся между частными лицами. Изъ сего исключаются однако же: 1) Дѣла о вознагражденіи за личныя обиды. 2) Дѣла гражданскія, подлежащія вѣдомству совѣстныхъ судовъ, какъ то: а) тяжбы, по коимъ спорящіеся сами, по обоюдному согласію, а не по односторонней просьбѣ прибѣгнутъ къ разбирательству совѣстнаго суда; и б) спорныя дѣла между родителями и дѣтьми по имуществу и всякаго рода искамъ по обязательствамъ. 3) Споры, возникающіе между судопромышленниками и береговыми владѣльцами о ущербахъ, взаимно причиняемыхъ. 4) Споры казенныхъ крестьянъ какъ между собою, такъ и съ частными лицами о собственномъ, а не общественномъ ихъ имуществѣ. 5) Дѣла о людяхъ, отъискивающихъ свободы изъ помѣщичьяго владѣнія. 6) Дѣла о бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ. 7) Дѣла, касающіяся правъ собственности сочинителей, переводчиковъ и издателей. 8) Споры о привилегіяхъ. Всѣ таковыя дѣла производятся и рѣшаются въ судебныхъ мѣстахъ по правиламъ, книги VI Общаго Свода Гражданскихъ Законовъ установленнымъ.

1828 Іюля (2147).—1833 Декабря 3-го (6599).—1835 Октября 8-го (8456). Ср. также узаконенія, приведенныя въ семъ раздѣлѣ и въ раздѣлѣ V Общаго Свода Законовъ Гражданскихъ".

О томъ, что примѣненіе того или другого изъ этихъ способовъ производства дѣла зависитъ отъ личности тяжущихся, прямо сказано въ § 1311.

объекту спора судопроизводство распадается на вотчинное и исковое (§ 1308). Къ первому относятся споры о правѣ собственности на недвижимости, о дворовыхъ людяхъ и крестьянахъ, о городскихъ, пригородныхъ недвижимостяхъ, объ угодьяхъ и о правѣ собственности на движимости. Къ исковому: споры по договорамъ и обязательствамъ, по взысканiямъ за убытки и споры по разсчетамъ между вотчинниками и временными владѣльцами (§§ 1309—1314). Помимо послѣдствiй, естественно вызываемыхъ самимъ существомъ различiя объектовъ этихъ процессовъ, за исковыми дѣлами спецiально было оставлено первенство въ очереди слушанiя; они слушались предпочтительно всѣмъ прочимъ (§ 1264). Разбирательство дѣла должно начинаться съ вчиненiя иска, или, какъ сказано въ сводѣ, съ того момента, какъ истецъ изъявляетъ свое требованiе въ „позывѣ" (§§ 1380 и 1381). Этотъ позывъ вносится по открытiи того засѣданiя, на которое позванъ отвѣтчикъ [1] (§ 1255), въ судебныя книги, при чемъ если дѣло вотчинное—въ реестръ ординарный, а если исковое —въ реестръ суммарiйный (§§ 1247, 1248); палата ведетъ кромѣ того книгу частныхъ жалобъ (реестръ ремиссiонный), апелляцiонныхъ жалобъ (реестръ апелляцiонный) и книгу дѣламъ исковымъ (реестръ облиговый). Въ книги вносится выписка изъ поданнаго позыва, причемъ въ ней указываются имена тяжущихся и вкратцѣ существо дѣла; такая выписка называлась „акторатомъ", и отъ этого названiя и все судопроизводство обыкновенно носило названiе „акторатоваго" (прим. къ § 1257).

Очередь внесенiя въ книги опредѣляетъ и очередь слушанiя дѣла. Началу тяжбы могла предшествовать подача истцомъ въ судъ объявленiя (такъ назыв. „манифестацiя") о своемъ желанiи начать тяжбу, однако, такое объявленiе, само по себѣ, не имѣло никакихъ юридическихъ послѣдствiй (§§ 1376—1378).

Кромѣ необходимыхъ формальностей всякаго искового прошенiя, въ позывѣ должно содержаться указанiе на предметъ тяжбы, указанiе, въ какой судъ и на какой срокъ вызывается отвѣтчикъ, а также и дополнительная оговорка истца о томъ, что онъ, буде сочтетъ нужнымъ, сохраняетъ за собой право подавать впослѣдствiи дополнительные позывы о такихъ обстоятельствахъ, кои могутъ возникнуть во время производства дѣла (§ 1386) [2]. Такой „припозывъ" долженъ содер-

---

[1]) Таковъ порядокъ въ 1-й инстанцiи; въ палатахъ—жалобы и иски записываются немедленно по полученiи (тамъ же).

[2]) Содержанiе позыва, по существу, во времена составленiя свода оставалось

жать ссылку на первоначальный позывъ (§ 1398). Позывъ подается при прошеніи, съ соотвѣтственнымъ количествомъ копій, въ подлежащій судъ, причемъ въ случаѣ несоблюденія формальностей, возвращается истцу. Если же онъ окажется въ порядкѣ, то копіи отправляются по мѣсту жительства отвѣтчика, которому и доставляются или черезъ полицію или черезъ засѣдателя земскаго суда (до 1835 г.—„вознымъ“) въ возможно скорое время (§§ 1409—1419). По врученіи копіи, подлинникъ возвращается истцу, который долженъ въ 4- или 6-недѣльный срокъ, считая со дня доставки копіи позыва, обратиться въ судъ съ прошеніемъ о внесеніи позыва въ соотвѣтствующую судебную книгу, причемъ истецъ обязанъ сдѣлать это въ теченіе того засѣданія, на которое вызывается отвѣтчикъ (§ 1421—1423). Въ теченіе этого же 4 или 6 недѣльнаго срока, отвѣтчикъ долженъ явиться въ судъ или лично, или прислать повѣреннаго (§§ 1431—1435). Если онъ не сдѣлаетъ этого, безъ уважительныхъ препятствій, то подвергается штрафу, „кондемнату“ въ 2 р. 25 к., если не явился по вотчинному дѣлу, и въ 4 р. 50 к.—по исковому; въ дѣлахъ же по владѣльческимъ искамъ онъ обвиняется, сверхъ того, и въ самомъ искѣ. Истцу предоставляется вызывать отвѣтчика во второй разъ; за вторичную неявку отвѣтчикъ платитъ болѣе высокій штрафъ (4 р. 50 к. и 15 р.), и по дѣламъ исковымъ судебное мѣсто полагаетъ заочное рѣшеніе. По вотчиннымъ дѣламъ заочное рѣшеніе постановляется только въ случаѣ третьей неявки, на ряду со штрафомъ въ 15 руб. сер. [1]). Заочное рѣшеніе можетъ быть опровергнуто отвѣтчикомъ въ обыкновенномъ порядкѣ, посредствомъ иска въ томъ же судѣ; срокъ на подачу такого иска полагался десятилѣтній. Неявка истца даетъ отвѣтчику право начать противъ него искъ за неправильный вызовъ къ суду (§§ 1436—1450).

Дальнѣйшее производство дѣла распадается на двѣ стадіи—предварительнаго и окончательнаго разбирательства. Предварительное раз-

---

такимъ же, какимъ оно было въ эпоху написанія Литовскаго Статута, когда въ немъ, по двустишію, сложившемуся въ практикѣ, должно было быть обозначено: Quis, quid, coram quo, quo jure petat et a quo, Recte compositus quisque libellus habet (см. *Даниловичъ*, въ *Юридическихъ запискахъ Рѣдкина*, стр. 44). Имперское законодательство къ этому прибавило рядъ формальныхъ реквизитовъ, существомъ акта не вызываемыхъ вовсе.

[1]) Штрафы за неявку взимались въ указанномъ въ текстѣ размѣрѣ только въ губ. Виленской, Гродненской, Минской и области Бѣлостокской; въ остальныхъ за *всякую* неявку полагалось 3 р. 36 к. штрафу (§ 1490).

бирательство заключаетъ въ себѣ: 1) мѣры, принимаемыя судомъ для собранія доказательствъ и 2) разсмотрѣніе отводовъ. Подъ отводами разумѣются „возраженія предварительно начатія окончательнаго разбирательства дѣла въ существѣ его" (§ 1454). Заключенія суда по возраженіямъ назывались „предварительными резолюціями".

Сводъ различаетъ прежде всего односторонніе отводы отвѣтчика, къ числу которыхъ относятся указанія: 1) на некомпетентность суда, 2) на то, что право принадлежитъ другому истцу, 3) на то, что дѣло внесено не въ ту судебную книгу, куда оно принадлежитъ, 4) на то, что не позваны другія прикосновенныя къ дѣлу лица и, наконецъ, 5) указаніе на то, что онъ считаетъ себя не прямымъ отвѣтчикомъ, а только участникомъ въ дѣлѣ (§ 1459). Такіе отводы приводятъ къ отклоненію дѣла a limine; сверхъ того, еще въ одномъ случаѣ, именно, при тяжбѣ „осѣдлаго" отвѣтчика съ безпомѣстнымъ истцомъ, въ порядкѣ отвода, отвѣтчикъ могъ требовать представленія поручительства въ уплатѣ тяжебныхъ издержекъ (§ 1465) [1]).

Подъ отводами „обоюдными" сводъ разумѣетъ отводы по подозрѣнію на кого либо изъ членовъ суда (§ 1466). Въ качествѣ уважительныхъ причинъ къ подозрѣнію члена присутствія принимались родство или свойство (не дальше внучатнаго) съ тяжущимися, отношенія его по опекунской власти и участіе въ дѣлѣ; о родствѣ и свойствѣ самъ судья долженъ объявить. Правила разсмотрѣнія такихъ обоюдныхъ отводовъ заимствованы изъ общихъ законовъ о судопроизводствѣ.

На ученіи *о доказательствахъ* сводъ останавливается съ большой подробностью. Ему извѣстны слѣдующіе виды доказательствъ: 1) собственное признаніе, 2) письменныя доказательства (акты), 3) показанія свидѣтелей, 4) присяга, 5) осмотръ на мѣстѣ (§ 1482).

Признаніе должно быть учинено на письмѣ, въ самомъ судѣ, и является въ этомъ случаѣ совершеннымъ доказательствомъ, рѣшающимъ дѣло. *Письменныя доказательства* должны быть представлены въ судъ, причемъ по вотчиннымъ дѣламъ судъ назначаетъ для этого опредѣленный срокъ. Въ теченіе 4-хъ недѣль акты открыты для обозрѣнія; подлинность ихъ въ случаѣ спора доказывается представившимъ. До начала разбирательства дѣла по существу тяжущіяся должны

[1]) Однимъ словомъ, въ Западномъ Сводѣ отводы имѣли то же значеніе, какое этому термину присвоено въ дѣйствующемъ теперь уставѣ гражданскаго судопроизводства; да и случаи предъявленія ихъ почти тѣ же самые.

утвердить присягой, что они представили всѣ письменныя доказательства, у нихъ находящіяся (§ 1495). *Свидѣтели* (категоріи лицъ, не допускаемыхъ къ свидѣтельству, указаны въ §§ 1499 и 1500) вносились въ списки, которые доставлялись тяжущимися другъ другу; затѣмъ составлялись допросные пункты, т. е. перечень вопросовъ, на которые должны дать отвѣтъ свидѣтели. Самый же допросъ производился членами суда, отряженными для этого, причемъ свидѣтели необходимо должны были присягать *до* дачи показанія; отъ присяги освобождались только духовныя лица и тѣ, которыхъ освободятъ тяжущіяся по взаимному согласію. Протоколъ допроса пересылается прямо въ судъ. Изъ общеимперскаго законодательства было заимствовано только правило о силѣ свидѣтельскихъ показаній, по которому согласное свидѣтельство двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей составляетъ совершенное доказательство; нѣкоторыя другія правила были опущены (§§ 1499 — 1523).

Присяга считалась дополнительнымъ доказательствомъ, допускаемымъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда для рѣшенія дѣла недостаточны ни письменные документы, ни свидѣтельскія показанія (§ 1524); въ дѣлахъ о недвижимостяхъ она вовсе не допускалась (§ 1591). Но вмѣстѣ съ тѣмъ присяга рѣшаетъ дѣло: если принявшій ее добровольно присягнетъ, то дѣло безповоротно рѣшается въ его пользу [1]). Въ случаѣ конфликта между тяжущимися, та сторона имѣетъ предпочтительное право на присягу, гдѣ доказательства окажутся основательнѣйшими; если они равносильны, то предпочтеніе отдается отвѣтчику. Тому, кто долженъ учинить присягу, дается 3 дня на размышленіе, если по истеченіи ихъ онъ не явится, то обвиняется въ искѣ.

Приносится присяга по клятвенному мѣсту, составленному согласно съ опредѣленіемъ суда, утромъ до полдня, въ присутствіи суда и духовной особы (§§ 1524 — 1551).

Осмотръ на мѣстѣ могъ быть назначенъ по искамъ объ убыткахъ изъ самовольнаго завладѣнія и по взаимнымъ притязаніямъ между вотчинникомъ и владѣльцемъ имущества. Производился онъ особой комиссіей или однимъ лицомъ, по назначенію тяжущихся или суда, если они не согласятся. Эти „слѣдователи“ должны были допросить свидѣтелей, отобрать отъ тяжущихся доказательства, затѣмъ сличить

---

[1]) Никакіе извѣты о лживости принесенной присяги не принимались къ разсмотрѣнію (§ 1551).

ихъ (инквизиція, калькуляція и верификація) и постановить рѣшеніе по каждой статьѣ претензіи (§§ 1551—1557).

Соотношеніе доказательной силы и преимуществъ одного изъ способовъ доказыванія передъ другими опредѣлено въ сводѣ, согласно съ дѣйствовавшими тогда общими законами судопроизводства.

Разобравъ отводы и собравъ доказательства, судъ приступаетъ къ окончательному разбирательству, къ судоговоренію (oczewista rosprawa). Истецъ и отвѣтчикъ должны представить въ двухъ экземплярахъ записки (такъ назыв. „продукты“ или „индукты“ или „адвокатскіе голоса“) § 1594. Истецъ не долженъ въ нихъ включать новыя обстоятельства; на обязанности отвѣтчика лежитъ представить свои объясненія. Записки прочитываются сторонами, которыя имѣютъ право дополнять ихъ словесными объясненіями. Въ сложныхъ дѣлахъ судъ можетъ разрѣшить представленіе еще одной пары записокъ—„репликъ“. „Судьи... обязаны прилежно слушать объясненія тяжущихся, предостерегая ихъ отъ всего, что можетъ клониться къ напрасному промедленію тяжбы“ (§ 1602). На основаніи этихъ записокъ и личныхъ объясненій сторонъ, секретарь суда составляетъ выписку („прологъ“), которая служитъ основаніемъ для рѣшенія слушаннаго дѣла (§ 1604).

При судоговореніи могутъ присутствовать стороны, адвокаты и ихъ ученики (§ 1191). Въ первоначальномъ проектѣ была особая статья, содержащая подробное перечисленіе всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя могли присутствовать на судѣ.

По первоначальному проекту въ судъ могли являться всѣ заинтересованныя лица, далѣе, „желающія пріобрѣсти знанія, или подстрекаемыя любопытствомъ; эти лица считаются способствующими правотѣ рѣшенія, составляютъ такъ назыв. „Палестру“ и именуются арбитрами“ [1]). Но комитетъ эту статью и терминъ „палестра“ вычеркнулъ, какъ нѣчто устарѣвшее [2]), и совершенно произвольно ограничилъ широкую гласность, которой отличался древній литовскій процессъ; внѣшнимъ оправданіемъ, „цитатомъ“, къ этому новому правилу явилась ссылка на указъ 16-го марта 1835 года (Полн. Собр. Зак. 7957) о обязанностяхъ вновь опредѣленныхъ засѣдателей въ земскіе

---

[1]) Этотъ фрагментъ первоначальнаго проекта случайно уцѣлѣлъ,—какъ разъ это мѣсто проекта было предложено перевести въ видѣ испытанія Чернявскому, переводчику проекта Западнаго Свода съ польскаго на русскій языкъ. См. А. Г. С., 1832 года № 14 (1065).

[2]) См. меморію въ дѣлѣ № 18 А. Г. С. 1834, № 28.

суды западныхъ губерній. (Засѣдатели были введены вмѣсто прежнихъ „возныхъ").

Въ этомъ указѣ ничего не говорится о какихъ либо ограниченіяхъ доступа постороннихъ лицъ въ засѣданія суда, напротивъ,—п. 3 и 5 I раздѣла прямо предполагаютъ „публику".

По окончаніи судоговоренія судъ приступаетъ къ постановкѣ рѣшенія („namowa"). При этомъ онъ долженъ руководствоваться единственно тѣми доказательствами, на которыя сослались тяжущіеся, не приводя отъ себя никакихъ доказательствъ и не собирая никакихъ справокъ (§ 1607).

Процедура обсужденія рѣшенія и голосованія его заимствована изъ общихъ законовъ (см. §§ 1280 и слѣд.). По окончаніи ея постановляется рѣшеніе по существу дѣла, такъ называемое рѣшительное опредѣленіе, wyrok oczewisty; оно вносится въ книгу рѣшеній и объявляется тяжущимся (§§ 1605—1615). Этимъ и заканчивается разсмотрѣніе дѣла въ первой инстанціи.

Тяжущимся предоставляется приносить двоякаго рода *жалобы* — частныя на дѣйствія суда, въ предварительномъ разбирательствѣ дѣла и жалобы на рѣшенія его по существу, жалобы „вотчинныя" и „исковыя". „Апелляція", въ техническомъ значеніи этого слова, имѣетъ мѣсто: 1) по дѣламъ вотчиннымъ, 2) по дѣламъ объ ущербахъ и убыткахъ, 3) по разсчетамъ между вотчинниками и временными владѣльцами. Въ остальныхъ случаяхъ имѣетъ мѣсто жалоба исковая. Апелляторъ долженъ заявить о своемъ неудовольствіи въ теченіе недѣли въ судъ, постановившій рѣшеніе.

Дальнѣйшее теченіе дѣла представляется, въ случаѣ принесенія апелляціонной жалобы, таковымъ. При жалобѣ вносятся въ судъ a quo залогъ правой апелляціи въ размѣрѣ 25 руб. [1]) и апелляціонный

[1]) Это правило о внесеніи залога правой апелляціи, такъ назыв., переносныхъ денегъ, показано заимствованнымъ изъ Выс. утв. Мнѣнія Госуд. Совѣта, 1827 г., 21-го декабря (П. С. З. 1634), въ пунктѣ 2 котораго указано, что „при сознаніи позва вноситъ узаконенныя 200 статьей Высочайшаго учрежденія о губерніяхъ за переносъ дѣла деньги". Такимъ образомъ, это правило свода должно возводить формально къ имперскимъ источникамъ, но по существу оно было извѣстно и мѣстнымъ. Знало залогъ правой апелляціи и древнее литовское право (см. Статутъ 1588, IV, 40). И даже еще раньше, уже въ началѣ XVI столѣтія раздавались по поводу этого института жалобы, что онъ сводитъ на нѣтъ право апелляціи. Знало его и польское право, гдѣ существовали такъ назыв. „коцы". Но литовскій залогъ отъ польскихъ „коцъ" и переносныхъ денегъ общаго свода отличался тѣмъ, что онъ не вносился одновре-

позывъ: затѣмъ ему выдается апелляціонное свидѣтельство, въ которомъ прописывается рѣшеніе суда и означается, противъ чего выражено неудовольствіе. По выдачѣ свидѣтельства и по принятіи апелляціоннаго позыва, послѣдній вносится въ книгу, а затѣмъ копіи съ этихъ документовъ сообщаются отвѣтчику. По полученіи позыва обратно, апелляторъ составляетъ апелляціонную жалобу; на это ему дается сроку 1 годъ (§ 1643), считая со дня объявленія имъ неудовольствія. Неявка апеллятора приводитъ къ обязанности уплатить штрафъ въ 15 руб. и къ потерѣ права обжалованія навсегда; неявка отвѣтчика влечетъ за собой заочное рѣшеніе.

Самая ревизія апелляціоннаго дѣла, какъ сказано въ § 1650, „есть внимательное разсмотрѣніе: произведено ли дѣло порядочно и сходственно съ законами, сколь для приведенія въ ясность права оправданной стороны, столь и для опроверженія предполагаемаго права противной стороны“ [1]). Процедура разсмотрѣнія дѣла во второй инстанціи, въ общемъ, мало отличается отъ судоговоренія въ первой; дополнена она только однимъ очень неудачнымъ заимствованіемъ изъ общихъ законовъ судопроизводства—именно, составленіемъ „выписки“ изъ всѣхъ документовъ дѣлопроизводства, которая затѣмъ должна быть подписана сторонами („рукоприкладство“). Тяжущіеся могутъ, до учиненія рукоприкладства, требовать дополненія выписки новыми ссылками на законы и обстоятельства дѣла. Этотъ обрядъ, какъ извѣстно, служилъ въ высшей степени удобнымъ способомъ затягивать дѣло. Выписка является основаніемъ для сужденія и рѣшенія дѣла палатой. Сторона, принесшая жалобу на рѣшеніе, которое будетъ палатой признано правильнымъ, подвергается очень тяжелымъ послѣдствіямъ: 1) она теряетъ залогъ (25 р. сер.), 2) должна уплатить противной сторонѣ издержки и штрафъ въ $37^1/_2$ руб. сер. (100 копъ грошей), 3) должна уплатить такой же штрафъ въ пользу приказа общественнаго призрѣнія и, наконецъ, въ 4) подвергается шестинедѣльному личному задержанію, которое впрочемъ можетъ быть замѣнено штрафомъ (въ пользу противной стороны) въ 375 руб. сер. (§ 1663). Эти послѣднія постановленія заимствованы изъ мѣстныхъ источниковъ.

Таково въ общихъ чертахъ производство по *апелляціоннымъ* жа-

---

менно съ подачей жалобы, а взыскивался уже впослѣдствіи; онъ составлялъ 12 руб. Объ этомъ см. *Н. М. Ясинскій*, Литовскій Трибуналъ, ч. I, стр. 211 и слѣд.

[1]) Этотъ параграфъ дословно соотвѣтствуетъ ст. 1932, X т. изд. 1835 г., но въ числѣ источниковъ его указана ссылка на Литовскій Статутъ IV, 89, гдѣ ничего объ этомъ не говорится.

лобамъ; другой порядокъ апелляціоннаго пересмотра, имѣющій мѣсто въ большей части тяжбъ, производство по *исковымъ* жалобамъ, ничѣмъ не отличается отъ описаннаго выше, кромѣ того, что отпадаетъ обрядъ составленія выписокъ и тяжкія послѣдствія, наступающія для апеллятора, въ случаѣ утвержденія рѣшенія первой инстанціи. Этотъ порядокъ, иначе говоря, мало чѣмъ отличается отъ общаго судопроизводства въ первой инстанціи (§ 1664 и слѣд.).

На рѣшенія палаты допускаются жалобы въ Правительствующій Сенатъ; дѣлопроизводство въ Сенатѣ опредѣляется общими законами, для апелляціонныхъ жалобъ; для „исковыхъ“ предписанъ порядокъ разсмотрѣнія частныхъ жалобъ.

Рѣшеніе, вступившее въ законную силу, пересматриваемо быть не можетъ; допускается только „возстановленіе тяжбы“, restitutio in integrum. Оно можетъ имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущійся „откроетъ такіе акты или документы, которые, по его твердому убѣжденію, могутъ измѣнить существо рѣшенія дѣла“ (§ 1704). Онъ долженъ подать объ этомъ соотвѣтствующій позывъ въ судъ первой инстанціи; если судъ убѣдится въ дѣйствительной важности документовъ, то долженъ привести истца къ присягѣ о томъ, что онъ о документахъ сихъ при первоначальномъ разсматриваніи дѣла не зналъ. Если же судъ признаетъ излишнимъ пересматривать дѣла, то такой истецъ приговаривается къ штрафу въ 240 руб. сер. (въ пользу противной стороны) и четырехнедѣльному домашнему задержанію (§ 1709).

Порядокъ исполненія рѣшеній представляетъ много оригинальныхъ особенностей. Оно приводится въ исполненіе по дѣламъ вотчиннымъ—полиціей; по дѣламъ исковымъ, когда отвѣтчикъ приговоренъ къ уплатѣ денежной суммы, взысканіе также производится черезъ полицію, но при нѣкоторомъ участіи суда. Присужденному назначается срокъ для уплаты; если онъ не является, то судъ, по просьбѣ истца, посылаетъ указы полицейскимъ властямъ, опредѣляя образъ исполненія рѣшенія и указывая то имущество должника, изъ котораго надлежитъ произвести взысканіе (§ 1702). Въ дальнѣйшемъ соблюдаются правила общихъ законовъ судопроизводства, если дѣло касается наложенія запрещенія на недвижимое имущество, вычетовъ изъ жалованья и пенсіи, порядка описи, оцѣнки и продажи движимаго имущества и личнаго задержанія (книга III, §§ 1989—2010).

Правила, совершенно отличныя отъ этихъ порядковъ, примѣняются при обращеніи взысканія на *недвижимое* имущество. Сводъ различаетъ два случая: взысканіе съ состоятельнаго должника и съ несостоятель-

наго. Въ первомъ случаѣ недвижимость передается во временное пользованіе заимодавцевъ, во второмъ—оно поступаетъ въ раздѣлъ между ними, съ предоставленіемъ имъ права собственности; такой раздѣлъ *не* примѣняется только къ городскимъ имуществамъ (§§ 2011, 2012).

Передача имущества во временное пользованіе, такъ называемая „*традиція*“, бываетъ срочная и безсрочная (ad extenuationem и ad exemptionem). При первой доходы съ имущества обращаются въ погашеніе не только процентовъ, но и самаго капитала, при второй—имущество остается у кредитора до выкупа, а доходы идутъ въ погашеніе процентовъ. Для полученія имущества во владѣніе кредитору необходимо добиться соотвѣтствующаго судебнаго опредѣленія, самая же передача производится полиціей, на основаніи такого опредѣленія. Полицейскій чинъ долженъ удостовѣриться, нѣтъ-ли препятствій къ такой передачѣ (сюда относится, напр., состояніе имущества подъ запрещеніемъ по договорамъ съ казной и др.); если такія препятствія окажутся, то онъ выдаетъ истцу свидѣтельство въ томъ, что не могъ произвести передачѣ. Въ противномъ случаѣ передача производится въ слѣдующемъ порядкѣ. Сперва исчисляется капиталъ взысканія, затѣмъ составляется опись имѣнія и выясняется годовой доходъ съ него (§§ 2024 и слѣд.). Этотъ расчетъ является основаніемъ для рѣшенія вопроса, на какой срокъ имѣніе передается: если доходы съ имущества превышаютъ законный процентъ съ суммы взысканія, то назначается передача во владѣніе кредитора на опредѣленный срокъ; въ противномъ случаѣ—безсрочная. Обо всемъ этомъ составляется актъ, и на основаніи его кредиторъ вводится во владѣніе; должникъ можетъ обжаловать актъ въ судѣ, если не доволенъ расчетомъ. Кредиторъ пріобрѣтаетъ право управлять имѣніемъ и получать всѣ доходы съ него, не ухудшая его, а по окончаніи пользованія долженъ представить отчетъ. Прекращается такое положеніе, когда должникъ внесетъ всю сумму долга, имъ еще не погашенную, или же когда, при срочной передачѣ, истечетъ срокъ. Другіе кредиторы должника имѣютъ право уплатить кредитору, введенному во владѣніе, его претензію и вступить въ его права. Прекращается оно также и по опредѣленію суда, если онъ признаетъ, что такая передача совершена по стачкѣ, для устраненія другихъ взысканій, или если кредиторъ, доказавъ недостаточность доходовъ для покрытія его претензіи, потребуетъ передачи имѣнія въ собственность. Наконецъ, прекращается оно и въ томъ случаѣ, когда стекается нѣсколько взысканій, и надъ имуществомъ должника назначается конкурсъ (§§ 2043 и слѣд.).

Конкурсъ назначается судомъ въ случаяхъ доказанной несостоятельности должника (напр., если онъ не уплачиваетъ по судебнымъ рѣшеніямъ), или если доказано, что большая часть его недвижимости состоитъ во владѣніи посторонних лицъ на заставномъ правѣ (§§ 1791 и слѣд.). Для производства дѣлъ по конкурсу назначаются особыя лица, коллегія которыхъ образуетъ судъ конкурсный, или по мѣстной терминологіи *съѣздовой и эксдивизорскій*, т. е., съѣзжающійся для раздѣла—*эксдивизіи* (прим. къ § 1803). Съ учрежденіемъ конкурса связаны обычныя въ этомъ случаѣ послѣдствія для должника (потеря права распоряженія, наложеніе ареста на движимость и пр.). Членами конкурснаго суда назначаются лица, избранныя кредиторами; число ихъ колеблется между 3 и 5, при нихъ состоятъ канцелярскіе чины и землемѣры. Мѣстопребываніе и срокъ открытія дѣйствій эксдивизорскаго суда назначается въ судебномъ опредѣленіи. Конкурсный судъ долженъ имѣть два „съѣзда". Въ первомъ онъ устанавливаетъ активъ должника, принимаетъ его имущество въ свое управленіе и организуетъ послѣднее. Во второмъ онъ производитъ оцѣнку имущества и устанавливаетъ объемъ пассива; въ заключеніе этой сессіи должно произойти удовлетвореніе заимодавцевъ (§§ 1818 и слѣд.). Должникъ съ своей стороны долженъ оказать эксдивизорской коллегіи всяческое содѣйствіе; онъ обязанъ дать точное показаніе о своемъ имуществѣ, подтвердивъ его присягой. Для управленія имуществомъ при первомъ же съѣздѣ назначается „администраторъ" (прим. къ § 1836), который и слѣдитъ за полученіемъ доходовъ, составленіемъ описи и пр. Землемѣры „сочиняютъ" подробные планы имѣнія, или если нужно, производятъ повѣрку прежнихъ. Затѣмъ, на второмъ съѣздѣ, устанавливается точная сумма долговъ, и они распредѣляются по разрядамъ, тогда же составляется „общая табель долговъ" (§ 1860). Такихъ разрядовъ сводъ предусматриваетъ 4. По окончаніи этой процедуры, приступаютъ къ ликвидаціи имущества; движимости и городскія недвижимости продаются съ публичнаго торга, а „удовлетвореніе заимодавцевъ изъ уѣзднаго недвижимаго имущества несостоятельнаго производится посредствомъ раздѣла въ натурѣ сего имущества между ними" (§ 1879). Вотъ эта своеобразная форма удовлетворенія кредиторовъ и извѣстна подъ именемъ „эксдивизіи". Такой раздѣлъ можетъ быть двоякаго рода,—съ правомъ выкупа, временная эксдивизія, и безъ такого права, вѣчная эксдивизія [1]). Первый

[1]) Раздѣлъ безъ права выкупа существовалъ только въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ.

имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если имущества достаточно для покрытія всѣхъ долговъ. При немъ каждый кредиторъ получаетъ такой участокъ, доходъ съ котораго равнялся бы 6% съ суммы долга. При раздѣлѣ безъ права выкупа участки „составляются по соразмѣрности 5%“ (§ 2055).

При составленіи такого участка рекомендуется „1) избѣгать умноженія чрезполосности владѣнія, 2) обращать вниманіе на соразмѣрность числа душъ, на пространство земли, на доходы съ оброчныхъ статей и на выгоды различныхъ угодій и 3) вообще всемѣрно стараться, чтобы каждый участокъ по приносимому имъ доходу соотвѣтствовалъ суммѣ, въ которой онъ назначается“ (§ 2059). Сперва эти участки разбиваются на планѣ, затѣмъ—окончательно и на самомъ мѣстѣ и утверждаются межевыми знаками. Если участокъ предназначенъ лицу, которое по праву состоянія не можетъ владѣть населенными имѣніями, то онъ отбирается въ опекунское управленіе, а затѣмъ, по общеимперскому порядку, въ казенное вѣдомство. Само собой разумѣется, съ кредиторовъ взыскиваются крѣпостныя пошлины. Кредиторы, получившіе участки безъ права выкупа, владѣютъ ими на правѣ полной собственности; получившіе ихъ на правѣ выкупа могутъ отчуждать ихъ, но до истеченія 10-лѣтняго срока съ объявленія конкурснаго рѣшенія должникъ можетъ выкупать ихъ у кого бы то ни было. При этомъ владѣльцы сохраняютъ право на вознагражденіе за улучшенія, возвышающія цѣну имущества; о доходахъ отчета они не даютъ (§§ 2064—2068).

Наряду съ этимъ общимъ порядкомъ судопроизводства сводъ содержитъ рядъ—въ общемъ довольно детально разработанныхъ—постановленій объ особыхъ видахъ производства „по особеннымъ родамъ тяжбъ“ (§§ 1711 и слѣд.). Сюда относятся тяжбы, отъ брачныхъ дѣлъ возникающія, и по спорамъ о законности рожденія; тяжбы по спорамъ о раздѣлѣ наслѣдства, по искамъ о долговыхъ обязательствахъ, по искамъ о самоуправномъ завладѣніи, по разбирательству притязаній, возникающихъ отъ права владѣнія отдѣльнаго отъ права собственности, по несостоятельности лицъ не торговаго званія. Эта послѣдняя категорія судопроизводства разобрана уже выше; споры по брачнымъ дѣламъ вѣдаются церковными судами, или, какъ выражается сводъ, „духовнымъ правительствомъ“, и разрѣшаются въ порядкѣ, указанномъ въ общемъ законѣ или въ спеціальныхъ правилахъ данной церкви (§ 1719 и слѣд.). Раздѣлъ наслѣдства бываетъ или полюбовный или судебный. Полюбовный долженъ быть совершенъ

въ теченіе не болѣе двухъ лѣтъ со дня принятія наслѣдства, если о желаніи раздѣлиться заявитъ одинъ изъ сонаслѣдниковъ, и остальные согласятся (§ 1728 и слѣд.). Если же наслѣдники не придутъ къ соглашенію, то судъ составляетъ опись имущества, планъ недвижимостей и дѣлитъ послѣднія въ натурѣ между сонаслѣдниками. Для исковъ по долговымъ обязательствамъ предусмотрѣнъ особый порядокъ процесса: 1) когда они обезпечены недвижимостью, общимъ обезпеченіемъ или частнымъ; 2) когда предполагается отыскивать удовлетвореніе изъ недвижимостей, хотя бы самыя обязательства и не были обезпечены недвижимымъ имуществомъ, и 3) когда при взысканіи безспорныхъ обязательствъ должникъ объявитъ противъ нихъ споръ. При такомъ порядкѣ судопроизводства нѣсколько сокращается вся процедура; отвѣтчику не даются никакія отсрочки, сокращается доказательство и пр. (§§ 1746 и слѣд.).

Въ сокращенномъ же порядкѣ разсматриваются и дѣла по искамъ изъ самоуправнаго завладѣнія. Зато совершенно непонятно, почему выдѣлены въ особый видъ судопроизводства иски по разбирательству притязаній, возникающихъ отъ права владѣнія, отдѣленнаго отъ права собственности; въ сущности, всѣ статьи, относящіяся къ нему, содержатъ только указанія на то, что въ этомъ случаѣ примѣняются общія правила (§§ 1785—1790). Подробно описано „примирительное разбирательство“ (§§ 1897 и слѣд.), куда сводъ относитъ мировыя сдѣлки, различныя дѣла, подлежащія вѣдомству совѣстныхъ судовъ, и „формальный посредническій (компромиссорскій) судъ“, т. е., по просту третейскій судъ.

Таково, въ краткомъ изложеніи, гражданское судопроизводство Западнаго Свода. Въ этой области постановленія мѣстнаго права, въ самомъ дѣлѣ, представляютъ нѣчто цѣльное и законченное, не частное „изъятіе“ изъ общеимперскихъ порядковъ, а самостоятельную систему. Порядокъ судопроизводства, кодифицированный въ Западномъ Сводѣ, долгое время дѣйствовалъ въ Литвѣ. Источниками его являются Статутъ и рядъ сеймовыхъ конституцій. Кодификаторы дополнили его еще многими указами изъ Полнаго Собранія, но, въ сущности, безъ всякихъ къ этому основаній. Всѣ указы, въ которыхъ не было спеціально оговорено дѣйствіе въ западномъ краѣ, не слѣдовало распространять на эти губерніи путемъ толкованія. Тамъ дѣйствовала система совершенно отличная, въ самыхъ основныхъ принципахъ, отъ общеимперской, съ ней сепаратные указы никакъ примирить нельзя.

Въ концѣ, къ Западному Своду приложены: 1) къ § 4: означеніе статей общаго свода, содержащихъ въ себѣ мѣстныя особенности изъятія въ отношеніи западныхъ губерній; 2) къ §§ 129, 333, 374: положеніе о распорядкѣ внутренняго полицейскаго и хозяйственнаго управленія въ селеніяхъ однодворцевъ западныхъ губерній (111 статей); 3) къ § 141: правила о переселеніи однодворцевъ западныхъ губерній по добровольному ихъ желанію въ другія губерніи; 4) къ § 472, примѣч.: табель, показывающая исчисленіе прежней польской монеты на россійскую; 5) къ § 592: росписаніе о канцелярской платѣ; 6) къ § 1209: форма присяги адвокатовъ; 7) къ § 1974: табель сбора съ письмоводства по тяжебнымъ дѣламъ, производимымъ въ судебныхъ мѣстахъ первой и второй степени.

VIII.

Послѣ провѣрки проекта въ ревизіонномъ комитетѣ до полнаго „окончанія" свода оставалось уже немного, нужно было только представить и провести черезъ Государственный Совѣтъ записки о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующемъ мѣстномъ правѣ, объ измѣненіяхъ, которыя ревизоры признали необходимыми и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не рѣшались произвести собственной властью, въ кодификаціонномъ порядкѣ. Всего предполагалось внести 14 такихъ записокъ, но въ 1838 году было изготовлено всего десять, которыя и были представлены въ Государственный Совѣтъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго 30-го апрѣля 1838 года по докладу Сперанскаго.

1) Первая изъ нихъ касалась *права дворянъ магометанскаго закона владѣть въ западныхъ губерніяхъ населенными имѣніями.* Первое появленіе татаръ въ Литвѣ записка относитъ къ временамъ Витовта, однако, болѣе точныя изслѣдованія [1]) доказываютъ, что были они въ Литвѣ и раньше. Въ литовскомъ краѣ были разселяемы татары, взятые въ плѣнъ; особенно многихъ поселилъ Витовтъ, въ концѣ XIV вѣка, въ окрестностяхъ Вильны, въ теперешнемъ Новогрудскомъ уѣздѣ Минской губерніи, Брестскомъ — Гродненской, на Волыни и въ другихъ краяхъ. При Витовтѣ имъ были предоставляемы обширныя права, ко-

---

[1]) Дальнѣйшія свѣдѣнія о *татарахъ* заимствованы изъ сочиненія *И. И. Лаппо.* Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи, стр. 461. Изложеніе у Лаппо основано отчасти на трудѣ проф. *Мухлинскаго* „Изслѣдованіе о происхожденіи и состояніи литовскихъ татаръ", актовая рѣчь въ С.-Пб. университетѣ 185½ г.

торыми другіе иновѣрцы не пользовались. Татары были вѣрными слугами литовскихъ князей и дѣятельно помогали имъ въ войнахъ съ сосѣдями. Проф. Мухлинскій раздѣляетъ ихъ на три категоріи, на 1) осѣдлыхъ, наемныхъ и союзныхъ воиновъ татарскихъ ордъ, 2) улусовъ, пригнанныхъ Витовтомъ, и плѣнныхъ на войнахъ съ татарами и 3) выходцевъ татарскихъ, добровольно переселившихся въ Литву [1]). Тѣмъ изъ нихъ, которые владѣли землями, были предоставлены всѣ шляхетскія права, другіе же занимались извозомъ и ремеслами и къ шляхтѣ не причислялись. Татары шляхтичи несли преимущественно военную службу, за которую получали жалованье, а князья распоряжались ими болѣе свободно, чѣмъ другимъ шляхетскимъ войскомъ. У нихъ были свои начальствующія лица, уланы, ротмистры, маршалки, хорунжіе и др. Участвовали они и въ собраніяхъ прочей шляхты. Литовскіе князья все время свято соблюдали ихъ привилегіи; не нарушались онѣ и при польскомъ владычествѣ. Общее подтвержденіе прежнихъ правъ въ русскихъ манифестахъ коснулось и привилегій татаръ, такъ что они сохранили свое юридическое положеніе и при русскомъ господствѣ. Этотъ же status, признаніе за татарами дворянами всѣхъ дворянскихъ правъ, имѣлось въ виду поддержать и послѣ изданія Западнаго Свода, но II Отдѣленіе сочло желательнымъ представить дѣло на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, такъ какъ по основному правилу имперскаго законодательства, владѣніе населенными имѣніями не христіанамъ не разрѣшалось.

По 8 ревизіи 1834 года въ одной Минской губерніи числилось 1098 татаръ. Съ тѣхъ поръ число ихъ возросло — въ 1891 году насчитывалось уже 5174, при чемъ эта цифра относится къ одному Новогрудскому уѣзду. Общее же число ихъ въ Минской губерніи, конечно, больше [2]).

2) Въ другой запискѣ „*о правѣ замужнихъ женщинъ распоряжаться своимъ имуществомъ*" имѣлось въ виду установить общій порядокъ для всѣхъ западныхъ губерній [3]). Въ Польшѣ женщины всегда под-

---

[1]) Цитирую по *Лаппо*, указ. соч., стр. 463.

[2]) Цифры взяты у *А. И. Смородскаго*, Столѣтіе Минской губерніи (1893 г.). Приложеніе къ памятной книжкѣ Минской губ. за 1893 г., стр. 77. Къ сожалѣнію, изъ этихъ цифръ не видно, сколько среди татаръ насчитывалось дворянъ. О татарахъ въ западномъ краѣ см. краткія свѣдѣнія въ изданіи „*Россія*. Полное географическое описаніе нашего отечества" подъ редакціей *В. П. Семенова*, т. IX, стр. 135.

[3]) См. подробности ниже, глава IX.

вергались значительно большимъ ограниченіямъ въ правѣ распоряженія, чѣмъ въ Литвѣ, а впослѣдствіи польскіе порядки были заимствованы и литовской судебной практикой.

Ревизіонный комитетъ пожелалъ возстановить прежніе литовскіе порядки и распространить ихъ и на прежнія коронныя провинціи, измѣнивъ такимъ образомъ дѣйствовавшія тамъ нормы. Литовское право представлялось ему и болѣе справедливымъ по существу и болѣе соотвѣтствующимъ духу общеимперскаго законодательства.

3) Такая же цѣль объединенія законодательства разныхъ мѣстностей преслѣдовалась въ запискѣ *„о срокахъ совершеннолѣтія“*.

Отсутствіе единаго правила по этому важному предмету, въ самомъ дѣлѣ, было очень неудобно, тѣмъ болѣе, что въ западномъ краѣ для различныхъ губерній были установлены ни больше ни меньше, какъ *три* разнообразныхъ срока. Именно: въ Литвѣ, подъ вліяніемъ началъ каноническаго права, совершеннолѣтними признавались всѣ лица по достиженіи ими 18 лѣтъ, въ коронныхъ — 24 лѣтъ, а въ мѣстностяхъ, присоединенныхъ до изданія русскаго указа 1785 года — 21 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, незадолго до внесенія записки въ Государственный Совѣтъ, эта инстанція признала, что пунктъ 5 указа 22-го декабря 1785 года (о срокѣ совершеннолѣтія) „какъ въ россійскихъ, такъ и въ другихъ губерніяхъ, на особыхъ правахъ состоящихъ, относился только на тѣ *губерніи*, кои до изданія онаго состояли уже въ Россійской имперіи“. (Мн. Гос. Сов. 30-го октября 1834 года. II Полное Собр., № 7509).

Литовскій срокъ показался комитету неудобнымъ, потому что не соотвѣтствовалъ ни климату, ни бытовымъ условіямъ, — въ 18 лѣтъ многія „совершеннолѣтнія“ лица состояли еще въ учебныхъ заведеніяхъ. Съ другой стороны, совершеннолѣтній возрастъ польскаго права — 24 года — былъ признанъ слишкомъ позднимъ. Поэтому и комитетъ и II Отдѣленіе предлагали распространить на всѣ мѣстности западнаго края общеимперскій срокъ, и согласно съ этимъ, измѣнить §§ 322, 323, 327 и 349 проекта свода.

4) Бо́льшія сомнѣнія вызвалъ въ комитетѣ вопросъ о томъ, какъ квалифицировать сдѣлки, содержащія *даренія на случай смерти*, т. е., относить ли ихъ къ распоряженіямъ завѣщательнымъ, или къ сдѣлкамъ между живыми. Большинство рѣшило его въ первомъ смыслѣ, т. е., отнесло такое дареніе къ актамъ завѣщательнымъ, и, согласно съ этимъ, въ § 690 проекта было постановлено, что вводъ во владѣніе имуществомъ подареннымъ долженъ слѣдовать немедленно по совер-

шеніи акта и не можетъ быть отсроченъ до смерти дарителя. Но нѣкоторые члены (графъ Дунинъ, а также и Бучинскій) были противоположнаго мнѣнія и находили существенную разницу (по мѣстному праву) между дареніемъ на случай смерти и завѣщаніемъ. Это различіе, по ихъ мнѣнію, сказывалось, во-первыхъ, въ томъ, что завѣщаніе можно совершать на дому, а дареніе — непремѣнно въ присутственномъ мѣстѣ и, во-вторыхъ, по существу, въ томъ, что дареніе неотмѣнимо, а завѣщаніе можно измѣнять по произволу. Однако, рѣшающее значеніе было придано соображеніямъ другихъ членовъ комитета, признававшихъ необходимость распространить правила о завѣщаніяхъ на даренія по смерти. Именно, они указывали на слѣдующее: 1) по Литовскому Статуту (разд. VIII, арт. 2) родовое имѣніе можно дарить при жизни, но нельзя завѣщевать по смерти; 2) „записать на случай смерти“ по Статуту дозволяется только имѣніе благопріобрѣтенное (слова: „владѣлецъ властенъ записать по доброй своей волѣ кому пожелаетъ имѣніе, имъ пріобрѣтенное“ и спеціально оговорено: „но не отцовскія или материнскія недвижимыя имущества“); 3) слѣдовательно, если признать за дареніемъ на случай смерти значеніе дара, а не завѣщанія, то этимъ открывалась бы возможность обойти эти правила Статута—стоило только завѣщаніе назвать дареніемъ на случай смерти. II Отдѣленіе согласилось съ мнѣніемъ большинства и въ этомъ смыслѣ представило записку въ Государственный Совѣтъ; § 690 проекта свода предполагалось оставить въ силѣ, а дареніе на случай смерти признать актомъ завѣщательнымъ.

5) Такое же разногласіе вызвали проектированныя статьи свода *относительно выдѣла дѣтей родителями и другими восходящими*. Мѣстное право въ этомъ отношеніи не знало никакихъ ограниченій, т. е., допускало выдѣленіе нисходящимъ изъ родового (наслѣдственнаго) имущества восходящихъ долей, превышающихъ ихъ наслѣдственныя доли. Этимъ оно рѣзко отличалось отъ общаго гражданскаго права (X тома), которое разрѣшаетъ совершать изъ родового имущества выдѣлы только въ размѣрѣ законной доли. Согласно съ этимъ, нѣкоторые члены (гр. Дунинъ и Ляпуновъ) сочли необходимымъ распространить общій законъ и на западный край. Но большинство съ ними не согласилось, и въ представленіи II Отдѣленія было предположено оставить въ силѣ проектированныя статьи, выражающія мѣстное право въ чистомъ видѣ.

6) Не рѣшился комитетъ постановить окончательнаго рѣшенія относительно *„выкупа недвижимыхъ имуществъ изъ заставнаго вла-*

дѣнія въ западныхъ губерніяхъ". Имѣлся въ виду не выкупъ всякихъ, вообще отданныхъ въ заставу, имѣній, а имѣній, отданныхъ въ заставу *на упадъ*. Этотъ общій вопросъ былъ разбитъ на два частныхъ, отчасти не зависящихъ другъ отъ друга; — первый, помѣщать ли вообще въ сводѣ правила о такихъ заставахъ [1]), и второй— „какъ поступать при невыкупѣ заставленнаго на упадъ имѣнія по истеченіи послѣдней закономъ дозволенной отсрочки"? Затруднялось рѣшеніе второго вопроса тѣмъ, что мѣстный исполнительный порядокъ судопроизводства не указывалъ никакого опредѣленнаго выхода. Казалось бы, самымъ простымъ рѣшеніемъ была бы продажа имѣнія съ торговъ, но такой способъ ликвидаціи отношеній (для имуществъ *не* городскихъ) мѣстному праву не былъ извѣстенъ. Мнѣнія членовъ комитета очень раздѣлились. Кукевичъ, оставаясь всецѣло на почвѣ дѣйствующаго мѣстнаго права, предлагалъ установить для такого случая передачу имѣнія въ традицію заставодержателю. Ляпуновъ, руководствуясь аналогіей общеимперскаго гражданскаго права, предлагалъ выдавать заставодержателю данную на невыкупленное имущество. Наконецъ, другіе члены (Бучинскій) признавали желательнымъ установить особый порядокъ продажи имѣнія черезъ губернское правленіе, а также дозволить заставодержателю просить о продленіи срока заставы (въ гражданской палатѣ). Въ самомъ дѣлѣ, „традиція" приводила бы только къ тому, что фактическое положеніе, существовавшее при нахожденіи имѣнія въ заставѣ, продолжало бы оставаться въ силѣ и по истеченіи контракта; выдача данной заставодержателю могла бы во многихъ случаяхъ служить способомъ для переукрѣпленія имущества въ ущербъ другимъ кредиторамъ. Второе Отдѣленіе представило всѣ три мнѣнія на выборъ Государственнаго Совѣта. Но Государственный Совѣтъ принялъ тотъ выводъ, который подсказывался всей запиской, именно, призналъ необходимымъ ввести 1) продажу заставленнаго имѣнія съ торговъ, примѣнительно къ общеимперскому порядку, и 2) послѣдующее распредѣленіе вырученной суммы по конкурсу, если окажется, что на имѣніи лежатъ долги нѣсколькихъ лицъ. И нельзя не признать, что такое рѣшеніе было самое правильное.

7) Нѣкоторое новшество предполагалъ комитетъ ввести и въ статьи, касающіяся „*нарушенія арендпаго договора по злоупотребле-*

[1]) Объ этомъ будетъ сказано подробнѣе ниже, въ другой связи. Государственный Совѣтъ, согласно представленію II Отдѣленія, рѣшилъ вычеркнуть упоминаніе о такихъ заставахъ (прим. къ § 978) изъ свода.

ніямъ арендаторовъ". По указу 1823 года [1]), у арендаторовъ населенныхъ имѣній, чинившихъ обиды крестьянамъ, отдающій внаймы могъ отобрать имѣніе безъ всякаго суда. Эти постановленія были включены и въ проектъ свода (§§ 1047 и 1147), но ревизіонный комитетъ нашелъ эти правила несправедливыми. Взамѣнъ ихъ онъ предлагалъ установить слѣдующій порядокъ: отобраніе имѣнія у арендатора признавалось возможнымъ только послѣ разслѣдованія, произведеннаго уѣзднымъ предводителемъ совмѣстно съ членомъ уѣзднаго суда; окончательное сужденіе по такимъ дѣламъ предоставлялось губернскому правленію. Это мнѣніе было поддержано и II Отдѣленіемъ, согласился съ нимъ и Государственный Совѣтъ.

8) Крупную реформу мѣстнаго судопроизводства должно было повлечь за собой *введеніе производства безспорныхъ дѣлъ исполнительнымъ порядкомъ*, по образцу общихъ законовъ о судопроизводствѣ. Выше уже изложены тѣ довольно шаткіе мотивы, которые выставлялъ комитетъ въ пользу своего проекта. Любопытно, что комитетъ и въ этомъ случаѣ, вводя совершенно новый процессуальный институтъ, старался представить дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто онъ уже допускался мѣстнымъ правомъ, и формальное введеніе его уже было предрѣшено прежними указами.

9) Равнымъ образомъ, уже изложены въ другой связи предположенія комитета относительно учебнаго ценза *адвокатовъ* и тѣ измѣненія, которыя внесла резолюція Государя въ мнѣніе Государственнаго Совѣта.

10) Наконецъ, очень крупнымъ, съ принципіальной точки зрѣнія, самымъ крупнымъ нововведеніемъ было предложеніе ревизіоннаго комитета ввести *„производство всѣхъ тяжебныхъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ западныхъ губерній на русскомъ языкѣ"*. Не всѣ члены комитета, присланные изъ губерній, сразу же согласились на это: графъ Дунинъ и Коровицкій сперва колебались, но потомъ и они присоединились къ остальнымъ членамъ, и рѣшеніе это прошло *единогласно*. Но едва ли можно признать за мотивами, выставленными въ пользу его, вполнѣ убѣдительную силу. Указывалось, въ сущности, только два соображенія. Первое: что въ губерніяхъ Волынской и Подольской русскій языкъ предписанъ для дѣлопроизводства указомъ 1-го іюня 1832 года [2]), и что слѣдственныя и уголовныя дѣла во всѣхъ губер-

---

[1]) См. Полн. Собр. Зак. № 29459, 9-го марта 1823 г.

[2]) II Полное Собр. Зак. № 5407.

ніяхъ производятся на русскомъ языкѣ; и второе — что Западный Сводъ, главный источникъ дѣйствующаго права, будетъ распубликованъ только на русскомъ языкѣ, и по вступленіи его въ силу будетъ неудобно вести производство остальныхъ дѣлъ на польскомъ. Это послѣднее соображеніе поколебало даже сомнѣнія Дунина и Коровицкаго.

Рѣшеніе комитета свидѣтельствуетъ о томъ, что члены его не проявляли никакихъ сепаратистическихъ тенденцій, но если и не комитетъ, такъ другія инстанціи—II Отдѣленіе или Государственный Совѣтъ—могли бы при дальнѣйшемъ обсужденіи этого рѣшенія поднять вопросъ о томъ, насколько оно выполнимо при существовавшей тогда организаціи судовъ и наличномъ составѣ судебныхъ и другихъ должностныхъ лицъ. Любопытно, что этотъ важный вопросъ былъ рѣшенъ безъ вѣдома мѣстныхъ властей и другихъ центральныхъ вѣдомствъ, — очевидно, ихъ полное согласіе представлялось совершенно обезпеченнымъ. Согласно такому представленію II Отдѣленія рѣшилъ и Государственный Совѣтъ; предположено было выразить правило о введеніи русскаго языка въ указѣ, при которомъ долженъ былъ быть распубликованъ сводъ, а въ самомъ сводѣ измѣнить §§ 1243 и 1245.

Всѣ перечисленныя выше записки были представлены въ Государственный Совѣтъ 2-го мая 1838 года. 14-го мая имѣло мѣсто обсужденіе нхъ особымъ совѣщаніемъ у министра юстиціи, а затѣмъ онѣ были заслушаны въ Государственномъ Совѣтѣ въ засѣданіяхъ Соединенныхъ Департаментовъ Экономіи и Законовъ 18-го, 20-го и 25-го мая, и въ Общемъ Собраніи 30-го мая. Государственный Совѣтъ не внесъ въ нихъ никакихъ измѣненій, и 7-го іюня 1838 года всѣ мнѣнія были утверждены, кромѣ мнѣнія объ учебномъ цензѣ адвокатовъ, которое, какъ выше описано, измѣнилъ самъ Государь.

Но такъ какъ всѣ представленія находились въ прямой связи съ проектомъ свода, касались, иными словами, будущаго закона и безъ свода были просто непонятны, то и было рѣшено (въ Государственномъ Совѣтѣ) ихъ отдѣльно не распубликовывать, а прямо включить Высочайше утвержденныя мнѣнія въ сводъ. Въ виду того, что и сводъ не былъ распубликованъ, всѣ перечисленныя выше мнѣнія не пошли дальше архива и въ Полное Собраніе Законовъ не включены [1]).

---

[1]) Представленія II Отдѣленія и прочее дѣлопроизводство по нимъ имѣются въ А. Г. С. дѣло № 1461 по Департаменту законовъ (1838 г. №№ 40—50).

Имѣются указанія на то, что всѣхъ записокъ было представлено въ Государственный Совѣтъ не 10, а 14, но до Высочайшаго утвержденія, очевидно, дошло только 10. По крайней мѣрѣ, объ остальныхъ четырехъ въ архивѣ не сохранилось обстоятельныхъ свѣдѣній. Только мимоходомъ упоминаются въ нѣкоторыхъ бумагахъ по Государственному Совѣту: 1) представленіе II Отдѣленія о наслѣдованіи единокровныхъ и единоутробныхъ братьевъ и сестеръ [1]) и 2) о потерѣ приданаго несовершеннолѣтнею дѣвицей, вышедшей замужъ безъ согласія родителей [2]). Но меморій засѣданія Совѣта по этимъ вопросамъ, а также и по остальнымъ двумъ представленіямъ II Отдѣленія, я не могъ найти въ архивѣ.

IX.

Работа Даниловича и его сотрудниковъ можетъ быть оцѣниваема съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Сперанскій могъ остаться вполнѣ доволенъ ею. Западный Сводъ по внѣшности и по общему характеру ничѣмъ не отличался отъ тѣхъ многочисленныхъ сводовъ, которые были составлены во II Отдѣленіи. Терминологія его, насколько возможно, была сближена съ принятой въ другихъ частяхъ законодательства; мѣстные термины были сохранены лишь тамъ, гдѣ ихъ обойти нельзя было; да, впрочемъ, сводъ мѣстныхъ узаконеній, естественно, долженъ былъ имѣть своего рода couleur locale. Подъ всѣми статьями красовались ссылки на точно опредѣленныя статьи прежнихъ законодательныхъ памятниковъ. Заинтересованныя вѣдомства, по крайней мѣрѣ центральныя, министерства, противъ него не возражали; авторитетъ составителя и ревизоровъ являлся гарантіей „полноты и точности“ изложенія дѣйствующихъ остатковъ старинныхъ нормъ, а чины II Отдѣленія, наблюдавшіе за ихъ работой, навели на результатъ трудовъ мѣстныхъ юристовъ тотъ единообразный внѣшній лоскъ, которымъ отличались всѣ кодификаціонныя работы тридцатыхъ годовъ. Короче говоря, Западный Сводъ въ окончательномъ проектѣ былъ доведенъ до той же степени законченности, какъ и всѣ прочія работы, сдѣланныя подъ руководствомъ Сперанскаго.

---

[1]) См. А. Г. С. дѣло *Департамента Законовъ* 1842 г. по архиву № 1804.
[2]) См. А. Г. С. дѣло II Отд. № 5а, 1840 года, часть II.

Но, разумѣется, не этой чисто внѣшней точкой зрѣнія должно руководствоваться при оцѣнкѣ работы кодификаторовъ литовско-польскаго права. Необходимо болѣе внимательно разсмотрѣть, насколько выполнена ими основная задача кодификаціи, собраніе во едино дѣйствовавшихъ нормъ, посмотрѣть, не было ли въ методѣ ихъ работы какихъ либо такихъ моментовъ, которые позволяли бы думать, что въ этой structura nova не исказились нѣсколько veteres leges.

Мѣстный сводъ по своему существу ничѣмъ не долженъ былъ отличаться отъ общаго Свода Законовъ. Онъ имѣлъ то же самое назначеніе — служить полнымъ и точнымъ сборникомъ *дѣйствующаго* права. Сводъ Законовъ ничего не измѣнялъ въ силѣ и дѣйствіи существовавшихъ законовъ, но приводилъ ихъ только въ единообразіе и порядокъ, такъ прямо сказано въ пунктѣ 4 манифеста 2-го февраля 1833 г., при которомъ былъ распубликованъ этотъ законодательный памятникъ. Мѣстные же своды должны были привести въ единообразіе законы, дѣйствовавшіе въ краяхъ присоединенныхъ [1]). Слѣдовательно, и западная кодификація должна была въ точности выражать то право, которое въ это время дѣйствовало на западной окраинѣ имперіи, ничего къ нему не прибавляя, но и ничего отъ него не отнимая. Въ сводѣ, какъ въ фокусѣ, должны были быть собраны всѣ дѣйствующія нормы, и онъ долженъ былъ явиться изображеніемъ того, что было на самомъ дѣлѣ. Всякое уклоненіе отъ существующаго права уже являлось его искаженіемъ.

Такія требованія можно предъявить съ полнымъ основаніемъ ко всѣмъ кодификаціоннымъ работамъ, построеннымъ по плану Сперанскаго, если понимать въ широкомъ смыслѣ задачу, поставленную Сперанскому. Кодификаціонная обработка права служила только для упрощенія практическаго пользованія источниками; она не должна была вносить ничего новаго въ жизнь. Практика должна была найти въ сводѣ только привычное ей право, всѣ тѣ нормы, которыя она примѣняла, примѣняла, разумѣется, не по недоразумѣнію. Обыватель, раскрывшій сводъ, не долженъ былъ бы испытывать никакого разочарованія или недоумѣнія—то, что разумно считалось имъ обязательнымъ до изданія кодифицированнаго свода, то должно было бы оставаться таковымъ и послѣ этого изданія.

Таково было бы идеальное разрѣшеніе задачи, та кодификація, ко-

---

[1]) См. Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ, первое изданіе (1833 г.), стр. 90—92, стр. 112.

торую должно требовать; но слѣдуетъ сказать, что идеалъ этотъ очень трудно достижимъ.

Удалось ли составителямъ свода его достичь? На этотъ вопросъ нельзя дать точнаго отвѣта; всякая попытка дать его можетъ имѣть только гадательное значеніе, по той простой причинѣ, что работа кодификаторовъ не получила силы закона. Только практическое примѣненіе свода, конфликты между представленіями о правѣ, господствовавшими среди обывателей и юристовъ, и выраженіемъ его въ сводѣ, возведеннымъ въ авторитетное истолкованіе его, только такіе повседневные конфликты могли бы дать матеріалъ для точной оцѣнки свода. Полной провѣркой свода можетъ быть только примѣненіе отдѣльныхъ конкретныхъ нормъ его, при которомъ обнаруживается, что такая-то статья вполнѣ адэкватно выражаетъ старинныя правила прежнихъ источниковъ, или, наоборотъ, имъ не соотвѣтствуетъ. Поэтому приходится ограничиться только нѣсколькими замѣчаніями, указавъ на нѣкоторыя обстоятельства, которыя несомнѣнно должны были невыгодно отразиться на „точности и полнотѣ" изложенія дѣйствовавшаго права.

Много ума и усилій вложили мѣстные юристы въ составленіе порученнаго имъ свода. Имъ пришлось бороться со многими затрудненіями, сопоставлять рядъ неясныхъ и расплывчатыхъ источниковъ, устанавливать точный текстъ ихъ, самимъ разрабатывать такіе вопросы, надъ которыми до нихъ мало кто задумывался. При этомъ имъ приходилось считаться еще и со слѣдующимъ обстоятельствомъ, которое оказывало непрерывное вліяніе на ихъ работу и ея не облегчало.

Именно, имъ постоянно приходилось считаться съ той тенденціей внутренней политики, которая видѣла въ мѣстномъ правѣ нѣчто только терпимое—нѣчто такое, что всегда должно уступать общимъ законамъ. При *конкретномъ* примѣненіи мѣстныхъ законовъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, разрѣшаемыхъ судами или другими учрежденіями, у мѣстныхъ юристовъ это чувство не могло сказываться въ такой силѣ, такъ какъ не было за этими частными случаями такого строгаго наблюденія и тщательнаго контроля. Напротивъ, при составленіи свода, который постоянно провѣрялся различными инстанціями и долженъ былъ получить самую широкую гласность, естественно, составители должны были обратить сугубое вниманіе на этотъ пунктъ. Предстоящая отмѣна прежняго права висѣла въ воздухѣ, недоброжелательное отношеніе правительства ко всѣмъ остаткамъ польскаго владычества было всѣмъ

извѣстно, распространеніе русскихъ законовъ на губерніи, присоединенныя отъ Польши, было въ духѣ времени. Понятно, что при такихъ условіяхъ составители окончательнаго проекта не могли настаивать на проведеніи въ сводѣ польскаго права во всей исчерпывающей его полнотѣ. Къ тому же, въ послѣдней инстанціи, въ комитетѣ, какъ выше уже показано, самые вліятельные члены больше сочувствовали новому русскому законодательству, чѣмъ прежнему праву, если только въ немъ можно было уловить слѣды польскаго вліянія. Эти чувства иногда брали верхъ надъ юридической логикой и приводили къ тому, что мѣстное право признавалось прямо отмѣненнымъ даже въ такихъ случаяхъ, когда этого на самомъ дѣлѣ и не было. При всемъ этомъ надо еще имѣть въ виду, что и совершенно объективное разрѣшеніе вопроса о томъ, какія старинныя нормы не противорѣчатъ общему праву — работа очень не легкая.

Между тѣмъ, законодательство имперіи уже успѣло коснуться различныхъ сторонъ мѣстной жизни; такіе законодательные акты издавались въ обыкновенныхъ формахъ указовъ, Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта и другихъ. Въ нихъ иногда отмѣнялись прежнія постановленія, а иногда они только дополнялись и развивались дальше. Въ новой формѣ продолжали жить принципы древняго права—литовскаго и польскаго, и приводились въ соотвѣтствіе съ новыми жизненными и политическими условіями.

Всѣ эти акты, творчество новой законодательной власти, естественно были включены въ Полное Собраніе Законовъ и подверглись кодификаціонной обработкѣ при составленіи общаго свода. Множество изъятій для западнаго края, основанныхъ на различныхъ указахъ и другихъ законахъ, были введены въ общій сводъ и размѣщены въ различныхъ томахъ его по принадлежности.

Въ приложеніи къ Западному Своду помѣщена (подъ номеромъ первымъ) „табель статей общаго свода, содержащихъ въ себѣ мѣстныя особенности и изъятія въ отношеніи Западныхъ губерній", и въ этомъ спискѣ перечислено около 500 такихъ статей; по числу онѣ равны четвертой части всего Западнаго Свода. Всѣ эти акты въ моментъ изданія предполагали дѣйствіе прежнихъ источниковъ права; ихъ смыслъ и полное значеніе можно было уразумѣть только при сопоставленіи съ дѣйствовавшимъ мѣстнымъ правомъ—они издавались въ дополненіе къ стариннымъ литовско-польскимъ собраніямъ законовъ, а не къ общеимперскимъ законамъ. Но въ моментъ составленія Западнаго Свода они уже были кодифицированы, и составители мѣстной кодификаціи

до нихъ касаться не могли; сводъ мѣстныхъ законовъ обнималъ только законы о состояніяхъ, законы гражданскіе и о гражданскомъ процессѣ, а съ прочими „мелкими изъятіями" составителямъ его приходилось считаться, какъ съ чѣмъ-то уже даннымъ. Вотъ эти отдѣльныя нормы, будучи размѣщены по различнымъ томамъ свода, будучи отнесены къ опредѣленной категоріи права, къ законамъ „благоустройства" или „силъ правительственныхъ" или другимъ, тѣмъ самымъ измѣнили во многомъ свой характеръ. Благодаря этому онѣ получили болѣе опредѣленное значеніе, чѣмъ когда существовали въ качествѣ самостоятельныхъ, разрозненныхъ актовъ и дополняли дѣйствующее право, не разбитое на систематическія рубрики. Иначе говоря, самый фактъ кодификаціи ихъ внѣ связи съ кодификаціей мѣстныхъ источниковъ самъ по себѣ отразился и на некодифицированномъ правѣ, которому была чужда система общаго свода.

Дѣло особенно усложнялось въ тѣхъ матеріяхъ, когда цѣлыя области прежняго правопорядка, какъ, напримѣръ, все уголовное право, *общимъ образомъ* были признаны отмѣненными имперскимъ законодательствомъ, а въ точности не были перечислены тѣ нормы, которыя отмѣнялись. Между тѣмъ, въ Литовскомъ Статутѣ и въ конституціяхъ сеймовъ нормы публичнаго и частнаго права излагались безъ всякаго расчлененія, иногда въ одномъ и томъ же артикулѣ, не говоря уже о болѣе крупныхъ подраздѣленіяхъ. Кодификаторамъ приходилось эти старинные артикулы расчленять соотвѣтственно новымъ рубрикамъ общаго свода, который былъ данъ имъ въ образецъ, и устанавливать, какія части сохранили силу, а какія нѣтъ, проводить точныя границы между публично- и частноправовыми нормами.

Такъ какъ не всѣ бумаги, относящіяся до работъ Даниловича и ревизіоннаго комитета, уцѣлѣли, то и нельзя установить, какъ справлялись они съ этой частью задачи. Сохранилось только одно разсужденіе комитета по этому поводу [1]).

Именно, § 1 арт. 8, § 1 арт. 9, разд. V Статута устанавливаютъ правило, по которому дѣвица, вышедшая замужъ безъ согласія отца и матери, лишается приданаго и наслѣдства, и тѣмъ же послѣдствіямъ подвергается сирота несовершеннолѣтняя, вступающая въ бракъ безъ

[1]) Оно имѣется въ дѣлѣ № 5а, 1840 года (о законахъ губ. Черниговской и Полтавской) въ запискѣ, представленной въ Государственный Совѣтъ 18-го мая 1843 года. Въ меморіяхъ комитета имѣется только указаніе на рѣшеніе его, въ окончательномъ видѣ, но мотивовъ и соображеній, по которымъ онъ пришелъ къ этому выводу, нѣтъ. См. А. Г. С. д. № 28, 1834 г. засѣданіе 8-го января 1836 г.

согласія братьевъ, или дядей по отцу, или, за неимѣніемъ ихъ—ближайшихъ родственниковъ или своихъ опекуновъ. Это правило ревизіонный комитетъ рѣшилъ въ сводъ не включать по слѣдующимъ основаніямъ. Въ Литовскомъ Статутѣ имѣется много нормъ уголовнаго права, которыя всѣ отмѣнены уголовнымъ законодательствомъ имперіи. Къ числу ихъ, по мнѣнію комитета, надо отнести и это правило о лишеніи наслѣдства. Его надо причислить къ уголовному праву, потому что, во-первыхъ,—имъ опредѣляется не какое-либо право родителей, а „постановляется наказаніе отъ правительства". Не указано въ немъ далѣе, по чьей жалобѣ наступаетъ это послѣдствіе; оно, какъ и всѣ вообще уголовныя взысканія, наступаетъ само собой, силой закона и безъ заявленія заинтересованныхъ лицъ. Помимо такихъ формальныхъ соображеній, комитетъ обратилъ вниманіе и на то, что такое правило не соотвѣтствуетъ современному правосознанію, такъ какъ указанныя выше уголовныя послѣдствія наступаютъ только въ случаѣ неповиновенія дочери, а не сына, о которомъ законъ умалчиваетъ. Нашелъ комитетъ также нѣкоторое противорѣчіе этого правила съ другими постановленіями Статута. Но не за этими соображеніями изъ области политики права, которыя доказывали только то, что объ исключеніи изъ свода цитированныхъ постановленій Статута нечего скорбѣть, не за этими соображеніями было признано рѣшающее значеніе. Комитетъ установилъ, что при современномъ порядкѣ нѣтъ такого наказанія, которое вводится Статутомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, это правило не можетъ служить основаніемъ для гражданскаго иска.

Однако, едва ли не голословно утвержденіе комитета, что изъ цитированнаго правила Статута не вытекаетъ ни для кого право жалобы, и что на немъ нельзя основывать гражданскаго правомочія. Вопросъ о томъ, не имѣетъ ли, напримѣръ, сонаслѣдникъ право отобрать на основаніи этихъ §§ наслѣдственную долю родового имущества отъ неповиновавшейся дочери наслѣдователя, комитетъ обошелъ молчаніемъ. Можно думать, что формальные мотивы имѣли цѣлью только устраненіе устарѣвшаго и несправедливаго закона, о которомъ жалѣть не приходится. Какъ бы то ни было, приведенное разсужденіе можетъ служить примѣромъ того, какъ легко при кодификаціи мѣстныя нормы признавались отмѣненными принципами общаго Свода.

Но колебанія и нѣкоторое невольное пристрастіе къ имперскому законодательству должны были зарождаться у составителей и не только при коллизіяхъ такихъ крупныхъ и неопредѣленныхъ отдѣловъ законодательства.

У кодификаторовъ возникало сомнѣніе о примѣнимости той или другой мѣстной нормы, а слѣдовательно—и о помѣщеніи ея въ мѣстный сводъ,—во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имперское законодательство, такъ или иначе, коснулось даннаго вопроса, хотя бы только отчасти. Одна отрывочная статья, помѣщенная въ примѣчаніи въ какомъ либо томѣ общаго свода, парализовала цѣлый комплексъ мѣстныхъ нормъ. Зарождалось сомнѣніе о пространствѣ дѣйствія статей общаго свода, и нельзя удивляться тому, что кодификаторы подчасъ склонны были толковать ихъ въ распространительномъ смыслѣ. Разрѣшеніе такихъ недоумѣній еще болѣе затруднялось въ тѣхъ случаяхъ, когда постановленія общаго свода звучали какъ повелительное, прецептивное право, и по содержанію могли претендовать на общее значеніе (сюда можно отнести, напримѣръ, всѣ законы, стоящіе въ связи съ разными фискальными требованіями).

Въ такихъ случаяхъ, если они представлялись не слишкомъ принципіальными, поневолѣ приходилось кодификаторамъ жертвовать мѣстными особенностями и довольствоваться ссылками на общій сводъ. Слѣды такихъ колебаній и послѣдующаго торжества общеимперскихъ законовъ, или точнѣе — статей общаго свода, сказываются на кодификаціи законовъ о союзѣ брачномъ, объ опекѣ, когда въ ревизіонномъ комитетѣ возникалъ вопросъ о сближеніи первоначальнаго проекта съ общимъ законодательствомъ. Чувствуется колебаніе и въ постановленіяхъ о различныхъ вещныхъ правахъ; въ описаніи юридическаго положенія различныхъ имѣній старостинскихъ, арендныхъ, поіезуитскихъ; косвенно оно отразилось даже на законахъ о судопроизводствѣ, т. е., въ такой области права, которая представляла наибольшія отличія отъ общеимперскаго порядка.

Словомъ, необходимость для кодификаторовъ оглядываться на помѣщенныя въ общій сводъ изъятія и склонность придавать имъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ они того заслуживали, замѣтны во всѣхъ вопросахъ права, на которые русская законодательная власть не только наложила руку, но даже и въ тѣхъ, до которыхъ она только прикоснулась. Такія „мелкія изъятія“, какъ сказано въ § 4 свода, пріобрѣтали при кодификаціи гораздо большее значеніе, чѣмъ какое они имѣли въ моментъ изданія; тогда наряду съ ними предполагалось дѣйствіе неограниченнаго и законодателю въ точности даже неизвѣстнаго количества мѣстныхъ нормъ, а при кодификаціи составители свода все время должны были считаться съ возможнымъ упрекомъ, что, слишкомъ обобщая мѣстныя нормы, они устраняютъ дѣйствіе

болѣе конкретныхъ имперскихъ законовъ, что они измѣняютъ общій сводъ, не имѣя на то полномочій.

Но и помимо такихъ соображеній, которыя, конечно, не во всѣхъ случаяхъ могли имѣть рѣшающее значеніе и скорѣе связывали мысль кодификаторовъ, чѣмъ вызывались дѣйствительнымъ ограниченіемъ ихъ полномочій, самая разбросанность нормъ, касающихся западныхъ губерній по разнымъ мѣстамъ Свода Законовъ, не могла благотворно отразиться на стройности мѣстной кодификаціи. Въ самомъ дѣлѣ, постоянныя ссылки на рядъ статей, помѣщенныхъ въ различныхъ томахъ и приложеніяхъ къ отдѣльнымъ статьямъ, производятъ впечатлѣніе какихъ-то пустыхъ мѣстъ; при примѣненіи Западнаго Свода они являлись бы источникомъ крупныхъ затрудненій. Какъ, напримѣръ, составить себѣ полное представленіе о вещныхъ правахъ, когда множество практически очень важныхъ правоотношеній (всѣ правила о пользованіи казенными имѣніями различныхъ наименованій) опредѣлены гдѣ-то отдѣльно, въ другой части законодательства, гдѣ они тонутъ въ общей массѣ совершенно постороннихъ статей.

Въ сомнительныхъ случаяхъ, при толкованіи такихъ разнородныхъ статей могли бы возникнуть неразрѣшимые вопросы. Если отъ текста статьи пришлось бы восходить къ источникамъ ея, то статьи Западнаго Свода приводили бы къ мѣстнымъ источникамъ права, къ Статуту или сеймовымъ конституціямъ, а статьи общаго свода—къ законодательнымъ актамъ эпохи имперіи, къ Полному Собранію. Такое „историческое“ толкованіе, необходимое во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, только создавало бы еще большія затрудненія, нисколько не разъясняя дѣла. Приходилось бы выяснять и значеніе позднѣйшихъ законовъ русскаго происхожденія изъ сопоставленія съ общей обстановкой мѣстнаго права, и опять оставалось бы неяснымъ взаимоотношеніе древняго права, остатки котораго сохранились въ мѣстномъ сводѣ, и новаго, выразителемъ котораго служили „изъятія“ общаго.

Можно, однимъ словомъ, утверждать, что Западный Сводъ, если бы и получилъ силу закона, не явился бы вполнѣ адэкватнымъ выразителемъ дѣйствовавшаго въ то время мѣстнаго права. При кодификаціонной обработкѣ утратилось много мелкихъ штриховъ, которые тоже дополняли картину, а самый фактъ существованія свода преграждалъ бы для примѣняющихъ его всякую возможность обращаться ко всей полнотѣ прежнихъ источниковъ права. Аналогическое примѣненіе закона, хотя и не допускаемое въ принципѣ правилами общаго свода, но фактически неустранимое, этого пробѣла не могло бы заполнить. При вос-

хожденіи къ общимъ принципамъ статей, истолкователю пришлось бы подчасъ встрѣчаться съ общими началами не мѣстнаго, а имперскаго права, началами, которыя до изданія свода не могли претендовать на дѣйствіе въ этихъ мѣстностяхъ, „на особыхъ правахъ состоящихъ"; иначе говоря, при кодификаціи вводилось нѣкоторое „новое" для западнаго края право. При кодификаціонной „обдѣлкѣ" мѣстное право несомнѣнно могло терять въ полнотѣ и объемѣ,—отъ чистки червонецъ поневолѣ становился тоньше. Этого, конечно, можно было избѣжать; теоретически мыслимо изложеніе дѣйствующаго права въ его полной неприкосновенности — такова теперь задача всякаго учебника права, описывающаго положительный правопорядокъ. Можно было бы предъявить такія требованія и къ мѣстнымъ юристамъ, но слѣдуетъ помнить, что они, въ сущности, являлись піонерами въ дѣлѣ теоретической разработки литовскаго права. Въ ихъ распоряженіи почти не было научныхъ сочиненій, на которыя они могли бы опираться, ибо труды старинныхъ юристовъ, къ которымъ могли обратиться Даниловичъ и его преемники, члены комитета, имѣли значеніе не столько научныхъ трактатовъ, сколько источниковъ права. Ближайшаго анализа сущности институтовъ права, раскрывавшаго его внутреннее содержаніе и природу,—въ этихъ сочиненіяхъ не найти. А безъ такого точнаго и сознательнаго распознанія существа институтовъ мѣстнаго права нельзя было отстаивать ихъ самостоятельность и самобытность по сравненію съ субсидіарнымъ правомъ общаго свода, за которымъ стоялъ огромный внѣшній авторитетъ. Къ тому же и право общаго свода было разработано въ то время еще хуже, чѣмъ право Литвы; русская юридическая наука и изученіе русскаго права только еще зарождались и у тогдашнихъ „юриспрудентовъ" ни Даниловичу, ни прочимъ дѣятелямъ учиться было нечему. Свѣдѣнія объ общеимперскомъ правѣ можно было почерпать только изъ статей закона, и сущность институтовъ его приходилось раскрывать самому.

Не удивительно, что составители Западнаго Свода не смогли въ совершенствѣ справиться съ этой частью своей задачи — соединить мѣстное право съ общеимперскимъ и безукоризненно точно отграничить область каждаго. Слѣдовало начать съ теоретической разработки, а на это у нихъ не было ни времени и, если не считать Даниловича, то не было и достаточныхъ познаній; не было, наконецъ, и яснаго представленія о необходимости такихъ изысканій. Въ этомъ нельзя винить ихъ. То, что теперь очевидная истина для всякаго юриста, то семьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ такой мѣрѣ не

сознавалось, особенно же юристами практиками, изъ которыхъ состояло большинство дѣятелей кодификаціи.

Сказанное выше относится преимущественно къ институтамъ гражданскаго права; только отсутствіемъ теоретической разработки объясняется бѣдность постановленій Западнаго Свода въ этой области. Гражданскіе законы, какъ выше показано, представляютъ собраніе совершенно разрозненныхъ правилъ, какихъ-то кусочковъ, по которымъ даже нельзя опредѣлить, являются ли они обломками разбитаго цѣлаго, или же самостоятельными, но еще незаконченными величинами, не собранными воедино. Съ особенною очевидностью проявляется это въ ученіи объ обязательствахъ, гдѣ въ мѣстномъ сводѣ можно найти столь же мало матеріальныхъ нормъ, какъ и въ общемъ. А между тѣмъ кратко, но выпукло очерченное у Даниловича [1]), обязательственное право Литовскаго Статута имѣло свою своеобразную физіономію. Изъ него наука можетъ извлечь общіе принципы, отличные отъ права центральной Россіи, и въ кодексѣ мѣстнаго права эти общія начала должны были бы занять мѣсто. Изъ немногочисленныхъ постановленій Статута, касающихся, напримѣръ, купли-продажи, можно извлечь общіе принципы, можно установить характеръ ея, какъ основанія пріобрѣтенія права собственности (раздѣлъ VII, арт. 5 § 2), можно разработать отвѣтственность за эвикцію (см., напр., раздѣлъ VII, арт. 23 Статута) съ большей подробностью, чѣмъ это сдѣлано въ Западномъ Сводѣ. Статьи Статута о повѣренныхъ на судѣ даютъ достаточный матеріалъ для созданія матеріальнаго права договора довѣренности, гораздо болѣе содержательнаго, чѣмъ жалкія постановленія X тома. И если внимательнѣе анализировать нормы Статута съ точки зрѣнія догматической ихъ разработки, какъ дѣйствующаго права, то можно конструировать довольно полную систему обязательныхъ правоотношеній. Но такая обработка, такое раскрытіе руководящихъ правовыхъ идей, происходитъ только медленно и постепенно; это всецѣло дѣло науки, а въ тридцатыхъ годахъ только начиналось научное изученіе Литовскаго Статута, и Даниловичъ одинъ не могъ сразу сдѣлать все.

Съ другой стороны, всѣ формальныя особенности мѣстнаго права, которыя представляли очевидное отличіе отъ общеимперскихъ порядковъ, сразу бросающееся въ глаза, были отмѣчены мѣстными юристами и тщательно собраны въ кодексѣ; таковы, напримѣръ, всѣ по-

---

[1]) Юридическія Записки Рѣдкина I, стр. 40.

становленія объ обрядовой сторонѣ сдѣлокъ. Съ достаточной полнотой выражены въ немъ и тѣ немногіе институты права, которыхъ коснулась научная обработка. Въ области гражданскаго судопроизводства, на которую въ прежнія времена было обращено бо́льшее вниманіе теоретиковъ, couleur locale сохранилась въ значительно большей степени, чѣмъ въ другихъ. Составители свода отдавали себѣ ясный отчетъ въ различіи основныхъ принциповъ общаго и мѣстнаго порядка судопроизводства, ясно сознавали значенія различныхъ стадій процесса, отсутствующихъ въ общеимперскихъ законахъ о судопроизводствѣ, и не обходили ихъ молчаніемъ. Поэтому, въ этой области общій сводъ и не оказалъ истребительнаго вліянія на мѣстныя особенности; отклоненія отъ общихъ законовъ были сдѣланы сознательно и не измѣнили основнаго характера литовскаго судопроизводства, а, напротивъ, по мнѣнію кодификаторовъ, только восполняли дѣйствительно ощутимые пробѣлы его.

Если разсматривать трудъ кодификаторовъ въ исторической перспективѣ, то можно сказать, что въ эпоху составленія Западнаго Свода едва ли нашлись бы другіе дѣятели, которые съумѣли бы съ большей полнотой выразить дѣйствующее въ западномъ краѣ право, особенно *гражданское*, въ такомъ сводѣ, какой требовалъ отъ нихъ Сперанскій. И если въ трудахъ ихъ, съ современной точки зрѣнія, можно найти недостатки, то объясняется это тѣмъ, что для кодификаціи литовскаго права въ эпоху Сперанскаго еще совсѣмъ не настало время. Сводъ вышелъ бы значительно болѣе содержательнымъ, и система мѣстнаго *гражданскаго* права была бы гораздо болѣе закончена, если бы кодификаціоннымъ работамъ предшествовала болѣе продолжительная научная разработка [1]).

Но какъ бы то ни было, можно не безъ увѣренности утверждать, что жители западныхъ губерній въ гладкихъ и лощеныхъ статьяхъ

---

[1]) Слѣдуетъ еще отмѣтить, что какъ разъ въ моментъ составленія свода, въ тридцатые годы, состоялось наибольшее число указовъ, отмѣнявшихъ части прежняго литовско-польскаго законодательства. Если, напримѣръ, остановиться на вопросѣ о гражданской право- и дѣеспособности по литовско-польскому праву, то за это десятилѣтіе русское законодательство совершенно преобразовало всѣ прежнія постановленія. Если прочесть исторію этого института въ солидномъ изложеніи проф. *Леонтовича* (*Жур. Мин. Юст.* 1906, № 6 и раньше), то можно сказать, что для эпохи, предшествующей 1830 году, многія постановленія, описанныя въ этой статьѣ, являлись еще до нѣкоторой степени дѣйствующимъ правомъ, а къ 1836 уже только очень немногія еще оставались въ силѣ.

свода 1836 г.,—если бы было суждено ему сдѣлаться дѣйствующимъ закономъ,—не нашли бы всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ нормъ, которыя они привыкли считать своимъ дѣйствующимъ законодательствомъ; при разграниченіи мѣстнаго и общаго права границы были проведены въ ущербъ первому.

Но это собраніе „существующихъ законовъ" принесло бы для нихъ еще одно разочарованіе, впрочемъ, нѣсколько иного рода.

По основной мысли Сперанскаго, всѣ кодификаціонные памятники работы II Отдѣленія должны были являться сборниками *не нормъ* права вообще, а собраніемъ *законовъ*. Имѣлось въ виду соединить въ своды только нормы, исходящія отъ верховной законодательной власти, или ею прямо признанныя и утвержденныя, но, во всякомъ случаѣ, выраженныя на письмѣ и формулированныя въ „статьяхъ". Всѣ прочія нормы, если нельзя было установить прямой санкціи ихъ со стороны верховной власти, не подлежали включенію въ сводъ. Изъ этого принципа неизбѣжно вытекало два слѣдствія: одно положительное, что всѣ, прямо не отмѣненные *закономъ* же, законы должны быть включены въ сводъ, и другое отрицательное, что всѣ нормы права, которыхъ нельзя подвести подъ такое формальное опредѣленіе, не могутъ быть признаны „законами" и включенію въ сводъ не подлежатъ. Этимъ правиломъ должны были руководиться и составители Западнаго Свода; въ огромномъ количествѣ разнородныхъ *законодательныхъ* постановленій, принадлежащихъ къ различнымъ эпохамъ и исходящихъ отъ различныхъ органовъ власти, они должны были найти такія, которыя еще не отмѣнены прямо или косвенно позднѣйшими. На ихъ обязанности лежало установить *дѣйствующій законъ*, и только законъ. Для такого, чисто историко-юридическаго разслѣдованія имъ были предоставлены всѣ способы; имъ была дана возможность пользоваться всѣми архивами и библіотеками и обращаться ко всѣмъ знатокамъ.

Но совершенно такую же задачу постоянно должны были разрѣшать въ конкретныхъ случаяхъ и тѣ должностныя лица, которыя практически примѣняли законъ. И ихъ задача заключалась въ томъ, чтобы найти дѣйствующую норму, не отмѣненную позднѣйшею. Но разница между обстановкой, въ которой приходилось дѣйствовать практикамъ и кодификаторамъ, была громадна. У практиковъ не было подъ руками всего того научнаго аппарата, которымъ пользовались составители свода; у нихъ не было въ распоряженіи рукописей Литовскаго Статута, по которымъ они могли устанавливать точный текстъ каждаго сомнительнаго артикула. Не было возможности навести быструю и точную справку по

подлиннику акта, хранящемуся въ Литовской Метрикѣ; не было, наконецъ, обширной эрудиціи, при помощи которой можно было разобраться во всѣхъ этихъ памятникахъ. Но за то у практиковъ передъ глазами былъ реальный случай, конкретное бытовое отношеніе, которое часто само собой подсказывало, какъ слѣдуетъ рѣшить данный казусъ; они воочію могли убѣдиться въ томъ, насколько старый законъ не примѣнимъ къ жизни, и къ какимъ нежелательнымъ послѣдствіямъ можетъ привести его примѣненіе. Все это было для нихъ ясно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось имъ имѣть дѣло съ казусами, въ жизни нерѣдкими, съ типичными положеніями, они могли руководствоваться прецедентами, и, въ результатѣ, они примѣняли уже не старый законъ, а новую „практику", usus fori, обычное толкованіе. Судья могъ оглядываться на жизнь, на обычныя нормы; его провѣряла только слѣдующая инстанція, которая дѣйствовала въ той же обстановкѣ и, конечно, въ общемъ была съ нимъ солидарна. Его контролировала жизнь, а не пыль архивовъ. Въ совершенно иномъ положеніи оказывались составители свода. Они рѣшали математическую, абстрактную задачу внѣ рамокъ реальной жизни. Они сопоставляли абстрактныя нормы, и только нормы, не имѣя передъ глазами реальнаго отношенія. Естественно, что при этомъ терялась бытовая перспектива. Понятно, что и отвѣтъ въ одномъ и въ другомъ случаѣ долженъ былъ получиться совершенно различный. Правда, члены ревизіоннаго комитета имѣли знакомство съ практическимъ примѣненіемъ мѣстныхъ законовъ и во многихъ случаяхъ чувствовали, что фиксированный въ старыхъ законахъ порядокъ уже въ самомъ дѣлѣ отмѣненъ жизнью, но, во-первыхъ, они не были уполномочены мѣнять букву закона собственною властью, а во-вторыхъ, не всегда такое несоотвѣтствіе бросалось имъ прямо въ глаза, — его надо было вообразить. Для нихъ „существующимъ" закономъ былъ всякій не отмѣненный старинный законъ, во всей его первоначальной чистотѣ, по возможности, въ томъ текстѣ, въ какомъ онъ былъ впервые изданъ.

Призраки „неотмѣненныхъ" законовъ преслѣдовали составителей свода, связывая ихъ мысль и лишая ихъ свободы толкованія: правило, отмѣна котораго прямо не выражена въ позднѣйшемъ актѣ, должно быть помѣщено въ Сводѣ, хотя бы даже то явленіе, которое имъ опредѣлялось, уже совершенно исчезло изъ жизни. При всякомъ сомнѣніи вопросъ разрѣшался въ смыслѣ сохраненія такой нормы въ сводѣ.

Убѣдительнымъ примѣромъ этой связанности мертвой буквой

являются разсужденія комитета по поводу такъ называемыхъ „заставъ на упадъ". Въ примѣчаніи II къ § 978 Западнаго Свода высказано слѣдующее: „въ прежнее время... существовали такъ называемыя заставы *на упадъ*, т. е., съ условіемъ потери имѣнія въ случаѣ невыкупа его на срокъ. Заставы сіи, какъ стѣснительныя для должниковъ, вышли сами собой изъ употребленія". Подъ этимъ примѣчаніемъ нѣтъ никакихъ ссылокъ на источники, да текстъ закона ихъ и не требуетъ. Въ „примѣчаніи" констатируется только фактъ, извѣстный всѣмъ, сколько-нибудь знакомымъ съ практикой; нельзя даже сказать, содержитъ ли эта статья вообще велѣніе, или только замѣчаніе чисто историческаго, антикварнаго, характера. Во всякомъ случаѣ — отсутствіе ссылокъ это прямо показываетъ,—эта фраза свода имѣетъ въ виду не прежній „законъ", а просто обычный въ старину типъ сдѣлокъ.

Но ревизіонный комитетъ обратилъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Весь институтъ заставныхъ контрактовъ подвергся вполнѣ основательному гоненію со стороны законодательства имперіи. Положеніе 1827 г. старалось свести его на нѣтъ, но о заставахъ на упадъ оно ничего не говорило. Отсюда ревизоры вывели, что оно прямо ихъ не отмѣняетъ, и почувствовали себя въ безвыходномъ положеніи. Казалось бы, правило о такомъ уже вымершемъ, по ихъ же признанію, явленіи нечего вовсе въ сводъ помѣщать, тѣмъ болѣе, что и другіе болѣе жизненные виды этого института были очень ограничены новымъ закономъ, но ревизоры не рѣшались отбросить его собственной властью, а представили о своихъ сомнѣніяхъ въ Государственный Совѣтъ. Въ запискѣ II Отдѣленія, въ которой сгруппировано нѣсколько сомнительныхъ вопросовъ, касающихся заставъ на упадъ [1]), возбуждается между прочимъ и слѣдующій: „вмѣщать ли въ составъ свода заставные договоры на упадъ, *закономъ не отмѣненные*, но въ дѣлахъ весьма рѣдко употребляемые?" О нихъ сказано въ проектѣ свода потому, что „по общему правилу свода *законъ не отмѣненный, сколько бы впрочемъ не рѣдко было его приложеніе, долженъ быть изложенъ какъ законъ существующій*". Но, говорится далѣе въ запискѣ, „помѣстить въ сводѣ законъ о заставахъ на упадъ значило бы возобновить его, между тѣмъ, какъ онъ самъ собой обветшалъ и нѣкоторымъ образомъ утратилъ свою силу отъ бездѣйствія. Полезно ли, сообразно ли будетъ

[1]) Главное затрудненіе комитета заключалось въ томъ, что онъ не зналъ, какъ опредѣлить порядокъ выкупа просроченныхъ заставъ на упадъ: объ этомъ см. выше глава VIII.

съ духомъ общаго нашего законодательства его возобновить?“ По этимъ мотивамъ II Отдѣленіе предложило примѣчаніе II къ § 978 изъ проекта исключить, и Государственный Совѣтъ съ этимъ согласился [1]).

Но, спрашивается, имѣлись ли вообще основанія къ тому, чтобы обращать дѣло къ разрѣшенію въ сложномъ законодательномъ порядкѣ? Неужели же тѣ чисто юридическія соображенія, которыя выставляло II Отдѣленіе, были недостаточны для того, чтобы разрѣшить его въ кодификаціонномъ порядкѣ? И далѣе, неужели же *непомѣщеніе* въ сводъ приведеннаго выше правила можно было толковать въ томъ смыслѣ, что въ силу умолчанія закона, заставы на упадъ становятся сдѣлкой запрещенной? Вѣдь даже и самые захолустные юристы-практики 30-хъ годовъ не могли толковать законы гражданскіе съ той точки зрѣнія, что все прямо не разрѣшенное—запрещено. Ужъ если желательно было устранить совершенно заставы на упадъ, то слѣдовало прямо воспретить ихъ [2]).

Съ другой стороны, все то, что не было записано гдѣ-нибудь въ старинныхъ законахъ, а было развито практикой, все это должно было отпадать при кодификаціи. Этотъ конфликтъ между правомъ „неотмѣненнымъ“ и примѣняемымъ на дѣлѣ кодификаторы ясно сознавали. О попыткахъ разрѣшить его говорится и въ „Историческомъ обозрѣніи о составленіи Свода мѣстныхъ законовъ Западныхъ губерній“ [3]), — впрочемъ, слѣдуетъ напомнить еще разъ, что эта часть его, гдѣ говорится объ этомъ, написана самимъ Сперанскимъ [4]) и выражаетъ, слѣдовательно, преимущественно его мысли, а не воззрѣнія непосредственныхъ дѣятелей. Но это не подрываетъ значенія приводимой ниже выдержки, какъ свидѣтельства о томъ, что происходило на дѣлѣ,—съ мыслями Сперанскаго кодификаторамъ приходилось считаться, какъ съ собственными.

„Судебная практика“, говорится въ Обозрѣніи историческихъ

---

[1]) См. А. Г. С. дѣло № 50—60, 1838 г. по Департаменту Законовъ.

[2]) Но между тѣмъ такова была несомнѣнно цѣль записки II Отдѣленія. Это явствуетъ между прочимъ и изъ того соображенія, выставляемаго противъ заставъ на упадъ, что по законамъ великороссійскихъ губерній (указомъ 1800 г.) запрещено писать закладныя съ обращеніемъ ихъ въ купчія.

[3]) Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній, Раздѣлъ IV Отдѣленіе II, 2 п. б. „Разногласіе между закономъ и практикой“ (цитируется по рукописи А. Г. С. дѣла II Отд. № 587).

[4]) См. черновая, писанная карандашемъ, въ бумагахъ гр. Сперанскаго, въ Императорской Публичной Библіотекѣ (въ настоящее время—въ 3-мъ картонѣ).

свѣдѣній, „есть постоянный образъ приложенія закона къ рѣшенію дѣлъ. Если она единообразна и притомъ согласна съ общимъ разумомъ закона: тогда она помогаетъ дѣйствію закона, хотя бы впрочемъ и не держалась строго буквальнаго его смысла. Но если она произвольна и притомъ разнообразна, тогда она ставитъ себя въ противодѣйствіе закону и не можетъ быть оправдана его разумомъ. Въ законодательствѣ Западнаго края встрѣчаются случаи того и другого рода. Есть случаи, въ коихъ практика лучше буквальнаго смысла закона, а есть другіе, въ коихъ она отъ закона произвольно уклоняется. Въ семъ состояніи главныя трудности. Всѣ усилія ревизіи и повѣрки направлены были къ тому, чтобы установить смыслъ и выраженія статей его со всею точностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, согласить по возможности съ закономъ".

„Но сія возможность имѣетъ свои предѣлы; тутъ встрѣтились вопросы, коихъ ни редакція, ни ревизіонный комитетъ не считали себя въ правѣ рѣшить окончательно, и кои не могутъ быть рѣшены иначе, какъ въ порядкѣ законодательномъ. Сіи вопросы признано нужнымъ изложить отдѣльно и съ Высочайшаго соизволенія представить ихъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта".

Нельзя сказать, чтобы эти разсужденія Сперанскаго дали ясное изображеніе того принципа, который былъ положенъ въ основаніе кодификаціи „практики". Напротивъ, они порождаютъ только рядъ недоумѣній и вопросовъ. Такъ, прежде всего, они ничего не даютъ для выясненія того, въ какихъ случаяхъ можно признать, что „практика лучше буквальнаго смысла закона", и въ какихъ—что она произвольно отъ нея уклоняется? Вѣдь если практика создаетъ норму, нѣсколько отличную отъ закона,—а только о такихъ самостоятельныхъ твореніяхъ жизни и можно говорить, — то этимъ самымъ она отъ буквы уклоняется. И далѣе, гдѣ границы допустимаго „уклоненія" *единообразной* практики? При желаніи, во всякомъ развитіи разума закона можно найти уклоненіе отъ буквы, а слѣдовательно—и отъ закона. Но все-таки не слѣдуетъ разсматривать эти слова Сперанскаго, какъ общее мѣсто, не имѣющее никакой реальной подкладки. Въ нихъ дѣйствительно выражается тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ разсматривалась цѣль всей кодификаціонной работы. „Практикѣ",—иначе говоря, жизненному праву,—отводилось только второстепенное мѣсто, и терпима то она была только въ томъ объемѣ, въ которомъ она, такъ сказать, сама выражалась въ статьяхъ. Уже самое внѣшнее устройство свода приводило къ этому: подъ статьей

должна была быть помѣщена ссылка на источникъ, а на неписанную практику или обычай ссылаться неудобно; такая ссылка, говоря канцелярскимъ языкомъ того времени, была бы „неблаговидна“. Если удавалось отредактировать статью въ новой формѣ настолько широко, что старую практику, не помѣщенную въ цитатѣ, безъ особенной натяжки можно было подвести подъ нее, тогда могло уцѣлѣть толкованіе практики. А если не удавалось, то практику просто игнорировали; нельзя же было по каждому пункту составлять особую записку и вносить ее въ Государственный Совѣтъ. Такихъ записокъ изготовлено было всего 10, да и не всѣ онѣ касались санкціи „практики“.

Если бы сводъ сталъ дѣйствующимъ закономъ, то суду и всѣмъ вообще обывателямъ западнаго края пришлось бы, согласно манифесту 2-го февраля 1833 г., „прилагать, приводить и дѣлать указанія и ссылки на статьи Свода, дѣлу приличныя“, т. е., въ такихъ случаяхъ имъ пришлось бы искать отвѣта исключительно въ толкованіи статей Свода; къ какимъ либо нормамъ, внѣ его находящимся, они уже больше не могли бы обращаться. Сводъ отмѣнилъ бы всѣ тѣ наслоенія, которыя сложились за прошлое время; возстановляя старую норму, онъ тѣмъ самымъ вводилъ неожиданную новинку. Насколько было развито мѣстное обычное право и насколько оно измѣнило отдѣльные институты права, описанные въ Статутѣ и послѣдующихъ законодательныхъ актахъ, на это могутъ дать точный отвѣтъ только архивы старинныхъ судебныхъ мѣстъ.

Такое правовое творчество обычая и практики существовало — объ этомъ, разумѣется, вообще спору быть не можетъ. Вездѣ, во всѣхъ странахъ, даже въ странахъ высокой законодательной культуры, наряду съ системой писаннаго права, слагается параллельная система права суда и обычая, восполняющая пробѣлы законодательства и развивающая его принципы, и въ Литвѣ дѣло не могло обстоять иначе. Даже въ эпоху составленія Статутовъ, когда, слѣдовательно, эти кодификаціи были наиболѣе близки къ жизни и обнимали собой наибольшую сумму дѣйствующихъ нормъ, даже и тогда онѣ не исчерпывали ея. Авторитетный изслѣдователь литовскаго права, Ѳ. И. Леонтовичъ, разсмотрѣвъ источники литовско-русскаго права [1]), приходитъ къ тому выводу, что „въ западной Россіи, какъ и въ восточной, обычное право было въ старину основнымъ источ-

[1]) Проф. *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Источники Русско-Литовскаго Права (Варшавск. Унив. Записки 1894 г. I, стр. 69).

никомъ права. Со времени изданія въ Литовскихъ Статутахъ писаннаго права, народный обычай удерживаетъ за собой до *позднѣйшаго* времени значеніе субсидіарнаго источника права". Такъ, напримѣръ, въ вопросѣ о наслѣдованіи имуществъ, какъ убѣдительно доказано въ другомъ изслѣдованіи проф. Леонтовича, „обычай игралъ именно главную, первенствующую роль, являлся наравнѣ съ статутовыми положеніями основнымъ источникомъ права"[1]). Смыслъ законовъ давно прошедшаго времени, а особенно по такому вопросу, гдѣ Статутъ руководящихъ началъ для всѣхъ деталей не указывалъ, дополнялся мѣстными обычаями, а они познаются прежде всего и по преимуществу путемъ изученія актовъ судебной практики[2]). Однако, изученія судебной практики не видно въ подготовительныхъ работахъ по кодификаціи; праву, существующему внѣ сборниковъ писанныхъ нормъ, не удѣлялось никакого вниманія. Между тѣмъ, этотъ источникъ не могъ изсякнуть съ присоединеніемъ Литвы къ имперіи, ибо не произошло ничего такого, что могло бы вызвать такое послѣдствіе. Но въ сводѣ онъ не нашелъ выраженія. Это субсидіарное право съ изданіемъ Западнаго Свода офиціально должно было бы потерять всякое юридическое значеніе; объединеніе же всѣхъ законовъ въ сводѣ приводило къ тому, что и на будущія времена—формально—преграждалась возможность возникновенію новаго обычнаго права.

Излишнее преобладаніе нормъ общеимперскаго права и принципіальное игнорированіе обычнаго права и судебной практики — вотъ тѣ упреки общаго характера, которые, вѣроятно, были бы впослѣдствіи сдѣланы работѣ составителей проекта, если бы ему было суждено сдѣлаться дѣйствующимъ закономъ. Но едва ли можно поставить ихъ въ вину самимъ составителямъ свода; на основаніи сказаннаго выше, отрицательный отвѣтъ напрашивается самъ собой.

На ихъ работѣ не могло не отразиться отсутствіе научной разработки правового матеріала, а инструкція, полученная изъ II Отдѣленія, связывала ихъ во всѣхъ попыткахъ оживить старинныя нормы и изложить ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ дѣйствовали на самомъ дѣлѣ.

Таковы замѣчанія общаго свойства, которыя возникаютъ при изученіи работы кодификаторовъ мѣстнаго права. Эти обстоятельства общимъ образомъ должны были повліять на описанные въ сводѣ

---

[1]) Проф. *Леонтовичъ. Журн. Мин. Юстиціи* 1897 г. № 7, стр. 107.

[2]) Проф. *Леонтовичъ. Журн. Мин. Юстиціи* 1897 года № 6, стр. 134.

институты, въ частности, на институты гражданскаго права; они вызывались тѣми общими условіями, въ которыхъ приходилось дѣйствовать составителямъ свода. Ими можно ограничиться при оцѣнкѣ свода, какъ кодификаціоннаго памятника, какъ отвѣта на поставленную задачу. Детальная критика различныхъ отдѣловъ свода и его спеціальныхъ постановленій—дѣло науки литовско-польскаго права. Для нея сводъ западныхъ законовъ представляетъ интересъ уже не какъ кодификаціонная попытка центральнаго правительства, оставшаяся безъ результата, а какъ нѣкоторый итогъ правового развитія западныхъ окраинъ къ началу XIX столѣтія.

Сводъ является во всякомъ случаѣ самымъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ того, какимъ представлялось литовское право въ глазахъ наиболѣе свѣдущихъ и компетентныхъ юристовъ того времени. Въ этомъ отношеніи, какъ памятникъ *изученія* права въ исторіи литературы литовскаго права, онъ несомнѣнно составляетъ эпоху, и можно только пожалѣть, что экземпляры его представляютъ такую библіографическую рѣдкость, вслѣдствіе которой онъ получилъ столь малую извѣстность среди изслѣдователей западной старины. Надъ этой главнѣйшей и труднѣйшей работой Даниловича, составляющей его главную заслугу передъ наукой и передъ родиной, продолжаетъ тяготѣть тотъ же рокъ, который преслѣдовалъ ея автора всю жизнь.

Только благодаря случайному обстоятельству, сложному судебному дѣлу (процессу о наслѣдствѣ послѣ графа Манузи [1]), которое при-

---

[1]) Обстоятельства этого въ высшей степени любопытнаго дѣла сводятся къ слѣдующему. Въ 1822 г. умеръ гр. Станиславъ Манузи; послѣ него остались въ сѣверозападномъ краѣ имѣнія отцовскія и материнскія, которыя онъ предоставилъ въ пожизненное владѣніе своей женѣ, умершей въ 1874 году. Послѣ смерти пожизненной владѣлицы, къ наслѣдству послѣ гр. Манузи, за отсутствіемъ нисходящихъ, заявили права боковые родственники 8 степени изъ материнской линіи, Струтынскіе, за которыми наслѣдство и было утверждено Ковенской палатой уголовнаго и гражданскаго суда. Это опредѣленіе было обжаловано Виленско-Ковенскимъ управленіемъ государственныхъ имуществъ, доказывавшимъ, что отцовскія родовыя имущества гр. Манузи должны почитаться выморочными и подлежатъ переходу въ казну. Повѣреннымъ Струтынскихъ въ Сенатѣ выступилъ присяжный повѣренный Б. Г. Ольшамовскій, который доказывалъ, что наслѣдство послѣ гр. Манузи, открывшееся въ 1822 году, слѣдовательно до введенія въ этомъ краѣ Свода Законовъ, должно обсуждаться по прежнимъ законамъ, т. е., по Литовскому Статуту и конституціи 1588 г. о кадукахъ (выморочныхъ имуществахъ). По силѣ этой послѣдней конституціи, право на наслѣдованіе сохраняютъ всѣ боковые родственники, какъ съ материнской, такъ и съ отцовской стороны до 8-й степени включительно. Второе Общее Собраніе Сената

влекло вниманіе выдающихся спеціалистовъ, представился случай современнымъ ученымъ встрѣтиться съ работой кодификаторовъ и высказаться по основному принципу, положенному ими въ основу классификаціи прежнихъ источниковъ права по мѣсту ихъ дѣйствія. Хотя въ предыдущемъ изложеніи и приходилось уже касаться этого пункта, но полезно остановиться на немъ еще разъ. Онъ интересенъ не только потому, что даетъ возможность сравнить тогдашнее состояніе науки и настоящее, но и потому что онъ можетъ служить нѣкоторой иллюстраціей общихъ замѣчаній, высказанныхъ выше.

Какъ раньше уже отмѣчено, въ Западномъ Сводѣ строго проведено то положеніе, что изъ всѣхъ постановленій сеймовъ для Литвы были обязательны только тѣ, въ которыхъ прямо было выражено, что они имѣютъ силу и на Литовской территоріи.

Этой мыслью руководствовался и Даниловичъ при составленіи первоначальнаго проекта, а въ дальнѣйшихъ стадіяхъ работъ ее осо-

---

въ 1884 г. нашло, что споръ не можетъ быть разрѣшенъ въ порядкѣ частнаго судопроизводства, и что права Струтынскихъ должны быть оспариваемы въ порядкѣ исковомъ. Тогда къ нимъ были предъявлены иски, какъ со стороны управленія государственныхъ имуществъ, требовавшаго передачи въ казну отцовскихъ имѣній гр. Манузи, такъ и со стороны Сарнецкаго, родственника Манузи 9-й степени (по материнской линіи), доказывавшаго, что Струтынскіе не находятся въ родствѣ съ наслѣдодателемъ. Со стороны Сарнецкаго выступилъ въ качествѣ повѣреннаго проф. Бершадскій, который доказывалъ, что конституція 1588 г., какъ не изданная спеціально для Литвы, не можетъ имѣть примѣненія къ данному дѣлу. Ольшамовскій же утверждалъ противное. Дѣло снова дошло въ порядкѣ инстанціи до Сената, который кассировалъ рѣшеніе Виленской палаты, присудившей отцовскія имѣнія гр. Манузи въ пользу казны, а материнскія—въ пользу Струтынскихъ.

Сенатъ кассировалъ дѣло *по неправильному примѣненію* конституціи о кадукахъ и по нарушенію нѣкоторыхъ нормъ Литовскаго Статута (Рѣшеніе Гражд. Касс. Департамента 1897 г. № 15). Объ этомъ подробнѣе см. *Ольшамовскій*, Обязательность для Великаго Княжества Литовскаго конституцій Вальныхъ сеймовъ бывшей Польской Рѣчи Посполитой. С.-Пб., 1897 г. стр. 1 и слѣд.

Такимъ образомъ споръ между сторонами сосредоточился вокругъ очень сложнаго вопроса изъ исторіи литовскаго права: объ обязательности для Литвы тѣхъ сеймовыхъ конституцій, въ которыхъ эта обязательность прямо не выговорена, и состязательныя бумаги, составленныя Ольшамовскимъ и проф. Бершадскимъ по этому процессу, представляютъ собой очень обстоятельныя историческія изслѣдованія, вслѣдствіи распубликованныя ихъ авторами именно въ качествѣ таковыхъ (заглавія сочиненій приведены ниже). Интересный вопросъ привлекъ вниманіе и другихъ спеціалистовъ и, благодаря ему, литература обогатилась нѣсколькими цѣнными сочиненіями. (Этого же дѣла касается и статья проф. *Гольмстена* въ *Юридич. Газетѣ* 1905 г., № 3).

бенно настойчиво проводилъ Кукевичъ, при общемъ одобреніи своихъ сотрудниковъ по комитету.

Но въ послѣднее время это положеніе вызвало оживленные споры. Возникъ вопросъ—дѣйствовала ли въ Литвѣ конституція 1588 г. о выморочныхъ имуществахъ, въ которой не оговорено особо, что она имѣетъ силу въ Литвѣ, а необходимой предпосылкой для точнаго отвѣта на этотъ вопросъ является рѣшеніе общаго вопроса о пространствѣ дѣйствія такихъ „общихъ" конституцій.

Мнѣнія ученыхъ рѣзко разошлись. С. А. Бершадскій и А. Х. Гольмстенъ, въ конечномъ результатѣ по этому принципіальному вопросу, приходятъ къ тому же выводу, какъ и составители Западнаго Свода, и къ нимъ, въ общемъ, примыкаетъ и Ѳ. И. Леонтовичъ; С. Л. Пташицкій и Б. Г. Ольшамовскій отстаиваютъ противуположное мнѣніе [1]).

Въ качествѣ аргументовъ въ пользу мнѣнія объ ограниченномъ дѣйствіи конституцій фигурировалъ, между прочимъ, и авторитетъ „Обозрѣнія историческихъ свѣдѣній". На него ссылался проф. Бершадскій въ одной изъ состязательныхъ бумагъ, представленной имъ во время разбирательства дѣла въ Сенатъ [2]); на это изданіе указывалъ и проф. Леонтовичъ въ своемъ изслѣдованіи о выморочныхъ имуществахъ. Въ глазахъ проф. Леонтовича точка зрѣнія „Обозрѣнія" представляется интересной, потому что въ немъ выразились взгляды современной его составленію судебной практики, въ ту эпоху, когда еще дѣйствовали въ западномъ краѣ старинные источники [3]).

---

[1]) См. *С. А. Бершадскій,* О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по Литовскому праву, 1892 г.; *его-же,* Литовскій Статутъ и Польскія Конституціи 1893 г.; *Ѳ. И. Леонтовичъ,* Спорные вопросы по исторіи Русско-Литовскаго права. 1893 г.; *его-же,* Къ вопросу о выморочныхъ имуществахъ по Литовскому праву, *Журналъ Министерства Юстиціи,* 1897 г. за іюнь, августъ и сентябрь; *А. Х. Гольмстенъ,* Три вопроса изъ Литовскаго Гражданскаго Права, въ *Журналѣ Юридическаго Общества* при С.-Петербургскомъ Университетѣ, 1896 г.; *С Л. Пташицкій,* Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута 1893 г.; *его-же,* Къ исторіи Литовскаго Статута послѣ Третьяго Статута, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія,* 1893 годъ (№ 10). *Б. Г. Ольшамовскій,* Обязательность для Великаго Княжества Литовскаго Конституцій Вальныхъ Сеймовъ бывшей Польской Рѣчи Посполитой. 1897 г. Всѣ эти сочиненія вышли въ С.-Петербургѣ. См. также проф. *Максимейко,* Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута, стр. 89, гдѣ затронутъ мимоходомъ и вопросъ объ обязательности сеймовыхъ конституцій.

[2]) См. *Ольшамовскій,* указ. соч. стр. 46, самъ Ольшамовскій также ссылается на „Обозрѣніе", но по другому случаю, см. стр. 101.

[3]) Проф. *Леонтовичъ,* О выморочныхъ имуществахъ по Литовскому праву. *Жур-*

Насколько мнѣ извѣстно, это вообще единственный случай, когда ученая литература воспользовалась трудами II Отдѣленія по кодификаціи западнаго права. И притомъ, въ виду полной неизвѣстности этихъ трудовъ, пришлось наукѣ воспользоваться даже не самимъ проектомъ свода, который давалъ опредѣленный отвѣтъ на обсуждаемый вопросъ, а предисловіемъ къ этому труду, которое должно было представлять только общее введеніе и нѣкоторое объясненіе къ самому результату кодификаціи.

Однако, если бы ученые, воспользовавшіеся „Обозрѣніемъ", какъ свидѣтельствомъ о томъ правѣ, которое авторитетными учрежденіями признавалось за дѣйствующее, обратились не къ этимъ общимъ разсужденіямъ о силѣ различныхъ источниковъ права, а къ конкретнымъ статьямъ проекта свода, въ которыхъ можно встрѣтить детальное проведеніе этихъ началъ, то ихъ ожидало бы сильное разочарованіе. Въ самомъ дѣлѣ, разбираемый выше вопросъ о наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ и о дѣйствіи конституціи 1588 г. пришлось бы рѣшать на основаніи § 778 свода, а въ немъ сказано слѣдующее: „Статьи Общаго Свода Законовъ Гражданскихъ: 727 и 728, опредѣляющія, когда имущество должно почитаться выморочнымъ, и съ 729 до 739 объ обращеніи выморочныхъ имуществъ въ государственную казну, или же въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ другія опредѣленныя вѣдомства и заведенія, смотря по званію умершаго, сохраняютъ свою силу и въ западныхъ губерніяхъ.—Ср. узаконенія къ означеннымъ статьямъ Общ. Свода приведенныя. — Примѣчаніе. По прежнимъ Польскимъ законамъ (Сейм. пост.) 1562 (Томъ [1]) 2, стр. 622); 1576 (стр. 923); 1588 (стр. 209); 1778 (Т. 8, стр. 955), имущество послѣ умершаго поступало къ его наслѣдникамъ до восьмой степени включительно, какъ по мужеской, такъ и по женской линіи; и въ случаѣ несуществованія наслѣдниковъ съ отцовской стороны, когда оставались еще наслѣдники съ материнской стороны, тогда наслѣдство

налъ Министерства Юстиціи 1897 іюнь, стр. 129. „Принципъ примѣненія въ Литвѣ сеймовыхъ конституцій констатируется въ „Обозрѣніи" документально, какъ онъ именно примѣнялся и понимался въ современной законодательной и судебной практикѣ". Проф. Леонтовичъ нѣсколько преувеличиваетъ значеніе „Обозрѣнія", какъ свидѣтельства о современной практикѣ, и придаетъ слишкомъ большое значеніе указанію въ заглавіи, что оно взято изъ „*актовъ*, хранящихся во II-мъ Отдѣленіи С. Е. И. В. Канцеляріи". Актовъ тамъ почти никакихъ не было, а были только „книги".

[1]) Т. е., томъ 8, Volum. legum.

обращалось къ симъ послѣднимъ, и взаимно, за пресѣченіемъ наслѣдниковъ по матери, наслѣдственное имущество отдавалось наслѣдникамъ по отцѣ; за недостаткомъ же тѣхъ и другихъ родственниковъ, имущество обращалось въ казну.—Но правила таковаго наслѣдованія, какъ несогласныя съ общимъ закономъ о выморочныхъ имуществахъ, нынѣ дѣйствующими почитаться не могутъ".

На основаніи примѣчанія къ § 778 пришлось бы дѣло о наслѣдствѣ послѣ графа Манузи рѣшить по общимъ законамъ, т. е., по X тому, такъ какъ конституція 1588 признавалась спеціально отмѣненною общими законами. Такого отвѣта ни одинъ изъ ученыхъ изслѣдователей не предлагалъ, и такое соображеніе не было выставлено ни въ одномъ изъ судебныхъ рѣшеній, по этому дѣлу состоявшихся. Напротивъ, сила конституціи 1588 г. до изданія указа 1840 г. признается всѣми; споръ касается только пространства ея дѣйствія. Въ этомъ отношеніи изъ прим. къ § 778 можно вывести еще рядъ другихъ выводовъ. Изъ заключительныхъ словъ примѣчанія прямо вытекаетъ, что составители свода признавали конституцію 1588 г. *отмѣненной общимъ имперскимъ закономъ*, слѣдовательно, отмѣненной вообще для всѣхъ мѣстностей, присоединенныхъ отъ Польши къ Имперіи; слѣдовательно—недѣйствующей къ моменту составленія свода не только въ Литвѣ, но и въ коронныхъ провинціяхъ. И такого предположенія въ ученой литературѣ не встрѣчается—напротивъ, споръ касался о дѣйствіи (до 1840 г.) конституціи 1588 г. именно въ Литвѣ, а о томъ, что она должна признаваться дѣйствовавшей въ это же время въ „Коронѣ",—въ этомъ никто не сомнѣвался. Далѣе, хотя въ примѣчаніи прямо не высказано, но оно отредактировано такъ, что остается впечатлѣніе, что конституція 1588 г. дѣйствовала въ свое время и въ Литвѣ, по крайней мѣрѣ нигдѣ не оговорено противнаго. Это дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что кодификаторы вовсе не задумывались надъ вопросомъ о территоріальномъ дѣйствіи этого закона. Наконецъ, примѣчаніе къ § 778 оставляетъ совершенно открытымъ вопросъ, съ какого момента прекратилось дѣйствіе прежнихъ законовъ по выморочнымъ имуществамъ; въ связи съ этимъ не указанъ опредѣлительно тотъ актъ имперской законодательной власти, который отмѣнялъ его, а это пунктъ самой существенной важности. Общій, очень глухой аргументъ, что прежнія правила наслѣдованія, „какъ несогласныя съ общимъ закономъ", должны почитаться отмѣненными, ровно ничего не доказываетъ. На основаніи такого разсужденія слѣдовало бы признать отмѣненными вообще всѣ мѣстныя

„изъятія“, ибо изъятія въ томъ только и заключались, что по нѣкоторымъ пунктамъ мѣстные законы не совпадали съ общими; и весь то сводъ и долженъ былъ быть собраніемъ такихъ законовъ, которые не были согласны съ общими. Если принять въ руководство такія соображенія, то вообще составленіе свода мѣстныхъ законовъ оказалось бы безсмысленнымъ предпріятіемъ.

Эти разсужденія кодификаторовъ служатъ превосходнымъ подтвержденіемъ высказанной выше мысли о томъ, какъ склонны были составители свода отдавать предпочтеніе въ сомнительныхъ случаяхъ законамъ общимъ передъ мѣстными. Въ данномъ случаѣ они встрѣтились съ такимъ мѣстнымъ закономъ, который для интересовъ казны былъ менѣе выгоденъ, чѣмъ общій, и такъ какъ они не нашли никакого прямого указанія, что общій законъ *не* долженъ дѣйствовать въ мѣстности, на особыхъ правахъ находящейся, то и рѣшили, что мѣстный отмѣненъ—выводъ, который нельзя оправдать общими правилами толкованія, и который прямо противорѣчитъ ст. 79 Основ. Законовъ [1]); а съ ней приходилось уже считаться и кодификаторамъ.

Далѣе, въ этомъ примѣрѣ ясно сказалась и недостаточная разработка исторіи литовскаго права въ моментъ кодификаціи его. Общій принципъ былъ обоснованъ не столько подробной аргументаціей, сколько зиждился на общемъ впечатлѣніи. Поэтому-то выдержка изъ „Обозрѣнія“, приводимая, какъ аргументъ въ научномъ сочиненіи, можетъ претендовать только на такую же доказательную силу, какую имѣетъ всякая ссылка на *устарѣвшее* научное изслѣдованіе. Авторы проекта свода и связанныхъ съ нимъ историческихъ изслѣдованій вложили въ нихъ много знаній и труда; въ частности, при защитѣ автономности литовскаго права и независимости его отъ польскихъ сеймовыхъ конституцій, Кукевичъ обнаружилъ и начитанность и много темперамента, но все же сравненіе тогдашнихъ изслѣдованій съ современными свидѣтельствуетъ только о тѣхъ громадныхъ успѣхахъ, которые сдѣлала наука исторіи права вообще и исторіи литовскаго, въ особенности. Въ настоящемъ изслѣдованіи, имѣющемъ цѣлью не разрѣшеніе частнаго вопроса о дѣйствіи той или иной сеймовой конституціи, а характеристику методовъ, которымъ слѣдовали кодификаторы, полемика между современными знатоками литовскаго права является яркимъ образчикомъ того, насколько возросли требованія къ полнотѣ и точности историко-юридической аргументаціи, и насколько увеличился

---

[1]) Теперь ст. 88, Основ. Зак. по изд. 1906 г.

матеріалъ, доступный наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ „Обозрѣніи“ не приведено никакихъ доказательствъ въ обоснованіе того тезиса, что въ Литвѣ дѣйствовали только спеціальныя конституціи [1]), а въ запискѣ Кукевича доказательства сведены до минимума. Свои выводы онъ основывалъ на томъ, что и послѣ Люблинской Уніи Литва не утратила автономіи въ области гражданскаго права и внутренняго управленія, и что только тѣ постановленія сеймовъ получали силу на литовской территоріи, которыя были распубликованы въ описанномъ въ Литовскомъ Статутѣ порядкѣ; противъ такого разсужденія ему никто ничего не возражалъ. А между тѣмъ основная его предпосылка о характерѣ Люблинской Уніи и степени сліянія обоихъ государствъ и предѣловъ автономіи Литвы вызываетъ и теперь сомнѣнія. Въ настоящее время на актъ Уніи 1569 г. ссылаются и тѣ писатели, которые отстаиваютъ взглядъ, прямо противоположный мнѣнію Кукевича [2]), и вопросъ о томъ, какія конституціи Речи Посполитой, изданныя безъ спеціальныхъ оговорокъ о территоріальномъ дѣйствіи, имѣли силу въ Литвѣ, и теперь еще далекъ отъ окончательнаго разрѣшенія. Проф. Леонтовичъ, основываясь на очень вѣскихъ аргументахъ, указываетъ на то, что общаго отвѣта на него дать нельзя: „окончательное и вполнѣ безспорное разрѣшеніе вопроса о польско-литовскомъ правѣ возможно лишь путемъ всесторонняго детальнаго изученія каждой конституціи въ отдѣльности“ [3]).

Покончивъ такъ просто съ конституціей 1588 г., составители свода не сочли себя обязанными разслѣдовать вопросъ о томъ, какъ къ ней относились прежніе суды. А между тѣмъ въ цитированныхъ изслѣдованіяхъ С. Л. Пташицкаго приведенъ обширный архивный матеріалъ, свидѣтельствующій о томъ, что въ практикѣ литовскихъ судовъ были реципированы если и не всѣ общія конституціи Речи Посполитой въ полномъ ихъ объемѣ, то все же многія отдѣльныя ихъ нормы признавались обязательными. Съ этими нормами считались судьи и счи-

---

[1]) Вотъ подлинныя слова „Обозрѣнія“ (Раздѣлъ I Б, 2, по рукописи Арх. Гос. Сов. № 587): „Числа состоявшихся на сеймахъ актовъ по разнообразному ихъ виду опредѣлить невозможно; но всѣ они по кругу своего дѣйствія (здѣсь зачеркнуто: „суть или общіе или частные, т. е. изданные для одной Польши или для одной Литвы“ и исправлено на:) „всегда располагались на 2 разряда: одни дѣйствовали вообще во всемъ государствѣ, другіе ограничивались или одними коронными областями или одной Литвой“.

[2]) *Ольшамовскій*, „Обязательность для В. К. Литовскаго конституціи“ и пр. стр. 7 и замѣчанія проф. *Леонтовича* въ *Жур. Мин. Юстиціи*, іюнь 1897, стр. 105.

[3]) *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Спорные вопросы, стр. 29.

талась жизнь; если, конечно, „эта практика и не была безукоризненной“, и литовская юстиція въ старину была „въ хаотическомъ состояніи“ [1]), если случайнымъ источникомъ права и являлись тѣ изданія Статута, которыя въ данный моментъ находились въ обращеніи, и изъ нихъ же почерпались свѣдѣнія о дѣйствующихъ сеймовыхъ постановленіяхъ [2]), то все же, несмотря на эту неурядицу въ примѣненіи права, нельзя окончательно отвергать значенія старой судебной практики, какъ фактора образованія права. Въ ней-то и крѣпла система „общаго польско-литовскаго права“, съ которой приходилось встрѣчаться въ жизни обывателямъ литовскаго края. Теперь нѣтъ уже поводовъ разбирать, является ли эта практика „лучше“, чѣмъ буквальный смыслъ закона, или извращеніемъ его; но въ моментъ изданія свода мѣстные обыватели въ нее вѣрили, съ ней считались; и изданіе закона, въ которомъ возстановлялся нѣкоторый порядокъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ былъ бы дѣйствовать въ старину, и въ какомъ онъ раньше никогда не существовалъ въ такой чистотѣ, нельзя назвать иначе, какъ совершенно напраснымъ уничтоженіемъ чего-то живого.

А между тѣмъ, послѣдовательно проводя идею раздѣленія коронныхъ и литовскихъ конституцій, не дѣлая изысканій о конкретныхъ случаяхъ, составители свода несомнѣнно должны были сдвинуть судебную практику со стараго пути и дать ей новое направленіе. Неофиціальное вліяніе польскаго законодательства на обычаи и порядки тѣхъ мѣстностей, на которыя оно, въ сущности, не должно было бы распространяться, кодификаторамъ несомнѣнно было извѣстно, и вездѣ оно тщательно устраняемо сводомъ.

Только въ одномъ случаѣ, да и то по отношенію не къ Литвѣ въ точномъ смыслѣ, а къ юго-западному краю они не рѣшились уничтожить слѣды рецепціи польскаго права собственною властью и признали за ней право на существованіе. Это признаніе можно вывести изъ того, что о необходимости отмѣны ея они представили въ Государственный Совѣтъ. Вопросъ заключался въ томъ, что уже по старинному польскому праву замужнія женщины были ограничены въ правѣ распоряжаться своими недвижимостями безъ согласія мужа. Это ограниченіе, какъ говорится въ запискѣ II Отдѣленія, въ Польшѣ восходило уже ко временамъ Статута 1347 г. и было подтверждено

[1]) Слова проф. *Леонтовича*, Спорные вопросы, стр. 57.
[2]) См. объ этомъ у *С. Л. Пташицкаго*, Къ вопросу объ изданіяхъ, стр. 39.

и позднѣйшими законодательными актами (1523 г. Volumina legum т. I, стр. 417 и 581); Литвѣ же оно было неизвѣстно. Мѣстности, входящія въ составъ губерній Волынской, Подольской и Кіевской, были присоединены къ „Коронѣ" въ 1569 г., и поэтому польскіе законы, изданные до этого времени, не должны были бы имѣть въ нихъ силы. Однако, какъ сказано въ представленіи, „несмотря на то, правила сіи утвердились тамъ съ теченіемъ времени *дѣйствіемъ судебной практики*, въ подтвержденіе коей ничего нельзя привести". Эта практика нѣсколько поколебалась послѣ 1803 года, подъ вліяніемъ имперскаго законодательства, и поэтому II Отдѣленіе предлагало объединить постановленія для юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній, положивъ въ основаніе единообразной нормировки принципы литовскаго права [1]). Это единственный случай, когда ревизіонный комитетъ призналъ себя не компетентнымъ уничтожить судебную практику въ порядкѣ кодификаціонномъ, т. е., призналъ ее какъ обязательную норму—исключеніе это только подтверждаетъ общее правило. Вотъ и это очищеніе литовскаго права отъ польскихъ элементовъ показалось бы жителямъ сѣверо-западныхъ губерній нѣкоторою неожиданностью; право свода оказалось бы болѣе стариннымъ и самобытнымъ, но едва-ли оно было бы тѣмъ, къ которому привыкли.

Но если, какъ сказано, нельзя дѣлать составителей свода отвѣтственными за то, что они 70 лѣтъ тому назадъ не знали многаго такого, на что только теперь обратила вниманіе наука, и нельзя имъ вмѣнять въ вину инструкцію, полученную ими свыше, то справедливость требуетъ указать на одно упущеніе, отвѣтственность за которое всецѣло лежитъ на нихъ. Дѣло въ томъ, что хотя сводъ и представлялъ собой собраніе только разрозненныхъ обрывковъ, но этихъ обрывковъ было все-таки довольно много, и при практическомъ примѣненіи они несомнѣнно получили бы большое значеніе. А между тѣмъ, въ сводѣ вовсе нѣтъ никакихъ нормъ, которыя регулировали бы соотношеніе мѣстныхъ и общихъ законовъ *по мѣсту дѣйствія*. Сводъ оставляетъ совершенно открытымъ вопросъ, къ какого рода отношеніямъ должны примѣняться нормы, въ немъ кодифицированныя; имѣютъ ли онѣ только чисто территоріальное дѣйствіе, исключительно въ предѣлахъ западныхъ губерній, но зато по отношенію ко всѣмъ рѣшительно отношеніямъ, въ сводѣ предусмотрѣннымъ, или же онѣ

---

[1]) См. Арх. Гос. Сов. по Департаменту Законовъ, 1838 г. № 50—60 (1461). См. выше, глава IX, sub. 2.

имѣютъ силу не только въ территоріальномъ, но и въ субъективномъ отношеніи, за предѣлами западныхъ губерній, опредѣляя отношенія „уроженцевъ“ западныхъ губерній, гдѣ бы они ни проживали; или же, наконецъ, касаются ли онѣ только нѣсколькихъ „прикрѣпленныхъ“ in concreto къ западному краю отношеній и какихъ именно. Короче говоря, *вопросы коллизіи законовъ разномѣстныхъ* въ проектѣ свода совершенно не предусмотрѣны, и этого пробѣла нельзя было бы восполнить ни откуда, такъ какъ и общій сводъ не содержалъ никакихъ постановленій по этому предмету.

Только въ началѣ сороковыхъ годовъ появились въ X томѣ коллизіонныя правила, касающіяся частнаго случая, наслѣдованія „въ имуществѣ, остающемся въ губерніяхъ и областяхъ на особыхъ правахъ состоящихъ, послѣ смерти уроженцевъ губерній, состоящихъ на общихъ, безъ мѣстныхъ изъятій, правахъ и въ обратномъ случаѣ“ [1]) (теперь ст. 1279 — 1286 и слѣд. т. X ч. I). Въ оправданіе составителей свода можно указать на то, что такихъ коллизіонныхъ нормъ они не встрѣтили и въ правовомъ матеріалѣ, подлежащемъ ихъ обработкѣ. Въ Литовскомъ Статутѣ можно найти нѣкоторыя указанія на начало территоріальности дѣйствія закона [2]), но эти указанія настолько общи, что на нихъ нельзя ничего строить. Но кодификаторамъ открывалась возможность возбудить вопросъ о составленіи особой „записки“ въ Государственный Совѣтъ, поднять вопросъ о восполненіи пробѣла въ законодательномъ порядкѣ. Къ этому они были призваны болѣе чѣмъ кто либо, и въ этомъ недосмотрѣ они виноваты.

Но не съ этихъ точекъ зрѣнія, не какъ результатъ кодификаціонныхъ работъ разсматривался проектъ Западнаго Свода современной его составленію критикой, если вообще этимъ именемъ можно назвать ту оцѣнку, которая послѣдовала со стороны заинтересованныхъ вѣдомствъ и неофиціальныхъ хулителей свода, къ которымъ онъ случайно попалъ въ руки, и которые изложили свои заключенія. Центральныя вѣдомства, министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ отнеслись къ проекту равнодушно. Министерство внутреннихъ дѣлъ прислало только очень немногія замѣчанія, относящіяся до статей

---

[1]) См. по этому предмету изслѣдованіе *бар. Бориса Нольде,* въ *Вѣстникѣ Права*, сентябрь 1900, особенно стр. 24 и слѣд.

[2]) См. объ этомъ замѣчанія *проф. Бершадскаго,* Литовскій Статутъ и польскія конституціи, стр. 49, также и стр. 58 и 61. Древнему литовскому праву извѣстны были мѣстные законы (напр. лифляндскіе), и въ разрѣшеніи случаевъ коллизіи оно, по общему правилу, руководствовалось территоріальнымъ принципомъ.

о духовенствѣ, замѣчанія, которыя видимо касались только мелочей [1]). Но очень недружелюбно была встрѣчена попытка кодификаціи со стороны высшей мѣстной власти, генералъ-губернатора Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго, Бибикова, который настаивалъ вообще на отмѣнѣ мѣстныхъ законовъ и не могъ, слѣдовательно, относиться съ симпатіей къ своду ихъ. Главныя соображенія, приводимыя имъ, имѣли чисто политическій характеръ; отмѣна свода мотивировалась соображеніями государственной пользы, но мимоходомъ указывалось и на несовершенство мѣстныхъ законовъ. Приблизительно тѣ же соображенія, но въ болѣе реторической формѣ и съ болѣе теоретической окраской, были высказаны и въ одной запискѣ неизвѣстнаго автора, представленной Государю въ 1837 г. [2]). Указывая на несовершенства мѣстныхъ законовъ, критикуя ихъ *по существу*, противники свода имѣли въ виду не реформу мѣстныхъ законовъ, т. е., измѣненіе ихъ, соотвѣтственно съ замѣченными недостатками, а простую отмѣну ихъ. При отмѣнѣ, на мѣсто этихъ изъятій должны были стать общіе законы имперіи; эта замѣна партикулярныхъ законовъ общими, по мысли критиковъ свода, должна была имѣть благотворныя послѣдствія, не только съ точки зрѣнія общей внутренней политики Имперіи, но даже должна была служить ко благу мѣстностей, на особыхъ правахъ состоящихъ.

Поэтому слѣдуетъ здѣсь остановиться на такихъ критическихъ замѣчаніяхъ по существу и выяснить, въ самомъ ли дѣлѣ мѣстные законы были „хуже“ общихъ, и являлась ли предлагаемая замѣна дѣйствительно шагомъ впередъ, съ точки зрѣнія чисто юридической. Нападки на сводъ по существу сгруппированы полнѣе всего въ цитированной запискѣ неизвѣстнаго автора, въ которой цѣлый отдѣлъ посвященъ выясненію вопроса: „права сіи (т. е. мѣстныя) достаточны ли для блага областей, для коихъ они составляются“? Въ представленіяхъ генералъ-губернатора Бибикова [3]) на эту сторону дѣла, въ

[1]) См. „Отчетъ о состояніи дѣлъ II Отдѣленія С. Е. И. В. К. по 1 января 1838 (представленъ Е. И. В. 16 декабря 1837 г.)“ въ бумагахъ гр. Сперанскаго, въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[2]) Она напечатана въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей“, 1866 г. книга I, стр. 103 — 114 и озаглавлена: „О необходимости уничтоженія отдѣльныхъ правъ въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ и измѣненіи недостатковъ, противныхъ государственному благоустройству“. Подробнѣе объ этой запискѣ см. ниже, въ слѣдующей главѣ.

[3]) Главнѣйшія замѣчанія его приведены въ статьѣ проф. *Шульгина*, Югозапад-

общемъ, обращено меньшее вниманіе—въ его доказательствахъ преобладаютъ чисто политическія соображенія.

Въ качествѣ такихъ недостатковъ указывается въ запискѣ, прежде всего, особенность раздѣла между братьями и сестрами—въ Имперіи дочери могутъ претендовать на 14-ю часть недвижимаго и 8-ю движимаго имущества, по польскимъ же (слѣдовало бы сказать—по литовскимъ)—въ имѣніи матери онѣ наслѣдуютъ въ равныхъ доляхъ, а въ отцовскомъ получаютъ 4-ю часть наслѣдства. Такое дробленіе имущества, по мнѣнію автора, есть слѣдствіе республиканскихъ тенденцій польскаго законодательства и несовмѣстно съ монархическимъ правленіемъ (!). Обдѣленіе дочерей дѣлаетъ русскіе законы превосходнѣе польскихъ еще и въ томъ смыслѣ, что оно благотворно отражается на семейномъ устройствѣ: дочь, не имѣющая собственнаго состоянія, слѣдовательно безприданница, прочнѣе въ своихъ семейныхъ добродѣтеляхъ. „Мысль о невозможности отдѣльнаго существованія останавливаетъ развратъ"…. „Чѣмъ незначительнѣе личное состояніе женщины, тѣмъ необходимѣе для нея призязанность къ мужу, тѣмъ непоколебимѣе чувство нравственности" [1]). Достаточно припомнить то, что сказано выше при разборѣ соотвѣтствующихъ постановленій свода, чтобы убѣдиться въ томъ, что эти аргументы записки совершенно неубѣдительны. Наслѣдственное право Литовскаго Статута исходитъ изъ совершенно тѣхъ же началъ, какъ и древнее московское, до сихъ поръ еще уродующее дѣйствующее въ имперіи гражданское право; въ обѣихъ правовыхъ системахъ преимущество отдается мужскому колѣну, потому что государству необходимы воины. При раздѣлѣ наслѣдства *только in abstracto* дочери поставлены по литовскому праву лучше, чѣмъ по русскому—если, напримѣръ, три дочери наслѣдуютъ послѣ отца, то по Статуту въ движимостяхъ каждая получаетъ всего двѣнадцатую часть, а не восьмую, какъ это полагается по X тому. Только при раздѣлѣ материнскаго имущества онѣ равноправны своимъ братьямъ, но это равенство пріобрѣтаетъ реальное значеніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда материнское имущество значительно.

ный край подъ управленіемъ Г. Д. Бибикова, *Древняя и Новая Россія* 1879 г. т. II, см. особенно стр. 17.

[1]) Сочиняя эти позорныя фразы, авторъ записки не подумалъ о томъ, какой печальный аттестатъ онъ выдаетъ русскимъ женщинамъ. Излишне указывать и на то, что всѣ эти фразы содержатъ сплошныя неточности: по русскимъ законамъ женщина, въ сферѣ имущественныхъ правъ, пользуется и пользовалась *гораздо* большей самостоятельностью, чѣмъ по Западному Своду.

Этимъ замѣчаніемъ и ограничивается критика свода мѣстныхъ *гражданскихъ* законовъ. Впрочемъ, нѣтъ смысла подробнѣе распространяться о немъ. Статьи Западнаго Свода, относящіяся до раздѣла наслѣдства и имущественныхъ отношеній супруговъ, и по сей день дѣйствуютъ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, и отъ этого никакого разврата тамъ не произошло. Никакой непроходимой пропасти между литовскимъ и русскимъ гражданскимъ правомъ не было. Обѣ системы развивались въ равномѣрномъ отдаленіи отъ сильныхъ иноземныхъ юридическихъ вліяній. Римское право, заглушившее въ Западной Европѣ много національныхъ особенностей, на нихъ отразилось слабо. Напротивъ, исходныя начала обѣихъ искони были однородны [1]).

Можно пожалѣть, что въ общеимперское право не проникли нѣкоторые принципы мѣстнаго залоговаго права и нѣкоторыя другія постановленія. Незначительная часть ихъ, впослѣдствіи (какъ будетъ показано ниже), вошла въ общій сводъ. И во всякомъ случаѣ, никакъ нельзя утверждать, чтобы распространеніе X тома на какую-либо мѣстность вообще, можно было признать шагомъ впередъ. Гражданское право Западнаго Свода ни въ какомъ случаѣ нельзя считать менѣе совершеннымъ, чѣмъ общеимперское.

Нѣсколько болѣе обоснованъ упрекъ, который сдѣланъ въ запискѣ литовскому праву по поводу единственной сохраненной въ сводѣ привилегіи дворянства — права свободнаго винокуренія; оно впрочемъ доставалось дворянству не совсѣмъ даромъ. За это право землевладѣльцы платили особый сборъ — по 2 рубля съ души. Оно дѣйствительно плохо уживалось съ системой откуповъ; въ пограничныхъ мѣстностяхъ свобода винокуренія приводила къ процвѣтанію корчемства и другихъ злоупотребленій [2]). Однако, нельзя эту привилегію, по одному такому соображенію, признавать какимъ-то недопустимымъ и зловреднымъ институтомъ. И самую систему откуповъ нельзя счи-

---

[1]) На общность исходныхъ началъ имѣется множество указаній въ современныхъ изслѣдованіяхъ по исторіи древнѣйшаго литовскаго права, въ трудахъ проф. Леонтовича и другихъ (см. напр., *Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимірскому-Буданову, Кіевъ 1904*, статьи Н. А. Максимейко и М. Н. Ясинскаго). Напротивъ, статья *А. С—ва* (Семенова) подъ громкимъ названіемъ „О сходствѣ древнихъ узаконеній восточной и западной Россіи", напечатанная въ *Современникѣ*, за августъ 1854, рѣшительно ничего не даетъ.

[2]) См. примѣры этого у *С. М. Середонина*, Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ т. II, ч. 2, стр. 129 и слѣд.

тать явленіемъ нравственнымъ или полезнымъ съ какой бы ни было точки зрѣнія. Не много лѣтъ прошло послѣ отмѣны мѣстнаго права, какъ пришлось упразднить всю систему откуповъ, и свободное винокуреніе было предоставлено всѣмъ жителямъ имперіи, т. е., мѣстный порядокъ былъ распространенъ на все государство.

Но главныя нападки, какъ со стороны Бибикова, такъ и автора приведенной выше записки, были направлены на мѣстный порядокъ гражданскаго судопроизводства. Указывалось на то, что исполненіе рѣшенія посредствомъ традицій и эксдивицій отражается вредно на хозяйствѣ и длится невѣроятно долго, что мѣстные судебные дѣятели очень небрежно относятся къ своимъ занятіямъ и т. д. [1]). Эти нареканія въ общемъ были основательны. Говорить нечего, въ западныхъ губерніяхъ судебный механизмъ дѣйствовалъ плохо; но критики не различали разнообразныхъ причинъ такого плохого дѣйствія; они не вдавались въ обсужденіе того—происходило ли оно отъ неудовлетворительнаго судейскаго персонала, или отъ недостаточности процессуальныхъ институтовъ. Несомнѣнно, личный составъ судовъ въ западныхъ губерніяхъ не стоялъ на высотѣ задачи, но можно ли было ожидать, что тотъ, который придетъ ему на смѣну, окажется выше? Гдѣ же въ Россіи въ то время онъ былъ лучше? Достаточно прочесть критическій обзоръ дѣятельности Казанскихъ судебныхъ учрежденій, В. Ф. Залѣсскаго [2]), чтобы убѣдиться въ этомъ. И великороссійскіе

---

[1]) См. „Чтенія" стр. 109 слѣд. и *Шульгинъ, Древняя и Новая Россія*, 1879 г. стр. 16 и слѣд. Бибиковъ приводитъ въ примѣръ комиссію по ликвидаціи долговъ Ржевусскихъ, которая въ 20 лѣтъ не окончила своего дѣла.

[2]) См. статью *В. Ф. Залѣсскаго,* „Гражданская практика начала XIX вѣка". *Журн. Мин. Юстиціи,* 1905 г. мартъ, стр. 243. „.... Но что же удивляться неумѣнью судовъ примѣнять законы, когда они зачастую не хотѣли знать самыхъ элементарныхъ началъ судопроизводства, рѣшали неподсудныя дѣла, постановляли рѣшенія по отношенію къ лицамъ, въ дѣлѣ не участвовавшимъ, и объ объектахъ, до которыхъ дѣло не касалось, и соединяли въ одномъ производствѣ по два и болѣе дѣлъ?". Апрѣль, стр. 169. ...„Присматриваясь ближе къ дѣламъ и вникая въ подробности, мы убѣждаемся, что они буквально *пестрятъ* всяческими неправильностями и беззаконіями", стр. 177. „.... Но всѣ изложенныя неправильности въ дѣлопроизводствѣ и рѣшеніяхъ являются въ полномъ смыслѣ слова мелочами передъ тѣми *вопіющими злоупотребленіями*, которыя мы выдѣлили въ особую группу для болѣе подробнаго съ ними ознакомленія", стр. 181. ....„Но рядомъ съ этимъ встрѣчаются въ изобиліи и такія рѣшенія, по поводу которыхъ невольно возникаетъ *сомнѣніе* въ *безкорыстіи* судей и, въ особенности, секретарей". Май, стр. 169.... „Всѣ перечисленныя нами неправильности, безпорядокъ и противозаконія не исчерпываютъ,

суды такого большого центра, какъ Казань, были и медленны, и подкупны, и несвѣдущи въ законахъ. Откуда же можно было набрать лучшихъ для окраинныхъ захолустій? Борьбу съ плохими судьями невозможно вести путемъ измѣненія процессуальныхъ законовъ.

И во всякомъ случаѣ, недостатки личнаго состава никакъ нельзя отожествлять съ неудовлетворительностью процессуальныхъ институтовъ. Въ этой области сравненіе прямо не въ пользу общеимперскихъ законовъ о судопроизводствѣ. Мѣстный процессъ построенъ всецѣло на началѣ состязательности. Оно проведено въ немъ съ такой послѣдовательностью, какъ и во всѣхъ современныхъ уставахъ, въ которые оно сознательно внесено. Этотъ принципъ сохранялся въ литовскомъ правѣ даже въ такія эпохи, когда во всей Европѣ господствовалъ слѣдственный, инквизиціонный, процессъ [1]). По Литовскому Статуту отправленіе всѣхъ судебныхъ дѣйствій, явка въ судъ, опредѣленіе предметовъ спора, представленіе доказательствъ и отводовъ предоставлено самимъ тяжущимся. Движеніе процесса зависитъ все время отъ нихъ. Напротивъ, въ имперіи всѣ эти дѣйствія были возложены на самый судъ. Слѣдственный порядокъ, in abstracto кажущійся такимъ удачнымъ и простымъ, на дѣлѣ вездѣ привелъ къ невѣроятной волокитѣ и теперь повсемѣстно отмѣненъ. Къ этой необходимости пришло и русское законодательство. Судебные уставы 1864 года слѣдственный порядокъ отмѣняютъ окончательно и возвращаются къ древнему со-

---

однако, темныхъ сторонъ дореформеннаго судопроизводства; огромнымъ зломъ была судебная волокита, почти совершенно парализовавшая то благотворное вліяніе, которое оказывали палата гражданскаго суда и Сенатъ, отмѣняя неправильныя рѣшенія судовъ первой инстанціи", стр. 200. ..."Выгодны были тогдашніе судебные порядки только секретарямъ; секретарь-дѣлецъ, секретарь-дока, выйдя въ отставку, начиналъ промышлять ростовщичествомъ, или пріобрѣталъ имѣніе; на долю же тяжущихся оставались убытки и разореніе". Авторъ имѣетъ въ виду порядки, господствовавшіе въ Казанскихъ судебныхъ учрежденіяхъ въ началѣ XIX вѣка, т. е., приблизительно въ то самое время, когда писались критики литовско-польскаго судопроизводства.

[1]) Господство состязательнаго начала въ литовскомъ правѣ *Даниловичъ* объясняетъ бѣдностью литовской казны, вслѣдствіе чего приходилось ограничивать число судей и для ихъ облегченія возлагать на тяжущихся рядъ процессуальныхъ дѣйствій (Юрид. Записки Рѣдкина I, стр. 44). Впрочемъ и въ древнемъ польскомъ правѣ проводилось это же начало; „позвы" встрѣчаются въ очень старинныхъ польскихъ памятникахъ. См. *Hube*, Sądy, ich praktika i stosunki prawne, Warszawa, 1886, стр. 344.

стязательному, какъ къ болѣе совершенному. А это и есть порядокъ Западнаго Свода [1]).

Но—слѣдуетъ подчеркнуть еще разъ—только гражданское судопроизводство въ Западномъ Сводѣ представляетъ нѣчто законченное и обособленное отъ имперскаго законодательства. Въ остальныхъ областяхъ къ 1836 году имперское право уже пробило большія бреши, а что не сдѣлали указы, то додѣлывалъ ревизіонный комитетъ. Изданіе Западнаго Свода явилось бы свидѣтельствомъ почти полной отмѣны мѣстнаго права для многихъ отношеній.

X.

Съ изготовленіемъ записокъ въ Государственный Совѣтъ, труды II Отдѣленія по составленію Западнаго Свода окончились. Оставалась только механическая работа—поправка нѣкоторыхъ статей, согласно Мнѣніямъ Государственнаго Совѣта, и печатаніе свода. Такъ думалъ и Сперанскій. 8-го іюля 1838 года онъ представилъ Государю отчетъ о состояніи работъ II Отдѣленія по 1-е іюля, и въ немъ было изложено слѣдующее: „Сводъ законовъ Западныхъ губерній къ 1-му января сего года совершенно оконченъ и обревизованъ. Ревизія была двоякая: во-первыхъ, въ ревизіонномъ комитетѣ, и во-вторыхъ — черезъ особыхъ чиновниковъ, отряженныхъ отъ министерства юстиціи. Оставалось только разрѣшить нѣкоторые вопросы при семъ возникшіе. Изъ нихъ десять по совѣщаніи съ министромъ юстиціи разрѣшены въ Государственномъ Совѣтѣ и нынѣ представлены на Высочайшее усмотрѣніе, а четыре будутъ разрѣшены въ первыхъ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта послѣ вакаціи. Послѣ сего сводъ имѣетъ быть напечатанъ и съ 1-го января 1839 года войдетъ въ свое дѣйствіе“ [2]).

---

[1]) На мѣстный гражданскій процессъ нападали еще и потому, что при состязательномъ началѣ необходимо содѣйствіе адвокатовъ, а этотъ классъ признавался вреднымъ въ политическомъ отношеніи. Впрочемъ, въ запискѣ неизвѣстнаго автора доказывается, что адвокаты особенно зловредны въ Литвѣ, „гдѣ нѣтъ ни открытаго судопроизводства, ни гласности“. Это не вѣрно. Въ мѣстномъ судопроизводствѣ допускалась самая широкая гласность (унаслѣдованная отъ древнихъ временъ, см. *Даниловичъ*, Юрид. Записки Рѣдкина т. I, стр. 42). Она была только нѣсколько ограничена въ Западномъ Сводѣ и, какъ выше показано, совершенно напрасно.

Суровой критикѣ подвергся до-реформенный слѣдственный процессъ со стороны составителей судебныхъ уставовъ, см. *Судебные уставы*, въ изданіи Государственной Канцеляріи, ч. I, стр. 7—22.

[2]) Бумаги гр. Сперанскаго въ Императорской Публичной Библіотекѣ, картонъ

Если бы осуществились эти предположенія Сперанскаго, то Западный Сводъ явился бы послѣднимъ крупнымъ памятникомъ кодификаціи, вступившимъ въ дѣйствіе при жизни неутомимаго кодификатора. Но вышло иначе. Распубликованіе Западнаго Свода, которое въ сущности выражало бы собой новое и торжественное подтвержденіе прежнихъ правъ этихъ губерній, зависѣло отъ другихъ причинъ, болѣе реальныхъ и могущественныхъ, чѣмъ канцелярская законченность кодификаціонныхъ сборниковъ. Общая государственная политика относительно западной окраины сильно измѣнилась. Послѣ событій 1830 и 1831 гг., когда и губерніи западнаго края были вовлечены въ возстаніе и русской власти пришлось вести кровопролитную внутреннюю войну съ населеніемъ, правительственная власть стала совершенно иначе относиться къ мѣстнымъ особенностямъ и изъятіямъ. Тѣ своеобразныя условія быта, жизни и управленія этихъ губерній, къ которымъ центральная власть до этихъ поръ относилась—въ общемъ—совершенно объективно, и за которыми признавала полное право на самоцѣнное существованіе, получили значеніе признаковъ чуждаго имперіи и даже враждебнаго ей духа.

Центральное правительство стало принимать мѣры къ тому, чтобы сдѣлать невозможнымъ повтореніе въ будущемъ такихъ возстаній и для этого, прежде всего, пришлось произвести рядъ реформъ въ постановкѣ мѣстной администраціи. Уже эти реформы, иначе говоря, новые законы, изданные для западнаго края, произвели рядъ перемѣнъ въ прежнемъ правѣ. Но такъ какъ онѣ касались такихъ учрежденій, которыя и въ моментъ присоединенія находились въ непосредственной связи съ верховной властью имперіи, и опредѣлялись не законами, унаслѣдованными отъ Речи Посполитой, а спеціальными русскими указами, то на комплексѣ „прежнихъ“ нормъ онѣ прямо не отразились. Вѣдь уже въ самый моментъ присоединенія во всѣхъ манифестахъ была предусмотрѣна отмѣна дѣйствовавшихъ при польскомъ владычествѣ нормъ, несогласныхъ съ основными принципами русскаго государственнаго устройства. Въ связи съ реформой законовъ были произведены крупныя перемѣны въ личномъ составѣ мѣстной администраціи. Отъ участія въ ней мѣстный элементъ былъ тщательно устраняемъ; всѣ должности замѣщались лицами великорусскаго, точнѣе—не мѣстнаго происхожденія, и власть органовъ мѣстнаго упра-

№ 9 (въ настоящее время). На отчетѣ помѣтка рукой гр. Сперанскаго „Представленъ Е. И. В. 8 іюля 1838 г., въ Александріи“.

вленія была усилена. Нѣкоторыя учрежденія, какъ, напримѣръ, Виленскій университетъ, признанныя особенно вредными въ смыслѣ пропаганды мятежныхъ мыслей, были упразднены и замѣнены другими, которыя должны были дѣйствовать именно въ обратномъ направленіи. Въ учебной части такихъ перемѣнъ было произведено очень много, но не она одна привлекала вниманіе центральнаго правительства. Въ такомъ же направленіи дѣйствовало оно и по отношенію къ католической церкви, въ частности, къ различнымъ монастырямъ, въ которыхъ усматривались разсадники мятежнаго духа, и по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, которыя по образу мыслей представлялись опасными для спокойствія края. Такія лица высылались въ другія мѣстности имперіи, а имущества ихъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) конфисковывались. Всѣ эти частныя реформы управленія имѣли характеръ болѣе фактическихъ, если такъ можно выразиться, чѣмъ юридическихъ перемѣнъ. Онѣ совершались во многихъ случаяхъ въ предѣлахъ дѣйствующаго закона, безъ измѣненія его буквы; государственная власть стала осуществлять свои права, ей уже и раньше принадлежащія, въ другомъ направленіи. Для обывателей края, конечно, эти реформы были очень ощутительны. При такой перемѣнѣ воззрѣній начальства въ тѣхъ поступкахъ ихъ, которые въ прежнее время признавались совершенно безразличными, въ которыхъ видѣли только дозволенную заботу о своихъ интересахъ, стали усматривать проявленія мятежнаго духа, и къ такимъ лицамъ стали относиться, какъ къ врагамъ.

Далѣе, вскорѣ же послѣ возстанія былъ изданъ рядъ законовъ, вводящихъ неотложныя измѣненія уже въ другіе институты мѣстнаго права, исторически сложившіеся въ эпоху прежняго самостоятельнаго существованія. Сюда можно отнести, напримѣръ, всякія мѣропріятія, касающіяся шляхты и, въ частности, ревизіи ея прежнихъ сословныхъ правъ. Эти законы произвели радикальныя перемѣны въ сословномъ положеніи очень многочисленнаго класса. Весьма многія лица были лишены тѣхъ правъ, на которыя они могли претендовать при дѣйствіи прежнихъ законовъ, и въ связи съ этимъ очутились даже въ совершенно другихъ соціальныхъ условіяхъ. Шляхтичи, „не доказавшіе“ своихъ дворянскихъ правъ, приписывались къ городскимъ или сельскимъ обывателямъ,—до изданія новаго закона никто не требовалъ отъ нихъ такихъ доказательствъ, и къ мѣщанскому сословію, ниже стоящему, они не причислялись. Реформамъ подверглось городское устройство, основанное прежде на болѣе широкихъ началахъ само-

управленія; коснулись онѣ и отношеній между помѣщиками и крестьянами.

Но всѣ эти реформы, вносившія очень крупныя измѣненія въ дѣйствовавшій правопорядокъ, тѣмъ не менѣе не затрагивали мѣстнаго права, какъ нѣкоего *цѣлаго*. Онѣ оставались все-таки частными законами; наряду съ ними продолжала существовать система прежняго права, правда, ими совершенно поколебленная и расшатанная. Изъ нея немногое уцѣлѣло въ нетронутомъ видѣ, но она на первый взглядъ могла показаться обширнѣе, чѣмъ была въ самомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе же того, что оставалось въ силѣ это немногое, западныя губерніи все же представлялись „губерніями на особыхъ правахъ состоящими" и, слѣдовательно, чѣмъ-то обособленнымъ отъ имперіи.

Но законы тридцатыхъ годовъ, издаваемые вскорѣ послѣ возстанія, касались только такихъ пунктовъ, измѣненіе которыхъ было признано дѣломъ неотложнымъ. Эти реформы считались только началомъ, первыми стадіями въ проведеніи обширной законченной политической программы. Эта программа и связанная съ нею новая система управленія сложилась почти въ окончательномъ видѣ уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ; она проводилась въ жизнь въ теченіе всего царствованія Николая Павловича, и позднѣе, послѣ второго возстанія 1863 г., основныя теченія ея были только сильнѣе подчеркнуты.

Центральное правительство въ своихъ мѣропріятіяхъ руководствовалось почти исключительно тѣми проектами, которые оно получало отъ высшихъ мѣстныхъ властей, т. е. генералъ-губернаторовъ, по крайней мѣрѣ, такъ было первое время. Истинными творцами новой политики на западной окраинѣ были первые генералъ-губернаторы, и можно сказать безъ особой ошибки, что основныя тенденціи ея установлены были уже въ тѣхъ запискахъ, которыя въ 1831 году представилъ въ Петербургъ М. Н. Муравьевъ, управлявшій одно время Могилевской губерніей и затѣмъ участвовавшій въ подавленіи возстанія въ губерніяхъ Минской и Литовской[1]). То, что писалъ Муравьевъ, впослѣдствіи только повторяли другіе дѣятели, интересовав-

[1]) Эти записки распубликованы въ *Русскомъ Архивѣ* за 1865 г. и перепечатаны затѣмъ въ „*Сборникѣ статей, объясняющихъ польское дѣло*" (ред. *Шолковича*) часть II, стр. 298 и слѣд. Онѣ цитируются здѣсь по „Сборнику".—Для исторіи правительственныхъ мѣропріятій въ Западномъ Краѣ этотъ „Сборникъ" даетъ обширный матеріалъ. Многое можно извлечь также и изъ книги *С. М. Середонина*, „Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ" (различные отдѣлы II части).

шіеся западнымъ краемъ. Цѣль всѣхъ предлагаемыхъ ими мѣропріятій состояла въ пресѣченіи на будущія времена „крамолы“, т. е., возстанія въ Западномъ краѣ, и всѣ мѣры, въ нихъ перечисленныя, можно свести приблизительно къ слѣдующимъ группамъ. Во-первыхъ, признавалась, какъ conditio sine qua non, необходимость созданія энергичной и обширной власти на мѣстахъ, которая была бы въ состояніи сразу же уничтожать, въ самомъ началѣ, всякую попытку возмущенія. Во-вторыхъ, считали нужнымъ ослабить, или даже уничтожить совершенно нѣкоторыя явленія мѣстной жизни, отъ которыхъ ожидали опасности въ будущемъ; сюда Муравьевъ относилъ, напримѣръ, шляхту, „сіе сословіе тунеядцевъ, по большей части не осѣдлое и привыкшее къ праздношатанію“, а также и классъ адвокатовъ, „служившій основаніемъ къ распространенію мятежа и потому опасный и вредный“; „съ удаленіемъ адвокатовъ литовское дворянство въ существѣ своемъ мало образованное, а въ Самогитіи отличающееся особой грубостью и тупостью въ понятіяхъ, безмолвно будетъ покорствовать и равнодушно смотрѣть на всѣ преобразованія, о которыхъ лишь могло говорить и думать, когда были люди, способные внушать оному подобныя понятія“. Сюда же, къ такимъ подлежащимъ уничтоженію институтамъ, относилъ Муравьевъ и Виленскій университетъ, „гнѣздилище литовскаго вольнодумства“, а вовсе не источникъ истиннаго просвѣщенія, ученики котораго, по его мнѣнію, пріобрѣтали мало знаній и гораздо больше духа „вольнодумства, безвѣрія и разврата“ [1]).

Наконецъ, къ третьей группѣ можно отнести тѣ мѣры, которыя должны были, такъ сказать, качественно и въ корнѣ измѣнить образъ мыслей и духъ обывателей края, уничтожить тѣ реальныя особенности, которыми они отличались по сравненію съ великороссами, и, благодаря этому уничтоженію, должны были создать однородное съ центральными губерніями населеніе. Разсужденіе, лежавшее въ основаніи такихъ проектовъ, очень просто. Слѣдовало, по мнѣнію авторовъ его, отмѣтить всѣ тѣ особенности, которыя отличали жителей западнаго края отъ жителей прочихъ мѣстностей имперіи, уничтожить эти особенности посредствомъ изданія соотвѣтствующихъ законовъ, замѣнить уничтоженное чисто русскимъ, и тогда можно было ожидать, что если не сейчасъ, то вскорѣ исчезнетъ всякая вообще обособленность западнаго края. Слѣдовало, иначе говоря, подмѣтить тѣ симптомы, въ

[1]) Сборникъ, стр. 304, 305, 306 и др.

которыхъ выражался чуждый духъ, и ихъ отсѣчь. При этой операціи разсчитывали уничтожить и самый духъ, чуждый элементъ передѣлать въ родной и желательный. При такой политикѣ, опасность возмущенія и всякой вообще „крамолы“ in hypothesi радикально предотвращалась, ибо, если бы обыватели западнаго края сдѣлались дѣйствительно совершенно, или почти такими же, какъ и прочіе жители Россіи, то нечего имъ было бы и бунтовать; ихъ образъ мыслей и желанія стали бы совершенно иными, они сдѣлались бы во всемъ солидарными съ прочей Россіей.

Это разсужденіе прямо не высказано ни въ запискахъ, ни въ актахъ, касающихся реформъ законовъ сѣверо- или юго-западнаго края, но сознательно, или безсознательно оно проводилось во многихъ мѣропріятіяхъ. Радикальная и коренная перемѣна именно самаго „духа“ жителей являлась цѣлью очень разнообразныхъ дѣйствій правительства. Для этой цѣли былъ изданъ рядъ указовъ, ограничивающихъ католическое духовенство въ правѣ воспитывать юношество, для этого же были предприняты всякія ограниченія по поводу языка, на которомъ шло преподаваніе въ школѣ и дѣлопроизводство въ присутственныхъ мѣстахъ.

Для этого необходимо было и устраненіе мѣстнаго права, продукта прежней эпохи; до отмѣны его эти губерніи все еще продолжали считаться состоящими „на особыхъ правахъ“, а это-то и признавалось нежелательнымъ. Всѣ эти особенности признавалось полезнымъ устранить, какъ потому, что онѣ казались помѣхой для свободнаго и энергичнаго дѣйствія мѣстныхъ властей, такъ и потому, что онѣ оставались живыми памятниками прежняго самостоятельнаго политическаго существованія, напоминали о возможности возврата къ этому прошлому и, слѣдовательно, могли привести къ новой борьбѣ съ русской властью. Литва, какъ самостоятельная держава, уже давно покончила свое существованіе, а Речь Посполитая была еще жива въ памяти, поэтому устранялись именно остатки польскаго вліянія. Отъ истинныхъ литовцевъ даже ожидалось содѣйствіе въ этомъ.

Взамѣнъ *отмѣняемыхъ* особенностей быта правительство старалось водворить великорусскіе порядки, какъ путемъ законодательнаго, такъ и фактическаго насажденія. Вмѣсто польскаго языка законодательнымъ порядкомъ вводился русскій, а путемъ переселенія въ сѣверозападный край старообрядцевъ, раздачи земель русскимъ уроженцамъ и другими способами старались практически насадить русскую культуру.

Всѣ эти мѣры, особенно тѣ, которыя производились только посредствомъ измѣненія соотвѣтствующихъ законовъ, можно объяснить исключительно желаніемъ передѣлать именно „духъ" обывателей. Если устранить предлагаемое объясненіе, то сами по себѣ, каждая въ отдѣльности, онѣ были бы необъяснимы. Въ теоріи были мыслимы два способа для достиженія полнаго прикрѣпленія окраинъ къ Россіи: или попытка путемъ искусной законодательной политики прочно связать *интересы* края съ новой центральной властью и имперіей, принципіально не касаясь мѣстныхъ внутреннихъ отношеній, не вторгаясь во внутреннюю жизнь края, или же попытка пересоздать жителей окраины, попытка переработки ихъ, которая привела бы къ созданію гомогеннаго съ великорусскимъ населенія. При первомъ способѣ можно было бы строить будущее на историческихъ остаткахъ прошлаго, при второмъ необходима была ломка всего прошлаго, крутой переходъ къ чему-то совершенно иному.

Предпочтеніе было *въ общемъ* отдано этому второму способу, несомнѣнно, на первый взглядъ болѣе простому и болѣе радикальному. Законодательство обратило вниманіе преимущественно на устраненіе симптомовъ чуждаго духа; не общее законодательство приспособлялось къ отношеніямъ окраины, а напротивъ, эти особенности юридически устранялись путемъ распространенія на нихъ нормъ, объ этихъ особенностяхъ ничего не упоминавшихъ. Этими общими взглядами опредѣлялось и отношеніе правительства къ мѣстному праву.

О необходимости отмѣны прежнихъ законовъ заговорили представители мѣстной администраціи сейчасъ же послѣ окончанія возстанія 1830 года. Этотъ вопросъ поставленъ на первый планъ въ представленной М. Н. Муравьевымъ въ 1831 году запискѣ, озаглавленной: „о политическомъ преобразованіи губерній, отъ Польши возвращенныхъ, и уничтоженіи тѣхъ началъ, которыя постепенно довели край сей до совершеннаго отчужденія отъ Россіи"[1]). Вотъ что сказано въ ней: „1) Литва, какъ и Бѣлоруссія, получила впослѣдствіи времени подтвержденіе правъ своихъ въ отношеніяхъ удержанія въ оной законовъ польскихъ и литовскихъ, въ существѣ своемъ служащихъ лишь къ запутанности дѣлъ и отчужденію края сего отъ Россіи. 2) Уничтоженіе Литовскаго Статута, по крайней мѣрѣ, въ способахъ процедуры вовсе не сообразныхъ съ существомъ хода дѣлъ во всемъ

[1]) См. „*Сборникъ статей, объясняющихъ польское дѣло*", стр. 303, 304 (вторая записка Муравьева).

государствѣ, есть, по мнѣнію моему, совершенно необходимо и можетъ быть исполнено, а въ особенности нынѣ (знавши духъ литовцевъ), безъ особаго затрудненія. Различіе мѣръ осторожности противу Бѣлоруссіи должно состоять только въ томъ, чтобы предварительно привести въ извѣстность весь многочисленный классъ, скитающихся въ Литвѣ адвокатовъ, служившихъ основаніемъ къ распространенію мятежа, а потому опасный и вредный".—Этихъ адвокатовъ Муравьевъ предлагалъ отвлечь къ разнымъ должностямъ внутрь Имперіи.

Не одинъ Муравьевъ придерживался этого же мнѣнія. Приблизительно въ то же самое время, какъ была написана его записка, генералъ-губернаторъ губерній Могилевской и Витебской [1]), князь Хованскій настаивалъ на отмѣнѣ Литовскаго Статута для бѣлорусскихъ областей. Согласно его представленіямъ и состоялся указъ 1-го января 1831 года (Полн. Собр. Зак. [II] № 4233), въ которомъ признавалось „нужнымъ въ губерніяхъ Могилевской и Витебской, съ 1772 года возвращенныхъ Державѣ Россейской, ввести какъ по правительственной, такъ и по судебной части тотъ самый порядокъ, который соблюдается во внутреннихъ Областяхъ Государства на точномъ основаніи Общаго для управленія губерніи учрежденія и прочихъ Нами и предками Нашими изданныхъ узаконеній, прекративъ отнынѣ во всемъ пространствѣ Бѣлоруссіи дѣйствіе постановленій Литовскаго Статута и предоставляя дворянству.... избрать изъ среды своей предсѣдателей Палатъ Уголовнаго и Гражданскаго Суда". Въ силу этого указа, дѣйствіе прежняго права отмѣнялось въ областяхъ, наиболѣе продолжительное время принадлежавшихъ къ Россіи. Этой отмѣны давно уже можно было ожидать, и распространеніе русскаго законодательства не могло быть особенно неожиданно для жителей этого края, такъ какъ многія бѣлорусскія области, входя первое по присоединеніи время въ составъ великорусскихъ губерній, могли съ нимъ нѣсколько освоиться.

Послѣ этого указа довольно долгое время не ставился остро вопросъ о распространеніи дѣйствія общаго свода на прочія западныя губерніи. Подъ вліяніемъ представленій кіевскихъ генералъ-губернаторовъ, правда, были произведены нѣкоторыя измѣненія прежнихъ законовъ, но это были все же частные акты. Къ 1839 году оставалось еще достаточное количество мѣстныхъ нормъ, могущее наполнить даже цѣлый сводъ. Иниціатива такой радикальной перемѣны

---

[1]) А также и губерній Смоленской и Калужской.

могла найти *поддержку* у Государя, но исходила она не отъ него. Государь былъ вполнѣ освѣдомленъ о ходѣ кодификаціонныхъ работъ по Западному Своду, о которыхъ ему Сперанскій постоянно докладывалъ и письменно и устно. Отмѣнять мѣстныя права и нарушать такимъ путемъ и установившійся порядокъ и торжественныя обѣщанія прежнихъ манифестовъ, безъ вѣскихъ причинъ, въ началѣ 30-тыхъ годовъ онъ еще не считалъ нужнымъ. Не находя, вѣроятно, достаточныхъ основаній, Государь не придавалъ особеннаго значенія представленіямъ кіевскаго генералъ-губернатора Желтухина о желательности упразднить мѣстное право во всемъ его объемѣ.

Но къ тому моменту, когда Западный Сводъ уже былъ оконченъ, стали поступать новыя и настойчивыя представленія отъ кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова о необходимости объединить мѣстные законы съ общими. Возможно, что настойчивость этихъ представленій объясняется именно окончаніемъ Западнаго Свода и предстоящимъ опубликованіемъ его. Объ этомъ Бибиковъ былъ, конечно, вполнѣ освѣдомленъ, хотя, какъ это ни странно, въ дѣлахъ II Отдѣленія нѣтъ никакихъ указаній на то, былъ ли ему сообщенъ проектъ Свода. Повидимому, это не было сдѣлано, по крайней мѣрѣ, въ порядкѣ офиціальныхъ сношеній.

Но и кромѣ Бибикова, Западный Сводъ имѣлъ и другихъ враговъ въ Петербургѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже цитированная выше записка, которую представилъ кто-то Государю; на рукописи, хранящейся въ архивѣ II Отдѣленія [1]), подписи нѣтъ. Эта записка напечатана въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей", за 1866 г., книга I, смѣсь, стр. 103 и слѣд.

Кто былъ авторомъ этихъ записокъ, за отсутствіемъ прямыхъ

---

[1]) Дѣло „о введеніи Русскихъ законовъ въ Западныхъ губерніяхъ" А. Г. С., по описи валовой № 837. Въ этомъ дѣлѣ имѣются двѣ рукописи того же самаго автора, первая изъ нихъ напечатана въ „Чтеніяхъ" (безъ указанія, откуда она взята), а другая, насколько мнѣ извѣстно, не распубликована. На распубликованной имѣется надпись (посторонней рукой): „представлена 1837 года". На другой: „представлена 1838 года". Обѣ рукописи переписаны очень тщательно, однимъ и тѣмъ же писарскимъ почеркомъ. Другихъ отмѣтокъ на нихъ не имѣется никакихъ. Поэтому трудно сказать, являются ли экземпляры, хранящіеся при дѣлахъ II Отдѣленія, подлинниками, бывшими у Государя, или же копіями. Возможно и то и другое; но по смыслу второй записки можно заключить, что Государь высказалъ по поводу первой записки свое мнѣніе и, вѣроятно, сдѣлалъ это въ видѣ помѣтки. Поэтому, слѣдуетъ считать экземпляры архива Государственнаго Совѣта копіями. Заглавіе напечатанной записки см. выше, стр. 225, пр. 2.

указаній теперь съ точностью установить очень трудно, и позволительны только догадки. Здѣсь можно руководствоваться слѣдующимъ. Должно отмѣтить, что въ запискахъ имѣется въ виду прямо проектъ Западнаго Свода, который, очевидно, у автора былъ въ рукахъ, а, насколько можно установить по дѣламъ II Отдѣленія, проектъ, отпечатанный всего въ 50 экземплярахъ, былъ разосланъ очень малому числу лицъ. Получить его могло только лицо, по служебному положенію стоявшее близко къ центральнымъ вѣдомствамъ, или къ дѣламъ западной окраины. Далѣе, авторъ записки несомнѣнно обладалъ нѣкоторой эрудиціей и нѣкоторыми знаніями изъ исторіи западнаго края. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по всему тону ихъ видно, что это не офиціальная работа, не представленіе какого-нибудь вѣдомства. Онѣ написаны какъ частное, не служебное обращеніе къ Государю. *Можетъ быть*, авторомъ ихъ былъ Ф. Ф. Вигель. Вигель могъ ознакомиться съ Западнымъ Сводомъ по службѣ своей въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (по департаменту иностранныхъ исповѣданій), куда сводъ былъ присланъ на заключеніе, и помимо офиціальныхъ замѣчаній, оставшихся у министра, могъ представить свои мысли прямо Государю. Съ проектомъ графа Канкрина относительно раздачи земель русскимъ уроженцамъ и облегченія уроженцамъ западнаго края пріобрѣтать земли въ великорусскихъ областяхъ Вигель поступилъ въ этомъ родѣ—на проектъ Канкрина, съ которымъ онъ ознакомился случайно, онъ представилъ свои критическія замѣчанія и предложилъ свой самостоятельный проектъ прямо Государю. Мысли Вигеля привлекли вниманіе Государя и привели къ полному измѣненію проекта Канкрина и къ изданію закона о маіоратахъ 1836 года [1]). Съ исторіей Польши и Литвы Вигель былъ нѣсколько знакомъ и близко интересовался политикой Россіи на западной окраинѣ; объ этомъ свидѣтельствуетъ (изданная уже послѣ смерти его) книга „Trois mémoires à propos de la question polonaise en 1831, par le conseiller privé Philippe Viguél" (edit. posthume 1864, Moscou) [2]), которая написана совершенно въ томъ же духѣ и должно быть приблизительно въ то же время, какъ и разбираемыя записки. Наконецъ, первая записка, въ концѣ, содержитъ прямыя нападки на Сперанскаго, въ

---

[1]) Объ этомъ см. у *Шульгина*, *Древняя и Новая Россія* 1879 г., т. II (№№ 5 и 6), стр. 107.

[2]) Объ этой книгѣ Вигеля см. статьи г. *Щебальскаго*, *Русскій Вѣстникъ* 1864 г., стр. 820, гдѣ приведены и нѣкоторыя данныя относительно автора ея. Въ самой книгѣ Вигеля я не нашелъ никакихъ указаній на записки 1837—1838 гг.

тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о министерствахъ, какъ о чемъ-то противномъ духу самодержавнаго правленія; эти разсужденія не стоятъ ни въ какой связи съ критикой Западнаго Свода. Аналогичныя замѣчанія содержатся въ „Запискахъ“ Вигеля въ различныхъ мѣстахъ, особенно же въ тѣхъ, гдѣ онъ разбираетъ преобразованія Сперанскаго. Однимъ словомъ, въ пользу авторства Вигеля говоритъ многое, и не было бы удивительно, если бы записки оказались написанными именно имъ. Однако, за отсутствіемъ прямыхъ данныхъ слѣдуетъ разсматривать это предположеніе только какъ догадку, и только въ качествѣ таковой она и выставлена здѣсь.

Въ первой запискѣ (распубликованной) Западный Сводъ разбирается до нѣкоторой степени по существу, и, какъ выше уже описано, авторъ старается доказать несовершенство мѣстнаго права. Но главнымъ аргументомъ въ пользу отмѣны являются все же соображенія чисто политическія, и въ нихъ съ еще большею ясностью, чѣмъ въ запискахъ Муравьева, сказывается дальновидное стремленіе „сплавить“ въ одно цѣлое окраины съ центральной Россіей, путемъ измѣненія „враждебнаго духа“. Для борьбы съ этимъ духомъ, авторъ предлагаетъ тѣ средства, которыя должны привести къ перерожденію его; авторъ этихъ совѣтовъ предлагаетъ уничтожить симптомы духа: „*Единство языка и законовъ рождаетъ единство чувствъ и понятій*, безъ коихъ нѣтъ прочности въ существованіи народномъ“, говоритъ онъ (стр. 105), но, не останавливаясь долго на вопросѣ о языкѣ („тѣ изъ поляковъ, кои были воспитаны въ кадетскихъ корпусахъ... забывъ языкъ и права свои, сдѣлались Русскими“), авторъ переходитъ прямо къ вопросу о правѣ. Для кого издавать польскій сводъ, спрашиваетъ онъ, неужели же для тѣхъ немногихъ, которые и для своего собственнаго блага и для блага Имперіи должны забыть, что когда либо существовали права, отдѣляющія ихъ отъ Россіи? и зачѣмъ издавать какіе-то отрывки, только напоминающіе о прежнихъ преимуществахъ? И какія послѣдствія могутъ быть отъ этого? „Каждый полякъ, указывая сыну своему на Сводъ этихъ правъ, скажетъ: „Вотъ обломки нашей народной независимости, похищенной у насъ Русскими“! Послѣдствіемъ сохраненія этихъ правъ въ силѣ будетъ бунтъ при первомъ же удобномъ случаѣ. Непонятно автору, зачѣмъ сохранять западному краю его право, когда отмѣняется преподаваніе на польскомъ языкѣ (стр. 116); въ такомъ противорѣчіи политики онъ обвиняетъ „учрежденіе министерствъ“,—безъ всякихъ, разумѣется, основаній.

Такова, въ краткихъ словахъ, аргументація записки. Эта слабая записка, полная высокопарныхъ словъ, патетическихъ восклицаній, свидѣтельствующая скорѣе о настроеніяхъ автора, чѣмъ о реальной необходимости доказываемыхъ въ ней предложеній, конечно, не могла убѣдить Государя. Но все же высказанныя въ ней мысли показались ему достойными вниманія; вѣроятно, записка была сообщена и другимъ лицамъ, которыя раскритиковали ее. Это можно предположить на основаніи того, что вслѣдъ за ней была представлена тѣмъ же авторомъ вторая записка. Въ ней содержится опроверженіе двухъ замѣчаній, сдѣланныхъ критиками первой: именно, что мѣстныя права „торжественно утверждены при завоеваніи сихъ областей", и что „при введеніи законодательства русскаго произойдетъ замѣшательство въ гражданскихъ дѣлахъ Западныхъ губерній". Съ этими замѣчаніями авторъ записки, конечно, не соглашается. О безусловномъ утвержденіи правъ, по его мнѣнію, и рѣчи быть не можетъ; въ указѣ Кречетникову (П. С. З. № 17090) говорится, что права оставляются на первый случай; болѣе опредѣленное дарованіе правъ, выраженное въ указѣ кн. Репнину (П. С. З. № 17204), касалось только двухъ губерній—Гродненской и Виленской. Истинныя же намѣренія Императрицы, присоединившей эти губерніи, были совершенно иныя,—сохранять за окраинами ихъ особенности она не имѣла никакого желанія. Это явствуетъ изъ тѣхъ актовъ, которыми на все пространство имперіи были распространены учрежденія о губерніяхъ и другіе законодательные памятники ея времени. А особенно опредѣленно высказано это ею въ тѣхъ секретныхъ инструкціяхъ и наставленіяхъ, которыя были даны генералу Чернышеву и кн. Вяземскому. Идеи Екатерины II не были осуществлены при ея жизни. Павелъ во многомъ отмѣнилъ то, что она уже сдѣлала, а въ царствованіе Александра I Чарторижскій, „подъ личиной преданности, до того успѣлъ наклонить волю Государя, сообразно съ намѣреніями своими возстановленія Польши, что Императоръ Александръ торжественно изъявилъ волю свою присоединить къ Царству Польскому и древнее достояніе Россіи, ей Екатериной Великой возвращенное". Торжественныя утвержденія правъ за окраинами неоднократно отмѣнялись. Такъ поступилъ Петръ съ Малороссіей и намѣревался сдѣлать то же и съ Лифляндіей. Отнято было мѣстное устройство Донского войска, и этимъ истреблены начала противныя государственному устройству, „начала, которыя составляли права сего воинственнаго племени, и для сохраненія которыхъ они принесли въ жертву Россіи свою непоколебимую предан-

ность“. Слѣдовательно, отняты права у племени, которое всегда оставалось вѣрнымъ Россіи, а теперь желаютъ сохранить ихъ для нѣсколькихъ тысячъ „пришельцевъ изъ Польскаго дворянства, принесшихъ съ собой ненависть ко всему Русскому“. Останется „зло, которое непримѣтно, подобно искрѣ въ горючихъ веществахъ, таится въ правахъ, нынѣ существующихъ въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, и которое при первомъ дуновеніи вѣтра обниметъ пламенемъ бунта обширныя пространства Имперіи“.

Покончивъ, такимъ образомъ, съ неотмѣняемостью прежняго правопорядка, авторъ переходитъ ко второму возраженію, о томъ, что перемѣна въ юридическомъ положеніи вызоветъ замѣшательство. Это возраженіе представляется ему a priori неубѣдительнымъ. Перемѣна всякаго закона вызываетъ замѣшательство, но изъ за этого одного нельзя останавливать движеніе законодательства. Къ тому же исторія указываетъ примѣры такихъ перемѣнъ въ западномъ краѣ, которыя не вызвали никакихъ особенныхъ замѣшательствъ. Подверглась имъ Смоленская губернія и части Литовскихъ областей, отошедшія къ Псковской; отъ этого только выиграло русское вліяніе въ нихъ, и ничто не пострадало. Если и возникаютъ въ Бѣлоруссіи нѣкоторыя „несообразности“, то на это „можно отвѣчать словами нашего древняго лѣтописца Нестора: „земля наша велика и обильна, но въ ней нѣтъ порядка“, ибо нѣтъ у насъ единства направленія въ „пружинахъ управленія“. Заканчивается записка патетическими словами: „симъ представленіемъ исполняя священную обязанность вѣрноподданнаго, могу только присовокупить, что указавъ зло, таящееся въ нѣдрахъ земли русской, не повиненъ буду въ крови сыновъ ея, которая нѣкогда прольется поляками“. Плохимъ пророкомъ оказался авторъ записки. Сдѣлано было все именно такъ, какъ онъ предлагалъ, отмѣнили польскіе законы, а все же черезъ два десятка лѣтъ повторились совершенно тѣ же событія, которыя должны были быть предотвращены отмѣной мѣстнаго права.

Тѣ же самые совѣты, которые приходилось Государю слышать отъ неофиціальныхъ, добровольныхъ совѣтниковъ, настойчиво повторялись и высшими органами мѣстнаго управленія, только, конечно, въ менѣе высокопарныхъ фразахъ.

Представленія генералъ-губернаторовъ западнаго края, требующія болѣе сложнаго разсмотрѣнія, Государь, до постановленія своей резолюціи, обыкновенно передавалъ въ такъ называемый „западный комитетъ“, или, какъ онъ точнѣе назывался, „комитетъ для разсмо-

трѣнія разныхъ предположеній по губерніямъ отъ Польши присоединеннымъ". Для всѣхъ окраинъ существовали такіе особые „комитеты", остатки древняго приказнаго строя управленія. Деликатныя и политическія par excellence дѣла, которыя не подлежали никакой гласности, направлялись не въ обыкновенномъ порядкѣ инстанцій, черезъ Комитетъ Министровъ, или Государственный Совѣтъ, а въ особыя совѣщанія, состоявшія изъ особенно довѣренныхъ лицъ Монарха, по особому назначенію. На самомъ же дѣлѣ, засѣдали въ нихъ тѣ же самые сановники, какъ и въ другихъ высшихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, только въ нѣсколько меньшемъ числѣ. Отъ этихъ комитетовъ ожидали, что они внесутъ что-то новое и успѣшное въ обсужденіе изучаемыхъ ими важныхъ государственныхъ дѣлъ. Но на дѣлѣ особенной иниціативы имъ не приходилось проявлять; ихъ главной задачей являлись развитіе и подробная разработка предначертанныхъ уже раньше отвѣтовъ, и далеко не всегда ихъ совѣты принимались во вниманіе. Съ такимъ же успѣхомъ могъ бы рѣшать эти дѣла и Комитетъ Министровъ, многіе члены котораго засѣдали въ этихъ особыхъ комитетахъ. Единственное, что достигалось благодаря устройству такихъ особыхъ комитетовъ, была нѣсколько большая канцелярская быстрота въ исполненіи дѣла, благодаря спеціализаціи работъ и болѣе однородному по убѣжденіямъ составу членовъ, которые съ тѣмъ и выбирались въ комитетъ. Всѣ такіе комитеты группировались вокругъ Комитета Министровъ, хотя въ непосредственной связи съ нимъ не стояли, кромѣ развѣ той, что для несенія канцелярской службы къ нимъ назначались чиновники изъ канцеляріи Комитета Министровъ [1]).

„Западный комитетъ" былъ учрежденъ 16-го сентября 1831 года [2]) по предложенію Комитета Министровъ. О необходимости такого особаго комитета писалъ, впрочемъ, и Муравьевъ въ первой изъ своихъ записокъ. Предлагая учредить должность особаго намѣстника въ западномъ краѣ, подчиненнаго прямо Государю, онъ считалъ полезнымъ „для единообразнаго сосредоточенія всѣхъ распоряженій касательно предстоящихъ коренныхъ преобразованій въ сихъ областяхъ учредить особый комитетъ, котораго меморіи исполнялись бы съ Высочайшаго

---

[1]) Въ связи съ этимъ и архивы комитетовъ, въ частности, западнаго, хранятся при архивѣ Комитета Министровъ и устроены по его же типу, т. е., журналы за каждый годъ переплетены въ одинъ томъ, а приложенія къ нимъ—въ другой.

[2]) *Середонинъ*, Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, II, стр. 54.

утвержденія, кромѣ случаевъ, не выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ“ [1]).

На западный комитетъ была возложена приблизительно эта именно задача. Онъ долженъ былъ „сравнять западный край во всѣхъ отношеніяхъ съ внутренними великорусскими губерніями“; ему была поставлена цѣль устроить этотъ край такъ, чтобы онъ почувствовалъ, насколько его благосостояніе и благополучіе связаны съ состояніемъ имперіи; короче — онъ долженъ былъ озаботиться введеніемъ такого порядка, при которомъ было бы невозможно повтореніе событій 1830 и 1831 гг. [2]). Составъ членовъ этого совѣщанія мѣнялся, иногда приглашались въ него по отдѣльнымъ дѣламъ представители такихъ вѣдомствъ, которыя, по общему правилу, не имѣли къ нему прямого отношенія, напримѣръ, главноуправляющіе II Отдѣленіемъ.

Уже въ 1838 году вопросъ объ отмѣнѣ мѣстныхъ законовъ разсматривался въ западномъ комитетѣ [3]); къ необходимости такой отмѣны постоянно возвращался кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ. Помимо соображеній по существу, т. е. указанія на несовершенство мѣстныхъ порядковъ, преимущественно процессуальныхъ, и онъ выдвигалъ на первый планъ политическіе мотивы. „Только единство въ законахъ и въ судопроизводствѣ сплавляетъ въ крѣпкую массу народы, составляющіе обширныя государства“ [4]). При такихъ обстоятельствахъ изданіе Западнаго Свода, помимо вѣдома и согласія вліятельнаго генералъ-губернатора, было невозможно, и трудную и неблагодарную задачу отстаивать работу II Отдѣленія пришлось взять на себя главноуправляющему Блудову.

Въ „общемъ обозрѣніи губерній Кіевской, Подольской и Волынской въ настоящемъ ихъ положеніи и направленіи“, представленномъ Бибиковымъ Государю въ концѣ 1839 года, былъ снова затронутъ вопросъ объ отмѣнѣ Литовскаго Статута. Этотъ докладъ Бибикова разсматривался въ Комитетѣ Министровъ [5]), журналъ котораго былъ представленъ Государю 19-го января 1840 г., и, повидимому, предложеніе Бибикова тогда не убѣдило Комитетъ. 21-го марта объ этомъ же

[1]) *Сборникъ статей, объясняющихъ польское дѣло*, вып. II, стр. 229.

[2]) *Середонинъ*, указ. соч., стр. 54.

[3]) А. Г. С. дѣло II Отдѣленія, по описи № 837.

[4]) Статья *Шульгина*, *Древняя и Новая Россія* II т. стр. 116 и слѣд.

[5]) Это видно изъ письма министра юстиціи графа Панина къ Блудову отъ 7-го марта 1840 г., см. А. Г. С., дѣло II Отд. № 837.

дѣлѣ Блудовъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ указывалъ, что такую коренную реформу, какую предлагаетъ Бибиковъ, не слѣдуетъ производить сразу.

Онъ считалъ правильнымъ отложить ее до тѣхъ поръ, пока не будутъ сочинены новые общіе законы для всей Имперіи; тогда дѣйствіе новаго „Уложенія“ можно распространить на всѣ территоріи, входящія въ ея составъ, а, слѣдовательно, и на западный край. Этимъ отмѣнялись бы и всѣ мѣстные законы. Но Государь не согласился съ Блудовымъ и повелѣлъ пересмотрѣть вопросъ въ западномъ комитетѣ, въ присутствіи Бибикова [1]).

30-го марта поступило отъ Бибикова обширное представленіе, въ которомъ онъ снова повторилъ свои аргументы политическаго характера. Они были обсуждены въ засѣданіяхъ западнаго комитета 2-го, 20-го и 28-го апрѣля 1840 года. Бибиковъ доказывалъ, что существованіе мѣстныхъ правъ порождаетъ неясность закона, ибо приходится примѣнять къ дѣламъ то общіе законы, то Статутъ. Далѣе, мѣстные судопроизводственные порядки вызываютъ необходимость въ адвокатахъ, класса лицъ, который и онъ, подобно Муравьеву, признавалъ весьма неспокойнымъ. Существованіе прежнихъ законовъ поддерживаетъ въ жителяхъ сепаратистическій духъ и напоминаетъ имъ о прежней ихъ республикѣ. Наконецъ, онъ удостовѣрялъ, что громадное количество русскихъ обывателей, проживающихъ въ юго-западномъ краѣ, не имѣетъ привычки къ польскимъ законамъ и съ радостью встрѣтитъ возвращеніе русскихъ порядковъ. По его мнѣнію, слѣдовало прежде всего „удалить въ жителяхъ мысль о самостоятельности ихъ законовъ“. Всѣ принимаемыя правительствомъ мѣры къ сліянію западнаго края съ коренной Россіей не увѣнчаются успѣхомъ, пока „дѣйствіе законовъ польскихъ, напоминающее ежедневно тамошнимъ полякамъ весь бытъ прежней республики и увлекающее ихъ къ мечтамъ объ отдѣльномъ существованіи, не будетъ совершенно уничтожено“.

Но Блудовъ энергично отстаивалъ существованіе мѣстныхъ законовъ. Признавая вполнѣ мысль Бибикова, что разность законоположеній производитъ и „разность въ привычкахъ, мнѣніяхъ, понятіяхъ и напоминаетъ о бывшей прежде народности“, онъ все же не рѣшался однимъ почеркомъ пера измѣнить все прошлое края, исправить, такъ сказать, его исторію, и стоялъ за постепенное распространеніе общихъ

---

[1]) Цитир. дѣло № 837.

законовъ. Колебанія въ законахъ, касающихся такихъ основныхъ институтовъ, какъ семья и собственность, онъ считалъ очень нежелательными. Поэтому, онъ возвращался къ своему прежнему предложенію, высказанному уже въ докладѣ Государю, именно, къ необходимости подождать, пока будетъ окончено то таинственное „Общее Уложеніе Россійской Имперіи“, которое распространится на всѣ ея окраины.

Доводы Блудова произвели впечатлѣніе. Комитетъ не пожелалъ быть истребителемъ мѣстныхъ законовъ и принялъ среднее рѣшеніе, которое имѣло за себя многое. Именно, комитетъ предложилъ не составлять особаго „Свода“, который представлялъ бы законченный и обособленный памятникъ мѣстнаго права, а размѣстить наиболѣе важныя и полезныя постановленія, собранныя въ немъ, по различнымъ отдѣламъ общаго Свода Законовъ.

При такомъ порядкѣ являлась возможность сохранить нѣкоторые важные институты мѣстнаго права, напримѣръ, порядокъ наслѣдованія или ипотеку — „благодѣтельное учрежденіе“, какъ про нее выразился комитетъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ не создавалось обособленнаго положенія для западныхъ губерній. Съ нѣкоторой натяжкой можно было бы про нихъ говорить, что они уже болѣе „не состоятъ на особыхъ правахъ“.

По этимъ соображеніямъ комитетъ пришелъ къ слѣдующему выводу: 1) не издавать Западнаго Свода, 2) поручить II Отдѣленію выбрать изъ проекта наиболѣе важныя постановленія, 3) размѣстить ихъ въ общемъ сводѣ и, наконецъ, 4) распространить на западныя губерніи „Общее уложеніе Россійской Имперіи“, по начертаніи его. Если бы это мнѣніе комитета получило силу закона, то практическимъ слѣдствіемъ его явилось бы то, что мѣстное право пожалуй еще и по сей день сохраняло бы дѣйствіе въ западномъ краѣ, и уцѣлѣли бы тѣ институты его, которые представлялись важными по существу; при выборѣ ихъ II Отдѣленіе руководилось бы не политическими соображеніями. Для гражданскаго права имперіи помѣщеніе нѣкоторыхъ постановленій въ общемъ сводѣ было бы только полезно, ибо оно косвенно обогатилось бы нѣкоторыми новыми правовыми идеями; это произошло при включеніи въ X т. Свода Законовъ постановленій для губерній Черниговской и Полтавской.

Однако, съ большинствомъ комитета не согласились два члена: кн. Александръ Голицынъ, который находилъ, что распространеніе X тома на западныя губерніи не произведетъ никакихъ пертурбацій, какъ не вызвало оно таковыхъ и въ Бѣлоруссіи, и Бибиковъ, предста-

вившій особое мнѣніе. Въ немъ онъ доказывалъ, что выборка важныхъ статей и размѣщеніе ихъ по разнымъ отдѣламъ Свода Законовъ займетъ много времени, а надо торопиться съ отмѣной мѣстнаго права. Далѣе, снова повторялъ онъ, что отмѣна древняго права никого не опечалитъ, и, наконецъ, указывалъ на то, что лучше сразу отмѣнить все прежнее право, чѣмъ постепенно, т. е. дважды, одинъ разъ при размѣщеніи его въ Сводѣ Законовъ, а другой — при введеніи Общаго Уложенія. Къ этому Общему Уложенію, „мысли достойной нынѣшняго царствованія", Бибиковъ не безосновательно относился очень недовѣрчиво. Переходныя правила, необходимыя для введенія въ дѣйствіе общаго свода, Бибиковъ предлагалъ издать примѣнительно къ проекту князя Хованскаго, представленнаго имъ въ Сенатъ, въ 1834 году, послѣ указа, отмѣнившаго Литовскій Статутъ въ Бѣлоруссіи.

Всѣ сужденія комитета и мнѣніе Бибикова были представлены Государю, который положилъ (2-го мая 1840 года) на журналѣ комитета слѣдующую резолюцію: „Раздѣляю въ полной мѣрѣ мнѣніе Г. Бибикова, здѣсь приложенное, по которому и исполнить, распространивъ мѣру сію на всѣ остальныя Западныя губерніи. Редакцію указа поручить с(татсъ) с(екретарю) Блудову".

Эта резолюція и рѣшила вопросъ. Отмѣна прежняго права, какъ видно изъ предъидущаго, является всецѣло дѣломъ рукъ Бибикова. Было принято именно его мнѣніе, съ которымъ не соглашались другіе члены комитета, какъ напримѣръ, Чернышевъ, Бенкендорфъ, Киселевъ, Панинъ. Но въ резолюціи Государя заключалось еще нѣчто большее, чѣмъ утвержденіе мнѣнія Бибикова. Дѣйствіе общихъ законовъ было распространено не только на юго-западныя, но на всѣ *западныя*, слѣдовательно и на сѣверо-западныя губерніи.

Объ этомъ не могъ говорить Бибиковъ, такъ какъ сѣверныя губерніи не были подчинены его управленію, да и въ комитетѣ объ этомъ не подымался вопросъ. Представители мѣстной власти въ этихъ губерніяхъ при рѣшеніи этого вопроса не были спрошены; однимъ словомъ, можно сказать, что въ данномъ случаѣ отмѣна мѣстнаго права исходила отъ Государя. Точнѣе говоря, онъ вѣроятно привелъ въ исполненіе то, о чемъ въ разное время ему совѣтовали губернаторы. Такимъ образомъ, архивныя данныя вполнѣ подтверждаютъ то, что баронъ (впослѣдствіи графъ) М. А. Корфъ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ про исторію отмѣны литовскаго права. „Эта мысль", говорится тамъ, „родившаяся впервые отъ Кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова, была схвачена и сильно поддержана Государемъ, ко-

торый собралъ даже комитетъ по этому случаю подъ своимъ предсѣдательствомъ“ [1]).

Весьма возможно, что въ архивѣ не сохранились слѣды этого засѣданія комитета подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, только потому, что это засѣданіе могло носить не формальный характеръ. Правъ Корфъ и въ своемъ разсказѣ о противодѣйствіи, которое оказывалъ комитетъ и особенно князь Васильчиковъ проекту Бибикова. Если бы не настойчивое желаніе Николая I, несомнѣнно, мѣстное право не было бы отмѣнено.

Послѣ резолюціи Государя комитету оставалось только заняться разработкой подробныхъ правилъ для уничтоженія мѣстныхъ законовъ. Сочиненіе указа объ этомъ Государь поручилъ Блудову. Кромѣ Блудова въ составленіи проекта указа участвовали Бибиковъ и Логиновъ, управляющій министерствомъ юстиціи, а основныя мысли проекта были установлены Бибиковымъ. Именно, онъ предложилъ отмѣнить все прежнее право, сохранивъ его только для рѣшенія уже начатыхъ дѣлъ; переходныя постановленія были заимствованы изъ проекта князя Хованскаго, представленнаго въ Сенатъ 30-го апрѣля 1834 г. Въ такомъ видѣ и былъ составленъ проектъ переходныхъ правилъ.

Блудову же пришлось озаботиться судьбой тѣхъ мнѣній Государственнаго Совѣта, послѣдовавшихъ по поводу Западнаго Свода, которыя были утверждены Государемъ 8-го іюня 1838 года. Здѣсь, прежде всего, необходимо было опредѣлить право дворянъ магометанскаго закона владѣть населенными имѣніями въ Западныхъ губерніяхъ. Если бы не было сдѣлано особой оговорки объ этомъ, то, при распространеніи на западный край общихъ законовъ, татары несомнѣнно лишились бы этого права. Поэтому Блудовъ предложилъ сдѣлать относительно татаръ двѣ оговорки: именно 1) не распространять на нихъ дѣйствія ст. 151 т. IX Свода Законовъ, а статьи 672—712 соотвѣтственно измѣнить въ томъ смыслѣ, что крѣпостные, принадлежащіе татарамъ, не дѣлаются свободными, если перейдутъ въ православіе, и 2) признать за татарами всѣ вообще дворянскія права. Мотивировалось это сохраненіе прежняго status, какъ нежелательностью колебать принадлежавшія татарамъ права, такъ и постоянной лойяльностью ихъ, дающей основанія для милостиваго отношенія къ ихъ привилегіямъ.

---

[1]) См. *Русская Старина*, 1899 г., августъ, стр. 292.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Блудовъ предполагалъ соотвѣтствующій указъ не публиковать во всеобщее свѣдѣніе, а только сообщить всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Однако, и этотъ указъ распубликованъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, подъ № 13592 (25 іюня 1840 г.).

Всѣ же остальныя мнѣнія Государственнаго Совѣта, въ которыхъ, въ видѣ изъятія, распространялись на западныя губерніи обще-имперскіе порядки, сами собой сдѣлались излишними. Сюда относятся мнѣнія о правѣ замужнихъ женщинъ распоряжаться имуществомъ, о срокѣ совершеннолѣтія, о выкупѣ недвижимостей изъ заставнаго владѣнія, объ отобраніи владѣній у арендаторовъ, о производствѣ безспорныхъ дѣлъ, о дѣлопроизводствѣ на русскомъ языкѣ. Съ введеніемъ общихъ законовъ достигалось именно то, что было предложено II Отдѣленіемъ и утверждено Государственнымъ Совѣтомъ. Далѣе, новыя постановленія объ ученомъ цензѣ адвокатовъ теряли всякій смыслъ, такъ какъ при введеніи общеимперскаго порядка судопроизводства уничтожался весь классъ адвокатовъ. И наконецъ, новыя правила, касающіяся дареній на случай смерти, рѣшено было примѣнять только къ старымъ дѣламъ.

Всѣ эти предположенія были разсмотрѣны въ комитетѣ 22-го и 31-го мая; Государь сдѣлалъ на обширномъ журналѣ резолюцію „весьма хорошо", а 25-го іюня 1840 года былъ подписанъ указъ о распространеніи на западныя губерніи общихъ законовъ [1]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 13591.—Іюня 25-го. Именный, данный Сенату, распубликованный 21-го августа.—„О распространеніи силы и дѣйствія Россійскихъ гражданскихъ законовъ, на всѣ Западныя, возвращенныя отъ Польши, области.—Не переставая обращать особенное вниманіе на средства усовершенствованія узаконеній, которыми охраняются безопасность и собственность вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, и находя съ одной стороны, что сія важная цѣль отчасти уже достигнута приведеніемъ сихъ узаконеній въ стройный порядокъ и ясную положительность чрезъ изданіе Общаго Свода Законовъ Имперіи Нашей, съ другой же, что вошедшими въ сей Сводъ и дополняющими оный постановленіями, какъ самыя права состояній лицъ и имуществъ, такъ и правила для доказательства и огражденія сихъ правъ, опредѣляются точнѣе и удовлетворительнѣе, нежели въ тѣхъ, коими до нынѣ руководствовались въ нѣкоторыхъ Западныхъ возвращенныхъ отъ Польши областяхъ, Мы признали за благо распространить вполнѣ силу и дѣйствіе Россійскихъ гражданскихъ законовъ на сіи, издревле Русскія по происхожденію, нравамъ и навыкамъ ихъ жителей, области. Вслѣдствіе того, Повелѣваемъ: 1. Отнынѣ впредь, въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской, Волынской, Минской, Виленской и Гродненской и въ области Бѣлостокской, всякое дѣйствіе Статута Литовскаго и всѣхъ на основаніи сего Статута, или въ дополненіе къ оному изданныхъ Сеймовыхъ Конституцій и иныхъ постановленій прекратить, замѣнивъ ихъ общими Россійскими узаконеніями и наблю-

По всему видно, что при изданіи указа 1840 г., какъ его инициаторы, такъ и Императоръ Николай I, исходили изъ той мысли, что новая мѣра является мѣрой очень крупной и рѣшительной. Съ момента изданія этого закона упразднялась—такъ могло имъ казаться—законченная древняя правовая система и замѣнялась другой. Если такъ смотрѣть на указъ 1840 г., если руководиться его заглавіемъ, то можно въ самомъ дѣлѣ подумать, что имъ уничтожалось нѣчто крупное, и что послѣдствія его неисчислимы.

Но было бы ошибкой думать такъ. Отмѣнялось *указомъ 1840 года* только то, что не было отмѣнено уже раньше, т. е. остатки прежняго права, а каковъ былъ объемъ этихъ остатковъ, объ этомъ можно судить по содержанію Западнаго Свода. Нѣтъ надобности здѣсь снова перечислять всѣ сохранившіеся до 1840 года институты мѣстнаго права—цѣлостность и нѣкоторую законченность сохранилъ, какъ выше уже многократно указывалось, только гражданскій процессъ.

По своему реальному значенію, по количеству отмѣняемыхъ нормъ, указъ 1840 г. далеко не былъ такъ значителенъ, какъ могли думать его авторы. Онъ не превосходилъ въ этомъ отношеніи многихъ предшествующихъ законовъ, по заглавію касавшихся только частныхъ предметовъ.

дая, какъ въ рѣшеніи дѣлъ по существу оныхъ, такъ и въ образѣ и формахъ производства ихъ и раздѣленіи между присутственными мѣстами, тотъ самый порядокъ, который учрежденъ для прочихъ внутреннихъ областей Имперіи. 2) Сему порядку слѣдовать равномѣрно въ производствѣ какъ вновь начинающихся, такъ и возникшихъ до обнародованія сего указа Нашего дѣлъ; но въ отношеніи къ существу ихъ, принимать въ основаніе дѣйствовавшія доселѣ въ вышепоименованныхъ губерніяхъ и области мѣстныя узаконенія при рѣшеніи тѣхъ дѣлъ, кои начались дѣйствительнымъ производствомъ въ Палатахъ или Судахъ первой степени прежде полученія сего указа Нашего въ сихъ Палатахъ или Судахъ".

Въ дальнѣйшемъ предписывалось (пунктъ 3) дѣла о наслѣдствахъ разбирать на основаніи законовъ, дѣйствовавшихъ въ моментъ открытія; споры по документамъ, составленнымъ до обнародованія указа, предписывалось обсуждать въ порядкѣ общаго судопроизводства, но матеріальную сторону документовъ—по прежнимъ мѣстнымъ узаконеніямъ (п. 4); рѣшенія, вошедшія въ законную силу, должны были быть приводимы въ исполненіе въ общемъ порядкѣ (п. 5); въ дѣлопроизводство всѣхъ учрежденій, судебныхъ и правительственныхъ, также и выборныхъ, вводился русскій языкъ (п. 6); въ 7 пунктѣ указывался порядокъ наложенія запрещеній на недвижимости по всякаго рода искамъ и тяжбамъ; въ 8 пунктѣ распространялось дѣйствіе указа 3-го апрѣля 1840 г. № 133425 (состоявшагося для губ. Витебской и Могилевской по долговымъ дѣламъ)—на губ. Кіевскую, Подольскую, Волынскую, Виленскую, Минскую, Гродненскую и область Бѣлостокскую, и, наконецъ, упразднялись прежніе межевые суды (п. 9).

Но онъ имѣлъ крупное значеніе, какъ проявленіе твердаго намѣренія высшей власти Имперіи совершенно покончить со всѣми мѣстными изъятіями. Съ момента изданія его западныя губерніи перестали быть областями „на особыхъ правахъ состоящими". Старина *должна* была исчезнуть безвозвратно. Тѣ нормы, которыя въ послѣдующіе годы издавались спеціально для этихъ губерній, конечно, представляли собой „мѣстныя изъятія", но уже въ другомъ смыслѣ,—если онѣ и являлись „привилегіями", изъятіями изъ общаго права имперіи, то, по общему правилу, развѣ только въ смыслѣ privilegia odiosa. Онѣ содержатъ, въ большинствѣ случаевъ, ограничительные законы, которыми урѣзывались права обывателей западныхъ губерній, по сравненію съ юридическимъ положеніемъ жителей великороссійскихъ мѣстностей.

Впрочемъ, какъ ни радикальны были намѣренія законодателя при изданіи указа 1840 года, многія юридическія особенности западнаго края остались въ силѣ еще долгое время послѣ 1840 года, а именно сохранились многія постановленія, внесенныя въ общій Сводъ Законовъ, какъ основанныя формально на актахъ, отъ русской власти исходящихъ. Матеріально же и они стоятъ въ связи съ прежними законами не русскаго происхожденія. Въ видѣ примѣра можно привести рядъ статей Свода Законовъ, трактующихъ о казенныхъ и другихъ имѣніяхъ въ западномъ краѣ,—эти статьи остались и во второмъ изданіи Свода Законовъ, 1842 г., не смотря на то, что косвенно и онѣ восходятъ къ прежнимъ узаконеніямъ польской эпохи. Въ VIII томѣ Свода Законовъ, изданія 1842 г., къ первой же статьѣ устава о хозяйственномъ управленіи казенными населенными имѣніями приложено довольно длинное постановленіе о правахъ и обязанностяхъ, связанныхъ съ владѣніемъ „поіезуитскими, эдукаціонными фундушъ составляющими, имѣніями и капиталами", всего 34 статьи, и о ленныхъ имѣніяхъ (6 статей); въ уставѣ о податяхъ, во второмъ пунктѣ ст. 15, можно найти „поіезуитскихъ" крестьянъ. Къ 54 статьѣ объ арендныхъ статьяхъ приложена даже особая „форма контракта на отдачу казеннаго имѣнія въ безотчетное администраціонное управленіе въ Западныхъ губерніяхъ и Бѣлостокской области". Всѣ эти постановленія формально основаны не на актахъ польскаго происхожденія, а на указахъ и законодательныхъ памятникахъ другого рода, изданныхъ русскою властью, но всѣ явленія, въ нихъ предусмотрѣнныя, очевидно, не русскаго происхожденія.

Да и нельзя удивляться тому, что указъ 1840 года не истре-

билъ окончательно всѣхъ остатковъ мѣстнаго права. Нельзя отмѣнить исторію. Поневолѣ приходилось считаться съ прежнимъ правопорядкомъ, и во всѣхъ случаяхъ, когда необходимо было перевести прежнія юридическія понятія на новыя русскія, во всѣхъ этихъ случаяхъ обнаруживалось и прежнее право.

Но какъ бы то ни было, на первый взглядъ указъ 1840 года, въ самомъ дѣлѣ, могъ представиться современникамъ мѣрой крутой и въ высшей степени радикальной. Правильная и точная оцѣнка всего его истиннаго значенія возможна только при разсмотрѣніи его въ исторической перспективѣ, а у современниковъ ея, конечно, не было. Несомнѣнно, указъ на мѣстахъ произвелъ впечатлѣніе, но, къ сожалѣнію, еще нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ, чтобы вполнѣ охарактеризовать его. Профессоръ В. Я. Шульгинъ, ученый панегиристъ дѣятельности генералъ-губернатора Бибикова, имѣвшій въ рукахъ архивныя полицейскія дѣла, утверждаетъ, что „всѣ донесенія полиціи, которой поручено было наблюдать за расположеніемъ умовъ и за разными толками по поводу объявленія указа 25-го іюня 1840 г., единогласно свидѣтельствуютъ, что новая мѣра была принята съ удовольствіемъ всѣми, безъ различія національностей и сословій. Одни только адвокаты, да запутавшіеся по уши въ долгахъ, помѣщики кривились. Донесеніямъ земской полиціи тутъ можно вѣрить, 1) по безусловному единогласію, 2) потому что тогда болѣе въ интересахъ полиціи было отвѣчать отрицательно, чтобы потомъ или приписать себѣ честь успокоенія и умиротворенія своего района, или попользоваться, нагнавъ острастку на неосторожныхъ“ [1]).

Однако, это утвержденіе Шульгина звучитъ какъ-то не убѣдительно; трудно предположить, чтобы такая мѣра могла вызывать удовольствіе у всѣхъ сословій и *національностей.* Полицейскія донесенія не всегда вѣрный источникъ для историка, а психологическій анализъ мотивовъ, которые, по мнѣнію Шульгина, заставляютъ относиться съ довѣріемъ къ донесеніямъ, еще не устраняетъ всѣхъ сомнѣній [2]). Слѣдуетъ думать, что вѣроятно въ первое

---

[1]) См. цитированную уже статью *Шульгина* „Югозападный край подъ управленіемъ Д. Г. Бибикова“, *Древняя и Новая Россія,* 1879 (т. II), стр. 119, прим. 38. (Статья издана послѣ смерти автора).

[2]) Къ тому же, нѣтъ возможности и провѣрить слова Шульгина о единогласіи полицейскихъ донесеній, а другія мѣста его статьи указываютъ на нѣкоторую легкомысленную небрежность автора въ цитированіи разныхъ источниковъ. Такъ, на стр. 117 Шульгинъ ссылается на слова, якобы написанныя Даниловичемъ въ его

время указъ произвелъ сильное впечатлѣніе, а впослѣдствіи оно ослабилось уже потому, что, какъ выше указано, — реально указъ 25-го іюня 1840 г. коснулся только немногихъ областей права — остальныя были отмѣнены уже раньше.

XI.

По смыслу Высочайшей резолюціи на Положеніи западнаго Комитета, отмѣнялось прежнее право во всѣхъ *западныхъ* губерніяхъ. Такимъ образомъ, отмѣнялись *не* вообще *всѣ* дѣйствовавшія въ Россійской Имперіи нормы польско-литовскаго происхожденія, а только тѣ, которыя имѣли силу въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ. Уже выше отмѣчено [1]), что по обычной офиціальной терминологіи губерніи малорос-

---

статьѣ о Литовскомъ Статутѣ, въ Юридическихъ Запискахъ Рѣдкина, гдѣ сказано будто бы слѣдующее: „Литовскій Статутъ былъ приспособленъ исключительно къ интересамъ мѣстной дворянской жизни“. Шульгинъ, очевидно, приводя эти слова, какъ свидѣтельство того, что нечего жалѣть объ отмѣнѣ такого памятника, въ которомъ доминируютъ кастовые интересы одного сословія, искалъ союзника въ Даниловичѣ. Однако, онъ не указываетъ въ точности страницу сочиненія Даниловича, на которой это написано. И не удивительно, потому что у Даниловича эта мысль выражена съ совершенно инымъ оттѣнкомъ. Онъ говоритъ (на стр. 34), что оцѣнка достоинства всякаго законодательнаго памятника, въ частности и Литовскаго Статута, весьма относительна. „Не справедливо было бы смотрѣть на древніе законы съ нынѣшней точки зрѣнія. Литовскій Статутъ, *какъ приспособленный къ мѣстной дворянской жизни, къ потребностямъ времени, къ положенію своего края*, казался современникамъ болѣе, нежели удовлетворительнымъ законодательствомъ“. Если брать всю фразу Даниловича въ общемъ контекстѣ, то она звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ въ цитатѣ Шульгина; о солидарности воззрѣній на отмѣну мѣстнаго права между этими авторами, разумѣется, и рѣчи быть не могло. Къ тому же слѣдуетъ имѣть въ виду, что Шульгинъ всегда отличался антипатіями къ мѣстнымъ особенностямъ,—объ этомъ см. біографію его, составленную *Г. Градовскимъ* (тамъ-же, *Древняя и Новая Россія 1879*) и приведенныя тамъ (особенно на стр. 428) сужденія о Шульгинѣ.— Въ рѣчи къ дворянству югозападнаго края, сказанной въ 1852 г. (она напечатана въ Кіевской Старинѣ за 1884 г. и цитируется здѣсь по выдержкѣ у проф. *Иконникова*, Кіевъ, стр. 179), Бибиковъ указывалъ на малую распространенность Статута въ краѣ. Изъ дворянъ почти никто Статута не читалъ, „да и отыскать его очень трудно, я досталъ въ оригиналѣ два только экземпляра“. Неясно, что́ Бибиковъ называлъ оригиналомъ Статута — вообще ли Статутъ въ какомъ-либо старинномъ изданіи, или изданіе Мамоничей, и не ясно, имѣлъ ли онъ въ виду малое распространеніе Статута въ частныхъ рукахъ;—вѣроятно, послѣднее, такъ какъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ экземпляры Статута имѣлись въ достаточномъ количествѣ.

[1]) См. стр. 14.

сійскія къ числу „западныхъ", или „присоединенныхъ отъ Польши", не относились, слѣдовательно, резолюція Государя по своему буквальному смыслу не охватывала малороссійскихъ мѣстностей. Эта территорія литовско-польскаго, или точнѣе говоря, *литовскаго* права сохранилась и до сихъ поръ въ дѣйствующемъ правѣ.

Въ пользу отмѣны малороссійскаго права нельзя было приводить тѣхъ соображеній, которыя лежали въ основаніи изданія этой мѣры для мѣстностей юго- и сѣверо-западнаго края. Малороссія не бунтовала въ 1830 году, и о „польскомъ" характерѣ этого края никогда и рѣчи не было; напротивъ, старинныя распри его съ Польшей доказывали даже прямо противуположное.

Далѣе, право Малороссіи, со времени присоединенія ея къ Имперіи, имѣло свою судьбу, отличную отъ судьбы права западныхъ губерній,—вліяніе Польши значительно ослабѣло послѣ присоединенія Украйны къ Москвѣ. Внутреннее отличіе малороссійскаго права отъ права западныхъ губерній было замѣчено при кодификаціонныхъ работахъ, поэтому, когда составлялся Западный Сводъ, и было рѣшено малороссійскіе законы собрать въ отдѣльномъ кодексѣ.

Благодаря такому обособленному положенію малороссійскихъ губерній, указъ 25 іюня 1840 года не повлекъ за собой пріостановки кодификаціи мѣстныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ тамъ.

Напротивъ, согласно Высочайшей резолюціи 11 января 1840 года на докладѣ Блудова (который былъ тогда главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ), эти работы были продолжаемы и въ конечномъ результатѣ привели къ составленію дѣйствующихъ и понынѣ статей X тома, спеціально относящихся до губерній Черниговской и Полтавской. Если разсматривать эти статьи въ современномъ составѣ дѣйствующаго законодательства, то онѣ представляютъ собой „чистые" остатки малороссійскаго права, существовавшаго тамъ до 1840 года. Собранію ихъ предшествовала очистка мѣстнаго права отъ различныхъ архаическихъ элементовъ, которые по инерціи, номинально, сохраняли свою силу и служили только источникомъ всеобщихъ недоразумѣній.

Въ началѣ XIX столѣтія выяснилась необходимость формальной отмѣны магдебургскаго права, дѣйствовавшаго во многихъ мѣстностяхъ Украйны, и эта работа была выполнена при близкомъ участіи Даниловича. Для полнаго выясненія смысла законодательныхъ актовъ, направленныхъ къ упорядоченію малороссійскаго права, и для точнаго описанія хода кодификаціонныхъ работъ въ его области, не-

обходимо въ краткихъ словахъ коснуться его исторіи за прежніе вѣка [1]).

До присоединенія къ Россіи, съ 1471 г., Малороссія, „непрестанное позорище войны между Россіей, Польшей, Литвой и Татарами“, какъ сказано въ „Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о составленіи Западнаго Свода“, входила въ составъ великаго княжества Литовскаго, и вслѣдствіе этого „Статуты 1529 и 1566 гг., при самомъ ихъ изданіи, были уже закономъ, дѣйствовавшимъ въ Малороссіи“ [2]). Но дальнѣйшее вліяніе Речи Посполитой на права Малороссіи было незначительно. Сеймовыя конституціи въ Малороссіи не имѣли никакой силы [3]); de jure весь правопорядокъ опредѣлялся Статутомъ, отдѣльными привилегіями королей, обычаями и другими нормами мѣстнаго происхожденія, въ частности гетманскими наказами. Но кромѣ Статута, изъ Литвы было занесено въ Украйну и магдебургское право, какъ нѣкоторая законченная система городского права. Появленіе его относится къ довольно отдаленнымъ временамъ. Въ царскихъ грамотахъ, подтверждающихъ городамъ ихъ прежнія права и вольности, дѣйствіе магдебургскаго права уже прямо предполагается [4]). Есть данныя, по которымъ можно установить, что оно дѣйствовало, напр., въ Стародубѣ и Переяславѣ уже въ 1620 году, въ Новгородѣ Сѣверскомъ въ 1622 г., въ Черниговѣ въ 1623 г. и др. [5]). Главнымъ источникомъ магдебургскаго права являлись сочиненія Гроицкаго и Щербича, распространенныя въ Польшѣ, за которыми признавался авто-

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи имѣется въ виду не полное описаніе внѣшней исторіи малороссійскаго права въ XIX вѣкѣ, а только исторія разработки законодательныхъ актовъ, стоящихъ въ связи съ кодификаціей.

[2]) „*Обозрѣніе истор. свѣд. о сост. Свода мѣстныхъ законовъ Зап. губ.*“, I раздѣлъ, II отдѣленіе (А. Г. С. № 587). Части „Обозрѣнія“, касающіяся Малороссіи, составлены по сочиненію Бантышъ-Каменскаго „Исторія Малой Россіи“ и Полному Собранію Законовъ.—О дѣйствіи въ южныхъ областяхъ Речи Посполитой (воеводства Кіевское, Волынское и Брацлавское) *второго* („Волынскаго“) Статута, а не *третьяго* 1588 г. см. проф. *Бершадскій*, Литовскій Статутъ и польскія Конституціи, стр. 6.

[3]) О томъ, что конституціи сеймовъ не имѣли силы въ Малороссіи, см. „*Обозрѣніе*“, а также „обзоръ исторіи Малороссійскаго права“, представленный II Отдѣленіемъ въ Государственный Совѣтъ, А. Г. С. дѣло № 5а, 1840 годъ. Это явствуетъ также изъ свѣдѣній, приводимыхъ проф. *А. Ѳ. Кистяковскимъ*, Права, по которымъ судится малороссійскій народъ, стр. 35 слѣд., особенно стр. 55.

[4]) См. *Кистяковскій*, „Права“, стр. 4.

[5]) „*Обозрѣніе*“, I разд. II отд., которое здѣсь слѣдуетъ Бантышъ-Каменскому, Исторія Малой Россіи, I, стр. 191 и 223.

ритетъ истиннаго текста закона; но оно отчасти измѣнялось мѣстными юридическими обычаями, которые въ нѣкоторыя области права вносили значительныя перемѣны [1]).

Всѣ эти прежнія малороссійскія права, при присоединеніи къ Московскому государству, были торжественно подтверждены; такія же подтвержденія имѣли мѣсто и впослѣдствіи [2]).

Въ 1728 году (22 августа) было приказано приступить къ собранію въ одинъ сводъ мѣстныхъ малороссійскихъ нормъ, и для этого велѣно было образовать особую комиссію изъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ [3]). Работы комиссіи подвигались медленно, и изъ Петербурга приходилось часто напоминать ей о необходимости довести дѣло до конца. Въ 1734 году, когда комиссія была преобразована на новыхъ началахъ, еще ничего не было окончено. По новому штату комиссія должна была состоять изъ (не болѣе) 12 членовъ, мѣстопребываніемъ для нея была назначена Москва (а не Глуховъ, какъ было раньше), а въ качествѣ предсѣдателя предполагалось приставить къ ней „искусную персону изъ великороссіянъ", на расходы было ассигновано 2.000 р. въ годъ. Въ слѣдующемъ году комиссіи было разрѣшено переѣхать обратно въ Глуховъ; составъ ея впослѣдствіи измѣнялся. Ей удалось—по крайней мѣрѣ формально—довести до конца порученное ей дѣло, т. е. перевести на русскій языкъ распространенные въ Малороссіи правовые сборники и сдѣлать изъ нихъ общій сводъ.

Перевели прежде всего Литовскій Статутъ. Какой оригиналъ и текстъ какой редакціи были положены въ основаніе перевода, нельзя установить съ точностью; можно думать, что переводчики пользова-

---

[1]) Теперь, послѣ цитированнаго изслѣдованія *А. Ѳ. Кистяковскаго* и работы *Ѳ. В. Тарановскаго* „Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права", Варшава, 1897 г.; см. особенно стр. 55, также 34 и слѣд., не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что именно книги Гроицкаго и Щербича имѣли въ Малороссіи силу источниковъ права.— О мѣстныхъ источникахъ права см. *Багалѣй*, Магдебургское право въ лѣвобережной Малороссіи (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1892 г., мартъ).

[2]) См. объ этомъ I главу.

[3]) Исторія кодификаціи малороссійскаго права въ XVIII вѣкѣ превосходно разработана въ цитиров. выше изслѣдованіи проф. *А. Ѳ. Кистяковскаго*: „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ". Кіевъ (1879), введеніе; по сравненію съ этимъ трудомъ, работа г. *Теличенко*, „Очерки кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ", Кіевъ, 1888 г., не даетъ много новаго.—Въ текстѣ указаны только главнѣйшіе моменты кодификаціи малороссійскаго права, болѣе подробныя свѣдѣнія могутъ быть почерпнуты изъ книги проф. Кистяковскаго.

лись польскимъ изданіемъ 1693 года [1]). Этотъ переводъ комиссіи впослѣдствіи получилъ значительное распространеніе въ Малороссіи, и многочисленные рукописные экземпляры его были собраны проф. А. Ѳ. Кистяковскимъ [2]). Языкъ этихъ отдѣльныхъ экземпляровъ во многомъ тожественъ; какъ это, такъ и другія обстоятельства заставляютъ признать полную убѣдительность за догадкой проф. Кистяковскаго о томъ, что семью этихъ рукописей можно возвести къ одному переводу, за которымъ признавался крупный авторитетъ, а авторомъ перевода не могъ быть никто иной, какъ комиссія. Но во всякомъ случаѣ, кто бы ни былъ переводчикомъ распространенныхъ въ Малороссіи версій Статута, одно несомнѣнно: въ нынѣшнихъ губерніяхъ Черниговской и Полтавской въ половинѣ XVIII вѣка получилъ распространеніе Статутъ *третьей* редакціи 1588 г., переведенный не съ русскаго, а съ польскаго языка. De jure долженъ былъ бы дѣйствовать тамъ Статутъ *второй* редакціи, 1566 г.; но, очевидно, время сдѣлало свое, и старый памятникъ былъ вытѣсненъ новымъ, который по точной буквѣ закона тамъ не долженъ былъ имѣть силы.

Далѣе, комиссія перевела 1) книгу Щербича Speculum Saxonum подъ заглавіемъ: „Зерцало Саксоновъ, или право саксонское и магдебургское, порядкомъ алфавита изъ Латинскихъ, изъ Нѣмѣческихъ экземпляровъ (сводовъ) собранное и на польскій языкъ тщательно и вѣрно черезъ Павла Щербича, секретаря Его Королевскаго Величества Польскаго новоперенесенное, нынѣ же на Русскій штатскій языкъ по указу Ея Императорскаго Величества переведенное лѣта Господня 1732“.

2) Книгу Кушевича „Право Хельминское, поправленное и съ Латинскаго языка на польскій истолкованное, въ 5 книгахъ къ общей пользѣ переведенное черезъ Павла Кушевича изъ Хельмна, по милости и привилеи Священнѣйшаго Королевскаго Величества, нынѣ же съ Польскаго на Русскій штатскій языкъ по указу Ея Императорскаго Величества переведенное лѣта Господня 1735“.

Слѣдуетъ отмѣтить, что хельминское право въ русскихъ городахъ было очень мало распространено; случаевъ пожалованія его городамъ, по словамъ Ѳ. В. Тарановскаго, извѣстно теперь не болѣе десяти.

[1]) Проф. *Кистяковскій*, „Права“ стр. 16.

[2]) Указ. соч., стр. 34.

[3]) Заглавія, приведенныя ниже, заимствованы изъ описи, при которой имѣющійся въ архивѣ II Отдѣленія экземпляръ рукописи (въ одномъ томѣ) препровождался въ Комитетъ Министровъ. См. А. Г. С. дѣло № 17, 1828 года (№ 928).

Поэтому, естественно возникаетъ вопросъ о мотивахъ, на основаніи которыхъ комиссія включила и трудъ Кушевича въ число переводимыхъ ею памятниковъ дѣйствующаго права. По мнѣнію Ѳ. В. Тарановскаго [1]), этотъ переводъ должно объяснять желаніемъ комиссіи собрать наибольшее количество матеріаловъ для разрѣшенія разныхъ сомнѣній, которыя оставляли труды Гроицкаго и Щербича [2]). Другими менѣе глубокими, но, пожалуй, болѣе правдоподобными соображеніями объясняетъ переводъ Кушевича Даниловичъ [3]). Какъ онъ предполагаетъ, комиссія перевела трактатъ Кушевича только потому, что въ 1646 году онъ былъ изданъ вмѣстѣ съ книгой Щербича въ одномъ томѣ, и, переводя трудъ послѣдняго, комиссія прихватила и приложеніе, не задумываясь вовсе надъ обязательностью для Малороссіи нормъ, собранныхъ Кушевичемъ. Этимъ, конечно, еще не устраняется окончательно предположеніе и о томъ, что право хельминское могло служить матеріаломъ для истолкованія другихъ сборниковъ магдебургскаго права.

3) Такими же, вѣроятно, соображеніями слѣдуетъ объяснять и фактъ перевода учебника Церазина Encheiridion aliquot locorum etc., который не имѣлъ распространенія въ Малороссіи [4]).

4) Затѣмъ, перевела комиссія и другую книгу Щербича „Право гражданское Майдебургское съ латинскаго и съ нѣмецкаго на польскій языкъ тщательно и вѣрно переведенное чрезъ Павла Щербича, на тотъ часъ Синдика Львовскаго, потомъ секретаря Его Величества, нынѣ же на Русскій штатскій языкъ по указу Ея Императорскаго Величества переведенное, лѣта Господня 1735“.

5) Сверхъ этого комиссія перевела книгу Гроицкаго, Porządek Sądow etc., которая на практикѣ имѣла силу законнаго текста. Подъ общимъ заглавіемъ „Порядокъ судовъ“ были собраны въ одно всѣ вообще сочиненія Гроицкаго.

6) Наконецъ, кромѣ ученыхъ трактатовъ, въ числѣ матеріаловъ, имѣвшихся въ комиссіи и ею переведенныхъ, встрѣчается еще и собраніе магдебургскихъ нормъ въ чистомъ ихъ видѣ—сборникъ Яскера (1535 года).

На основаніи всѣхъ перечисленныхъ выше литовскихъ и нѣмецкихъ источниковъ былъ составленъ законченный въ 1743 г. сводъ

---

[1]) *Тарановскій.* Обзоръ памятниковъ, стр. 50.

[2]) *Тарановскій,* тамъ же, стр. 49.

[3]) А. Г. С. дѣло № 17, 1828 г. (№ 928), записка Даниловича.

[4]) *Тарановскій,* Обзоръ памятн., стр. 51.

дѣйствующихъ на Украинѣ законовъ, подъ названіемъ „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ". Памятникъ этотъ былъ представленъ генераломъ Бибиковымъ, стоявшимъ во главѣ управленія Малороссіи въ 1744 г. въ Сенатъ. Повидимому, долгое время онъ лежалъ безъ всякаго движенія, пока въ 1756 г. не состоялся указъ объ отсылкѣ его къ гетману Разумовскому, для новаго пересмотра. Въ 1758 г. была снова созвана комиссія для исполненія указа, но отъ дѣятельности ея не осталось никакихъ слѣдовъ. Съ этихъ поръ вообще прекращаются всѣ свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ мѣстной кодификаціи. Центральное правительство не дѣлало новыхъ попытокъ ускорить дѣло, и эту бездѣятельность его не слѣдуетъ объяснять случайностью: русское правительство преслѣдовало политику объединенія Малороссіи во всѣхъ отношеніяхъ съ прочей имперіей и, какъ справедливо указываетъ проф. Кистяковскій [1]), было заинтересовано въ томъ, чтобы о „Правахъ" скорѣе забыли. Въ позднѣйшихъ законодательныхъ актахъ, касающихся кодификаціи малороссійскихъ законовъ, ничего не говорится о проектѣ Глуховской комиссіи.

Дѣло собранія мѣстныхъ законовъ было организуемо на новыхъ началахъ при каждой попыткѣ кодифицировать имперское законодательство. Въ комиссію 1767 года были приглашены, въ числѣ прочихъ, и депутаты отъ Черниговской губерніи; о собраніи малороссійскихъ нормъ заботились и комиссіи составленія законовъ, собранныя при Павлѣ I и Александрѣ I, дѣятельность которыхъ въ этомъ направленіи уже описана выше [2]). О работахъ Глуховской комиссіи и о выработанномъ ею сводѣ въ Малороссіи память исчезла, и притомъ настолько основательно, что вниманіе научныхъ изслѣдователей было впервые обращено на нихъ только послѣ того, какъ проф. Кистяковскій, случайно въ 1874 году, снова „открылъ" „Права" и, издавъ этотъ памятникъ съ прекраснымъ историческимъ введеніемъ, сдѣлалъ его прочнымъ достояніемъ науки.

Однако, о существованіи въ архивахъ трудовъ Глуховской комиссіи знали нѣкоторые дѣятели, причастные къ кодификаціи права западныхъ окраинъ. Ясное представленіе о немъ и его источникахъ имѣлъ и Даниловичъ, который впервые подвергъ малороссійскій сводъ научной разработкѣ [3]). Но свѣдѣнія эти, впослѣдствіи, въ свою очередь похо-

[1]) *Кистяковскій*, указ. сочин. стр. 27.

[2]) См. выше, глава II.

[3]) Въ собственной библіотекѣ Даниловича имѣлись интересныя рукописи твореній малороссійской комиссіи. Объ этомъ можно заключить изъ слѣдующаго.

роненныя въ архивѣ, пропали безъ пользы для послѣдующихъ изслѣдователей, которымъ пришлось изучать все сызнова.

Въ началѣ XIX вѣка сводъ, составленный въ 1743 году, могъ имѣть значеніе уже только источника исторіи малороссійскаго права, такъ какъ въ концѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ различныхъ законодательныхъ актовъ Екатерины II, мѣстное право подверглось ряду коренныхъ измѣненій. Въ 1787 году было введено въ Малороссіи административное дѣленіе на губерніи [1] (сперва три: Кіевская, Новгородъ-Сѣверская и Черниговская, Полн. Собр. Зак. № 15227, 15229; затѣмъ въ 1796 г.—была выдѣлена Кіевская, въ особомъ составѣ, и наконецъ въ 1802 г. образованы изъ Малороссійскихъ мѣстностей двѣ губерніи Черниговская и Полтавская, въ современныхъ границахъ; указы 1-го января и 27-го февраля 1802 г., Полн. Собр. Зак. №№ 20099 и 20162).

При этомъ новомъ раздѣленіи былъ введенъ и новый порядокъ судопроизводства, описанный въ екатерининскомъ „Учрежденіи о губерніяхъ", и хотя мѣстное матеріальное право прямо и не было затронуто имъ, но новый судебный порядокъ нанесъ ему тяжелый ударъ. Особенно сильно отразилась перемѣна процессуальныхъ порядковъ на дѣйствіи магдебургскаго права.

Глубокихъ корней нѣмецкое право не имѣло въ Малороссіи, а но-

---

Графъ Канкринъ собралъ значительное (повидимому) количество изданій Литовскаго Статута и въ 1837 году представилъ свою коллекцію Государю, который приказалъ передать ее во II Отдѣленіе. Но Канкринъ, интересовавшійся, очевидно, Литовскимъ Статутомъ, кромѣ этого, поручилъ управляющему Кіевскою Казенною палатой справиться о нѣкоторыхъ рукописяхъ, принадлежавшихъ Даниловичу, который въ то время былъ профессоромъ въ Кіевѣ. Въ 1838 году онъ получилъ изъ Кіева отвѣтъ, и въ немъ между прочимъ сказано слѣдующее: „Кромѣ сего, г. Даниловичъ имѣетъ подлинную и единственную рукопись свода Малороссійскаго права, составленную въ царствованіе Елизаветы Петровны, комиссіей, назначенной изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, коихъ собственноручныя подписи находятся на концѣ сей книги, Статутомъ именуемой. По симъ надписямъ и красивости почерка рукопись сія весьма примѣчательна" (А. Г. С. № 20, 1837 [1273]). Возможно, что эта рукопись содержала не самый сводъ, а только переводъ Статута. О дальнѣйшей судьбѣ этой рукописи я не могъ собрать свѣдѣній. Изъ черновыхъ набросковъ завѣщанія Даниловича (хранящихся въ числѣ его бумагъ въ Виленской Публичной Библіотекѣ) можно заключить, что онъ оставилъ свою библіотеку своимъ (двумъ) сыновьямъ, а гдѣ она находится теперь, я установить не могъ.

[1]) А. Г. С. дѣло № 5а, 1840 г. часть II, „Историческое обозрѣніе хода законодательства въ Малороссіи", приложенное къ законамъ, которые были внесены въ Государственный Совѣтъ.

вый канцелярскій характеръ судопроизводства, новый личный составъ служащихъ и другія обстоятельства сильно способствовали скорѣйшему его забвенію [1]). Въ 1796 г. (указъ 3-го ноября) прежніе порядки были отчасти возстановлены Павломъ I, но магдебургское право за десять лѣтъ уже успѣло утратить всякое значеніе. Это лучше всего доказывается тѣми фактами, которые привели къ формальной его отмѣнѣ.

Въ 1824 году Сенатъ, разбирая рѣшеніе Полтавскаго генеральнаго суда по дѣлу мѣщанина Вовнянки съ купцомъ Калабуховымъ о денежныхъ дѣлахъ по торговлѣ, усмотрѣлъ, что судъ примѣнилъ къ дѣлу Литовскій Статутъ, а не магдебургское право, опредѣлявшее имущественныя отношенія горожанъ. Въ виду этого, Сенатъ рѣшеніе Полтавскаго генеральнаго суда отмѣнилъ, предоставивъ истцу снова начать искъ по магдебургскому праву, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ генеральному суду снабдить экземплярами этихъ законовъ всѣ полтавскія судебныя мѣста. Но генеральный судъ вскорѣ донесъ, что онъ нигдѣ не могъ отыскать магдебургскаго права; не оказалось его ни въ повѣтовыхъ судахъ, ни въ магистратахъ и ратушахъ, ни даже въ Виленскомъ губернскомъ правленіи, куда почему-то тоже обратились за справками. Нашли только одинъ экземпляръ, да и то не полный, у адвоката Герловича. Поэтому генеральный судъ въ свою очередь обратился къ Сенату съ просьбой сдѣлать распоряженіе о напечатаніи необходимаго количества экземпляровъ и о разсылкѣ ихъ куда слѣдуетъ, а до тѣхъ поръ пока эта разсылка не окончится, просилъ разрѣшенія рѣшать дѣла по Статуту.

Къ этому ходатайству всецѣло присоединился и военный генералъ-губернаторъ, подтверждавшій, что требованіе Сената рѣшать дѣла по магдебургскому праву неудобоисполнимо и приведетъ къ остановкѣ всѣхъ тяжбъ въ судахъ. Но Сенатъ твердо стоялъ на своемъ. Въ своемъ отвѣтѣ на представленіе генеральнаго суда онъ старается изобличить послѣдній во внутреннихъ противорѣчіяхъ. Полтавскій генеральный судъ самъ основываетъ свои сужденія по дѣламъ объ убыткахъ по однимъ выпискамъ изъ магдебургскаго права, говорится тамъ, слѣдовательно, „есть ли бы не имѣлъ того права, то и выписокъ дѣлать было бы не изъ чего“.

Далѣе, изъ представленія суда Сенатъ усмотрѣлъ, что Полтавскій городской магистратъ „отыскалъ у себя въ архивѣ книгу правъ

[1]) *Кистяковскій*, „Права“, стр. 90 слѣд.

магдебургскихъ, но яко бы безъ начала, и не объясняя количества недостающихъ листовъ, прислалъ оную въ Генеральный судъ. Обстоятельство сіе", заключаетъ Сенатъ, „обнаруживаетъ, что Генеральный судъ представленіями своими наводитъ одну только напрасную переписку и излишне затрудняетъ Правительствующій Сенатъ". Наконецъ, нашлась часть магдебургскихъ законовъ въ сенатскомъ архивѣ, книга его въ переводѣ, „доставленная въ бывшихъ годахъ изъ Малороссіи, а сіе опровергаетъ уже изъясненіе Генеральнаго суда, что якобы нѣтъ въ Малороссіи той книги". Въ результатѣ за неумѣнье отъискать потерянный законъ Генеральный судъ получилъ замѣчаніе, а Сенатъ рѣшилъ: 1) приказать руководствоваться магдебургскимъ правомъ и 2) войти къ министру юстиціи съ представленіемъ о напечатаніи достаточнаго количества экземпляровъ магдебургскихъ законовъ для разсылки [1]).

Сенатскій указъ 1824 года имѣлъ громадное практическое значеніе,—вслѣдствіе его остановились въ судахъ всѣ дѣла мѣщанъ. Мѣстные суды не рѣшались разбирать такіе процессы по прежнему, по Статуту, въ виду такого настойчиваго разъясненія Сената, а другого закона, „настоящаго", у нихъ не имѣлось. Отъ этого и обыватели и торговля терпѣли необыкновенныя стѣсненія и убытки. Генералъ-губернаторъ Бенкендорфъ нѣсколько разъ указывалъ въ своихъ донесеніяхъ на эти неудобства и просилъ ускорить дѣло. Въ концѣ 1827 года министръ юстиціи (въ то время князь Долгорукій) представилъ въ Комитетъ Министровъ о необходимости изготовить черезъ переводчиковъ министерства иностранныхъ дѣлъ переводъ магдебургскаго права. Но въ засѣданіи 21-го февраля 1828 года Комитетъ и министръ юстиціи согласился съ мнѣніемъ Балугьянскаго, представлявшаго въ Комитетѣ II Отдѣленіе, что можетъ быть не вызоветъ неудобствъ пользованіе переводомъ уже сдѣланнымъ въ 1732—1735 гг., и полагалъ достаточнымъ напечатать его и „обратить для общаго пользованія", и все дѣло для дальнѣйшаго изслѣдованія комитетъ передалъ во II Отдѣленіе.

---

[1]) А. Г. С. дѣло № 12, 1828 г. (№ 928). Въ распубликованной запискѣ II Отдѣленія (II Полн. Собр. Зак., № 4319) фактическія обстоятельства дѣла изложены въ сокращенномъ видѣ.—Сенатъ предполагалъ даже уже окончательно рѣшенныя по Статуту дѣла горожанъ предписать перерѣшить по магдебургскому праву.—У *Середонина*, Историческій Обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, т. II, часть I, стр. 322 фактическая сторона дѣла изложена не точно,—вопросъ о магдебургскомъ правѣ возникъ въ Комитетѣ именно вслѣдствіе представленія министра юстиціи, по настоянію Сената, а не по ходатайству малороссійскихъ городовъ.

Во II Отдѣленіи, не смотря на ту быстроту въ канцелярскомъ разрѣшеніи дѣлъ, которой требовалъ и достигалъ Сперанскій, вопросъ о магдебургскомъ правѣ нѣсколько залежался. Объясняется это очень просто—во II Отдѣленіи не было свѣдущихъ чиновниковъ, которые могли бы разобраться въ такомъ запутанномъ дѣлѣ. И задача, поставленная II Отдѣленію, была не изъ легкихъ, надо было разыскать такой законъ, который „потеряли" всѣ инстанціи, и низшія и самыя высокія. Къ серьезному разсмотрѣнію дѣла, не смотря на хлопоты Бенкендорфа объ ускореніи, можно было приступить только съ пріѣздомъ Даниловича, т. е. во второй половинѣ 1830 года.

„Внѣшняя исторія магдебургскаго права есть предметъ, никѣмъ не тронутый въ нашей литературѣ. Что такое магдебургское право, откуда, т. е., изъ какихъ элементовъ и какимъ образомъ оно возникло и развилось, какими путями и сквозь какую среду оно проникло въ Польшу, Литву и Малороссію, все это вопросы, которыхъ никто у насъ не касался". Такъ писалъ въ 1879 г. проф. Кистяковскій [1]). И онъ былъ совершенно правъ: всѣ *русскія* ученыя работы по внѣшней исторіи магдебургскаго права,—а ихъ и теперь очень немного,—вышли уже послѣ книги А. Ѳ. Кистяковскаго [2]). Но утвержденіе проф. Кистяковскаго по существу не совсѣмъ вѣрно. Имѣется одно очень старое, но почтенное, изслѣдованіе по этому вопросу, въ которомъ описана исторія нѣмецкаго права—въ общихъ чертахъ—въ Малороссіи. Именно, первымъ, правда, короткимъ, однако, вполнѣ научнымъ трактатомъ о магдебургскомъ правѣ въ Малороссіи была записка Даниловича, представленная имъ Сперанскому 28-го декабря 1830 года [3]); ее можно прочесть, но къ сожалѣнію въ нѣсколько сокращенномъ видѣ во (второмъ) Полномъ Собраніи Законовъ, подъ № 4319. Вниманіе ученыхъ изслѣдователей она не привлекла въ той мѣрѣ, какъ она этого заслуживаетъ, потому что въ ней не указана авторитетная фамилія ея составителя и въ распубликованномъ текстѣ выпущены, между прочимъ, почти всѣ цитаты, а отъ этого выводы записки кажутся голословными. Къ тому же и матеріалы, относящіеся къ исторіи кодификаціи малороссійскаго права, были такъ хорошо попрятаны по различнымъ архивамъ и на столько недоступны изслѣ-

---

[1]) „Права", стр. 55.

[2]) Всѣ сколько-нибудь интересныя работы упоминаются въ цитиров. книгѣ *Тарановскаго* „Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права".

[3]) Хранится въ А. Г. С. въ дѣлѣ № 7, 1728 г. (№ 928); на ней собственноручная помѣтка Сперанскаго: „Записка г. Даниловича".

довагелямъ, что провѣрка выводовъ казалась долгое время дѣломъ невозможнымъ. А въ сущности, въ этой запискѣ вкратцѣ сказано уже все то, что впослѣдствіи подробнѣе обосновано новѣйшими научными трудами.

Даниловичу были поставлены слѣдующіе вопросы: 1) „объ изложеніи историческаго хода правъ нѣмецкихъ, какъ Магдебургскихъ такъ и Хельминскихъ въ гг. Польши, Литвы и Малороссіи употребляемыхъ, 2) показаніе содержанія оныхъ, 3) съ прибавленіемъ, какія главы изъ нихъ до сихъ поръ имѣютъ дѣйствительную силу“. При этомъ, конечно, Даниловичъ долженъ былъ имѣть въ виду и ближайшую цѣль порученной имъ работы, т. е., выясненіе объема и причинъ дѣйствія нѣмецкаго права именно на Украйнѣ.

Прежде всего, Даниловичу пришлось разъяснить элементарный вопросъ: что такое представляетъ собой магдебургское право? Теперь этотъ вопросъ кажется излишнимъ, теперь ясно, что малороссійское „нѣмецкое“ право представляетъ собой измѣненное и переработанное право г. Магдебурга, и въ настоящее время уже установлено, въ чемъ именно эти измѣненія заключаются. Но когда писалась записка, то ни во II Отдѣленіи, ни въ Комитетѣ Министровъ, никто этого въ точности не зналъ. Напротивъ, всякому, лишь поверхностно ознакомившемуся съ заглавіями источниковъ, которые случайно попали ему въ руки, могло показаться, что въ „майтбортскомъ“ или „магдебургскомъ“ правѣ—нѣмецкаго очень мало; связь нѣмецкихъ правъ съ Германіей надо было доказать.

Экземпляръ книги Яскера (1535 г.), найденный Даниловичемъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, экземпляръ, въ которомъ латинскій текстъ изданъ вмѣстѣ съ польскимъ переводомъ, рѣшалъ окончательно и для профановъ всѣ сомнѣнія о томъ, что польское магдебургское право есть „часть саксонскаго“. Далѣе, необходимо было объяснить историческія причины появленія нѣмецкаго права въ Польшѣ и значеніе его для исторіи самостоятельнаго развитія городовъ. Въ краткой запискѣ нельзя было долго распространяться о томъ, какія послѣдствія для даннаго города имѣло пожалованіе нѣмецкаго права, и какія отношенія, благодаря ему, получали совершенно своеобразную окраску. Даниловичъ могъ только подчеркнуть, что пожалованіе магдебургскаго права въ древности означало не только повелѣніе поступать по Магдебургскому уложенію, а предоставленіе городу автономіи. Автономность политическихъ единицъ, управляемыхъ по магдебургскому праву, въ древности представляла наи-

болѣе характерную черту ихъ устройствъ. Впослѣдствіи же, когда города не съумѣли утвердить за собой свою самостоятельность, подъ „магдебургскимъ" правомъ стали разумѣть просто законы, существовавшіе въ г. Магдебургѣ, дѣйствіе которыхъ было распространено на данный польскій городъ, въ силу особой привилегіи.

Это утвержденіе записки, распубликованной въ Полномъ Собраніи Законовъ, проф. Кистяковскій называетъ неточнымъ [1]). Его замѣчаніе вполнѣ основательно: одной „автономіей" магдебургское право никогда не исчерпывалось, но при оцѣнкѣ изслѣдованія Даниловича не слѣдуетъ забывать, что Даниловичъ имѣлъ въ виду именно вкратцѣ охарактеризовать значеніе магдебургскаго права въ исторіи польскихъ городовъ. Первоначальныя „пожалованія" этой правовой системы, въ сущности, производились именно съ той цѣлью, какая указана въ запискѣ—съ цѣлью дать городамъ автономію. Это явствуетъ изъ того, что въ древности привилегіи о пожалованіи „не говорили о введеніи какого-либо сборника права въ качествѣ обязательнаго закона. Онѣ освобождали лишь деревенскія и городскія поселенія ab omni jure Polonico, даруя имъ тѣ права и льготы, которыя были связаны съ понятіемъ juris Teutonici, juris Magdeburgensis.—Это освобожденіе отъ польскаго права и надѣленіе нѣмецкимъ выражалось: въ освобожденіи отъ всѣхъ или значительнѣйшихъ поборовъ и натуральныхъ повинностей,... въ освобожденіи отъ суда старостъ воеводъ, каштеляновъ и дарованіи общинѣ самосуда; въ дарованіи самоуправленія,... въ дарованіи права издавать автономныя постановленія... права устанавлять общинные сборы" [2]). То же самое сказано и въ запискѣ; Даниловича можно упрекнуть только въ нѣсколько неточной формулировкѣ и, можетъ быть, излишней краткости.

Установивъ въ общихъ чертахъ значеніе магдебургскаго права, Даниловичъ переходитъ къ описанію сборниковъ, являющихся источниками его. Единственнымъ офиціальнымъ собраніемъ нормъ магдебургскаго права, утвержденнымъ королевскою властью [3]), можетъ быть

---

[1]) „Права", стр. 95.

[2]) *Тарановскій*, Обзоръ, стр. 20.

[3]) *Ѳ. В. Тарановскій* указываетъ („Обзоръ", стр. 25), что мнѣніе, высказанное въ запискѣ II Отдѣленія о королевскомъ утвержденіи книги Яскера, не вѣрно. „Переводъ Яскера никогда не утверждался королемъ, какъ единственный законный текстъ магдебургскаго права". Однако, въ другой запискѣ о магдебургскомъ правѣ, о которой рѣчь будетъ ниже, Даниловичъ вторично выставляетъ это утвержденіе, подкрѣпляя его совершенно опредѣленной ссылкой: „ср. рукописи дипломатическаго

признанъ, по его мнѣнію, сборникъ Яскера, 1535 года, остальныя же сочиненія по этому предмету являются только учеными трактатами.

На это различіе слѣдовало указать, прежде всего, въ видахъ выясненія теоретической истины, а также и для того, чтобы сгруппировать всѣ аргументы въ пользу отмѣны магдебургскаго права. Записка Даниловича, не слѣдуетъ этого забывать, преслѣдовала практическую цѣль. Поэтому въ запискѣ сравнительно подробно разобраны тѣ сборники нѣмецкаго права, которые имѣлись въ малороссійской комиссія 1732 г., и которые были ею переведены. И вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснены недоразумѣнія, которыя привели Сенатъ и низшія инстанціи на ложный путь. О кодификаціонныхъ работахъ въ цѣломъ всѣ эти учрежденія не имѣли правильнаго представленія. Въ виду этого и отмѣчено въ запискѣ, что Сенатъ, „сохранивъ въ своемъ архивѣ первую часть трудовъ малороссійской кодификаціонной комиссіи, принялъ книгу Гроицкаго, „учебное руководство изданное для училищъ", за дѣйствительное магдебургское право. При пересылкѣ трудовъ комиссіи отдѣльныя части ихъ растерялись; первая оказалась въ Сенатѣ, а остальныя (три, по счету Даниловича) были найдены въ другихъ мѣстахъ, между прочимъ, въ архивѣ II Отдѣленія.

Профессоръ Кистяковскій [1]) признаетъ эту характеристику сборника Гроицкаго неправильною, считая книгу Гроицкаго не столько учебною, сколько „законною", и содержащею дѣйствительно „магдебургское право". Едва ли эта критика основательна; значеніе книги Гроицкаго, какъ источника права, было прекрасно извѣстно Даниловичу (объ этомъ см. ниже), но въ этой запискѣ ему необходимо было установить, какіе сборники права могли почитаться офиціальными. Такую офиціальную силу, согласно духу русскаго законодательства, не склоннаго считаться съ обычнымъ правомъ, могли имѣть только сборники, утвержденные верховною властью, и именно этотъ пунктъ, вопросъ о санкціи, нуждался въ освѣщеніи. И вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не согласиться съ Даниловичемъ, что „Порядокъ" Гроицкаго не есть то, что можно назвать строго научно „магдебургскимъ правомъ" съ большимъ основаніемъ, чѣмъ книгу Яскера,

---

кодекса Дотеля, кн. VII" (А. Г. С. д. № 24, 1834 года [№ 1152], записка Даниловича, стр. 26). Насколько эта цитата Даниловича убѣдительна, я не могъ провѣрить, такъ какъ VII часть Codex diplomaticus не напечатана. Насколько мнѣ извѣстно, рукописи, цитированныя Даниловичемъ, хранятся въ Варшавѣ въ библіотекѣ графовъ Красинскихъ.

[1]) „Права", стр. 95.

которая въ самомъ дѣлѣ содержала только переводъ самыхъ нормъ, а не ихъ переработку.

Выяснивъ, такимъ образомъ, исторію и характеръ сборниковъ магдебургскаго права, Даниловичъ переходитъ къ характеристикѣ его содержанія и къ оцѣнкѣ малороссійскихъ переводовъ. Отвѣты на эти вопросы являются предпосылками для окончательнаго вывода о томъ, можно ли вообще оставить магдебургское право въ силѣ, какъ юридически обязательную норму. Въ особомъ приложеніи къ запискѣ (оно не распубликовано въ Полн. Собр. Зак.) отмѣчены тѣ мѣста памятниковъ, которыя свидѣтельствуютъ о полной устарѣлости магдебургскаго права (фрагменты, въ которыхъ повѣтствуется о царѣ Немвродѣ, о порядкѣ суда надъ императоромъ, и еще нѣкоторые другіе). Малороссійскими переводами Даниловичъ также остался недоволенъ. Языкъ, которымъ они изложены, показался ему непонятнымъ [1]), и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ онъ отмѣтилъ, оригиналъ переданъ невѣрно. Впрочемъ, этого послѣдняго пункта, невѣрностей перевода, Даниловичъ коснулся весьма поверхностно. Въ „приложеніи" указаны два образчика такихъ неточностей, но этимъ все и ограничивалось.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, ходъ разсужденій въ запискѣ Даниловича [2]). Она доставляла достаточный матеріалъ, на основаніи котораго Сперанскій могъ себѣ составить правильное представленіе о томъ, какъ направить порученное ему дѣло—къ сохраненію или отмѣнѣ магдебургскаго права. Даниловичъ излагалъ только юридическій status quo, какимъ онъ долженъ былъ быть по буквѣ закона. Поэтому записка его заканчивалась слѣдующимъ выводомъ: „Единственно несомнѣнно, что взаимныя дѣла и споры между мѣщанами, купцами, цеховыми, ремесленниками и посадскими, относящіеся до городскаго

---

[1]) Въ напечатанномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ текстѣ записки про языкъ перевода сказано, что онъ составленъ „даже не на малороссійскомъ нарѣчіи, а на какомъ-то штатскомъ языкѣ, и потому совершенно не вразумителенъ". Недоумѣнія по поводу слова „штатскій" въ подлинной запискѣ Даниловича нѣтъ, оно вставлено очевидно уже потомъ чиновниками, передѣлывавшими ее. И не удивительно, что Даниловичъ на это выраженіе не обратилъ никакого вниманія; человѣку, знакомому съ терминологіей старинной русской юридической литературы, ясно было, что „штатскій" въ этомъ случаѣ означаетъ просто „государственный". Переводъ на „русскій штатскій языкъ" значитъ „переводъ на русскій государственный языкъ". Всякія сочиненія подъ заглавіемъ „de ratione status" въ старинныхъ рукописныхъ переводахъ обыкновенно озаглавлены: о раціи штата.

[2]) Она не изложена здѣсь подробнѣе, потому что съ ней не трудно ознакомиться по Полному Собранію.

ихъ имущества и земли, приданаго, наслѣдствія, завѣщанія, контрактовъ и договоровъ, долговыхъ обязательствъ, коммерческихъ соотношеній, причиненнаго вреда и обидъ, всякихъ судебныхъ взысканій производятся по древнимъ ихъ магдебургскимъ правамъ, какъ сіе усмотрѣть можно изъ конституціи 1633 г. книги III [1]), стр. 796 о судахъ сеймовыхъ и городскихъ. Сверхъ сего, весь порядокъ судоустройства и судопроизводства основанъ на магдебургскихъ правахъ". По буквѣ закона такъ и было; какъ поступать дальше и что дѣлать съ явно непригоднымъ закономъ — это долженъ былъ рѣшить уже самъ Сперанскій. Отвѣта на это у Даниловича и не спрашивали.

Записку свою Даниловичъ изготовилъ во время. 21-го декабря 1830 г. получилъ ее Сперанскій, а уже 2-го января пришло отъ управляющаго министерствомъ юстиціи, Блудова, письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что Государь обратилъ вниманіе на то, что Высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи магдебургскаго права долго не приводится въ исполненіе. Можно думать, что подъ вліяніемъ этого письма Сперанскій потребовалъ отъ своихъ подчиненныхъ величайшей быстроты: на слѣдующій же день, 3-го января, Блудову былъ отосланъ пространный отвѣтъ, и въ post-scriptum Сперанскій хитро отмѣтилъ, что онъ получилъ письмо Блудова какъ разъ тогда, когда отправлялъ къ нему свой отвѣтъ.

Въ этомъ отвѣтѣ, изложивъ подробно исторію магдебургскаго права вообще и въ Малороссіи, въ частности, по запискѣ Даниловича, Сперанскій прямо перешелъ къ рѣшенію вопроса, — что дѣлать съ остатками этой правовой системы? Распубликовывать древній переводъ на невразумительномъ „штатскомъ" языкѣ, переводъ никѣмъ не утвержденный, къ тому же сдѣланный не съ подлинника, а съ учебной книги, по его мнѣнію, не слѣдовало.

Съ другой стороны, дѣлать новый переводъ съ подлиннаго текста тоже не имѣло смысла; законъ самъ по себѣ уже устарѣлъ, многія части его никакъ нельзя было примѣнить къ жизни. А между тѣмъ прямой отвѣтъ былъ необходимъ, ибо съ 1827 года всѣ гражданскія дѣла мѣщанъ остановились въ судахъ. Поэтому Сперанскій предложилъ санкціонировать положеніе, существовавшее до злополучнаго спора Вовнянки съ Калабуховымъ, и вернуться къ прежнему порядку, когда всѣ гражданскія дѣла горожанъ рѣшались по Статуту. Этотъ порядокъ слѣдовало, по его мнѣнію, закрѣпить особымъ указомъ Сенату.

---

[1]) Имѣются въ виду, очевидно, Volumina legum.

Съ этимъ, единственно возможнымъ, предложеніемъ согласилось и министерство юстиціи. Записка Сперанскаго была представлена въ Комитетъ Министровъ [1]) и, по разсмотрѣніи въ немъ, была утверждена Государемъ. Въ соотвѣтствующемъ указѣ Сенату было выражено слѣдующее: „Какъ изъ подробныхъ свѣдѣній, Комитету Министровъ представленныхъ, явствуетъ, что законъ подъ именемъ магдебургскаго права въ Малороссійскихъ городахъ введенный, съ давнихъ уже лѣтъ оставленъ въ бездѣйствіи, былъ замѣняемъ въ рѣшеніи дѣлъ отчасти Литовскимъ Статутомъ, отчасти общими Россійскими законами: то согласно представленію Полтавскаго генеральнаго суда и Малороссійскаго военнаго генералъ-губернатора, въ рѣшеніи спорныхъ дѣлъ между городскими обывателями поступать на томъ же основаніи, какъ до указа Правительствующаго Сената 13-го ноября 1827 года было поступаемо“ [2]). Этимъ указомъ отмѣнялось магдебургское право въ *малороссійскихъ* городахъ. Какъ справедливо указываетъ профессоръ Кистяковскій, „законъ только подвелъ окончательные итоги тому, что сдѣлано было жизнью“ [3]).

Судьба магдебургскаго права въ Малороссіи весьма любопытна во многихъ отношеніяхъ. Любопытно уже то, что нормы права, выработанныя магдебургскими шёффенами, хранителями и выразителями завѣтовъ древне-германскаго права и духа, гражданами богатыхъ и могущественныхъ германскихъ городовъ, получили дѣйствіе въ какомъ-нибудь Чигиринѣ, Новгородѣ Сѣверскомъ или Стародубѣ, которые не имѣли ровно ничего общаго съ нѣмецкими городами, крупными автономными политическими единицами. Но само по себѣ, такое передвиженіе правовыхъ системъ въ пространствѣ не представляетъ ничего исключительнаго. Передвиженіе римскаго права еще болѣе грандіозно; завоевавъ почти всю Европу, оно перешло даже и на другіе континенты, въ южную Африку, въ Азію, однимъ словомъ, повсюду, куда его занесли европейскіе колонисты. Исторія магдебургскаго права на Украйнѣ интересна въ другомъ смыслѣ. Она является яркимъ примѣромъ того, какъ легко пріобрѣтаетъ силу въ мѣстностяхъ низкой юридической культуры всякая „норма“, всякая сентенція, звучащая какъ правовое велѣніе, хотя бы она и была завѣдомо чуждая, если только она даетъ отвѣтъ для разрѣшенія мѣст-

---

[1]) Формально ее внесло министерство юстиціи.

[2]) Полное Собраніе Законовъ (второе), № 4319.

[3]) „Права“, стр. 97.

ныхъ недоразумѣній, и если про нее извѣстно, что она гдѣ-то примѣняется, какъ законъ. Получили въ Малороссіи дѣйствіе не только тѣ нѣмецкіе законы, которые были „пожалованы", т. е. введены сознательно въ жизнь, но и тѣ, которые совершенно случайно туда проникли. Сочиненіе Щербича, которое считалось источникомъ права, было издано въ одной книгѣ съ работой Кушевича, и этого оказалось достаточнымъ, чтобы признать и за нормами „Кушевича" нѣкоторое юридическое значеніе. Гроицкій, увлекаясь внутренними достоинствами „Halsgerichtsordnung" Карла V, помѣстилъ въ свой сборникъ нѣкоторыя выдержки изъ этого памятника, завѣдомо не имѣвшаго силы въ Польшѣ. И благодаря тому, что сочиненія Гроицкаго пользовались авторитетомъ въ судахъ, получили признаніе наряду съ прочими нормами, въ нихъ изложенными, и нѣкоторыя правила Каролины [1]). Такія заимствованія даже нельзя назвать рецепціей права. Говорятъ, что перелетныя птицы иногда переносятъ въ своихъ перьяхъ, или инымъ способомъ, зерна растеній, и благодаря этому встрѣчаются совершенно неожиданно въ различныхъ мѣстностяхъ такіе виды растеній, появленіе которыхъ тамъ кажется необъяснимой загадкой. Такими случайными заносами нормъ права и было распространеніе отдѣльныхъ нѣмецкихъ нормъ по Малороссіи; распространителями ихъ, и вѣроятно не всегда сознательными, въ Украйнѣ, какъ и въ Литвѣ, были адвокаты [2]), наиболѣе образованный въ юридическомъ отношеніи классъ судебныхъ дѣятелей. А той легкости, съ которой магдебургское право завоевало себѣ признаніе въ судахъ Малороссіи, способствовали многія обстоятельства. Главнымъ образомъ то, что на Украйнѣ не было собственной, сколько-нибудь законченной правовой системы. О томъ, что такое законъ, чѣмъ опредѣляется внутреннее развитіе всякаго права, о томъ, что оно должно быть взято изъ жизни, объ этомъ, конечно, никто не задумывался.

Можно, впрочемъ, констатировать, что не однимъ стариннымъ малороссійскимъ судамъ было свойственно такое отсутствіе представленій о правѣ. Взгляды Сената и та настойчивость, съ которой онъ сваливалъ на чужія плечи заботы по разысканію „закона", тоже заслуживаютъ вниманія.

А въ старину дѣло обстояло, очевидно, такъ. Для разрѣшенія тѣхъ пререканій, которыя неизбѣжно связаны съ гражданскимъ обо-

---

[1]) Объ этомъ см. ниже.

[2]) *Тарановскій,* Обзоръ, стр. 44 и слѣд.

ротомъ, судамъ необходимъ былъ законъ, какъ какой-то инструментъ, при помощи котораго разсѣкаются споры. Всякій инструментъ признавался хорошимъ, и собственный и импортированный, лишь бы онъ достигалъ цѣли и былъ подъ руками; старый инструментъ очень легко могъ смѣняться новымъ, сколько-нибудь болѣе удобнымъ. Этотъ взглядъ на право, какъ на какое-то объективное орудіе для разрѣшенія споровъ, очень рельефно выразился даже и въ послѣднемъ эпизодѣ изъ жизни магдебургскаго права. Полтавскій генеральный судъ, по требованію Сената, долженъ былъ „*искать*“ во всѣхъ архивахъ, и своихъ и чужихъ, старый законъ, который „затерялся“. Такихъ примѣровъ не много даетъ исторія права. И едва ли можно найти въ ней второй примѣръ пріостановки правосудія въ теченіе *семи* лѣтъ по той причинѣ, что ни судебныя, ни высшія правительственныя мѣста никакъ не могли „найти“ закона! Очевидно, требовательность въ юридическихъ отношеніяхъ была очень невысока; между различными правовыми системами, стихійно смѣнявшими другъ друга, мѣстные дѣятели не всегда могли уловить различій, а общіе принципы, — права собственности, обязательности договоровъ и проч., вездѣ у „всѣхъ христіанскихъ народовъ“ опредѣлены одинаково. Смѣна магдебургскаго права Статутомъ, происшедшая назамѣтно и неудержимо, тѣмъ и объясняется. Сходство между этими двумя правовыми системами только облегчало переходъ [1]). Это состояніе правопорядка въ Малороссіи можно охарактеризовать такъ: къ разрѣшенію тяжбъ *обыкновенно примѣнялось магдебургское право*, но *нельзя* про него сказать, что оно было „*дѣйствующимъ*“ правомъ, если терминъ „дѣйствіе“ понимать въ обыкновенномъ значеніи, какъ исключительную обязательность всякой нормы, установленной какимъ либо изъ правотворящихъ факторовъ, обязательность, существующую во все время нормы до отмѣны тѣмъ же самымъ или другимъ факторомъ.

Указъ 1831 года, общимъ образомъ отмѣнившій магдебургское право въ Малороссіи, все-таки не коснулся одной территоріи, гдѣ оно сохранило дѣйствіе. И какъ это ни странно, магдебургское право уцѣлѣло какъ разъ въ такомъ пунктѣ, который съ давнихъ поръ считался центромъ Малороссіи, и въ которомъ оно дѣйствовало, если можно такъ выразиться, съ максимальной интенсивностью, именно сохранилось оно въ Кіевѣ. Произошло это по той простой причинѣ, что Кіевская губернія относилась къ числу „западныхъ“, а не мало-

[1]) *Тарановскій*, Обзоръ, стр. 44 и слѣд.

россійскихъ, Кіевъ былъ центромъ Кіевскаго, а не „малороссійскаго“ генералъ-губернаторства и, вслѣдствіе этого, указъ 1831 г., въ которомъ говорилось о „малороссійскихъ“ городахъ, на него распространяться не могъ.

Кіевлянамъ пришлось вести свою самостоятельную войну съ мѣстными и центральными властями въ защиту магдебургскаго права; эта борьба велась ими энергично, потому что до самаго момента отмѣны магдебургское право не было пустымъ звукомъ для Кіева, а реально дѣйствовало тамъ. Впрочемъ, кіевляне отстаивали не столько свое гражданское право, сколько городское устройство, свои публично-правовыя привилегіи. Нѣмецкое право было дано Кіеву уже въ концѣ XV вѣка; въ дополненіе къ этой общей системѣ жаловались еще и другія отдѣльныя привилегіи, и совокупность этихъ нормъ опредѣляла устройство органовъ городского управленія и автономію Кіева, какъ самостоятельной единицы [1]). Съ такимъ устройствомъ перешелъ Кіевъ къ Москвѣ (т. е., фактически съ 1654 г., юридически—съ 1686 г.), и долгое время оно оставалось безъ измѣненій. Еще при Екатеринѣ II нѣкоторыми указами (1864 г. 29-го сент., Полн. Собр. Зак. № 12249, и въ 1772 г.) спеціально Кіеву были подтверждены „на первый случай“ его права и привилегіи. Но несмотря на это, именно при Екатеринѣ было реформировано городское устройство Кіева. Серьезныя измѣненія вызвало введеніе въ 1782 г. намѣстническаго управленія и распространеніе на Кіевъ городового положенія 1785 г. Но и оно не устранило всѣхъ особенностей; такъ, напримѣръ, сохранился „вооруженный мѣщанскій корпусъ“ [2]). Реформы екатерининскаго времени просуществовали въ Кіевѣ недолго. Указомъ 19-го сентября 1798 года Павелъ I возстановилъ прежнія права и привилегіи города, и ихъ

---

[1]) Подробныя и всестороннія свѣдѣнія объ исторіи Кіева и его устройства права даетъ капитальное сочиненіе В. С. *Иконникова*, „Кіевъ въ 1654—1855 г.г.“, Кіевъ 1904. Въ этой книгѣ приведена и вся литература, касающаяся постепенныхъ реформъ магдебургскаго права въ Кіевѣ. По этому предмету имѣется также много статей въ „*Кіевской Старинѣ*“, за разные годы. Въ виду тщательной разработки этого вопроса мѣстными историками, въ настоящемъ изслѣдованіи онъ затронутъ лишь мимоходомъ, насколько это необходимо для разъясненія событій, вызвавшихъ послѣдній указъ объ отмѣнѣ кіевскихъ привилегій. — Исторія городового устройства Кіева въ XVII вѣкѣ охарактеризована въ статьѣ г. *Каманина*, въ „Сборникѣ статей... посвященномъ М. Ф. Владимірскому-Буданову“, стр. 176 и слѣд.

[2]) *Иконниковъ*. „Кіевъ“, стр. 40. Въ предыдущія царствованія были введены нѣкоторыя новыя повинности.

снова подтвердилъ Императоръ Александръ I (въ 1802 году) [1]). До вступленія на престолъ Николая I такое положеніе оставалось безъ перемѣнъ, Кіевъ продолжалъ пользоваться своими древними привилегіями, и высшая мѣстная власть, въ лицѣ генералъ-губернаторовъ (это званіе было временно упразднено [2]) въ 1812 году) относилась къ нимъ, если и не всегда сочувственно, то въ общемъ индифферентно. Благодаря этому, въ Кіевской губерніи усилилось вліяніе польскаго элемента, въ рукахъ котораго оказалось все судебное и административное управленіе. Новое царствованіе принесло крупныя перемѣны въ этомъ отношеніи. Было возстановлено генералъ-губернаторство (1827 г.), и первый же генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Желтухинъ отнесся очень неблагожелательно къ мѣстнымъ „особымъ правамъ“ вообще, а въ частности, къ привилегіямъ Кіева [3]). Желтухинъ не питалъ довѣрія къ мѣстному польскому дворянству и въ рядѣ представленій доказывалъ необходимость отмѣны мѣстнаго права, указывая и на зловредность его въ политическомъ отношеніи и на недостатки по существу.

Въ опроверженіе замѣчаній Желтухина было отправлено изъ Кіева въ Петербургъ ходатайство губернскаго маршала, въ которомъ испрашивалось новое подтвержденіе мѣстныхъ привилегій. Обѣ записки, и Желтухина и маршала, были переданы на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, которому и предоставлялось разобраться въ этомъ сложномъ дѣлѣ. Такія ходатайства отъ мѣстностей, сохранившихъ остатки прежняго юридическаго положенія, въ началѣ царствованія Николая I не были рѣдкостью. Несмотря на то, что сохраненіе въ силѣ прежнихъ привилегій основывалось на манифестахъ или указахъ, изданныхъ въ свое время Высочайшей властью, и, слѣдовательно, зиждилось оно на нормахъ, которыя должны были бы остаться въ силѣ на вѣчныя времена, до спеціальной отмѣны, несмотря на это, всѣ области, дорожившія своими мѣстными особенностями, при каждой перемѣнѣ царствованія спѣшили получить новое подтвержденіе своихъ привилегій. Очевидно, общія подтвержденія, объявляемыя обыкновенно вскорѣ послѣ присоединенія данной области къ имперіи и выражаемыя обыкновенно въ широкой редакціи, торжественнымъ и неточнымъ языкомъ, не внушали жителямъ этихъ областей увѣренности въ томъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 77—84.

[2]) *Иконниковъ*, указ. сочин., стр. 97.

[3]) Тамъ же, стр. 148.

что гарантированное состояніе останется всегда безъ измѣненій. Этимъ объясняется и ихъ желаніе получить личное обѣщаніе царствующаго монарха.

Но, конечно, такія ходатайства иногда приводили къ результатамъ, нежелательнымъ для иниціаторовъ ихъ. При разсмотрѣніи ихъ легко возникалъ вопросъ о принципіальной желательности или нежелательности сохраненія въ силѣ мѣстныхъ привилегій, и вниманіе центральнаго правительства обращалось на такіе предметы, которые безъ особаго повода, пожалуй, его бы и не привлекли.

Въ началѣ царствованія Николая I многія мѣстности обращались къ Государю съ такими просьбами о подтвержденіи прежнихъ правъ— балтійскія провинціи, отдѣльные города западнаго края и вотъ, наконецъ, и Кіевъ. При разсмотрѣніи этихъ просьбъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, естественно, всегда возникали вопросы: въ чемъ заключаются мѣстныя привилегіи, и какія послѣдствія можетъ вызвать ихъ отмѣна, т. е. распространеніе на данную область общихъ законовъ имперіи. И на оба вопроса, обыкновенно, нельзя было дать категорическаго отвѣта, такъ какъ мѣстныя права не были приведены въ ясность, да и общее имперское право еще только кодифицировалось. Поэтому, если такое ходатайство съ перваго же взгляда не представлялось совершенно неисполнимымъ, настолько, что на него могъ послѣдовать только отрицательный отвѣтъ, то обыкновенно оно оставлялось безъ разсмотрѣнія по существу, впредь до окончательнаго приведенія въ ясность мѣстнаго или общеимперскаго права. Такой уклончивый отвѣтъ представлялъ „удобный выходъ“ изъ положенія. Онъ не содержалъ прямой санкціи домогательствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не нарушалъ существовавшаго уже порядка.

Такъ поступили и съ кіевскими привилегіями. Когда Соединенные Департаменты приступили къ разсмотрѣнію ходатайства губернскаго маршала и представленій генералъ-губернатора, то они не вошли въ обсужденіе дѣла по существу. Было рѣшено къ замѣнѣ польскихъ правъ русскими приступить, когда сіи послѣднія будутъ приведены въ совершенный порядокъ и ясность, т. е., всякая реформа дѣйствовавшаго въ Кіевѣ мѣстнаго права отлагалась до окончательнаго изготовленія Свода Законовъ имперіи. Благодаря такому рѣшенію, отпадала необходимость входить въ обсужденіе ходатайства губернскаго маршала о спеціальномъ подтвержденіи мѣстныхъ особенностей, такъ какъ оставался въ силѣ дѣйствующій порядокъ, и сообразно этому,

ходатайство его оставлено безъ послѣдствій [1]). Съ этимъ мнѣніемъ Соединенныхъ Департаментовъ, состоявшимся 28-го ноября 1828 г., согласилось и Общее Собраніе Государственнаго Совѣта (21-го января 1828 г.), и оно было утверждено Государемъ.

Но, разумѣется, такая отсрочка не могла остановить надолго отмѣны привилегій Кіева. Послѣ возстанія 1830 года вообще все мѣстное право власти стали разсматривать какъ нѣчто опасное; путемъ отдѣльныхъ указовъ отмѣнялись различные отдѣлы прежняго права и, конечно, „дѣло о привилегіяхъ г. Кіева“ не могло закончиться въ благопріятномъ для кіевлянъ смыслѣ. Къ тому же, древнее „готическое“, какъ удачно опредѣлилъ его Шульгинъ, устройство городового управленія привлекло вниманіе и центральныхъ властей еще по другому поводу. Одинъ „безпокойный“ мѣщанинъ города, недовольный результатами выборовъ ремесленнаго головы (въ 1821 г.), въ рядѣ жалобъ по начальству указывалъ на многія денежныя злоупотребленія магистрата и другихъ должностныхъ лицъ, не подчиненныхъ—благодаря дѣйствію магдебургскаго права—контролю правительственныхъ властей. Уголовное дѣло по этому поводу тянулось, конечно, очень долго, завершилось оно только въ 1834 году, когда, по указу Сената, были отрѣшены отъ должности всѣ члены магистрата [2]); но переписка различныхъ учрежденій относительно этого процесса постоянно напоминала о существованіи особеннаго городского устройства, и, притомъ, устройства плохо контролируемаго.

Преемникъ Желтухина, графъ Левашовъ возобновилъ походъ на магдебургское право. Пространное представленіе его о необходимости реформировать городское устройство и уничтожить привилегированное положеніе горожанъ было передано въ Комитетъ Министровъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго тогда стоялъ Блудовъ. Въ этомъ представленіи было возбуждено три вопроса: 1) оставить-ли за Кіевомъ нѣкоторыя особенности городского и судебнаго устройства, 2) слѣдуетъ ли общій указъ 30-го октября 1831 г., о переименованіи прежнихъ малороссійскихъ мѣстныхъ учрежденій, распространить на Кіевъ и, въ частности, учредить тамъ городскую думу, по общему порядку, и, наконецъ, 3) сохранить-ли свободу кіевскихъ мѣщанъ отъ рекрутской повинности. Министерство внутреннихъ дѣлъ

---

[1]) Эти свѣдѣнія взяты изъ Арх. Гос. Сов., дѣло *Департамента Законовъ*, 1834 года, № 23.

[2]) *Иконниковъ*, „Кіевъ“, стр. 173 и слѣд.

стояло за отмѣну мѣстныхъ изъятій. Комитетъ Министровъ разбиралъ это дѣло въ двухъ засѣданіяхъ, 5-го и 19-го декабря, и, наконецъ, пришелъ къ выводу, что онъ не компетентенъ для разрѣшенія предлагаемыхъ мѣропріятій; отвѣтъ на предложеніе гр. Левашова могъ быть данъ только въ законодательномъ порядкѣ. По этому соображенію Комитетъ Министровъ призналъ необходимымъ дѣло передать въ Государственный Совѣтъ.

Государственный Совѣтъ оказался въ затруднительномъ положеніи: прежде чѣмъ постановить какое-либо рѣшеніе, необходимо было разобраться въ исторіи возникновенія привилегій Кіева, а это можно было сдѣлать только путемъ чисто научныхъ изысканій. Поэтому 15-го іюня 1834 г. Государственный Совѣтъ, подобно другимъ сложнымъ историко-юридическимъ вопросамъ, и дѣло о привилегіяхъ Кіева передалъ на заключеніе II Отдѣленія [1]). 29-го сентября 1834 г. статсъ-секретарь Танѣевъ извѣстилъ Сперанскаго о желаніи Государя скорѣе привести дѣло къ окончанію, а Сперанскій поручилъ Даниловичу изготовить въ возможно скоромъ времени [2]) обстоятельную записку.

Такимъ образомъ, Даниловичу снова пришлось имѣть дѣло съ магдебургскимъ правомъ, и притомъ изучить его уже съ другой точки зрѣнія, чѣмъ въ первый разъ, когда рѣчь шла объ отмѣнѣ его въ малороссійскихъ городахъ. Тогда на первомъ планѣ стояла частноправовая сторона магдебургскаго права, какъ совокупности нормъ, опредѣляющихъ имущественныя отношенія горожанъ, а въ 1834 году ему поручено было разсмотрѣніе публично-правовыхъ вопросовъ, устройства города, какъ общественной единицы, со всѣми его привилегіями, т. е. изъятіями изъ общаго порядка. Къ тому же, надо было сдѣлать все это скоро,—за этимъ наблюдалъ Сперанскій. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ два мѣсяца, къ концу ноября 1834 г., Даниловичъ представилъ по начальству обширную записку (на 80 листахъ), которая содержитъ полный научный трактатъ о магдебургскомъ правѣ вообще и объ устройствѣ Кіева въ особенности. Изъ нея видно, что за время, прошедшее между составленіемъ первой справки (1830 г.) и этой второй, Даниловичъ успѣлъ значительно расширить и углубить свои познанія въ области городского права. Исторія появленія магде-

---

[1]) Изложенное выше основано на свѣдѣніяхъ, которыя можно извлечь изъ Арх. Гос. Сов. *дѣло Департамента Законовъ* № 23, 1834 г.

[2]) Арх. Гос. Сов. дѣло № 24, 1834 г. (№ 1152) (дѣло II Отдѣленія).

бургскаго права въ Литвѣ и его источниковъ разработана очень подробно; этому послѣднему отдѣлу удѣлено особенное вниманіе [1]), и особенно тщательно прослѣжена въ запискѣ исторія научной разработки его. О книгахъ Церазина, Гроицкаго, Щербича сказано все

[1]) Въ запискѣ 1834 года Даниловичъ вообще отвелъ исторіи магдебургскаго права и древнѣйшему періоду его дѣйствія значительно большее мѣсто, чѣмъ въ первомъ своемъ трудѣ по этому вопросу, 1830 г. Такъ, напримѣръ, онъ съ большой полнотой, хотя и въ краткихъ словахъ описываетъ причины появленія нѣмецкаго права въ Польшѣ и Литвѣ. Оно объясняется, по его мнѣнію, 1) цвѣтущимъ состояніемъ г. Магдебурга, который, благодаря этому, являлся образцомъ для другихъ городовъ; 2) выгодами королей польскихъ, которымъ было желательно имѣть могущественныхъ союзниковъ въ борьбѣ съ дворянствомъ (объ этомъ Даниловичъ говоритъ и въ пунктѣ 5 своего перечисленія причинъ); 3) основаніемъ монастырей, которые привлекали трудолюбивыхъ выходцевъ изъ Германіи, приносившихъ съ собой свое право; 4) брачными связями польскихъ королей съ нѣмецкими принцессами; 5) вліяніемъ магдебургскаго епископа; 6) запрещеніемъ дворянамъ заниматься ремеслами, въ силу чего создавалось обособленное положеніе класса городскихъ обывателей; 7) плохимъ управленіемъ королевскихъ чиновниковъ, которое облегчало требованія о самоуправленіи; наконецъ, 8) общимъ притокомъ нѣмецкихъ колонистовъ. Съ такой полнотой обстоятельства, содѣйствующія распространенію нѣмецкаго права въ польскихъ и литовскихъ мѣстностяхъ, не перечислены ни въ одномъ спеціальномъ сочиненіи по этому предмету. — О разнообразіи и содержательности этой записки Даниловича можно судить по ея оглавленію. *Раздѣлъ I.* Историческія свѣдѣнія о законахъ и привилегіяхъ городовъ въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ. § 1. Родъ городскихъ законовъ. Глава I. Основаніе городовъ и права ихъ во время Польскаго Правительства. Отдѣленіе I. О Германскихъ узаконеніяхъ. § 2. Общія понятія о началѣ магдебургскихъ законовъ. § 3. Основаніе въ Польшѣ городовъ. § 4. Пожалованіе городамъ Германскихъ городскихъ законовъ. § 5. Послѣдствія пожалованія Германскихъ законовъ. § 6. Различныя наименованія Германскихъ законовъ. *А. О Магдебургскихъ законахъ.* § 7. Время введенія въ Польшу Магдебургскихъ законовъ. § 8. Причины введенія въ Польшѣ сихъ законовъ. § 9. Древніе сборники Германскихъ законовъ въ Польшѣ. § 10. Нынѣшній сводъ Магдебургскихъ законовъ въ Польшѣ. § 11. Раздѣленіе свода Яскера. § 12. Система и внутреннее достоинство сборника Яскера. § 13. Сокращенія и выписки изъ Яскера: I Ивана изъ Тухолки. § 14. II Кирстейна Церазина и Железовскаго. § 15 III. Практическія примѣчанія Липскаго. § 16 IV. Сокращенія магдебургскихъ законовъ на Польскомъ языкѣ. § 17. Біографія Гроицкаго. § 18. Исчисленіе сочиненій Гроицкаго. § 19. Мнѣнія современниковъ о книгѣ Гроицкаго. § 20. Сборникъ магдебургскихъ правилъ Щербица. § 21. Раздѣленіе сочиненій Щербица и онаго изданія. *Б. О Хельминскомъ правѣ.* § 22. О составѣ Городского хельминскаго права и изданіяхъ онаго. § 23. Переводъ хельминскаго права. *Отдѣленіе II.* О городскихъ привилегіяхъ, вилькирахъ и сеймовыхъ конституціяхъ. I. О привилегіяхъ. § 24. Сущность привилегій. § 25. Подробное содержаніе привилегій. § 26. Подтвержденіе привилегій. II. О вилькирахъ. § 27. Предметъ вилькировъ. § 28. Какихъ городовъ извѣстны вилькиры. III. О сеймовыхъ конституціяхъ. § 29. Предметъ конституцій и Статутовъ. § 30. Главнѣйшія постановленія

существенное, и даже приведены подробныя біографическія данныя объ этихъ ученыхъ.

Въ этомъ изслѣдованіи Даниловичъ подробнѣе останавливается и на характеристикѣ тѣхъ сочиненій, за которыми на практикѣ признавался авторитетъ, подробнѣе, чѣмъ это сдѣлано въ первомъ, которое онъ представилъ въ 1830 году. Стоитъ привести его сжатыя и точныя замѣчанія по этому предмету, такъ какъ они свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ имѣлъ совершенно ясное представленіе о книгахъ Гроицкаго и Щербича: „Для руководства менѣе образованныхъ членовъ магистратовъ“, сказано у него, „скоро появилось въ свѣтъ сокращеніе

конституцій. § 31. О конституціи Литовской, уничтожившей Магдебургское законодательство въ нѣкоторыхъ Литовскихъ городахъ. § 32. Распоряженія въ городахъ, лишенныхъ магдебургскихъ законовъ. § 33. Послѣднія постановленія польскихъ сеймовъ, касательно магдебургскаго права. Глава II. О городскихъ законахъ и привилегіяхъ, утвержденныхъ Россійскими Государями. § 34. Общія распоряженія Россійскихъ Государей касательно городовъ. Отдѣленіе I. Общее подтвержденіе магдебургскихъ законовъ. *А*. Подтвержденіе для Малороссіи и Литвы. § 35. Подареніе магдебургскихъ правъ Кіеву. § 36. Подтвержденіе оного Россійскими Государями Кіеву и прочимъ Малороссійскимъ городамъ. § 37. Возстановленіе оныхъ грамотъ. § 38. Подтвержденіе Императоромъ Александромъ I. § 39. Подтвержденіе законовъ для Литвы. *Б*. Исторія Свода и перевода на Россійскій языкъ Магдебургскихъ узаконеній. § 40. Переводъ Магдебургскихъ законовъ на Россійскій языкъ. § 41. Комиссіи въ Малороссіи для Свода и исправленія законовъ. § 42. Источники, изъ коихъ составленъ Сводъ и переводъ. § 43. Послѣднія мѣры правительства къ переводу городскихъ законовъ. *Отдѣленіе II* (sic). § 44. О статьяхъ особенныхъ, коихъ по магдебургскому праву возстановленія требуютъ малороссійскія и польскія города. § 45. О городовомъ устройствѣ по Магдебургскому праву. § 46. Составъ постоянной и годичной Рада или Магистрата. § 47. Дѣла принадлежащія магистрату или годичной Радѣ. § 48. Обязанности Войта и Лавниковъ. § 49. О правѣ свободной торговли. § 50. О правѣ взысканія шляхетскаго безчестія для бывшихъ на урядѣ. § 51. Гербъ чиновныхъ лицъ и безчестіе. Распространеніе сего преимущества на другія города. § 52. Право свободы отъ постоя. § 53. Свобода отъ доставленія подводъ. § 54. Освобожденіе отъ военной службы. § 55. Право покровительства отъ притѣсненія военныхъ людей. § 56. О правѣ владѣнія лѣсомъ, сѣнокосомъ, рыбными ловлями и пр. § 57. О городскихъ доходахъ, расходахъ и управленіи оными. § 58. О управленіи доходами и расходами г. Вильна. § 59. Объ отчетности Виленскихъ шафаровъ. § 60. О способѣ собиранія и храненія доходовъ. § 61. О управленіи доходами и расходами г. Кіева. *Отдѣленіе III*. О введеніи Россійскимъ правительствомъ новаго въ городахъ устройства. § 62. О новомъ устройствѣ вообще. § 63 I. Подсудность городскихъ судилищъ. § 64 II. Учрежденіе полиціи. § 65 III. О свободѣ городской торговли. § 66. Дальнѣйшія перемѣны въ городскомъ устройствѣ. § 67. Настоящее дѣйствіе магдебургскихъ законовъ“. — Каждому параграфу отведено приблизительно по страницѣ (рукописной).

магдебургскихъ законовъ на польскомъ языкѣ, Варѳоломея Гроицкаго и Павла Щербича, которыя отъ долгаго употребленія и навыка пріобрѣли въ Польшѣ силу совѣщательныхъ книгъ".

„Трудъ Щербича раздѣляется на двѣ части, изъ нихъ первая объемлетъ краткое извлеченіе изъ Зерцала Саксоновъ, размѣщенное альфавитнымъ порядкомъ, или лучше сказать, Словарь тѣхъ законовъ; вторая же—представляетъ древнѣйшій переводъ магдебургскаго права (Weichbild) изъ книги Яскера и нѣмецкихъ экземпляровъ" [1]).

Если сравнить сказанное Даниловичемъ съ оцѣнкой трудовъ Гроицкаго и Щербича въ книгѣ г. Тарановскаго „Обзоръ источниковъ магдебургскаго права", то станетъ очевиднымъ, что новѣйшія тщательныя изысканія только подтверждаютъ правильность замѣчаній Даниловича. Эти его слова слѣдуетъ принимать въ разсчетъ при оцѣнкѣ описанной выше записки (напечатанной во второмъ Полн. Собр. Зак., № 4319).

Между прочимъ Даниловичъ указываетъ на то, что не всѣ отдѣлы книгъ Гроицкаго можно считать дѣйствующимъ правомъ. Сюда, напримѣръ, нельзя, по его мнѣнію, относить выдержекъ изъ Каролины (Halsgerichtsordnung Карла V), помѣщенныхъ у Гроицкаго; поэтому онъ отмѣчаетъ, что замѣчаніе генералъ-губернатора Желтухина о жестокости магдебургскаго права и неравномѣрности наказаній для богатыхъ и бѣдныхъ [2]) неосновательно. Негодованіе Желтухина, какъ говоритъ Даниловичъ, должно относиться не къ магдебургскому праву, а къ Гроицкому, ибо Каролина никогда въ Польшѣ не дѣйствовала. Теоретически замѣчаніе Даниловича, конечно, вполнѣ справедливо, а на дѣлѣ, вѣроятно, правъ былъ Желтухинъ. Едва ли судьи, вѣрившіе въ книги Гроицкаго, какъ въ офиціальные источники права, въ точности разбирали, какой артикулъ его сочиненія содержалъ дѣйствующую норму, а какой только доктринерское разсужденіе. Въ литовскихъ архивахъ сохранились несомнѣнныя свидѣтельства о томъ, что суды въ рѣшеніяхъ ссылались на тѣ мѣста книги Гроицкаго „Постемнекъ", въ

---

[1]) *Тарановскій*, указ. соч. стр. 113, возражаетъ противъ опредѣленія „Порядка", даннаго въ первой запискѣ 1830 года, гдѣ этотъ трудъ названъ „учебной книгой". Но если понимать „учебникъ" какъ элементарное руководство, собраніе элементарныхъ данныхъ для несвѣдущихъ юристовъ, или даже полныхъ профановъ, то, очевидно, опредѣленіе Даниловича не далеко отъ истины.—О тѣхъ соображеніяхъ, по которымъ Даниловичъ считалъ сборникъ Яскера официальнымъ, уже сказано выше.

[2]) Объ этомъ см. *Иконниковъ*, „Кіевъ", стр. 149. *Середонинъ*, Историческій Обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ II, стр. 55.

которыхъ изложено уголовное право Каролины [1]). И недаромъ нѣмецкіе сборники послужили источникомъ нѣкоторыхъ уголовно-правовыхъ постановленій Литовскаго Статута [2]). Вѣроятно, и на Волыни происходило то же самое, и нормы Каролины фактически дѣйствовали такъ же, какъ и всѣ прочія „постановленія" учебниковъ.

Послѣ общаго введенія о магдебургскомъ правѣ Даниловичъ переходитъ къ непосредственной темѣ записки, къ привилегіямъ Кіева. Однако, какъ онъ указываетъ — и совершенно правильно — на основаніи общихъ нормъ магдебургскаго права нельзя получить вѣрнаго представленія объ особенностяхъ устройства каждаго отдѣльнаго города, такъ какъ оно измѣнялось отдѣльными актами королей и даже „вилькирами" (автономными постановленіями) городскихъ корпорацій. Не имѣя подъ рукой всѣхъ матеріаловъ для исторіи кіевскаго городского устройства, Даниловичъ въ видѣ образца излагаетъ устройство виленскихъ городскихъ учрежденій, ему болѣе знакомое. По этому образчику можно было, съ приблизительною точностью, судить и объ устройствѣ Кіева. Эта послѣдняя часть записки писана торопливо, такъ какъ приходилось закончить ее какъ можно скорѣе. На ней не видно той отдѣлки, которою отличается начало, и не вездѣ проставлены цитаты. Поэтому и отдѣлы, касающіеся Кіева, изложены блѣдно.

На основаніи записки Даниловича и еще и другихъ данныхъ, заимствованныхъ изъ переписки съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, было составлено заключеніе II Отдѣленія, посланное Сперанскимъ Марченкѣ, Государственному Секретарю (30-го ноября 1834 года). Въ этомъ заключеніи привилегіи, на которыя претендовали кіевляне, распредѣлены на четыре разряда. Къ первому отнесены тѣ, которыя въ сущности не представляли изъятій изъ общаго порядка, какъ, напримѣръ, право города на владѣніе пожалованными имѣніями, право устраивать ярмарки, право привлекать иногороднихъ купцовъ къ платежу городскихъ повинностей и право на покровительство отъ притѣсненій со стороны военнослужащихъ. Такими правами обладали всѣ вообще города Имперіи. Во вторую категорію включены тѣ права города, которыя уже раньше были отмѣнены спеціальными актами: именно, свобода отъ постоя (отмѣнена въ 1794 году), право непосредственнаго

---

[1]) Такіе приговоры (разныхъ эпохъ, отъ XV до XVIII столѣтія) приведены у *Тарановскаго*, Обзоръ, стр. 188.

[2]) *Максимейко*, Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута, стр. 156.

сбора и управленія питейными доходами (отмѣнено въ 1806 году) и безпошлинной торговли (отмѣненное въ 1824 г.). О привилегіяхъ первыхъ двухъ разрядовъ разсуждать не приходилось—онѣ уже получили разрѣшеніе въ законѣ. Но оставались въ силѣ привилегіи другого характера—прежде всего, право управляться по магдебургскимъ законамъ и обусловленное этимъ особое городское устройство, которое сохранено было за Кіевомъ „на первый случай" (указъ 1772), и поскольку „оно сообразно съ общими Государства установленіями и законами" (1801 г.). Во главѣ города стоялъ несмѣняемый войтъ, магистратъ и городская комиссія; въ дѣйствія этихъ органовъ мѣстные представители административной власти вмѣшиваться не могли. Въ судебномъ отношеніи жители Кіева были подсудны только магистрату и войту; апелляція на рѣшенія ихъ подавалась прямо въ Сенатъ. За сохраненіе этихъ учрежденій особенно ратовали кіевскія городскія власти. Но изъ записки Сперанскаго не видно, чтобы онъ сочувствовалъ оставленію въ силѣ этихъ правъ.

Наконецъ, къ четвертой группѣ отнесены отдѣльныя права горожанъ, еще не отмѣненныя общимъ законодательствомъ. Самымъ важнымъ изъ нихъ являлось увольненіе отъ рекрутской повинности; взамѣнъ рекрутовъ городъ содержалъ особую городскую стражу (2.000 человѣкъ пѣхоты и 500 кавалеріи, при артиллеріи), т. е. нѣчто въ родѣ городской милиціи. Военнаго значенія этотъ отрядъ не представлялъ никакого; вся дѣятельность этого бутафорскаго войска выражалась въ парадахъ и нѣкоторыхъ церемоніяхъ по большимъ праздникамъ. Но горожане дорожили этими остатками старины, очевидно, какъ по соображеніямъ чувства, почитая свое прошлое, такъ и по соображеніямъ разума, потому что необременительное участіе въ стражѣ избавляло ихъ отъ службы въ войскахъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ предлагало освободить старожилыхъ мѣщанъ, приписанныхъ къ городу до 1782 года, отъ рекрутчины и взимать вмѣсто каждаго рекрута съ города по тысячѣ рублей. Сперанскій вполнѣ соглашался съ этимъ предложеніемъ.

Далѣе, кіевскимъ мѣщанамъ было предоставлено одно своеобразное преимущество, выдѣлявшее ихъ изъ ряда прочихъ мѣщанъ, именно право на „шляхетское" обезпеченіе въ случаѣ обидъ. По словамъ записки, этой привилегіей пользовались однако не всѣ мѣщане, а только „несшіе общественную службу". Противъ сохраненія этого права за старожилами II Отдѣленіе ничего не имѣло. Къ этой же группѣ была отнесена и послѣдняя обособленность юридическаго по-

ложенія Кіева, именно устраненіе евреевъ отъ жительства. Это изъятіе было рѣшено оставить безъ разсмотрѣнія, до общаго пересмотра законовъ о евреяхъ.

Вопросъ о привилегіяхъ Кіева былъ заслушанъ въ Государственномъ Совѣтѣ 7 марта 1835 года, въ Департаментѣ Законовъ, и 14 марта въ Общемъ Собраніи. Указъ по этому дѣлу послѣдовалъ 23 ноября 1835 г. (напечатанъ въ Полн. Собр. Зак. т. X отдѣленіе 2, прибавленіе стр. 47, № 7694 а).

Въ этомъ указѣ было выражено, что порядокъ управленія города Кіева, по внимательномъ разсмотрѣніи, не соотвѣтствуетъ существеннымъ выгодамъ города, и что изъ правъ, нѣкогда ему данныхъ и *на первый случай* (курсивъ подлинника) подтвержденныхъ, одни уже сами отпали, другія же въ теченіе времени обратились во вредъ, а поэтому признано за благо, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, постановить: „1) для управленія городскихъ хозяйственныхъ дѣлъ учредить въ г. Кіевѣ по примѣру другихъ городовъ на основаніи городоваго положенія Городскую думу; затѣмъ, упразднить Городскую Комиссію и передать ея дѣла въ думу; 2) присвоить магистрату тѣ права и обязанности, какія присвоены прочимъ магистратамъ; 3) упразднить городскую стражу; 4) распространить рекрутскую повинность на всѣхъ мѣщанъ, приписанныхъ къ городу послѣ ревизіи 1782 года, а со старожилыхъ взыскивать по одной тысячѣ рублей за каждаго слѣдуемаего съ нихъ рекрута; 5) подчинить мѣщанъ въ ихъ искахъ о безчестіи общимъ Законамъ; тѣмъ же, которые пользовались въ такихъ искахъ шляхетскимъ правомъ, назначить вознагражденіе въ четверо больше, сравнительно съ простыми мѣщанами".

Какъ видно, не всѣ предложенія министерства внутреннихъ дѣлъ, съ которыми согласно было и II Отдѣленіе, были приняты въ окончательную редакцію указа 1835 г. Указъ объ отмѣнѣ привилегій Кіева былъ написанъ самимъ Сперанскимъ; въ его бумагахъ [1]) сохранился собственноручный набросокъ проекта, помѣченнаго 6 декабря 1834 года, который почти дословно совпадаетъ съ распубликованнымъ текстомъ, но со слѣдующими измѣненіями.

Пунктъ четвертый у Сперанскаго заканчивается такъ: взыскивать

---

[1]) См. бумаги графа Сперанскаго въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ настоящее время картонъ № 6; черновая писана карандашемъ. Слова указа о томъ, что привилегіи г. Кіева были сохранены „на первый случай", подчеркнуты у Сперанскаго.

по 1 тысячѣ рублей за каждаго слѣдуемаго съ нихъ рекрута, „и деньги сіи, не внося въ общіе государственные доходы, обращать въ городской доходъ и употреблять на пользу самаго города и въ пособіе его благоустройства. При семъ не воспрещается городскому обществу отдавать мѣщанъ въ рекруты и натурой, по общественнымъ приговорамъ, на общемъ основаніи существующихъ для сего правилъ, но безъ зачета ихъ въ денежную рекрутскую повинность, какъ слѣдующую не въ казну, но въ городской доходъ предназначенную и въ пользу самаго города". Это мѣсто проекта не вошло въ окончательный текстъ указа. На него слѣдуетъ обратить вниманіе, такъ какъ оно является свидѣтельствомъ стремленія Сперанскаго отстаивать существующее право, признанное за частными лицами или корпораціями, и въ этомъ смыслѣ истолковывать всѣ ограничивающіе ихъ законы, вводимые по соображеніямъ Staatsraison. Такъ онъ понималъ и ограниченіе свободы кіевлянъ отъ рекрутской повинности; если и соглашался онъ съ политическими соображеніями, требующими такой отмѣны, то все же считалъ необходимымъ, насколько возможно сохранить существующій status, оставляя городу тотъ новый налогъ, которымъ ограничивалось его прежнее привилегированное положеніе, и поэтому старался поддерживать, насколько возможно, правильное, по его мнѣнію, предложеніе министерства внутреннихъ дѣлъ [1]).

Съ изданіемъ указа о Кіевѣ магдебургское право формально было отмѣнено во всѣхъ областяхъ, гдѣ оно прежде дѣйствовало. Малороссійское право было освобождено отъ архаическихъ законовъ, которые дѣйствовали (кромѣ Кіева) только на бумагѣ и являлись источникомъ излишнихъ и напрасныхъ недоумѣній. Отмѣна ихъ была произведена бережно, послѣ тщательныхъ и всесторонних изысканій, никакихъ потрясеній она не вызвала, и жалѣть объ уничтоженіи такихъ антиковъ не приходится.

Однако, отмѣной старыхъ законовъ не могла ограничиться кодификація малороссійскаго права. Слѣдовало подвести итоги и въ другомъ направленіи, слѣдовало собрать еще дѣйствующіе остатки прежняго правопорядка. Къ этому приступили вскорѣ послѣ отмѣны литовскаго права въ западныхъ губерніяхъ, и закончилась эта работа уже послѣ смерти Сперанскаго.

---

[1]) Кромѣ того, у Сперанскаго „безчестіе" кіевлянъ исчислено въ двойномъ размѣрѣ противъ нормальнаго мѣщанскаго, а въ указѣ 1835 г. — въ четверномъ.

XII.

Какъ уже указано выше, во время работъ надъ Западнымъ Сводомъ было обращено вниманіе и на кодификацію малороссійскаго права, и для этой цѣли рѣшено было отмѣтить тѣ статьи Западнаго Свода, которыя должны были получить силу только въ малороссійскихъ губерніяхъ, и издать ихъ въ видѣ особаго сборника, въ приложеніи къ Западному Своду [1]). Однако, поглощенные работами по крупному мѣстному своду, кодификаторы, особенно въ дальнѣйшихъ стадіяхъ работы, мало занимались правомъ Малороссіи, тѣмъ болѣе, что въ ревизіонномъ комитетѣ свѣдущихъ въ немъ мѣстныхъ юристовъ не было. Если бы Западный Сводъ и получилъ силу закона въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ ревизіоннаго комитета, то все же пришлось бы произвести еще спеціальныя работы по приведенію въ порядокъ право Украйны. Такой выводъ вытекаетъ изъ того, что въ окончательномъ проектѣ Западнаго Свода нѣтъ ни звука о правѣ Малороссіи, и большинство, можно даже сказать — почти всѣ труды II Отдѣленія, касающіеся этого отдѣла мѣстнаго права, къ 1840 г. не были еще закончены.

11 января 1840 года, главноуправляющій II Отдѣленіемъ, Блудовъ, предвидя скорую отмѣну литовскаго права, представилъ Государю докладъ о состояніи работъ по упорядоченію права Черниговской и Полтавской губерній и свои предположенія о дальнѣйшемъ направленіи ихъ. Блудовъ указывалъ на то, что Западный Сводъ не пригоденъ для этихъ губерній, такъ какъ въ нихъ дѣйствуютъ нѣсколько иные источники чѣмъ тѣ, на которыхъ основанъ сводъ; именно, Западный Сводъ построенъ на Статутѣ *третьей* редакціи, 1588 г., и сеймовыхъ конституціяхъ, а въ Малороссіи имѣлъ силу Статутъ *второй* редакціи, 1566 г., сеймовыя же конституціи тамъ не дѣйствовали вовсе. Мѣстныя изъятія касались: 1) законовъ о состояніяхъ; 2) законовъ гражданскихъ; 3) законовъ судопроизводства гражданскаго и, наконецъ, 4) мѣръ гражданскихъ взысканій. Блудовъ предполагалъ оставить въ силѣ только изъятія первыхъ двухъ категорій, остальныя же отмѣнить, представивъ объ отмѣнѣ ихъ соотвѣтствующія записки въ Государственный Совѣтъ. Сохраняемыя особенности слѣдовало, по его мнѣнію, размѣстить въ различныхъ

---

[1]) См. выше, стр.

мѣстахъ общаго Свода Законовъ, по принадлежности. Государь согласился со всѣми предложеніями Блудова [1]), и сообразно съ его резолюціей, во II Отдѣленіи въ 1840 году приступили къ разработкѣ законовъ Черниговской и Полтавской губерній.

Всѣ „усилія" II Отдѣленія ограничились бы, вѣроятно, тѣмъ, что для намѣченныхъ уже раньше статей Западнаго Свода были бы подысканы подходящія мѣста въ общемъ Сводѣ, объ этомъ былъ бы написанъ пространный докладъ Государю и послѣдовало бы его утвержденіе—на этомъ и кончилось бы все дѣло. Но два незначительныхъ, чисто канцелярскихъ, событія придали дѣлу нѣсколько иное направленіе и были причиной болѣе тщательной и продолжительной разработки малороссійскаго права. Именно, 22-го іюня 1840 года исправляющій должность Государственнаго Секретаря, Бахтинъ, сообщилъ Блудову, что назначенное къ слушанію въ Государственномъ Совѣтѣ дѣло о распространеніи на Черниговскую и Полтавскую губерніи общихъ законовъ о судопроизводствѣ и мѣрахъ гражданскихъ взысканій задержано по приказанію предсѣдателя Совѣта, такъ какъ по Западному Комитету состоялся указъ объ отмѣнѣ въ западныхъ губерніяхъ прежнихъ законовъ. Такимъ образомъ, предстояло внести еще разъ, снова, эту записку въ Государственный Совѣтъ, а въ виду этого Блудовъ счелъ болѣе правильнымъ внести туда и всѣ остальныя предположенія относительно малороссійскихъ законовъ.

Возникла значитъ, во-первыхъ, неожиданная необходимость составить особыя „записки" для оправданія предполагаемаго пополненія общаго Свода Законовъ. О желательности законодательнаго подтвержденія малороссійскихъ изъятій Блудовъ доложилъ Государю 2 января 1841 г., мотивируя это тѣмъ, что при рѣшеніи вопроса объ отмѣнѣ порядка судопроизводства необходимо имѣть въ виду всѣ вообще предположенія касательно малороссійскихъ законовъ. Въ этомъ докладѣ описано и все сдѣланное за годъ во II Отдѣленіи. Именно: всѣ изъятія были собраны въ 163 параграфа, и въ моментъ представленія доклада они провѣрялись съизнова. Провѣрка заключалась въ новомъ просмотрѣ Литовскаго Статута, остальные же источники Блудовъ считалъ возможнымъ игнорировать, въ виду отсутствія практическаго значенія. Всѣ заслуживающія вниманія отличія Статута отъ общаго Свода, по мнѣнію Блудова, можно было распредѣлить на 4 класса: нѣкоторыя постановленія Статута только выражаютъ въ другой формѣ

[1]) А. Г. С. дѣло II Отд. № 5 а, 1840 г., I часть.

то, что уже сказано въ общемъ Сводѣ, другія содержатъ маловажныя несходства, въ третьихъ—поясняются общіе законы и, наконецъ, въ четвертыхъ—выражены дѣйствительныя отступленія отъ общихъ порядковъ. Послѣдніе два класса изъятій Блудовъ предполагалъ сохранить на будущія времена, а первые—отбросить совершенно [1]).

Однако, провѣрка проекта, составленнаго чиновниками II Отдѣленія, по мысли Блудова, была возложена на постороннее лицо, на чиновника министерства юстиціи Ляпунова, который уже раньше принималъ участіе въ провѣркѣ Западнаго Свода. Ему было поручено просмотрѣть Литовскій Статутъ „по лучшему переводу“, изготовленному въ 1830 г., и „сдѣлавъ противъ каждой статьи надлежащія вѣрныя (sic!) отмѣтки“, представить отчетъ о дѣйствующихъ остаткахъ Статута [2]). Порученіе провѣрки постороннему лицу явилось вторымъ обстоятельствомъ, благотворно повліявшимъ на разработку малороссійскаго права. Ляпуновъ, повидимому, тщательно провѣрилъ работу чиновниковъ II Отдѣленія и сильно раскритиковалъ ее. Изъ 163 параграфовъ онъ предложилъ 37—измѣнить, 16—исключить и кромѣ того считалъ желательнымъ вставить еще 16 новыхъ параграфовъ. Эта критика „посторонняго“ лица задѣла очевидно за живое [3]) чиновниковъ II Отдѣленія, работавшихъ надъ проектомъ, и заставила ихъ удвоить усилія по разработкѣ малороссійскаго права.

Въ маѣ 1841 года, старшіе чиновники II Отдѣленія, князь Одоевскій и Малевскій, представили длинное изслѣдованіе въ опроверженіе тѣхъ нареканій, которымъ подвергся ихъ проектъ. Они указывали на то, что Ляпуновъ голословно утверждаетъ, что нѣкоторыя статьи Литовскаго Статута дѣйствуютъ въ Малороссіи, а другія отмѣнены. Малороссійскій правопорядокъ представлялся имъ гораздо болѣе сложнымъ, не исчерпывающимся одной буквой Статута. Право Статута слилось съ магдебургскимъ, и хотя послѣднее и отмѣнено, но какъ они думали „нельзя предполагать, чтобы совмѣстное ихъ дѣйствіе не осталось безъ вліянія на мѣстныя понятія о смыслѣ и значеніи Литовскаго Статута. Сверхъ того, Литовскій Статутъ не могъ не испытывать общаго вліянія Россійскаго Законодательства, не только въ отношеніи измѣнившихся вовсе учрежденій мѣстныхъ властей, уголов-

---

[1]) А. Г. С., дѣло 5 а, 1840 г., ч. I.

[2]) Цитированное дѣло, всеподданнѣйшій докладъ Блудова отъ 2 января 1841 г.

[3]) Это прямо видно изъ рапорта кн. Одоевскаго и Малевскаго, въ которомъ, не смотря на офиціальный тонъ, чувствуется нѣкоторое раздраженіе противъ Ляпунова, см. цитиров. дѣло.

наго суда, полицейскаго и казеннаго устройства, но и самыхъ гражданскихъ законовъ. Въ западныхъ губерніяхъ Литовскій Статутъ уклонился отъ сего непримѣтнаго дѣйствія новыхъ началъ, преимущественно по малому распространенію въ томъ краѣ Россійскаго языка, но сіе препятствіе не существовало въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской". Слѣдовательно, заключали кн. Одоевскій и Малевскій, нельзя безъ тщательнаго разслѣдованія установить, чтó изъ Статута отмѣнено и чтó осталось въ силѣ. Далѣе, они указывали, что и русское законодательство не исчерпано Ляпуновымъ, и что совершенно не затронута имъ судебная практика. Съ практикой же необходимо считаться, иначе, по ихъ мнѣнію, можно: 1) „возобновить такія статьи Литовскаго Статута, кои тамъ уже можетъ быть совершенно забыты", 2) „отмѣнить безъ очевидныхъ причинъ такія статьи, кои свято соблюдаются въ сихъ губерніяхъ, и по мѣстнымъ обстоятельствамъ необходимы", 3) „наконецъ, безъ указаній мѣстной практики не возможно разрѣшить главнѣйшаго вопроса,—какія изъ статей Литовскаго Статута должны быть отмѣнены, какъ явно противорѣчащія общему характеру гражданскихъ законовъ въ Россіи"? По этимъ соображеніямъ авторы записки предлагали: снова просмотрѣть Полное Собраніе Законовъ и извлечь изъ него все относящееся къ Малороссіи, проектъ статей для губерній Черниговской и Полтавской сообразовать съ судебной практикой и потомъ послать конфиденціально для просмотра на мѣста. Ихъ предположенія были одобрены Блудовымъ—всѣ, кромѣ посылки на мѣста.

На записку кн. Одоевскаго и Малевскаго слѣдуетъ обратить вниманіе. Насколько мнѣ извѣстно, это единственная бумага II Отдѣленія, въ которой изложены совершенно вѣрныя и здравыя мысли о кодификаціи права, основывающагося на древнемъ памятникѣ права, видоизмѣненномъ и судами и обычаями. Обычай, практика и все прочее, незаписанное въ официальный и утвержденный сборникъ, при кодификаціи въ тридцатыхъ годахъ обыкновенно никакой цѣны не имѣли. Эти данныя просто игнорировались, важно было лишь то, что написано и „утверждено". Кодификація литовскаго права, какъ выше уже показано, даетъ примѣръ такого отношенія къ „живому" праву; еще больше примѣровъ можно найти въ тѣхъ безконечныхъ препирательствахъ II Отдѣленія съ мѣстными знатоками права, которыми полна исторія кодификаціи остзейскаго права. И споры эти притомъ касались именно самаго *принципа не включенія* обычнаго права въ сводъ, и рѣчь шла о вопросахъ чисто гражданскаго права,

не имѣющихъ никакого политическаго значенія. То, что писали кн. Одоевскій и Малевскій, въ сущности, азбучная истина, которую для непредвзятаго читателя нѣтъ надобности доказывать подробно: очевидно, что въ 1840 году не могли дѣйствовать въ чистомъ видѣ тѣ нормы, которыя были сочинены въ 1588 г. Но въ условной атмосферѣ кодификаціонныхъ правилъ составленія Свода, эта азбучная истина звучала какъ нѣчто новое. И пожалуй, не напиши Ляпуновъ рѣзкой критики на проектъ, составленный по всѣмъ правиламъ кодификаціи, не возникъ бы и вопросъ о „судебной практикѣ“ въ Малороссіи.

Мысли кн. Одоевскаго и Малевскаго были приняты въ соображеніе при дальнѣйшихъ работахъ. Чиновнику II Отдѣленія Виноградову было поручено составить справку „объ историческихъ свѣдѣніяхъ о законахъ, относящихся къ Малороссіи, извлеченныхъ изъ Полнаго Собранія Законовъ“,—о чемъ Виноградовъ и представилъ очень обширную записку. А кромѣ того, иниціаторы предложенія ввести судебную практику въ число матеріаловъ при кодификаціи были откомандированы въ архивъ сената для изученія малороссійскихъ судебныхъ дѣлъ.

Въ сенатскомъ архивѣ ими были просмотрѣно около 200 дѣлъ (іюнь 1841 г.). Здѣсь они изслѣдовали главнымъ образомъ вопросъ о томъ, какіе законы, мѣстные или общіе, примѣняются къ рѣшенію нѣкоторыхъ сомнительныхъ пунктовъ, именно—къ дѣламъ по опекамъ, по вознагражденію за владѣніе, по укрѣпленію правъ, по договорамъ о наслѣдствѣ, и другіе. При этомъ между прочимъ, выяснилось, что къ долговымъ обязательствамъ и мѣстные суды и высшія инстанціи примѣняли Банкротскій уставъ (1800 г.), а не Литовскій Статутъ, какъ этого можно было ожидать. Обнаружилось, далѣе, что заставные договоры въ Малороссіи обсуждались не по Литовскому Статуту; было установлено, что заимодавецъ, давшій деньги подъ залогъ, не имѣетъ права пользоваться залогомъ вмѣсто процентовъ и т. д. Благодаря этому, явилась возможность установить съ нѣкоторой точностью, какіе источники права дѣйствительно примѣнялись, взамѣнъ тѣхъ, которые in abstracto „должны“ были имѣть примѣненіе.

Однако, открывъ вѣрную дорогу, кодификаторы не прошли ее до конца. Несмотря на изслѣдованіе „практики“, въ сводъ были помѣщены только выдержки изъ Статута, да и не въ очень измѣненномъ, по сравненію съ оригиналомъ, видѣ. Практика и обычай были приняты въ соображеніе исключительно какъ факторы, отмѣнившіе дѣйствіе нѣкоторыхъ прежнихъ источниковъ. Созидательное ихъ значеніе не было учтено: нѣтъ ни одной статьи, въ которой было бы передано

содержаніе какой либо новой нормы, сложившейся въ жизни, нормы, не взятой изъ писаннаго права. А между тѣмъ, какъ видно изъ сказаннаго объ исторіи малороссійскаго права, весь правопорядокъ слагался изъ множества разнообразныхъ обломковъ, принадлежавшихъ разнороднымъ правовымъ системамъ; нѣкоторое единство вносила въ него только судебная практика, несмотря на все ея несовершенство. Къ тому же, какъ сейчасъ будетъ показано, кодификаторы сами вскорѣ сбились въ оцѣнкѣ значенія и взаимной силы разныхъ источниковъ малороссійскаго права.

На основаніи этихъ матеріаловъ и были составлены записки въ Государственный Совѣтъ. 18-го декабря 1841 года, Блудовъ представилъ Государю новый, очень обширный, докладъ, въ которомъ еще разъ изложилъ вкратцѣ исторію малороссійскаго права, и пространно описалъ ходъ работъ во II Отдѣленіи; въ докладѣ перечислены всѣ заботы о тщательномъ выясненія законовъ губерній Черниговской и Полтавской, провѣрка проекта по Статуту, Полному Собранію, по сенатскому архиву. Въ числѣ прочихъ матеріаловъ, которымъ пользовались при кодификаціи, упомянутъ въ докладѣ и „хранящійся въ Архивѣ II Отдѣленія, составленный въ 1734 г. (въ Глуховѣ) рѣдкій, или можетъ быть единственный, рукописный экземпляръ неизданнаго собранія Законовъ, подъ названіемъ „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“.

Докладывая обо всемъ этомъ, Блудовъ испрашивалъ разрѣшенія внести записки въ Государственный Совѣтъ; съ Высочайшаго разрѣшенія онѣ и были представлены туда 31-го декабря 1841 года.

Для приведенія въ порядокъ права, дѣйствовавшаго въ Малороссіи II Отдѣленіе предполагало 1) распространить на Малороссію общій порядокъ судопроизводства и 2) пополнить общій „Сводъ гражданскихъ законовъ“ нѣкоторыми статьями, содержащими мѣстныя изъятія; по этому предмету было составлено 17 записокъ. Въ качествѣ оправдательныхъ матеріаловъ общаго характера были представлены въ Государственный Совѣтъ: 1) подробное историческое обозрѣніе малороссійскихъ законовъ, 2) извлеченія изъ Литовскаго Статута, и 3) извлеченія изъ дѣлъ судебныхъ [1]).

Въ общемъ историческомъ введеніи разбираются прежде всего источ-

---

[1]) Эти матеріалы и меморіи засѣданій Государственнаго Совѣта имѣются въ дѣлѣ № 5а, 1840 г. (А. Г. С. дѣла II Отдѣленія), а также и въ дѣлахъ Департамента Законовъ, за 1842 годъ.

ники малороссійскаго права; на первой же страницѣ его установлено, что „въ Малороссіи въ сіе время (т. е., въ концѣ XVII вѣка, въ эпоху присоединенія къ Россіи) былъ дѣйствующимъ закономъ Статутъ *не третьей, а второй редакціи (1566 г.), и постановленія онаго сохранились въ семъ краѣ почти въ первобытномъ своемъ видѣ; на нихъ не имѣли дѣйствія введенныя послѣ составленія сего втораго или Волынскаго Статута въ Литовское и Польское Законодательство перемѣны*" [1]).

На это утвержденіе слѣдуетъ обратить вниманіе. Установивъ правильно главный, дѣйствующій de jure, источникъ, *второй* Статутъ, авторы проекта въ дальнѣйшемъ уже болѣе къ нему не возвращались, а черпали матеріалъ для статей прямо изъ *третьяго* Статута, а иногда, и притомъ нерѣдко—просто изъ Западнаго Свода. Это правильное замѣчаніе прошло совершенно безъ всякаго вліянія на дальнѣйшія кодификаціонныя работы.

---

[1]) Въ рѣшеніи Гражданск. Кассац. Департ. № 15, 1897 года (по дѣлу о наслѣдствѣ послѣ графа Манузи) въ числѣ аргументовъ, которыми доказывается необязательность конституціи 1588 г. (о кадукахъ) для литовскихъ областей, на послѣднемъ, правда, мѣстѣ поставленъ слѣдующій. „Правительствующій Сенатъ обращаетъ вниманіе свое на то обстоятельство, что если бы названная конституція имѣла обязательную силу закона въ западныхъ губерніяхъ, то эта обязательность не могла бы остаться безслѣдною при составленіи законопроектовъ, обсуждавшихся въ 1842 году въ Государственномъ Совѣтѣ, по вопросу о введеніи мѣстныхъ законовъ Черниговской и Полтавской губерніи въ Общій Сводъ Законовъ (П. С. З. 1842. № 15520 [подъ этимъ № приведено Мн. Гос. Сов. о наслѣдованіи единокровныхъ и единоутробныхъ братьевъ и сестеръ]). Между тѣмъ, оказывается, что относительно вопроса о выморочномъ имѣніи, закономъ, дѣйствовавшимъ въ этихъ губерніяхъ, признавался только артикулъ XVII раздѣла третьяго Литовскаго Статута, и постановленіе его, сходное съ общими законами..., не потребовало введенія въ Сводъ Законовъ какихъ либо особыхъ правилъ для названныхъ губерній". Если сопоставить это разсужденіе со сказаннымъ въ текстѣ, то ошибочность его очевидна. Чтобы поддержать этотъ аргументъ, необходимо было бы доказать, что юридическое значеніе сеймовыхъ конституцій въ Малороссіи было такое же, какъ и въ Литвѣ. А на самомъ дѣлѣ этого положенія нельзя доказать. Конституціи сеймовъ при кодификаціи законовъ губерній Черниговской и Полтавской именно *не* принимались во вниманіе; именно по *этой* то причинѣ, потому что памятники сеймоваго законодательства не признавались Малороссіей, и предположено было малороссійскія статьи выдѣлить изъ Западнаго Свода. Сенатъ, далѣе, подъ понятіе западныхъ губерній подводитъ и малороссійскія—и совершенно напрасно. Въ сущности и это положеніе не есть нѣчто очевидное, и будучи выставлено въ числѣ аргументовъ въ судебномъ рѣшеніи, нуждается въ свою очередь въ доказательствѣ.—Этотъ ошибочный и слабый аргументъ повторяется и проф. *Леонтовичемъ* (въ его статьѣ—Къ вопросу о выморочныхъ имуществахъ по Литовскому праву, Журн. Мин. Юстиціи. 1897. Сентябрь. стр. 124).

Затѣмъ, въ запискѣ вкратцѣ разбираются попытки XVIII вѣка кодифицировать мѣстное право и реформы, внесенныя въ послѣднее русскими законами первой половины минувшаго столѣтія. Заканчивается она очень общей характеристикой малороссійскаго права, въ которое проникло право магдебургское и „зерцало Саксоніи“, и русское законодательство. Отъ этого смѣшенія произошло разнообразіе судебной практики и „сей произволъ увеличился еще болѣе съ 1811 г., когда изданъ Русскій переводъ Литовскаго Статута..., который сдѣланъ не по второму..., а по третьему... кодексу и заключаетъ въ себѣ ссылки на конституціи, и черезъ то поставляетъ судебныя мѣста въ новыя затрудненія“. Въ примѣчаніи этотъ обзоръ дополненъ слѣдующей замѣткой: „впрочемъ, какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній, и прежде изданія сего перевода, малороссійскія судебныя мѣста, а равно и частныя лица... иногда руководствовались постановленіями третьяго Статута“, какъ болѣе распространеннаго и доступнаго.

Такимъ образомъ, въ началѣ записки въ качествѣ главнаго источника указанъ второй Статутъ, и притомъ „въ первобытномъ видѣ“, а въ концѣ—перечисленъ цѣлый рядъ другихъ дѣйствующихъ законовъ, въ число которыхъ на первое мѣсто поставленъ Статутъ *третій*, къ тому же примѣняемый на практикѣ въ измѣненной формѣ. Какъ понимать соотношеніе этихъ источниковъ,—объ этомъ записка умалчиваетъ; это явное противорѣчіе въ ней совершенно не объяснено. Можно было бы ожидать, что оно разъяснено для конкретныхъ случаевъ, т. е., въ частныхъ запискахъ, содержащихъ объясненія по отдѣльнымъ вопросамъ; но и тамъ *обыкновенно* (за нѣкоторыми исключеніями) цитируется просто „Статутъ“ безъ указанія какой редакціи, и въ этихъ случаяхъ имѣется въ виду именно третій.

Самая обширная записка, изъ числа отдѣльныхъ представленій, касается „отмѣны существующаго въ губ. Черниговской и Полтавской порядка судопроизводства“. Мѣстный порядокъ, основанный на Статутѣ, первоначально былъ чисто состязательный, такой же, какой дѣйствовалъ и въ западныхъ губерніяхъ. Но въ западномъ краѣ основное, въ общемъ, скудное законодательство (IV и IX раздѣлы Литовскаго Статута) съ теченіемъ времени было дополнено и реформировано при польскомъ владычествѣ. Большія перемѣны внесли въ него конституціи сеймовъ 1726, 1764 и 1784 гг.; затѣмъ коснулись его и нѣкоторые русскіе законодательные акты. Однако, всѣ эти законы, и польскіе и русскіе, прошли мимо Малороссіи, на которую они формально не распространялись: Польша не могла предписывать законовъ прежней

своей области, а русскіе законы умалчивали о Малороссіи. Не затронули малороссійскихъ губерній указы 1797 г. (11-го сент.) и 1798 г. (9-го января), Мнѣніе Государственнаго Совѣта 21-го декабря 1827 г. о порядкѣ и срокѣ записки въ судебныя реестры акторатовъ (хотя въ Малороссіи позывы и подавались, но акторатовъ въ мѣстныхъ судахъ не было). Указомъ 16-го марта 1835 года повсемѣстно были отмѣнены „возные", и въ западныхъ губерніяхъ вмѣсто нихъ ввели засѣдателей, а въ Малороссіи эта пустота осталась незаполненной. Изъ такого запутаннаго положенія мѣстные судебные дѣятели вышли довольно просто, рецепировавъ, безъ всякихъ формальныхъ къ этому основаній, нѣкоторые русскіе порядки, какъ законы ближайшаго „христіанскаго народа". Этимъ путемъ общіе законы имперіи получили примѣненіе ко всѣмъ дѣламъ казеннымъ, въ такомъ же порядкѣ получили силу и уставы вексельный и банкротскій. Но единства въ судебной практикѣ не было никакого. „Нѣкоторыя дѣла начинаются подачею позывовъ", говорится въ запискѣ II Отдѣленія, „другія исковыми прошеніями; часто даже по врученіи позыва отвѣтчику и по явкѣ его къ отвѣту, тяжущіяся стороны подаютъ.... прошенія и дѣло, начатое формальнымъ порядкомъ по Статуту Литовскому, впослѣдствіи производится на основаніи законовъ общихъ". Требованіе и присужденіе тяжебныхъ убытковъ производится также разнообразно; одни суды допускаютъ тяжущихся къ присягѣ въ томъ, что убытки точно понесены ими, и устанавливаютъ ихъ размѣръ безапелляціонно, другіе примѣняютъ указъ 19-го января 1827 года, (изданный исключительно для возвращенныхъ отъ Польши губерній) и допускаютъ апелляцію; наконецъ, третьи руководствуются общими законами. „Образъ удовлетворенія заимодавцевъ" также различествовалъ въ разныхъ мѣстностяхъ: одни суды приговаривали по Статуту имѣніе должника къ отдачѣ „въ увязку", а другіе назначали продажу имущества, по банкротскому уставу, и т. д. Естественнымъ слѣдствіемъ такой путаницы являлись всякія злоупотребленія. Поэтому II Отдѣленіе совершенно основательно предложило отмѣнить всѣ мѣстныя изъятія въ области гражданскаго судопроизводства и распространить на губ. Черниговскую и Полтавскую общіе законы.

Такими же соображеніями мотивировалась и отмѣна прежняго *порядка судебной расправы у малороссійскихъ казаковъ.*

Остальныя записки касались слѣдующихъ вопросовъ: „1) О послѣдствіяхъ признанія брака не дѣйствительнымъ и разлученія супруговъ. 2) Объ опекахъ. 3) О смыслѣ выраженій: родовыя и наслѣд-

ственныя имѣнія. 4) О вознагражденіи за личныя обиды крестьянъ по Литовскому Статуту. 5) О совершеніи записей въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской. 6) О дареніи на случай смерти. 7) О недозволеніи дѣтямъ требовать выдѣла частей изъ имущества родителей при жизни сихъ послѣднихъ. 8) О выдѣлѣ дѣтей и о правѣ дочерей, выданныхъ въ замужество при жизни отца безъ вѣновой записи, требовать приданаго послѣ его смерти. 9) Объясненіе къ статьѣ 40 проекта, особыхъ постановленій дѣйствующихъ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской. 10) О завѣщаніи имуществъ во временное владѣніе. 11) О правѣ единокровныхъ и единоутробныхъ братьевъ и сестеръ на наслѣдство. 12) О денежномъ платежѣ за вѣнецъ. 13) О правахъ вдовы на наслѣдіе въ имѣніи мужа въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской (съ приложеніемъ). 14) О условіи о неустойкѣ. 15) О закладныхъ на упадъ. 16) Объ отказахъ имуществъ крѣпостнымъ людямъ. 17) О недѣйствительности завѣщаній крѣпостныхъ людей".

Всѣ онѣ построены по одинаковому плану; включеніе въ Сводъ того или инаго изъятія для Малороссіи мотивируется тѣмъ, что данная норма содержится въ Статутѣ и не отмѣнена никакимъ спеціальнымъ постановленіемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для подкрѣпленія аргументовъ, указывалось еще, что предлагаемое правило уже было принято при составленіи Западнаго Свода, или уже тогда же установлено Государственнымъ Совѣтомъ, согласно съ представленіями II Отдѣленія по Западному Своду (утвержденными 5-го іюля 1838 года). Эти записки въ нѣсколько сокращенномъ видѣ напечатаны въ Полномъ Собраніи Законовъ [1]). Государственный Совѣтъ, какъ въ Департаментѣ Законовъ, такъ и въ Общемъ Собраніи всецѣло согласился съ ними, такъ что нѣтъ основанія подробнѣе на нихъ останавливаться въ виду того, что распубликованные матеріалы содержатъ всѣ данныя. Слѣдуетъ обратить вниманіе только на нѣкоторые пункты.

Мѣстныя постановленія объ *опекахъ* отличаются отъ общихъ. Прежде всего, возрастъ совершеннолѣтія Статутъ опредѣлялъ иначе чѣмъ русское право; далѣе, по Статуту, дѣвицы при выходѣ замужъ освобождаются отъ опеки; право на опекунское званіе принадлежитъ отцу и брату, причемъ отецъ свободенъ отъ отчетности; запрещеніе отчуждать вещи малолѣтняго въ литовскомъ правѣ влечетъ за собой болѣе рѣшительныя послѣдствія, чѣмъ въ общеимперскомъ, — неправильно отчужденное имѣніе малолѣтній можетъ прямо виндицировать

---

[1]) Подъ №№ 15520 и слѣд.

отъ пріобрѣтателя; наконецъ, размѣръ вознагражденія опекуновъ въ мѣстныхъ законахъ (10%) иначе опредѣленъ чѣмъ въ общихъ (5%). II Отдѣленіе признавало безусловно необходимымъ только распространить на губ. Черниговскую и Полтавскую общій срокъ совершеннолѣтія, а въ остальномъ предоставляло Государственному Совѣту на выборъ: или оставить въ силѣ мѣстные законы, или же распространить на Малороссію общіе. Государственный Совѣтъ избралъ первое (въ Департаментѣ Законовъ), такъ какъ, по его мнѣнію, распространеніе общихъ законовъ внесло бы слишкомъ большую ломку въ существующій порядокъ. Съ этимъ согласилось и Общее Собраніе.

Детальному обсужденію подверглась *юридическая природа права вдовы на имущество, остающееся ей послѣ смерти мужа.* Въ 1806 году (18-го іюля) Сенатъ по дѣлу графини Потоцкой призналъ, что оно пріобрѣтаетъ „*потомственное*" владѣніе, а Статутъ говоритъ о пожизненномъ. Въ виду этого противорѣчія, сенатскій указъ въ мѣстной судебной практикѣ не пріобрѣлъ значенія и послужилъ только источникомъ недоразумѣній. Чтобы выяснить точный смыслъ постановленія Статута, II Отдѣленіе произвело сличеніе различныхъ текстовъ, именно: 1) Статута редакціи 1529 года „на русско-западномъ языкѣ и въ латинскомъ переводѣ, 2) Статута 1566 года на русско-западномъ языкѣ, 3) Статута третьей редакціи, 1588 г. въ изданіе Мамоничей, 4) польскаго перевода 1614 года, 5) русскаго перевода 1811 года, 6) перевода 1830 года и 7) соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ рукописи „правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ". На основаніи этихъ данныхъ было установлено, что Статутъ имѣетъ въ виду *пожизненное* владѣніе вдовы. Въ такой редакціи это правило и было утверждено Государственнымъ Совѣтомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было оговорено, что оно не должно имѣть обратнаго дѣйствія на имѣнія, перешедшія къ другимъ лицамъ, согласно указу Сената 1806 года. Въ этомъ смыслѣ оно изложено и въ Сводѣ (см. прим. къ ст. 1157 X т. по изд. 1900 года).

Текстъ Статута второй редакціи, т. е., именно того, который, какъ сказано въ общей запискѣ объ исторіи малороссійскаго права, являлся главнымъ источникомъ права, дѣйствующимъ въ первобытной формѣ, кромѣ только что разобраннаго вопроса былъ принятъ въ разсчетъ еще одинъ разъ — именно, при разсмотрѣніи вопроса о денежномъ платежѣ за вѣнецъ вдовы, вступающей во второй бракъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ руководствовались *только* третьимъ Статутомъ, который „въ лучшемъ переводѣ" лежалъ въ основаніи всего проекта

статей. Это игнорированіе второго Статута доказывается уже однимъ тѣмъ, что всѣ ссылки подъ статьями сдѣланы на Статутъ 1588 года, дѣленіе котораго на раздѣлы и артикулы, совершенно не совпадаетъ съ дѣленіями втораго Статута. Конечные выводы историческихъ изысканій не отразились на результатахъ кодификаціи. Съ такимъ же успѣхомъ, въ сущности, можно было бы и вовсе не вдаваться въ какія бы то ни было историческія разслѣдованія. Или же,—и это было бы гораздо болѣе полезно,—слѣдовало сдѣлать дѣйствительно тщательное разслѣдованіе о томъ, какой Статутъ примѣняется на самомъ дѣлѣ въ судахъ, какія рукописи распространены въ краѣ и каково ихъ происхожденіе; т. е., сдѣлать ту работу, которую такъ удачно выполнилъ проф. Кистяковскій въ своей книгѣ „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ". Если бы это изслѣдованіе выяснило, что третій Статутъ вытѣснилъ въ Малороссіи второй [1]), тогда можно было бы съ полнымъ правомъ именно его взять за основу. А такое пользованіе третьимъ Статутомъ, какое было допущено при кодификаціи 1842 года, представляется совершенно случайнымъ. Очевидно, для составителей проекта всѣ Статуты были одинаково хороши, а наиболѣе хорошъ былъ тотъ, который былъ наиболѣе доступенъ, т. е., третій, хорошо переведенный на русскій языкъ, и чисто переписанный.

Въ Государственномъ Совѣтѣ вызвало споры только одно представленіе, изъ всѣхъ внесенныхъ II Отдѣленіемъ. Именно, въ числѣ прочихъ неясныхъ пунктовъ на разсмотрѣніе Совѣта была вторично представлена записка, относительно юридической природы *дареній на случай смерти*. Въ ней повторялось то, что было уже сказано въ представленіи 1838 года, именно что этотъ типъ сдѣлокъ слѣдуетъ отнести къ числу актовъ завѣщательныхъ, а не дарственныхъ. При первомъ разсмотрѣніи Государственный Совѣтъ вполнѣ согласился съ II Отдѣленіемъ, и вторично этотъ вопросъ представлялся на его уваженіе исключительно по формальнымъ соображеніямъ, только потому, что вообще всѣ записки о малороссійскихъ законахъ должны были пройти черезъ него. При слушаніи дѣла въ 1842 году, Департаментъ Законовъ всецѣло принялъ заключеніе II Отдѣленія. Но въ Общемъ Собраніи противъ проекта выступилъ одинъ членъ Государ-

---

[1]) О томъ, что нѣкоторыя свѣдѣнія относительно распространенія третьяго Статута имѣлись во II Отдѣленіи, свидѣтельствуетъ приведенное выше замѣчаніе, помѣщенное въ историческомъ введеніи.

ственнаго Совѣта [1]). Противъ предлагаемаго возстановленія 2 артикула VIII раздѣла Статута, онъ привелъ рядъ аргументовъ, какъ общаго, принципіальнаго, характера, такъ и спеціальныхъ, прямо къ данному вопросу относящихся. Именно, онъ указывалъ на то, что малороссійское право не исчерпывается Литовскимъ Статутомъ. Между буквой его и „практическимъ производствомъ существуетъ, уже въ теченіи столѣтія и болѣе, значительное различіе. Между тѣмъ, эти отступленія отъ текста писанныхъ законовъ обращены въ Малороссіи силою навыка, такъ сказать, въ практическій законъ". „Главная черта этого мѣстнаго въ Малороссіи права состоитъ въ свободномъ распоряженіи недвижимыми имѣніями". Возстановленіе прежняго закона при такихъ обстоятельствахъ было бы равносильно введенію новаго. И далѣе: если будетъ возобновленъ такой законъ, то получивъ вслѣдствіе этого обратную силу, онъ приведетъ къ потрясенію многихъ сдѣлокъ, которыя контрагенты по доброй совѣсти почитали законными и неопровержимыми.

На прежнее рѣшеніе Государственнаго Совѣта, 1838 года, нельзя, по мнѣнію этого члена Совѣта, ссылаться, такъ какъ оно было постановлено не относительно Малороссіи, а для западныхъ губерній, т. е., для другихъ областей. Между тѣмъ, Государственный Совѣтъ раньше (въ 1824 г., по дѣлу графовъ Разумовскихъ) призналъ вполнѣ правильной, по кончинѣ вотчинника, дарственную запись, по которой родовое имѣніе отчуждалось отъ законныхъ наслѣдниковъ, хотя при жизни вотчинника вводъ во владѣніе и другіе обряды не были исполнены. Поэтому, авторъ возраженія, чтобы выйти изъ противорѣчія, которое создавалось проектомъ II Отдѣленія, предлагалъ на выборъ слѣдующее: или признать возстановляемый законъ „старымъ" и тогда произвести на мѣстѣ разслѣдованіе, „въ чемъ именно различествуетъ теорія отъ практики, какія допущены въ Малороссійскихъ законахъ о собственности положительныя, или обычаями введенныя, измѣненія; до какой степени и въ какомъ объемѣ руководствовались оными присутственныя мѣста, и сколько имѣется въ производствѣ, или въ виду, дѣлъ сего рода, не получившихъ еще окончанія, или оконченныхъ, но не вступившихъ еще въ законную силу". Или же, слѣдовало законъ о дареніяхъ признать „новымъ" и разсматривать его съ этой точки зрѣнія, т. е., войти въ оцѣнку его по существу и отне-

[1]) Въ меморіи онъ не названъ (дѣло № 5а, 1840 года), а изъ другихъ источниковъ не видно, кто бы это могъ быть.

стись къ нему иначе, чѣмъ къ кодификаціонной вставкѣ въ Сводъ Законовъ.

Въ заключеніе, этотъ членъ Совѣта возражалъ вообще противъ того способа при помощи котораго производилась кодификація мѣстнаго малороссійскаго права. Онъ указывалъ, что „обновленіе существовавшихъ въ Малороссіи отрывками, но давно измѣнившихся Польскихъ узаконеній, это искусственное сліяніе началъ между собой несогласныхъ, неблагопріятное мѣстнымъ обстоятельствамъ и частнымъ пользамъ, оставляетъ неудовлетвореннымъ чувство тѣхъ, кои, по привязанности ко всему родному, желаютъ сохраненія туземныхъ правъ и обрядовъ, и въ то же время не соотвѣтствуетъ ожиданію другихъ, ищущихъ въ законодательствѣ опору государственной самобытности“.

Въ этихъ замѣчаніяхъ, особенно поскольку они касались принципіальной постановки кодификаціи мѣстнаго права, несомнѣнно имѣется большая доля истины. Но успѣха они не имѣли. Несогласный съ проектомъ членъ Совѣта остался въ единственномъ числѣ, большинство присоединилось къ предложенію II Отдѣленія. Именно указывали на то, что рѣшеніе Государственнаго Совѣта по дѣлу гр. Разумовскихъ представляетъ исключеніе, и что въ 1826 году по дѣлу маршала Жуковскаго Совѣтъ утвердилъ мнѣніе *мѣстнаго* судебнаго учрежденія, Золотоношскаго уѣзднаго судьи, признавшаго, что даръ на случай смерти есть завѣщаніе. Отсюда большинство выводило что и въ мѣстныхъ обычаяхъ природа даренія на случай смерти не всегда понималась въ томъ смыслѣ, какъ это утверждаетъ „одинъ членъ“. Далѣе, большинство признало, что разъясненіе Статута, состоявшееся въ 1838 г., по поводу Западнаго Свода, должно въ полной мѣрѣ прилагаться къ Малороссіи, а не только къ западнымъ губерніямъ, ибо Совѣтъ призналъ, „что какъ въ томъ и другомъ краѣ дѣйствующій законъ.. есть Литовскій Статутъ, и истолкованіе, данное для западныхъ губерній, должно въ той же мѣрѣ распространяться на Малороссію“.

Большое вниманіе было удѣлено и принципіальной сторонѣ вопроса. Совѣтъ ставитъ общій вопросъ о сравнительной силѣ обычая и закона, какъ источниковъ права.

„Въ духѣ ли нашихъ правительственныхъ и законодательныхъ установленій требовать исполненія закона“ (т. е., въ данномъ случаѣ Статута) „не по точнымъ его словамъ и разуму, а по превратнымъ понятіямъ исполнителей?“ Обычай нигдѣ не имѣетъ силу отмѣнить писанную норму. Признать за нимъ такую силу, „значило бы власть

законодательную передать въ частныя руки". Въ особенности, относительно губ. Черниговской и Полтавской, признаніе за обычаемъ такого значенія приводило бы къ тому, что „дѣла однородныя были бы разрѣшаемы разнообразно: въ *мѣстныхъ* судахъ—по *обычаю*, если бы онъ дѣйствительно тамъ существовалъ, въ *общихъ* и *верховныхъ* судилищахъ Имперіи—по смыслу письменнаго закона, совершенно сему обычаю противоположнаго" [1]). Къ тому же при неясности вопроса, существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ тотъ обычай, на который ссылается „одинъ членъ" большинство Совѣта признало болѣе правильнымъ придерживаться писанной нормы.

Это соображеніе дѣйствительно убѣдительно, и можно считать, что въ данномъ *конкретномъ вопросѣ, о дареніяхъ на случай смерти* мнѣніе большинства создавало наиболѣе удачный выходъ изъ положенія. Но при чтеніи общихъ разсужденій о превосходствѣ писанной нормы надъ обычаемъ, разсужденій, также могущихъ показаться на первый взглядъ убѣдительными, не слѣдуетъ забывать, что рѣчь шла о законѣ, написанномъ тому назадъ триста лѣтъ, и, притомъ, о такомъ законѣ, содержаніе котораго иной разъ приходилось устанавливать путемъ чуть ли не палеографическихъ изслѣдованій текста случайно найденныхъ рукописей.

Не всякое толкованіе исполнителей можно признать „превратнымъ", только потому, что оно не соотвѣтствуетъ тѣмъ выводамъ, къ которымъ пришли изслѣдователи, работавшіе при содѣйствіи богатыхъ пособій. И наконецъ,—и это самое важное—слѣдовало задуматься надъ тѣмъ, можно ли было распространить безъ всякихъ оговорокъ на малороссійскіе законы тѣ постановленія о юридической силѣ (или вѣрнѣе—безсиліи) обычая, которыя сложились въ русскомъ законодательствѣ, не справившись о томъ, какъ само малороссійское право (обязательность котораго *вообще* предполагалась) къ этому относится. Но какъ бы то ни было Государственный Совѣтъ, подавляющимъ большинствомъ голосовъ, утвердилъ мнѣніе II Отдѣленію.

Всѣ записки были заслушаны Департаментомъ Законовъ 19-го января, Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта—23-го марта и утверждены Государемъ 15-го апрѣля 1842 года [2]). Впослѣдствіи, въ 1843 г. 18-го мая, II Отдѣленіе представило въ Государственный Совѣтъ еще одну записку, въ которой доказывало необходимость прямой законодательной отмѣны нѣкоторыхъ правилъ Статута (разд. V,

---

[1]) Отпечатанныя курсивомъ мѣста подчеркнуты въ оригиналѣ.

[2]) Онѣ напечатаны въ Полномъ Собраніи Законовъ подъ №№ 15520—15534.

8 § 1 и 9 § 1), относительно потери приданаго дѣвицей, выходящей замужъ противъ воли родителей и опекуновъ [1]). Но Государственный Совѣтъ совершенно правильно разсудилъ (28-го мая и 7-го іюня 1843 г.), что нѣтъ никакого основанія издавать особый указъ для отмѣны этихъ постановленій Статута, такъ какъ уже тѣмъ самымъ, что они не включены въ Сводъ Законовъ, показывается, что они и не должны имѣть силы. Тѣмъ болѣе, дѣло касалось такихъ нормъ, которыя уже при составленіи Западнаго Свода были признаны несовмѣстными съ общими законами. Въ виду такого рѣшенія Государственнаго Совѣта, эта записка II Отдѣленія не получила дальнѣйшаго движенія.

Но „записки" были представлены въ Государственный Совѣтъ не по всѣмъ статьямъ проекта II Отдѣленіемъ, а только по такимъ, которыя представлялись изъятіями изъ общихъ законовъ. Между тѣмъ, нѣкоторыя статьи мѣстныхъ законовъ II Отдѣленіе не считало возможнымъ признавать за „изъятія". При просмотрѣ Литовскаго Статута нашли въ немъ нѣкоторыя правила, вполнѣ согласныя съ общимъ законодательствомъ, „въ немъ подразумѣваемыя", но прямо не выраженныя. Ихъ не слѣдовало обходить молчаніемъ при кодификаціи, такъ какъ такое умолчаніе можно было бы понимать, какъ прямую отмѣну. А съ другой стороны, разсматривать ихъ въ Совѣтѣ не имѣло смысла, спорныхъ вопросовъ они не могли возбудить, да и не слѣдовало утверждать снова то, что уже имѣло силу закона. Поэтому остановились на среднемъ рѣшеніи: такія статьи были приведены въ проектѣ II Отдѣленія и доведены до свѣдѣнія Совѣта, но въ отдѣльности въ немъ не обсуждались. „Смыслъ постановленій", относящихся къ Малороссіи", говорилось въ „Историческомъ обозрѣніи хода Малороссійскаго законодательства", „часто заключается уже въ статьяхъ Общаго Свода, еще чаще въ постановленіяхъ Малороссійскихъ встрѣчаются такія статьи, коихъ смыслъ можетъ быть извлеченъ изъ сближенія разныхъ статей общаго Свода, но который однако же въ оном прямо не выраженъ, такъ что помѣщеніе подобнаго постановленія лишь для губерній Черниговской и Полтавской могло бы дать поводъ къ заключенію, что смыслъ сихъ постановленій Сводомъ вообще не допускается".

И въ самомъ дѣлѣ, если бы такое правило, которое въ равной мѣрѣ можетъ относиться къ малороссійскимъ и великороссійскимъ гу-

[1]) Объ этомъ см. выше, стр. 201.

берніямъ, въ общемъ сводѣ было предписано только для первыхъ, то являлся бы совершенно естественный выводъ a contrario, что во вторыхъ оно не дѣйствуетъ.

Но въ самомъ представленіи въ Государственный Совѣтъ изъ этого совершенно правильнаго тезиса не сдѣлано никакихъ выводовъ, и не указано никакого конкретнаго выхода изъ затрудненія. Объ этихъ статьяхъ, дѣйствующихъ повсемѣстно, въ представленіи только упомянуто (въ цитиров. выше мѣстѣ), но на утвержденіе Совѣта не было представлено никакихъ опредѣленныхъ предположеній. Объ этомъ Блудову пришлось озаботиться уже впослѣдствіи, когда мѣстныя изъятія вставлялись въ общій сводъ (второе изданіе, такъ назыв. „1842 г.“). Тогда сразу же возникло затрудненіе, какъ прописать цитаты подъ новыми статьями? Вопросъ этотъ оказался вовсе не простымъ; его нельзя было разрѣшить въ кодификаціонномъ порядкѣ, а понадобилось специальное Высочайшее повелѣніе.

По этому предмету Блудовъ представилъ Государю 22-го октября 1842 г. обширный докладъ „о ссылкахъ подъ статьями Литовскаго Статута, внесенныхъ въ Общій Сводъ Законовъ“. Въ этомъ докладѣ описаны различные способы, которыми предполагалось изложить цитаты, въ зависимости отъ характера различныхъ нормъ, выраженныхъ въ статьяхъ. Самыми простыми случаями были, конечно, тѣ, когда включалось „изъятіе“, разсмотрѣнное въ Государственномъ Совѣтѣ и прямо предписанное только для губерній Черниговской и Полтавской. Здѣсь слѣдовало въ ссылкахъ указать только рубрики Литовскаго Статута и Мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ подтверждалось дѣйствіе Статута. Нѣсколько сложнѣе обстояло дѣло съ тѣми правилами Статута, которыя уже однажды были разъяснены авторитетными властями, а въ Сводъ включались въ другомъ значеніи; сюда относилась статья о природѣ права вдовы на наслѣдство послѣ мужа. Сенатъ въ 1806 году квалифицировалъ его какъ собственность, а Государственный Совѣтъ въ 1842 г.—какъ узуфруктъ (см. ст. 1157, прим., X т., изд. 1900 г.). Здѣсь предполагалось сдѣлать ссылки на эти русскіе акты [1]). Такого же рода цитаты слѣдовало, по мнѣнію Блудова, подвести подъ статьи, „содержащія въ себѣ не изъятія изъ общихъ, согласныхъ и съ постановленіями Статута Литовскаго, законовъ, а лишь сдѣланное по онымъ по Мнѣніямъ Государственнаго Совѣта изъясненіе“.

---

[1]) Такъ постановилъ Государственный Совѣтъ. См. П. С. З. № 15521.

Какъ примѣръ такой статьи приводилась статья (теперь 991, X тома) о признаніи дарственныхъ записей на случай смерти—духовными завѣщаніями. Наконецъ, оставалось установить цитаты подъ новыми статьями, которыя выражали вовсе не изъятіе „изъ общихъ законовъ, а только „поясненіе“ ихъ или дополненіе. Иначе сказать, здѣсь имѣлись въ виду именно тѣ новыя статьи, которыхъ въ дословномъ текстѣ въ Общемъ Сводѣ еще не было, но содержавшіяся въ которыхъ правила являлись выводами изъ началъ общеимперскаго гражданскаго права; эти выводы въ Статутѣ были высказаны прямо, а въ Сводѣ Законовъ только подразумѣвались. Между тѣмъ II Отдѣленіе считало полезнымъ ввести ихъ и въ Сводъ Законовъ, для большей ясности, на будущія времена.

Одинъ такой случай, „о недозволеніи дѣтямъ требовать выдачи частей изъ имущества родителей при жизни сихъ послѣднихъ“, былъ представленъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Въ запискѣ по этому предмету сказано слѣдующее: „II Отдѣленіе полагаетъ, что содержаніе предполагаемаго параграфа (38 проекта) не можетъ быть признано изъятіемъ изъ общихъ правилъ, по сему предмету въ Сводѣ находящихся, ибо постановляемое здѣсь узаконеніе совершенно согласно съ значеніемъ приведенныхъ статей (X тома, *перваго* изданія 1835 года) 130 и 594, хотя буквально въ оныхъ не выражено, и потому весьма удобно можетъ служить общимъ дополненіемъ къ симъ общимъ статьямъ“ [1]). Другіе случаи этого рода не были объяснены въ отдѣльныхъ запискахъ. По поводу этихъ статей общаго значенія въ докладѣ Блудова сказано слѣдующее: „Нѣкоторыя изъ сихъ постановленій, какъ я имѣлъ счастье докладывать Вашему Величеству, признаны не изъятіями изъ общихъ законовъ Имперіи, а лишь поясненіемъ ихъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ коренное наше законодательство, довольствуясь главными указаніями, предоставляетъ примѣненіе оныхъ соображенію суда. Подъ заключающими сіи постановленія статьями было бы неблаговидно ссылаться на Литовскій Статутъ, тѣмъ болѣе, что содержаніе оныхъ достаточно показываетъ не только сходство, но даже совершенное тожество ихъ съ нашими отечественными узаконеніями. По сему, въ такихъ случаяхъ, кажется, должно ограничиваться указаніемъ на Мнѣніе Государственнаго Совѣта 15-го апрѣля 1842 года, коимъ утверждена редакція каждой изъ сихъ статей. Но какъ сіи узаконенія должны быть признаваемы не закономъ новымъ,

---

[1]) А. Г. С. дѣло № 5а, 1840. Журналъ Департамента Законовъ, № 19.

а дополненіемъ, или, лучше сказать, выводомъ изъ законовъ существующихъ, то, по мнѣнію моему, необходимо упомянуть о семъ именно въ указѣ, который будетъ поднесенъ къ подписанію Вашему Императорскому Величеству, какъ о новомъ изданіи Свода вообще, такъ и о помѣщеніи особыхъ постановленій, дѣйствующихъ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, въ Общій Сводъ Законовъ Имперіи. Симъ будутъ не только разрѣшены, но предупреждены всякіе вопросы о обязательной силѣ этихъ узаконеній, ибо Основными Государственными Законами, въ ст. 61 Свода, весьма положительно и ясно опредѣлено, что законъ распространяется и на прошедшее время, когда оный служитъ лишь подтвержденіемъ и изъясненіемъ смысла закона прежняго".—Такимъ образомъ всѣ эти вставки въ новое изданіе (второе) Свода Законовъ должны были, по совершенно послѣдовательному разсужденію Блудова, сверхъ всего прочаго, имѣть еще обратную силу. Не лишнее, однако, отмѣтить здѣсь же,—объ этомъ рѣчь будетъ еще и ниже,—одинъ только пунктъ доклада, но за то самый важный, который вызываетъ нѣкоторыя недоразумѣнія, именно тѣ его мѣста, гдѣ говорится о нѣкоемъ Мнѣніи Государственнаго Совѣта отъ 15-го апрѣля 1842 г. Такого „Мнѣнія", безъ спеціальнаго заглавія какъ оно предполагается въ докладѣ, я нигдѣ не нашелъ,—ни въ Полномъ Собраніи Законовъ, ни въ архивныхъ дѣлахъ. И напротивъ, существованіе отдѣльныхъ „Мнѣній" по отдѣльнымъ вопросамъ, „Мнѣній", утвержденныхъ каждое порознь, и имѣвшихъ свою судьбу, свидѣтельствуетъ о томъ, что общаго „Мнѣнія 15-го апрѣля 1842 года" просто не было.

Предположенія Блудова были утверждены Государемъ и во второмъ изданіи Свода Законовъ, „1842 г.", появились новыя статьи, снабженныя этими, можно сказать, продуманными цитатами [1]).

---

[1]) Въ концѣ доклада Блудова приложены образцы различныхъ типовъ цитатъ, которыми онъ полагалъ снабдить вновь вводимыя статьи. Такихъ образцовъ нѣсколько: 1) „Статья, содержащая въ себѣ не изъятіе изъ законовъ общихъ, а лишь поясненіе оныхъ",—приведена нынѣшняя (по изд. 1900 г.) ст. 995, т. X. ч. 1, 2) „Статья, въ коей Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, 15-го апрѣля 1842 г. Высочайше утвержденнымъ, постановляются новыя для губ. Черниговской и Полтавской правила судопроизводства",—приведена статья, теперь уже исключенная изъ X тома, о порядкѣ совершенія записей. 3) „Статья, въ коей по Мнѣнію Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнаго 15-го апрѣля 1842 г., возстановляется первобытный смыслъ Литовскаго Статута, подвергшійся разнообразнымъ толкованіямъ",—указаны тѣ цитаты, которыя имѣются подъ примѣчаніемъ къ ст. 1157, X тома. 4) Статья, содержащая въ себѣ постановленія. Литовскаго Статута, ни въ чемъ въ отношеніи къ сущ-

Остановившись на необходимости мимоходомъ пополнить X томъ новыми статьями, согласными съ общимъ духомъ имперскаго гражданскаго права, II Отдѣленіе оказалось передъ трудной задачей. И рѣшеніе ея, которое было принято, едва ли можно признать вполнѣ удачнымъ. Задача эта заключалась въ слѣдующемъ. При сличеніи Литовскаго Статута съ X томомъ обнаружено, что въ Статутѣ имѣются такія постановленія, которыя полезно было бы включить въ въ Сводъ Законовъ. Изъ этихъ постановленій нѣкоторыя, въ сущности, настолько просты и элементарны, что ихъ можно найти во всякомъ кодексѣ гражданскаго права, болѣе развитомъ, чѣмъ X томъ, а другія—являются только болѣе полнымъ выраженіемъ воспринятыхъ въ X томѣ началъ, или выводами изъ нихъ, которые въ X томѣ прямо не сдѣланы.

Понятно, что II Отдѣленіе желало воспользоваться случаемъ, чтобы нѣсколько подновить и подправить дѣйствующую систему гражданскаго права, тѣмъ болѣе, что эти постановленія Статута *необходимо* было включить въ Сводъ Законовъ, если вообще желательно было сохранить мѣстное малороссійское право во всей его неприкосновенности. Если бы эти правила не были помѣщены въ X томѣ, то это означало бы, что они отмѣнены и для Малороссіи. И совершенно основательно такія правила, содержащія *общія* нормы, предположено было изложить именно въ видѣ таковыхъ, а не въ видѣ спеціальныхъ мѣстныхъ изъятій, чтобы исключить возможность всякихъ толкованій a contrario. Если бы это не было сдѣлано, то являлся бы источникъ новыхъ недоразумѣній. Можно указать на одинъ примѣръ такого недоразумѣ-

ности ихъ не измѣненныя"—это обычныя ссылки, которыя имѣются подъ большинствомъ статей, касающихся губ. Черниговской и Полтавской, гдѣ указана нумерація Литовскаго Статута и ссылка на подтверждающее его Мнѣніе Государственнаго Совѣта. 5) „Статья, содержащая въ себѣ не изъятіе изъ общихъ согласныхъ и съ постановленіями Статута Литовскаго Законовъ, а лишь сдѣланное по" (это слово вѣроятно пропущено въ имѣющемся въ дѣлѣ № 5а 1840 г. копіи съ доклада) „онымъ по Мнѣніямъ Государственнаго Совѣта изъясненіе". Здѣсь указана ст. 991 (по изд. 1900), въ которой предписывается дареніе на случай смерти разсматривать какъ завѣщаніе. Этотъ примѣръ былъ выбранъ не совсѣмъ удачно, если онъ долженъ былъ служить образцомъ для всѣхъ такихъ статей: постановленіе ст. 991 было разъяснено спеціальнымъ Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, утвержденнымъ Государемъ, Мнѣніемъ, которое вошло въ Полное Собраніе Законовъ, и тамъ можетъ быть отыскано. Другія же статьи этого типа, какъ ниже будетъ показано, нельзя возводить къ Полному Собранію, въ которомъ о нихъ ничего не говорится. Слѣдовательно, ст. 991 образчикомъ ихъ служить не можетъ, и правильнѣе было бы указать другую.

нія, случайно проникшаго въ Сводъ Законовъ и до сихъ поръ тамъ остающійся. Именно, въ ст. 2327 т. X (изд. 1900 г.) для *губерній Черниговской и Полтавской* спеціально постановлено, что „повѣренный обязанъ вознаградить убытки, происшедшіе отъ его нерадѣнія въ исполненіи данныхъ ему порученій, а въ случаяхъ злого при томъ умысла, подвергается суду по законамъ". Отсюда вытекаетъ прямое слѣдствіе, что въ *другихъ*, кромѣ спеціально указанныхъ, губерніяхъ повѣренный *не* отвѣчаетъ за убытки и не подлежитъ суду за злой умыселъ. Такой выводъ былъ бы неопровержимъ, суду пришлось бы его принять, такъ какъ матеріальная сторона договора довѣренности въ X томѣ совершенно не разработана, статей, expressis verbis ослабляющихъ этотъ выводъ, въ *десятомъ* томѣ нѣтъ. Это абсурдное заключеніе парализуется только тѣмъ, что оно противорѣчитъ нормамъ уголовнаго права и началамъ общаго ученія о вознагражденіи за убытки, началамъ, которыя можно косвенно извлечь изъ X тома. А въ другихъ случаяхъ могло бы и не оказаться такихъ нормъ, устраняющихъ невѣрное толкованіе, и статья, содержащая *мѣстное* изъятіе, получала бы тотъ смыслъ, что данная норма мѣстнаго значенія свидѣтельствуетъ объ отсутствіи соотвѣтствующаго общаго правила.

Въ этомъ смыслѣ всѣ разсужденія II Отдѣленія совершенно правильны. Надо было или вовсе не вносить общихъ постановленій Статута, или, внеся ихъ, какъ нибудь особенно оговорить. Но оговорить не такъ, какъ это сдѣлано. Ссылка на „Мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 15-го апрѣля 1842 г." пустой звукъ. Такого общаго „Мнѣнія", какъ чего то опредѣленнаго, какъ самостоятельнаго закона въ дѣйствительности нѣтъ, есть 17 „Мнѣній", помѣченныхъ этимъ числомъ, и каждое изъ нихъ касается конкретныхъ правилъ, вполнѣ опредѣленнаго содержанія. Если, напримѣръ, теперь кто нибудь заинтересовался бы узнать, какимъ образомъ попала въ X томъ ст. 428 (изд. 1900 г.), устанавливающая правила, по которымъ опредѣляются границы и права пользованія прибрежныхъ владѣльцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда берега порубежной рѣки получаютъ приращенія отъ наносного песка, или когда рѣка внезапно перемѣнитъ русло, то по цитатамъ онъ ничего не могъ бы установить. Подъ статьей сдѣлана ссылка на пустое мѣсто, на Мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 15-го апрѣля 1842 г., котораго нѣтъ въ Полномъ Собраніи; въ тѣхъ же актахъ, которые напечатаны тамъ подъ этой датой, нѣтъ ни слова объ alluvio или alveus derelictus. Но, пожалуй, въ этомъ

случаѣ изслѣдователь могъ бы утѣшать себя тѣмъ, что правило ст. 428 вытекаетъ почти что изъ „естественнаго права“, что данный казусъ *вообще* трудно разрѣшить иначе, чѣмъ онъ разрѣшенъ.

Но какъ, напримѣръ, объяснить появленіе правила ст. 1548 (X тома), въ силу котораго солидарная отвѣтственность нѣсколькихъ содолжниковъ не презюмируется, а должна быть спеціально оговорена въ самомъ обязательствѣ, и каждый содолжникъ отвѣчаетъ только соразмѣрно своей доли? „Мнѣніе Государственнаго Совѣта 15-го апрѣля 1842 г.“ объ этомъ тоже не содержитъ ничего, а статья эта по сравненію съ первымъ изданіемъ свода — новая. Или, наконецъ, еще болѣе сложный примѣръ. Если бы какой либо пытливый судья, получивъ въ 1845 году новое изданіе Свода Законовъ, полюбопытствовалъ узнать, на какомъ законодательномъ актѣ основана его *новая* обязанность принимать отъ заемщика сумму долга, если платежъ „по какому либо (надо думать—„уважительному“) обстоятельству“ не можетъ быть произведенъ самому заимодавцу, и выдавать квитанціи въ принятіи этихъ денегъ (ст. 2055 X т.), то онъ не нашелъ бы такого акта въ Полномъ Собраніи. А между тѣмъ никакъ нельзя признать, что право должника на депозицію денегъ въ судѣ есть только выводъ изъ сопоставленія нѣсколькихъ другихъ статей Свода Законовъ, и что оно въ нихъ молчаливо подразумѣвается. Въ X томѣ рѣшительно ничего не сказано объ этомъ, напротивъ, это совершенно самостоятельная норма, создающая новыя правомочія для должника и новыя обязанности для судебныхъ учрежденій, и притомъ норма, отредактированная въ очень общихъ выраженіяхъ. Чтобы выяснить эти „какія либо другія обстоятельства“, упомянутой статьи, было бы полезно знать первоисточникъ ея; а какъ же судьѣ догадаться, что статья 2055 буквально повторяетъ § 1082 проекта Западнаго Свода и, какъ тамъ указано, основана на Литовскомъ Статутѣ (IV разд. 99) и сеймовомъ постановленіи 1775 года (Volumina legum, томъ 8, стр. 200)?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, о томъ, какое значеніе имѣютъ такія ссылки на „Мнѣніе 15-го апрѣля 1842 года“, ни въ одномъ распубликованномъ актѣ не говорится. Очевидно, первоначальная мысль Блудова выразить это въ указѣ при распубликованіи малороссійскихъ изъятій, была впослѣдствіи оставлена. Относительно „общихъ“ статей, помѣщенныхъ въ X томъ одновременно съ мѣстными правилами, не сказано ни слова въ указѣ, при которомъ распубликовались книги Свода Законовъ 1842 г. (4-го марта 1845 г., Полное Собраніе Законовъ, № 16584); не

извлечь ничего и изъ указа о введеніи въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской общаго порядка судопроизводства (4-го марта 1842 г., Полное Собр. Зак., № 16585). Можетъ быть впослѣдствіи, т. е., уже послѣ всеподданнѣйшаго доклада Блудова, и было принято какое нибудь специальное рѣшеніе — объ этомъ однако въ архивѣ нѣтъ данныхъ. Но даже если бы подобное рѣшеніе и дѣйствительно имѣло мѣсто, отъ этого дѣло не измѣняется.

При такомъ способѣ цитированія, который былъ принятъ, извращалась основная идея Свода Законовъ. По мысли Сперанскаго, для того и подводились подъ статьи ссылки, чтобы всѣ могли знать, откуда взято то или иное постановленіе. Статья Свода только повторяла, иногда въ измѣненной формѣ, то, что уже сказано въ Полномъ Собраніи; статья и ссылка подъ ней образовывали одно нераздѣльное цѣлое. Благодаря такой системѣ гарантировалось до нѣкоторой степени то, что въ Сводъ включались только *законы*, т. е., такіе акты, которые были утверждены въ установленномъ порядкѣ, а не измышленія кодификаторовъ. Точность кодификаціи могла быть провѣрена всякимъ. И для новыхъ статей надо было сохранить прежній порядокъ, и было бы не трудно сдѣлать это. Для того чтобы выйти изъ затрудненія, создаваемаго общими статьями, взятыми изъ литовско-польскихъ источниковъ, слѣдовало не дѣлать секрета изъ доклада главноуправляющаго II Отдѣленіемъ, а распубликовать его, такъ же какъ распубликованы и многія другія записки II Отдѣленія, — при этомъ, конечно, можно было бы измѣнить его редакцію.

Для мотивированія цитатъ подъ новыми статьями, Блудову пришлось потратить много разсужденій и составить длинный докладъ; это лучшее доказательство того, что онѣ не сразу и не всѣмъ понятны. Съ этимъ слѣдовало считаться.

Между тѣмъ, такихъ статей не такъ и мало въ десятомъ томѣ. Въ дѣйствующемъ теперь изданіи десятаго тома (1900 года) такими недоказательными ссылками на „Мнѣніе Государственнаго Совѣта 15-го апрѣля 1842 г.“ снабжены слѣдующія статьи:

1) Ст. 428, разобранная выше.

2) Ст. 521, по силѣ которой вотчинникъ не лишается права распоряжаться своимъ правомъ собственности, несмотря на то, что его вещь находится въ чужомъ владѣніи на основаніи особаго акта. Эта статья повторяетъ съ незначительными измѣненіями, чисто редакціоннаго свойства, § 429 проекта Западнаго Свода.

3) Пунктъ 4 приложенія къ ст. 694 относительно того, что теченіе

исковой давности противъ лицъ, находящихся въ плѣну, или въ заграничныхъ походахъ, пріостанавливается на время ихъ отсутствія. Аналогичнаго постановленія въ Западномъ Сводѣ нѣтъ; впрочемъ, въ числѣ источниковъ этой статьи указаны и другіе законодательные акты, кромѣ „Мнѣнія Государственнаго Совѣта 15-го апрѣля 1842 г.“.

4) Въ статьѣ 1017, перечисляющей категоріи лицъ, не могущихъ составлять дѣйствительныхъ завѣщаній, указано, что недѣйствительны завѣщанія „1) безумныхъ, сумасшедшихъ и умалишенныхъ *когда они составлены ими во время помѣшательства*“; напечатанныхъ курсивомъ словъ нѣтъ въ изданіи 1835 года (ст. 610). Въ числѣ цитатъ красуется и мистическое „1842 г. апрѣля 15-го, Мнѣніе Государственнаго Совѣта“. О дѣйствительности завѣщаній, составленныхъ въ lucida intervalla, говоритъ § 722 проекта Западнаго Свода.

5) Соотвѣтствующая статьѣ 1054 изд. 1900 г. (относительно лицъ, не могущихъ быть свидѣтелями на завѣщаніяхъ) статья 637 изд. 1835 г. содержала всего 3 пункта, именно, нынѣшніе 1, 2 и 5. Пункты же 3 и 4, въ которыхъ упоминаются „душеприказчики и опекуны, назначенные по духовному завѣщанію“ и „тѣ, которые по закону не имѣютъ права сами завѣщать“, буквально совпадаютъ съ 1-мъ и 3-мъ пунктами § 731 проекта Западнаго Свода.

6) Ст. 1138, трактующая о порядкѣ перехода родовыхъ имѣній въ боковыя линіи, также появилась только послѣ „15 апрѣля 1842 г.“. Она заимствована почти дословно изъ § 758 Западнаго Свода. Правило, въ ней содержащееся, прямо не противорѣчитъ духу X тома; однако, при отсутствіи этой статьи нельзя было бы выводить изъ остальныхъ „что благопріобрѣтенное имущество переходитъ въ родъ отца владѣльца“. Напротивъ, скорѣе слѣдовало бы признать за обѣими линіями, отцовской и материнской, равное право на него. Въ этомъ именно ст. 1138, по сравненію съ *первымъ* изданіемъ Свода законовъ гражданскихъ, представляетъ собой крупное нововведеніе.

7) Статья 1260, напротивъ, не заимствована изъ проекта Западнаго Свода и представляется самостоятельнымъ твореніемъ составителей проекта кодификаціи малороссійскихъ законовъ. Впрочемъ, введенное ею частное постановленіе не содержитъ никакого принципіальнаго новшества.

8) Ст. 1548, разобранная уже выше, (постановляющая, что солидарная отвѣтственность нѣсколькихъ содолжниковъ не предполагается), является только повтореніемъ § 857 проекта Западнаго Свода.

Правило это вполнѣ разумно, и статья 1548 является весьма полезнымъ дополненіемъ скуднаго собранія нормъ X тома, опредѣляющихъ общую часть обязательственнаго права. Однако, это постановленіе все-таки нельзя считать только выводомъ изъ какихъ-либо другихъ статей Свода Законовъ. Это правило новое, и слѣдовало бы его оправдывать не формальной ссылкой на несуществующій законодательный актъ, а „дѣйствительнымъ“ законодательнымъ постановленіемъ.

9) Ст. 2055, относительно судебной депозиціи суммы долга при невозможности для должника уплатить самому кредитору, разобрана уже выше.

10) Ст. 2235, основанная также на „Мн. Гос. Сов. 15 апр. 1842 г.“, содержитъ очень важное правило объ отвѣтственности господъ за убытки, причиненные слугами, отвѣтственности, возлагаемой на первыхъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда убытки произведены по ихъ приказанію. По этому предмету въ первомъ изданіи свода былъ сплошной пробѣлъ, не восполненный окончательно, конечно, и цитированной статьей; впослѣдствіи этого же вопроса снова коснулось законодательство (см. ст. 687, основанную на законѣ 1851 года). Но это постановленіе ст. 2235 тоже никакъ нельзя признать „выводомъ“ изъ общихъ началъ свода, по той простой причинѣ, что никакихъ подходящихъ началъ, изъ которыхъ можно было бы дѣлать выводы, въ сводѣ не содержалось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правило, введенное цитированною статьей, выражено въ такой общей редакціи, что для толкованія ея было бы весьма полезно знать ея источникъ. Изъ цитаты же, конечно, нельзя догадаться, что основана она на Литовскомъ Статутѣ (I, 24, IV, 48, 64, XI, 25, 37) и только повторяетъ § 1112 проекта Западнаго Свода.

Изъ приведеннаго краткаго обзора статей, включенныхъ въ X томъ въ 1842 г., видно, какъ совершенно незамѣтно въ общее законодательство было введено довольно таки много новыхъ и важныхъ идей. Несомнѣнно правильнѣе было бы включить ихъ въ томъ же порядкѣ, какъ помѣщена была въ сводъ ст. 995, введенная спеціальнымъ Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта (№ 15526).

И видно, далѣе, что прямымъ источникомъ откуда онѣ почерпались, являлся проектъ Западнаго Свода. Такое заимствованіе изъ прежнихъ работъ было произведено систематически; оно особенно замѣтно въ спеціальныхъ постановленіяхъ для губерніи Черниговской и Полтавской. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если сличить эти поста-

новленія съ проектомъ Западнаго Свода [1]). Статья 7, т. X, ч. 1 очень близко повторяетъ §§ 273 и 276; ст. 118 дословно соотвѣтствуетъ § 282 (измѣнены лишь заключительныя слова 4 пункта; въ Западномъ Сводѣ сказано просто: „переходитъ къ законнымъ наслѣдникамъ", а въ X томѣ эти наслѣдники исчислены подробнѣе). То же самое можно сказать и про ст. 167; въ ней, по сравненію съ оригиналомъ—§ 298 Зап. Свода, имѣется только одна очень характерная вставка во второмъ пунктѣ: (отъ дѣтей можно отречься) „когда они по злобѣ, *а не для государственной пользы,* свидѣтельствовали противъ родителей въ дѣлахъ уголовныхъ" (вставлены слова, отпечатанныя курсивомъ). Нѣсколько больше самостоятельности замѣтно въ ст. 176, такъ какъ конецъ ея (отъ словъ: т. е. на отца и т. д.) отсутствуетъ въ § 311 Зап. Свода, откуда заимствовано начало. Въ ст. 232 соединены §§ 330, 335, 336 и 337 Зап. Свода [2]); ст. 235 повторяетъ правило § 340; ст. 255 заимствована изъ § 377; въ ст. 258 повторены 2 и 4 пункты § 338, въ ст. 264—§§ 347, 348, 349 и 350 проекта Зап. Свода, въ ст. 285—§ 367. Обширная ст. 295 въ редакціонномъ отношеніи сравнительно болѣе независима отъ Западнаго Свода, хотя и она во многомъ только дословно излагаетъ то, что сказано въ различныхъ параграфахъ его (пп. 1, 2, 3—§ 370, п. 4—378, п. 9 [конецъ]—§ 380). Ст. 400 изложена въ Западномъ Сводѣ иначе (§ 391), къ родовымъ имуществамъ тамъ причислено приданое и имущество, пріобрѣтенное другими способами, такъ сказать, „антиципированнаго" наслѣдственнаго преемства.

Ст. 428 въ сводѣ нѣтъ. Но конецъ ст. 430 взятъ цѣликомъ изъ § 402. Въ X томѣ имѣется за то гораздо болѣе подробныя постановленія относительно угодій, именно, ст. 466; въ ней упоминаются такія постановленія, которыхъ въ Западномъ Сводѣ нѣтъ, и даже болѣе того, нѣкоторыя изъ нихъ измѣнены (ср. напр. п. 4 съ § 412). Эта статья показываетъ, между прочимъ, какъ много особенностей древняго литовскаго права было уничтожено при составленіи Западнаго Свода; въ законахъ губерній Черниговской и Полтавской Статутъ оказался воспроизведеннымъ съ большей полнотой. Нѣтъ также

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи сличенъ съ проектомъ Западнаго Свода X томъ *въ изданіи 1900 года* въ которомъ, конечно, нѣтъ нѣкоторыхъ (немногихъ) статей изд. 1842 г., говорящихъ о крѣпостныхъ людяхъ. Но спеціальныхъ постановленій, касающихся ихъ, въ законахъ губ. Черниговской и Полтавской было очень немного.

[2]) Въ X томѣ, впрочемъ, назначеніе опекуна въ завѣщаніи предоставлено отцу, а въ Западномъ Сводѣ—родителямъ вообще.

въ Западномъ сводѣ и ст. ст. 521 и 540; напротивъ, Западный Сводъ прямо распространяетъ на западный край общія правила о наградѣ за находку (§ 458).

Не говорится въ немъ и объ улиточныхъ записяхъ (прим. къ ст. 710). Этотъ институтъ пріобрѣлъ широкое распространеніе преимущественно въ Малороссіи. Но статья 566 опять текстуально взята изъ § 444 (п. 1) и § 448 (п. 2), такъ же, какъ и пунктъ 7 прилож. къ ст. 694—изъ § 478. Въ ст. 970 соединены §§ 670 и 673, въ ст. 999—§§ 751, 695, 697, 696; въ ст. 1005—§§ 701—708, 710—712, 715, 719; въ ст. 1133—§§ 749, 750, 752, 754—756. Ст. 1055 въ сводѣ нѣтъ. Незначительныя, чисто редакціонныя, измѣненія потерпѣлъ конецъ § 761 (пункты 2 и 3), который теперь воспроизведенъ въ ст. 1139; это можно сказать и про §§ 765, 766—въ ст. 1143; въ ст. 1157 можно прочесть §§ 768, 769, 770, 772, 774—776 (новымъ являются только пункты 4, 9, 10 этой статьи), а въ ст. 1256—§ 788.

Нѣтъ въ Западномъ Сводѣ ст. 1321. Ст. 1459 повторяетъ сказанное въ Западномъ Сводѣ въ § 842 (объ „очисткѣ въ долгахъ“, ср. § 917), ст. 1559—сказанное въ §§ 868, 869; любопытно, однако, что подъ статьей X тома указаны другія ссылки на Литовскій Статутъ (VII, арт. 18 и I, 27, X, 5), чѣмъ въ Западномъ Сводѣ (VII, 7, X, 5, XI, 67). Въ ст. 1584 говорится то же, что и во второй половинѣ § 873, а въ ст. 1586—что въ § 875. Наконецъ, почти дословно взяты изъ Западнаго Свода: 1) ст. 1677 и прим.—изъ §§ 882, 887—890, 886 и прим.; 2) ст. 2016—изъ § 1069; 3) ст. 2032—изъ § 1064; 4) ст. 2038—изъ § 1073; 5) ст. 2247—изъ § 1111 [1]); 6) ст. 2327—изъ § 1126.

Если подвести итогъ этому сопоставленію, то оказываетя, что изъ уцѣлѣвшихъ до 1900 г. статей X тома, которыя были впервые введены въ изданіе Свода Законовъ 1842 года, только 9 самостоятельныхъ статей и нѣкоторые „пункты“ другихъ статей не взяты изъ Западнаго Свода, въ томъ смыслѣ, что въ послѣднемъ не встрѣчаются аналогичныя постановленія. Остальныя же сорокъ четыре статьи (изъ дѣйствующихъ нынѣ) взяты или дословно изъ Западнаго Свода, или представляютъ *пересказъ* соотвѣтствующихъ постановленій его, или иную какую-нибудь редакціонную обработку ихъ. И притомъ, это

---

[1]) Ст. 2247, впрочемъ, изложена въ нѣсколько болѣе сокращенной редакціи чѣмъ § 1111; но, по существу, ничего новаго не содержитъ.

статьи очень обширныя, въ которыхъ подъ однимъ номеромъ опредѣляется, напримѣръ, весь порядокъ наслѣдованія.

Если принять это въ разсчетъ, то получается нѣсколько иное представленіе объ источникѣ, изъ котораго кодификаторы въ самомъ дѣлѣ черпали матеріалы, чѣмъ то, которое должно оставить чтеніе ихъ длинныхъ трактатовъ объ исторіи малороссійскаго права. О томъ, чтобы изученіе „судебной практики" отразилось на статьяхъ проекта, объ этомъ въ дѣйствующемъ правѣ никакихъ слѣдовъ нѣтъ. Только въ немногихъ мѣстахъ были сдѣланы нѣкоторыя редакціонныя измѣненія текста Западнаго Свода, тамъ, гдѣ (какъ напр., въ прим. къ ст. 1157) — толкованія Сената, явно не согласныя съ мѣстной практикой, этого требовали.

А въ остальномъ руководствовались прежними работами. Всѣ вѣрныя мысли, высказанныя по поводу замѣчаній Ляпунова, остались мертвой буквой, сами авторы записки, очевидно, вскорѣ же перестали помнить о нихъ. Мнѣніе Ляпунова было раскритиковано, и на этомъ все и окончилось.

Какъ бы то ни было, во второмъ изданіи Свода Законовъ жители малороссійскихъ губерній уже могли найти свои мѣстные законы собранные въ краткихъ и удобопонятныхъ статьяхъ. Сохраненіе за Малороссіей ея древняго права, повидимому, было встрѣчено мѣстными жителями съ удовольствіемъ. Раздавались, правда, отдѣльные голоса, доказывавшіе, что Статутъ пора уже отмѣнить, въ виду того, что дѣйствіе его не только безполезно для Малороссіи, но даже и вредно, и указывавшіе, что такая отмѣна можетъ послѣдовать въ каждый моментъ, такъ какъ „мнѣніе правительства о Статутѣ невыгодно" [1]. Но эти голоса не нашли сочувствія. Объ удовольствіи жителей свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что 1843 году дворянство опредѣлило испросить разрѣшеніе на отправку депутатовъ для принесенія „Его Величеству благодарности за отеческое попеченіе о пользѣ и благѣ жителей малороссійскихъ губерній, внесеніемъ въ Сводъ Законовъ, издревле существующихъ въ ихъ краѣ, особыхъ законоположеній" [2].

Теперь эти остатки старинныхъ законоположеній разбросаны по разнымъ отдѣламъ X тома, внѣ связи между собой, иногда даже и внѣ внутренней связи съ окружающими ихъ общими статьями.

---

[1]) Таково мнѣніе пирятинскаго предводителя дворянства, генералъ-маіора Селецкаго, приведенное у г. *Теличенко*, „Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права". (Оттискъ изъ *Кіевской Старины* 1888 г. стр. 87 и слѣд.).

[2]) См. цит. статью г. *Теличенко*, стр. 90.

Въ этихъ разрозненныхъ статьяхъ все же можно уловить нѣкоторыя общія начала прежняго права, начала проявляющіяся въ конкретныхъ нормахъ. Г. Боровиковскій [1]) всѣ эти особенности мѣстнаго права, отличающія его отъ общаго, пытается свести къ тремъ категоріямъ. Въ малороссійскомъ правѣ онъ находитъ болѣе выраженное, чѣмъ въ X томѣ, превосходство правъ мужчинъ передъ правами женщинъ, бóльшую подчиненность дѣтей родителямъ и, въ связи съ этимъ, большее значеніе родства и, наконецъ, бóльшую свободу распоряженія имуществомъ вообще. Конечно, не всѣ мѣстныя особенности можно подвести подъ эти рубрики, и нельзя въ точности выдержать границы этихъ рубрикъ. Но *въ общемъ* онѣ не невѣрны и ими отрицательно, по сравненію съ общимъ правомъ имперіи, характеризуется *система* мѣстнáго. Если бы эти остатки существовали только въ видѣ совершенно разрозненныхъ обломковъ, то, конечно, въ нихъ нельзя было бы уловить никакихъ общихъ идей.

Но будучи разбросаны въ разныхъ частяхъ X тома, эти мѣстныя статьи, какъ справедливо указываетъ другой изслѣдователь малороссійскаго права, г. Квачевскій [2]), оторваны отъ своего первоисточника и въ этомъ видѣ не являются точнымъ выраженіемъ Статута.

И дѣйствительно, тѣ данныя изъ судебной практики, которыя онъ приводитъ, свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ несоотвѣтствіи современнаго пониманія статей X тома съ тѣмъ истиннымъ значеніемъ, которое онѣ имѣютъ въ контекстѣ Статута. Но съ этимъ необходимо мириться—институты малороссійскаго гражданскаго права, конечно, должны были измѣниться съ того момента, какъ они попали въ систему общеимперскихъ; общія статьи X тома, естественно, должны были отразиться и на нихъ. И кромѣ того, разумѣется, сложные и многословные артикулы Статута должны были быть видоизмѣнены при кодификаціи: то, что они пріобрѣли въ точности и простотѣ, то они утратили въ детальности.

Но кодификація малороссійскихъ изъятій интересна и для изслѣдователя общаго гражданскаго права имперіи,—она проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на истинные его источники. Теперь уже доказано, что многія статьи обязательственнаго права (да и не обязательственнаго только), тѣ именно, которыя содержатъ постановленія *по су-*

---

[1]) См. его статью въ *Журн. Мин. Юстиціи* за 1867 г. „Объ особенностяхъ гражданскаго права Полтавской и Черниговской губерній", т. 32 и 2, стр. 435 и слѣд.

[2]) *Квачевскій*, „Законы Черниговской и Полтавской губ. и новый судъ", статья въ *Журн. Гражд. и Угол. права* 1875 г., кн. 1 и 2.

ществу, статьи, безъ которыхъ практика обойтись не можетъ, заимствованы изъ сочиненій иностранныхъ юристовъ и иностранныхъ кодексовъ [1]). Этихъ источниковъ нѣтъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, но есть, по крайней мѣрѣ, хоть подъ статьями ссылки на этотъ памятникъ. Въ 1842 году, однако, введены не только не подтвержденныя Полнымъ Собраніемъ статьи, но даже и какія то нереальныя цитаты на нѣчто не существующее—въ X томъ попали статьи самаго неожиданнаго происхожденія [2]).

Для полнаго изученія русскаго гражданскаго права г. Побѣдоносцевъ рекомендуетъ приняться за чтеніе Полнаго Собранія Законовъ, начиная съ перваго тома. „Съ каждымъ томомъ“ говоритъ онъ, „читатель станетъ входить въ силу и живѣе почувствуетъ въ себѣ дра-

---

[1]) По этому вопросу см. статью г. *Винавера* въ *Журн. Мин. Юстиціи*, 1895 г. (октябрь). См., далѣе, по поводу этой статьи замѣчанія проф. *Л. А. Кассо* (*Журн. Мин. Юстиціи*, 1904, мартъ), который исправляетъ и восполняетъ нѣкоторыя положенія г. Винавера. Любопытные выводы изъ сопоставленія истинныхъ источниковъ X тома см. у проф. *М. Я. Пергамента*, Договорная неустойка и интересъ, II изд., стр. 234 и слѣд.; тамъ же приведена и литература вопроса объ источникахъ. См. также статью г. *Бараца* въ *Журн. Гражданскаго и Уголовнаго права*, 1885 г., ноябрь, стр. 45—80.

[2]) Для большей ясности ниже приведены истинные источники статей X тома, которыя имѣютъ общее значеніе, и показаны основанными на Мн. Гос. Сов. 15-го апрѣля 1842 г.

Ст. 521 взята изъ § 429 проекта Западнаго Свода, а этотъ послѣдній показанъ основаннымъ на Лит. Стат. VII, 4 § 2. § 722 проекта Запад. Свода, повторенный съ редакціонными измѣненіями въ пунктѣ 4 ст. 1017 (слова „когда они составлены ими во время помѣшательства“), взятъ изъ Стат. Лит. VIII, 1 § 5. Подъ § 731 Запад. Свода, изъ котораго заимствованы пункты 1 и 3, помѣщенные въ ст. 1054 (пункты 3 и 4), указаны ссылки на Лит. Стат. VIII, 5, § 758, совпадающій со ст. 1138, основанъ на Лит. Стат. III, 17. § 857 Западнаго свода, повторенный въ ст. 1548, взятъ изъ Статута VII, 25. Ст. 2055, повторяющую § 1082 Западнаго Свода, надо возводить къ Лит. Стат. IV, 99 и сеймовому постановленію 1775 года, (Volumina legum, томъ, 8, стр. 200). § 1112 Запад. Свода, дѣйствующій нынѣ въ видѣ ст. 2035, заимствованъ изъ Лит. Стат. I, 24, IV, 48, 64, XI, 25, 37. Номера статей X тома приведены по изд. 1900 г.—Артикулы Статута являются дѣйствительно полезнымъ матеріаломъ для истолкованія этихъ статей; напр, предположенія, при которыхъ допускается депозиція денегъ въ судѣ, описаны въ Статутѣ подробно, и на основаніи ихъ можно точнѣе формулировать принципы статьи. Но другой вопросъ—можно ли при истолкованіи статей восходить къ этимъ дѣйствительнымъ, но не указаннымъ именно въ качествѣ таковыхъ, источникамъ права. Вѣдь Статутъ все же никогда не былъ дѣйствующимъ въ Россіи законодательнымъ памятникомъ и обязательность статей Свода законовъ гражданскихъ обусловлена не заимствованіемъ изъ него.

годнѣйшій плодъ внимательнаго труда—здоровое и дѣльное знаніе, то самое знаніе, которое необходимо для русскаго юриста, и которымъ русскіе юристы, къ сожалѣнію, такъ часто пренебрегаютъ, питаясь отъ источниковъ иноземныхъ“ [1]). Иными словами, ученый авторъ, въ сущности, рекомендуетъ всякому юристу лично продѣлать кодификацію гражданскаго права, на основаніи сырого матеріала, и не довѣрять точности дѣйствующаго „Свода законовъ гражданскихъ“. Однако, какъ ни какъ, а дѣйствуетъ теперь именно этотъ сводъ; его примѣняютъ на практикѣ, на его статьи предписано ссылаться, а не на первоначальные источники. И если сопоставить все то, что извѣстно объ истинныхъ источникахъ X тома, то можно придти къ выводу, что этотъ совѣтъ г. Побѣдоносцева не приведетъ къ цѣли: въ Полномъ Собраніи Законовъ читатель не найдетъ многихъ матеріаловъ, которые въ обработанномъ видѣ составляютъ дѣйствующій законъ.

Теперь, когда уже много десятилѣтій прошло со времени кодификаціи нашего гражданскаго права, теперь нечего особенно жалѣть о нѣкоторой неточности кодификаторовъ, о ихъ склонности вносить въ сводъ такія обобщенія, которыхъ они не нашли въ прежнихъ памятникахъ ни въ чистомъ видѣ, ни въ видѣ отдѣльныхъ выводовъ. Сводъ все-таки составилъ эпоху и переломъ въ исторіи гражданскаго права; на немъ, и только на немъ, основано то живое и жизнеспособное право, которое даетъ и прочный фундаментъ для всякихъ дальнѣйшихъ законодательныхъ улучшеній, и увѣренность въ ихъ исполнимости.

---

[1]) *Побѣдоносцевъ*, Курсъ гражданскаго права, 1892 г. часть I, стр. 745. Этотъ совѣтъ указанъ г. Побѣдоносцевымъ спеціально для изученія вотчиннаго права, но, конечно, онъ не ограничивается только этой областью права.

Цѣна 2 руб.